КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XVI.

Октябрь.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко. аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го сентября 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

IV.

БЛИЗНЕЦЫ.

Всему просвѣщенному міру извѣстно и переизвѣстно, что понедѣльникъ день критическій, или просто тяжелый день и что въ понедѣльникъ всякій болѣе или менѣе образованный человѣкъ не предприметъ ничего важнаго; онъ лучше пролежитъ цѣлый день, хоть бы тамъ, какъ говорится, само дѣло просилось въ руки, онъ перстомъ не пошевелитъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если хорошенько разсудить, если мы изъ-за презрѣннаго серебряника наругаемся надъ священными преданіями старины, что же изъ насъ тогда будетъ? И выйдетъ какой нибудь французъ, или, чего Боже сохрани, куцый нѣмецъ; а о типѣ, или, такъ сказать, о физіономіи національной и помину не будетъ. А по моему нація безъ своей собственной, ей только принадлежащей и характеризующей черты, похожа просто на кисель, и самый безвкусный кисель.

Но увы! не такъ думаютъ прочіе. Напримѣръ, наше военное сословіе далеко отстало отъ современниковъ на пути просвѣщенія; оно, напримѣръ, не вѣруетъ вовсе въ понедѣльникъ и легкомысленно называетъ этотъ священный завѣтъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ бабьими бреднями. Боже мой, Боже: вотъ до чего мы дожили! А попросилъ-бы я усатое сословіе заглянуть, напримѣръ, хоть-бы въ «Писмовникъ» знаменитаго Курганова: тамъ именно сказано, что еще древніе халдейскіе маги и звѣздочеты, а за ними и послѣдователи ученія Зороастрова, неукосненно вѣровали въ критичность понедѣльника; такъ вотъ поди, толкуй съ безпардонною военщиною!

Военный, вполнѣ военный человѣкъ, онъ лучше загнетъ лишній уголъ, или возьметъ у жида лишнюю бутылку самодѣльнаго рому, такъ называемаго клоповика, чѣмъ выпишетъ мудрую какую нибудь книгу. Ну, на что напримѣръ: «Ключъ къ таинствамъ природы» Эккарстгаузена, съ прекрасными рисунками знаменитаго нашего Егорова; такъ гдѣ тебѣ—и слушать не хотятъ!

Я все это рѣчь веду къ тому, терпѣливый читатель, что поругавши освященныя многими, премногими годами вѣрованія предковъ нашихъ, именно въ понедѣльникъ, рано утромъ, изъ уѣзднаго города П. и губерніи тоже П., выступилъ въ походъ не то гусарскій, не то уланскій полкъ, не помню хорошенько; помню только, что сборъ въ трубу трубили, поэтому и надо думать, что полкъ былъ кавалерійскій; а если-бъ былъ пѣхотный, то сборъ били-бы въ барабанъ.

Входитъ и выходитъ изъ села или городка полкъ, это два великія событія, и особенно если полкъ, чего Боже сохрани, простоитъ на квартирахъ хоть нѣсколько дней; тогда выходъ его сопровождается слезами и очень часто самыми искренними слезами. Я это говорю только въ отношеніи прекраснаго пола, а на счетъ мужей и жениховъ я не говорю ни слова. И ни слова также не скажу о выходѣ реченнаго кавалерійскаго полка изъ реченнаго города П., развѣ только, что многія мирныя гражданки провожали полкъ, хотя погода не совсѣмъ благопріятствовала, потому что шелъ затяжной дождь, или, какъ назвалъ его покойный Гребенка, ехидный, сирѣчь мелкій и продолжительный. Но, не взирая на этотъ ехидный дождь, многіе изъ гражданокъ провожали усачей своихъ до села N, другіе до мѣстечка Бориспопя, а остальныя, и самыя безкорыстныя, провожали даже до предѣловъ кіевскихъ, т. е. до переправы на Днѣпрѣ. А когда полкъ благополучно переправился, то и онѣ, поплакавши немного, тоже переправились черезъ Днѣпръ и разбрелись по великому городу Кіеву и скрыли свои преступленія и стыдъ въ глухихъ притонахъ всякаго разврата.

Таковы результаты продолжительной стоянки самаго благовоспитаннаго полка.

Въ тотъ-же понедѣльникъ, поздно вечеромъ, молодая женщина возвращалась въ городъ П. по кіевской дорогѣ и, не доходя до города версты четыре, какъ разъ противъ «Трехбратнихъ» могилъ,

свернула съ дороги и скрылась въ зеленомъ житѣ. Передъ разсвѣтомъ уже она вышла изъ жита на дорогу, неся на рукахъ что-то завернутое въ сѣрую свитку. Пройдя немного по большой дорогѣ, она остановилась у поворота и, подумавши немного, кивнула выразительно головою, какъ-бы рѣшаясь на что-то важное, и пошла быстро по маленькой, поросшей спорышемъ дорожкѣ, ведущей къ хутору стараго сотника Сокиры.

На другой день, по утру рано, т. е. во вторникъ, вышла пани Парасковья Тарасовна Сокириха покормить собственноручно всякую живность, какъ-то: цесарокъ, гусей, куръ и т. д., а голубей будетъ довольствовать самъ панъ сотникъ Никифоръ Өедоровичъ Сокира.

Представьте же ея ужасъ, когда она, выходя на ганокъ, т. е. на крыльцо, изъ покоевъ, увидѣла около ганка сѣрую свитку, шевелящуюся, какъ будто-бы живую. Въ испугѣ ей показалося, что свитка будто-бы плачетъ, какъ дитя. Долго она смотрѣла на сѣрую свитку, слушала, какъ она плачетъ и сама не знала, что дѣлать. Наконецъ рѣшилась пригласить Никифора Өвдоровича.

Никифоръ Өедоровичъ вышелъ, что называется, неглиже, однако все таки въ широкихъ китайчатыхъ красныхъ шароварахъ.

— Посмотри, посмотри, мой голубе, что это у насъ дѣлается, говоритъ испуганная Парасковья Тарасовна.

— Что-же тутъ у насъ дѣлается? Я ничего не вижу, говоритъ Никифоръ Өедоровичъ.

— А свитка, развѣ не видишь?

— Вижу свитку.

— А развѣ не видишь, что она шевелится какъ-будто живая?

— Вижу, такъ что-жъ, пускай себѣ шевелится; Богъ съ нею!

— Каменный ты человѣкъ, развѣ не надо посмотрѣть, отъ чего она шевелится, а?

— Ну, такъ посмотри, коли тебѣ хочется.

— А тебѣ не хочется?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ-же посмотри ты прежде, а потомъ я посмотрю.

— Хорошо.

И съ этимъ словомъ онъ подошелъ къ свиткѣ, развернулъ ее осторожно и—о ужасъ! онъ не могъ выговорить ни слова, только

указалъ выразительно пальцемъ на развернутую свитку и стоялъ въ этомъ положеніи съ минуту, а очнувшись отъ изумленія, вскрикнулъ: Параско!—Старушка бросилась къ нему и также въ изумленіи остановилась передъ развернутой свиткой съ поднятыми руками. Немного постоявъ въ этомъ коми-трагическомъ положеніи, она воскликнула:

— Святый великомучениче Иване Воине, что ты съ нами дѣлаешь?

И обратясь къ Никифору Өедоровичу, сказала:

— Вотъ видишь, я не даромъ видѣла во снѣ двухъ маленькихъ телятъ. Я тебѣ говорила, что что-нибудь, а непремѣнно да случится.

— Ну, благодаримъ тебе, Господи нашъ милосердный, проговорила она, крестясь и бережно поднимая вмѣстѣ со свитой двухъ красненькихъ малютокъ.—Наградилъ таки ты, насъ, Господи, на старости лѣтъ.

— Неси-жъ ихъ, Парасковья, въ домъ нашъ, а я тѣмъ часомъ пошлю въ городъ за Притулихою, пускай она ихъ по своему въ въ травахъ искупаетъ, да, можетъ быть, и еще что нужно имъ сдѣлать.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Посмотри, у нихъ сердечныхъ и пупки зеленою соломинкою перевязаны.

— Ну, такъ отнеси-жъ ихъ, а я пошлю Клима за Притулихою, сказалъ не совсѣмъ спокойно Никифоръ Өедоровичъ и пошелъ отдавать приказаніе.

Надо вамъ сказать, что эта старая добрая чета, проживши много лѣтъ въ мирѣ и благополучіи, не имѣла ни единаго дѣтища, какъ говорится въ сказкѣ о Еруланѣ Лазаревичѣ, «смолоду на потѣху, подъ старость на помогу, а по смерти на поминъ души». Они долго и усердно молились Богу и надѣялись, наконецъ и надѣяться перестали. Они все думали, сердечные, хоть-бы чужое дитя воспитать за свое; такъ что-же будешь дѣлать? Хоть и есть бѣдныя сироты, такъ добрые люди разбираютъ, а имъ не даютъ, потому что они, видите, паны, а съ панича, говорятъ, добра не будетъ. Еще прошлою весною ѣздилъ Никифоръ Өедоровичъ въ мѣстечко Березань, прослышавши, что тамъ послѣ бѣдной вдовы осталось двое сиротъ, мальчикъ и дѣвочка, такъ что-жъ? и тѣхъ

взялъ барышевскій титарь, человѣкъ вдовый и бездѣтный, а богачъ. Такъ и вернулся сотникъ ни съ чѣмъ домой. И вдругъ великой своей благодатью Господь посѣтилъ ихъ праведную, добродѣтельную старость.

Радостно, неизреченно радостно встрѣтили они и проводили вторникъ, а въ середу, передъ вечеромъ, пріѣхалъ къ нимъ искренній другъ ихъ Карлъ Осиповичъ Гартъ, аптекарь изъ П. и, по обыкновенію приложившись къ рукѣ хозяйки и поздоровавшись съ хозяиномъ, понюхалъ изъ раковинной табакерки, которую прислалъ ему въ знакъ памяти другъ его и товарищъ, тоже аптекарь въ Аккерманѣ или Дубосарахъ, Осипъ Карловичъ Шварцъ. Понюхавъ табаку и садясь на скамейку передъ ганкомъ, онъ сказалъ почти по русски:

— У нашъ городѣ новость новость догоняетъ. Сегодня Андрея Ивановича приглашали свидѣтельствовать женское тѣло, случайно найденное въ Альтѣ около вашего хутора, а вы вѣрно ничего не знаете?

Сдѣлавши такой вопросъ, онъ снова открылъ раковинную табакерку и воткнулъ въ нее два пальца. Хозяева значительно переглянулись между собою и молчали, а Карлъ Осиповичъ продолжалъ:

— Да, когда я былъ еще студентомъ въ Дарпатѣ, тамъ тоже тогда стояла кавалерія, а когда вышла изъ Дарпата, такъ тоже три или четыре трупа женскихъ принесли изъ полиціи къ намъ въ анатомическій театръ. Полиціи все равно, она не знаетъ, что для нашей науки удобнѣе мужское тѣло, а женское не такъ удобно: много жиру, до мускуловъ не доберешься.

— Вотъ что, прервала его Парасковія Тарасовна, у меня къ вамъ просьба, Карлъ Осиповичъ, чи не пожалуете вы къ намъ кумомъ? Намъ Господь дѣточекъ даровалъ.

— Какъ-такъ? вскрикнулъ изумленный аптекарь.

— Такъ, просто, около ганку вчера нашли двухъ ангеловъ Божіихъ.

— Удивительно! воскликнулъ снова аптекарь и опустилъ руку въ карманъ за табакеркой.

— А я попрошу еще и Кулину Ефремовну; она тоже нѣмка, вотъ вы и породнитесь.

— Нѣтъ, она совсѣмъ не нѣмка, она только изъ Митавы, но это ничего. Я очень, очень радъ такому случаю.

Карлъ Осиповичъ, обрадованный такимъ пріятнымъ предложеніемъ, не могъ по обыкновенію провести вечера съ своими искренними друзьями, вскорѣ распрощался и уѣхалъ въ городъ, чтобы извѣстить Кулину Ефремовну о предстоящемъ событіи.

Разставшись съ аптекаремъ, старики нѣсколько времени смотрѣли другъ на друга и молчали. Первая нарушила молчаніе Парасковья Тарасовна.

— Какъ ты думаешь, Никифоре, не отслужить ли намъ въ слѣдующую субботу панихиду по утопленицѣ? Вѣдь она, должно быть, ихъ настоящая мать.

— И я такъ думаю, что настоящая. Только нужно будетъ подождать до клечальной субботы, а то Богъ ее знаетъ, можетъ быть она самоубійца, то какъ бы еще грѣха не надѣлать.

— Хорошо, подождемъ! Теперь ужъ не далеко зеленое воскресеніе. Да посмотри, пожайлуста, какого завтра святого, какъ мы назовемъ своихъ дѣтей, вѣдь они обое мальчики.

Никифоръ Ѳедоровичъ досталъ кіевскій «Каноникъ» и, вооружась очками, началъ перелистывать книгу, ища іюня мѣсяца. Найдя мѣсяцъ и число, онъ въ восторгѣ перекрестился и воскликнулъ:

— Парасковіе! Завтра святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ Зосима и Саватія!

— А нѣтъ ли еще другихъ какихъ?

— Да за чѣмъ-же тебѣ другихъ еще? Вѣдь это святые заступники и покровители пчеловодства.—Онъ еще разъ перекрестился, закрылъ книгу и положилъ ее подъ образа.

Нужно вамъ сказать, что Сокира былъ страстный пасичникъ и въ добавокъ искусный пасичникъ. Поэтому жена его и не смѣла сказать, что имена были не совсѣмъ въ ея вкусѣ.

Вскорѣ послѣ этого старики молча повечеряли и, помоляся Богу, разошлися спать: Никифоръ Ѳедоровичъ въ комору, а Парасковья Тарасовна въ свою свѣтлицу, гдѣ, разумѣется, были помѣщены и близнецы.

Такимъ-то важнымъ для добрыхъ стариковъ событіемъ былъ ознаменованъ выходъ кавалерійскаго полка изъ города П.

Для краткости этой исторіи, не нужно было-бы описывать со всѣми подробностями ни хутора, ниже его мирныхъ обитателей, тѣмъ болѣе, что исторія сія весьма мало, такъ сказать, мимоходомъ ихъ касается. Но настоящіе мои герои вчера только увидѣли свѣтъ Божій; такъ что же, спрашиваю васъ, можно сказать интереснаго про нихъ сегодня? А потому-то я, подумавши хорошенько, и рѣшился описать и хуторъ и его мирныхъ обитателей, для того только, чтобы терпѣливый мой читатель или читательница могли ясно видѣть, чѣмъ и кѣмъ было окружено дѣтство и отрочество моихъ будущихъ героевъ. Пословица справедливо гласитъ: «каковъ изъ колыбели, таковъ и въ могилу». А вотъ мы и увидимъ, въ какой степени эта пословица справедлива. Еще говорятъ, что живыя дѣтскія впечатлѣнія такъ живутъ, что умираютъ только вмѣстѣ съ нами и что воспитаніемъ ничего не сдѣлаешь изъ юности, если дѣтство было окружено грубою декораціею и такими же актерами, что дѣтство, проведенное на лонѣ божественной природы и на лонѣ любящей прекрасной матери и христіанина отца,—что такія прекрасныя впечатлѣнія необоримой стѣною станутъ вокругъ человѣка и защитятъ его на дорогѣ жизни отъ всѣхъ мерзостей коловратнаго свѣта.

Посмотримъ, въ какой степени можно вѣрить сей непреложной истинѣ.

Что-бы избѣжать оригинальности, которою такъ любятъ ще гольнуть юные повѣствователи нашихъ дней, которые возлюбили всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ французскія уродливыя повѣствованія, наперерывъ подражаютъ имъ и въ простотѣ юнаго и уже отчасти растерзаннаго сердца вѣрятъ, что они оригинальнѣе самаго полубога А. Дюма (блаженны вѣрующіе!), я, невѣрующій Ѳома, начну старыми словеси повѣствованіе мое тако: сначала опишу со тщаніемъ мѣсто, т. е. пейзажъ; потомъ опишу дѣйствующихъ лицъ, ихъ домашній бытъ, характеры, привычки, недостатки и добродѣтель; а потомъ уже по мѣрѣ силъ приступлю къ драмѣ, т. е. къ самому дѣйствію. Метода или манера это не новая, но за то хорошая манера, а хорошее, какъ говорятъ, не старѣетъ, исключая хорошенькую кокетку, которая—увы! увядаетъ преждевременно. Начнемъ же такъ.

На правомъ берегу, хотя и скудной, но знаменитой рѣки Альты, расположенъ хуторъ стараго сотника Сокиры, верстахъ въ четырехъ отъ города П., словомъ, противъ того самаго мѣста, гдѣ бѣшеный честолюбецъ, окаянный Святополкъ, зарѣзалъ роднаго праведнаго своего брата Бориса. На этомъ же мѣстѣ, по сказанію Конисскаго, совершилась кровавая или Тарасова ночь въ 1630 году. Такъ противъ этого-то святаго мѣста расположенъ хуторъ сотника Сокиры, самъ по себѣ не очень живописный, по причинѣ опрятности, доведенной до педантизма, но за то окрестности окупались чистымъ Рюиздалевскимъ пейзажемъ. Берега Альты устланы зеленымъ высокимъ камышемъ такъ, что самую рѣку и не видно, развѣ только противъ Сокириного хутора. Густые зеленые камыши разрѣзываются на широкомъ пространствѣ группами широко-вѣтвистыхъ вербъ и старыхъ осокоровъ. На лѣвомъ берегу Альты выглядываетъ изъ-за зеленыхъ вербъ небольшая бѣленькая церковь, воздвигнутая иждивеніемъ христолюбивыхъ гражданъ города П. надъ тѣмъ самимъ каменнымъ столбомъ, который знаменовалъ мѣсто убіенія невиннаго Бориса. За оградой церкви, до самаго города, разстилается равнина, засѣянная житомъ и пшеницею и густо уставленная историческими могилами. И чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ могилы выше и гуще, такъ что городскаго валу издали совсѣмъ не видно и весь городъ кажется на могилахъ построенъ. Самъ же городъ П., какъ и вообще города, издали кажется въ туманѣ, но надъ городомъ изъ тумана выходила бѣлая осьми-угольная башня, увѣнчанная готическимъ зеленымъ куполомъ съ золотою главою. Это соборный храмъ прекрасной, граціозной, полу-рококо, полу византійской архитектуры, воздвигнутый знаменитымъ анаѳемой Иваномъ Мазепою въ 1690 году; другая же темная деревянная башня съ плоской осьми-угольной крышей полу-отдѣляется отъ сѣренькаго фону. Это Успенская церковь, прославленная въ 1654 году принятіемъ присяги на вѣрность московскому царю Алексѣю Михайловичу гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ со старшинами и съ депутатами всѣхъ сословій народа украинскаго. Далеко за городомъ синѣютъ высокія днѣпровскія горы.

Геральдическій дубъ дома Сокиры не восходитъ до баснословной вышины и насажденъ въ темной дворянской дубравѣ дѣдомъ Никифора Ѳедоровича, Карпомъ Сокирою, голштинцемъ, который возвра-

тился сюда изъ Петербурга послѣ кончины императора Петра III-го, не по примѣру прочихъ голштинцевъ—нагъ и гладенъ, а съ порядочнымъ мѣшкомъ голландскихъ червонцевъ, съ чиномъ гвардейскаго ротмистра и съ правомъ потомственнаго дворянина. Возвратясь въ свой родной П., онъ къ его великой радости безпрепятственно женился на дочери тогдашняго полковника п—скаго, цыгана Иваненка и получилъ за женою въ приданое хуторъ со всѣми угодьями и нѣсколькими сотнями пахатной и луговой земли на берегахъ рѣчки Альты. Черезъ годъ или черезъ два онъ оставилъ свою молодую жену и годовалаго сына, записался портупей-маіоромъ въ себулдинцы и ушелъ съ полкомъ за предѣлы Малороссіи. Вскорѣ начали себулдинцевъ обращать въ регулярныя войска, чему не мало сопротивлялся и маіоръ Сокира, за что съ прочими супротивниками и былъ казненъ въ четырехъ городахъ, на четырехъ площадяхъ въ одинъ день; право же дворянства было оставлено его малолѣтнему сыну. Такъ трагически кончилъ свою карьеру насадитель родословнаго дуба дома Сокиры, Карпъ Сокира голштинецъ.

Юный Θедоръ Сокира, оставшись единственнымъ наслѣдникомъ правъ и состоянія отца и единственнымъ сыномъ чадолюбивой матери, оказался порядочный мальчикъ, не смотря на заботливость нѣжной матери. Онъ изрядно выучился читать печать церковную и гражданскую, письму и благозвучному церковному пѣнію. и всему этому выучилъ его добронравный соборный дьякъ Степанъ Перепелица, не взирая на всѣ увѣщеванія нѣжнѣйшей матери.

Въ то счастливое время, хотя дворяне и не находили надобности въ просвѣщеніи или, лучше, имъ не приказывали просвѣщаться, однако-жъ юный Θедоръ безсознательно чувствовалъ благо просвѣщенія и неотступно просилъ маменьку, чтобы она отвезла его въ Кіевъ и отдала учиться въ бурсу.

Послѣ долгихъ настоятельныхъ просьбъ сына, маменька наконецъ рѣшилась отвезти его въ кіевскую бурсу. Опредѣливши въ бурсу, отдала его подъ надзоръ тагдашнему инспектору бурсы или академіи, отцу Діонисію Кушкѣ, старцу суровому и богобоязненному; а отдала она его для того подъ надзоръ, чтобы дитя малое не выучилось иногда воровству и разбойству. На бурсацкой скамьѣ, или на подольскомъ базарѣ подружился онъ съ знаменитыми въ послѣдствіи Иваномъ Левандою, Григоріемъ Гречкою и тогда уже

философомъ Григоріемъ Сковородою, а больше ни чѣмъ не ознаменовалась его бурсацкая жизнь. Учился онъ хорошо, а кончилъ тѣмъ, что когда однажды пріѣхали славные запорожцы на подворье свое въ Кіевъ провожать товарища своего Ермолу Кичку въ межигорскій монастырь и устроили брату своему приличное прощаніе со свѣтомъ, т. е. закупили на Подолѣ горѣлку, разлили ее въ ушаты и съ цеховою музыкою пошли торжественно въ Межигорье, потчуя встрѣчнаго и поперечнаго братскою горѣлкою изъ мыхайлыка, а прощавшійся со свѣтомъ братъ, знай себѣ, танцуетъ впереди музыкантовъ, то, прельстяся такою прекрасною картиною, уже несовсѣмъ юный Ѳедоръ Сокира, не долго думавши, спрыгнулъ съ высокой стѣны братскаго монастыря (ворота для такого случая были заперты) и присоединился къ запорожской братіи.

Послѣ этого происшествія слѣдъ его оказался на великомъ запорожскомъ лугу, и въ числѣ запорожскихъ депутатовъ, вмѣстѣ съ Головатымъ, онъ является къ Екатеринѣ Великой; потомъ является на нецеремонномъ обѣдѣ у генерала Текелія, и по уничтоженіи низоваго запорожскаго войска, возвращается благополучно въ городъ Переяславль съ чиномъ капитана и правомъ потомственнаго дворянина.

Отслуживши панихиду по своей матери, онъ зажилъ добрымъ селяниномъ на своехъ родовомъ хуторѣ и въ непродолжительномъ времени женился. Въ это счастливое время возобновилъ онъ свое школьное знакомство съ соборнымъ протоіереемъ Григоріемъ Гречкою, а черезъ него и съ знаменитымъ уже витіею Иваномъ Левандою и уже съ настоящимъ философомъ Григоріемъ Сковородою. А между тѣмъ сынъ его первородный, Никифоръ, выросталъ, а отецъ, заболтавшись съ мистикомъ философомъ, думалъ, думалъ, какъ-бы просвѣтить сына, да не додумавши, взялъ да и умеръ, а юный сынъ, что называется, и остался въ дуракахъ.

Но благому Провидѣнію угодно было заступить прекраснаго и безроднаго юношу отъ мрака невѣжества и, быть можетъ, вывести изъ пучины разврата, и оно послало ему благочестиваго и премудраго просвѣтителя и заступника въ лицѣ отца Григорія Гречки, протоіерея переяславскаго.

Если не можешь ты говорить о ближнемъ добраго, то о худомъ его не говори,—евангельское правило, но увы! не всегда

удобопримѣнимое въ жизни нашей, исполненной грѣха и клеветы; мнѣ же, какъ ретивому поклоннику святой правды, необходимо сказать нѣсколько словъ о матери юнаго Сокиры, такихъ, что хоть-бы и не говорить. Добрая слава для насъ свята, но для женщинъ и тѣмъ паче, она-же къ несчастію не пользовалась доброю славою на всю область переяславскую и была похищена изъ дома родительскаго Сокирою и тайно обвѣнчалась за границею, т. е. за Днѣпромъ, въ Трактемировѣ. Слѣдовательно они сочетались по увлеченію, а бракъ по увлеченію, всѣмъ извѣстно, рѣдко бываетъ счастливъ. Такъ, можетъ быть, кумушки-голубушки отчасти и не совсѣмъ клеветали. Какъ-бы то ни было, но только отецъ Григорій разсудилъ, что лучше будетъ взять «дытыну» на свои руки. И по моему онъ поступилъ благоразумно и великодушно, потому что я плохо вѣрую въ воспитаніе самыхъ добродѣтельныхъ матерей, тѣмъ болѣе, если у нихъ одно единственное дитя.

Такъ какъ юному Сокирѣ подходило къ седмому году, то отецъ Григорій въ одно пасмурное утро продиктовалъ мальчику молитву передъ началомъ ученія и развернулъ предъ нимъ букварь. Каково-же было удивленіе, когда мальчикъ, не запинаясь, прочелъ ему всю азбуку. Добрый знакъ, подумалъ отецъ Григорій и показалъ ему *буки азъ—ба* и т. д. Замѣтивъ вскорѣ понятливость и добронравіе въ мальчикѣ, онъ началъ его учить, кромѣ слявянскаго, еще тремъ языкамъ: еврейскому, греческому и римскому. Онъ, вѣроятно, предполагалъ изъ него сдѣлать доктора по крайней мѣрѣ любомудрія, сирѣчь философіи. Но юноша, не подозрѣвая великихъ плановъ своего великаго учителя, подвизался себѣ втихомолку и на десятомъ году возраста бѣгло читалъ Давида, Гомера и Горація, а на одинадцатомъ году возраста поздравилъ своего начальника съ новымъ годомъ на всѣхъ четырекъ языкахъ, прочитавши ему вирши, написанныя въ кіевской духовной академіи въ честь митрополита кіевскаго Серапіона, на четырехъ языкахъ. Наставникъ, въ восторгѣ обнявши ученика, проговорилъ: «зерно упало на добрую почву»; но все-таки предположеніе сдѣлать изъ Сокиры философа всѣхъ наукъ не сбылось.

На пятнадцатомъ году своего возраста началъ онъ учиться у своего учителя музыкѣ. Отецъ Григорій зналъ, что для вящшаго облагороженія сердца человѣческаго необходима музыка и для того

просилъ письмомъ друга своего философа Сковороду показать своему любимцу начальныя основанія музыки. Философъ не замедлилъ явиться въ П. со своими неразлучными друзьями—съ флейтою и собакою и съ успѣхомъ началъ преподавать сладкозвучіе, и съ такимъ успѣхомъ, что не больше какъ черезъ годъ они уже вмѣстѣ съ ученикомъ распѣвали разные канты и дуэты, а въ день ангела отца Григорія, послѣ ужина, къ великому восторгу гостей, спѣли они, съ аккомпаниментомъ на гусляхъ, сатирическую пѣсню Сковороды, которая начинается такъ:

Всякому городу свій нравъ и права,
Всяка имѣетъ свій умъ голова.....

Сокира мой дѣйствительно дѣлалъ большіе успѣхи въ познаніи музыки, если принять въ соображеніе истинно философскую небрежность преподавателя. Мистикъ-философъ бывало надѣнетъ на себя сѣрую свитку, накроетъ голову соломеннымъ брилемъ, флейту въ руки и маршъ, куда глаза глядятъ, а вѣрный спутникъ его за нимъ. Бывало пойдетъ въ Березань, въ тридцати верстахъ отъ П., по дорогѣ зайдетъ на древнюю высокую могилу, называемую «Выбла», зайдетъ единственно за вдохновеніемъ и почерпнувши изъ нѣдръ ея малую толику сего, богамъ единымъ свойственнаго дара, спѣшитъ дѣлиться сіею благодатью съ другомъ своимъ Акимомъ Лукашевичемъ въ Березани. Проживъ недѣлю у друга, идетъ навѣстить другого, а тамъ третьяго, а черезъ мѣсяцъ, смотришь, онъ уже въ Кіевѣ: сидитъ съ другомъ своимъ Иваномъ Левандою на скамеечкѣ у воротъ и читаетъ импровизированную дисертацію о связи души человѣческой съ свѣтилами небесными, а нашъ витія знаменитый, независимо отъ дисертаціи друга, готовитъ къ слѣдующему воскресенію проповѣдь. Проживъ немало въ Кіевѣ, онъ очутится въ Стайкахъ, а оттуда въ Трахтемировѣ, а тамъ черезъ день и въ Переяславѣ. Преподавши урокъ музыки, снова пускается навѣщать друзей своихъ, только уже черезъ Яготинъ до Полтавы и далѣе.

Гречка намѣренъ былъ уже писать къ Бортнянскому (также своему товарищу по бурсѣ), потому что видѣлъ въ молодомъ Сокирѣ рѣшительный геній музыки и голосъ архангельскій, но судьбѣ угодно было совершенно иначе распорядиться.

Быстро приближался событіями чреватый 1812 годъ, а юному Сокирѣ скончалось 19 лѣтъ со дня рожденія.

Наконецъ разрѣшился отъ бремени своими чудовищными чадами страшный 12-й годъ. Какъ жертва всесожженія, вспыхнула святая Бѣлокаменная, и изъ конца въ конецъ по всему царству раздался кличъ, чтобы выходили и старъ и младъ заливать вражескою кровью великій пожаръ московскій.

Достигъ этотъ судорожный кличъ и до предѣловъ нашей мирной Украины. Зашевелилась она, моя родная мать, зашевелилось охочекомонное и охочепѣшее ополченіе малороссійское. Не выдержалъ мой юноша, разбилъ псалтырь и гусли, бѣжалъ и въ городѣ Пирятинѣ записался въ полкъ подъ начало пирятинскаго полковника Николая Свѣчки.

Узнавши все и вся, Гречка просилъ письмомъ друга своего Николая Свѣчку не покидать его питомца на кровавомъ военномъ поприщѣ, что другъ и исполнилъ, какъ заботливый отецъ. Назначивъ юношѣ первый урядъ, полковникъ Свѣчка съ полкомъ своимъ выступилъ изъ славнаго города Пирятина на супротивнаго Галла и на двадесять языкъ.

Когда полкъ проходилъ черезъ городъ П., то отецъ Григорій во главѣ духовенства встрѣтилъ воинство у стѣнъ града, осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и оросилъ святою водою. Когда же подошелъ къ чаду души своей, то, возведя горѣ полныя слезъ очи, проговорилъ: «Господи, заступи тебя и сохрани тебя!»

Когда кровавыя событія пришли къ желанному концу и зубастаго французскаго звѣря заперли въ англійскую конуру, то и наше славное воинство разбрелось по хуторахъ и селахъ и, сложивъ доспѣхи бранные, взялось за плуги и рала.

Въ половинѣ 15 года возвратился Сокира въ родной свой П. съ чиномъ сотника и къ великой своей скорби не нашелъ въ живыхъ своего благодѣтеля отца Григорія. Онъ нашелъ только въ городской ратушѣ духовное завѣщаніе покойника на свое имя, въ которомъ незабвенный благодѣтель отказалъ ему часть своей библіотеки, состоящей изъ дорогихъ изданій древнихъ классиковъ, еврейскую библію, французскую энциклопедію и рукописный экземпляръ лѣтописи Кониссказо, на первомъ листкѣ котораго было написано собственною рукою преосвященнаго тако: «юному моему другу и собрату Григорію Гречкѣ, доктору богословія и другихъ наукъ, на память посылаетъ смиренный Г. Конисскій».

Кромѣ библіотеки отказалъ онъ ему еще дорогую скрипку и свои любимыя гусли съ изображеніемъ на внутренней части двухъ пляшущихъ пастушекъ съ посошками и пастуха, подъ липою у ручья играющаго на флейтѣ.

Сокира отслужилъ панихиду по праведной душѣ своего благодѣтеля и принесши на опустѣлый свой хуторъ драгоцѣнное наслѣдство (мать его тоже скончалась), началъ приводить свою дѣдовщину въ порядокъ, а уладивши на скорую руку, что могъ, пригласилъ духовенство и сначала освятилъ соборомъ возобновленную оселю, а потомъ соборомъ отслужили панихиду объ успокоеніи душъ отца, матери и всѣхъ ближнихъ родственниковъ и ближайшаго, искреннѣйшаго друга и благодѣтеля отца Григорія. По совершеніи богослуженія, по примѣру предковъ своихъ, онъ накормилъ разнаго чина людей около тысячи душъ, исключая все городское духовенство и шляхетный классъ.

Когда онъ остался на своемъ хуторѣ одинъ, скучно ему стало и долго, нѣсколько мѣсяцевъ, скучалъ онъ и не зналъ, что съ собой дѣлать. Только однажды вечеромъ вспомнилъ онъ святое изреченіе: *недобро быти человѣку едину* и на другой день рано, осѣдлавши коня, поѣхалъ въ Сулимовку. Тамъ у него, когда онъ еще не ходилъ на войну, росла на примѣтѣ маленькая дѣвочка у небогатаго панка. Презрѣвъ обычаи отцовъ, онъ безъ посредства сватовъ переговорилъ съ отцемъ, съ матерью, а также съ невѣстою и, не говоря худого слова, послѣ Рождества Христова и перевѣнчались.

Послѣ такой скоропостижной свадьбы невозможно было разсчитывать на семейныя радости, а вышла благодать, да и благодать то еще какая! Во первыхъ, молодая жена Сокиры красавица, да еще и красавица какая! дай Богъ другому хотя во снѣ увидѣть такую красавицу, а во вторыхъ, самого чистого, непорочнаго сердца и нрава тихаго и покорнаго, однимъ словомъ, надъ нею и внутри ея было Божіе благословеніе. Одно можно было сказать про нее, не то чтобы худое, но немного смѣшное. Ей бѣдной удалось прошедшее лѣто погостить мѣсяцъ у своихъ богатыхъ родственницъ въ мѣстечкѣ Оглавѣ; а родственницы эти только что возвратились изъ Кіева, или, лучше сказать, изъ какого-то кіевскаго пансіона и были чрезвычайно образованы. Тутъ-то она бѣдная и пошатнулась.

Отъ нихъ-то она узнала, что грамотѣ ихъ учатъ не для одного молитвенника, а еще кой для чего, и что высшее блаженство благовоспитанной барышни—это носить лифъ, какъ можно выше, и обворожать кавалеровъ. А пѣсенъ-то, пѣсенъ какихъ восхитительныхъ она у нихъ научилась: и какъ «стонетъ голубокъ«, и какъ «дубъ той при долинѣ, какъ рекрутъ на часахъ», и какъ «пастушка купается въ прозрачныхъ струяхъ, и какъ закричала она ахъ!, увидѣвши нескромнаго пастушка», и даже «о, Фалилей, о, Фалилей», и ту выучила. Да и какъ же не выучиться у такихъ образованныхъ барышень! Она же, волшебница, еще и на гитарѣ играла. Это бросилось въ глаза молодому мужу; но онъ разсудилъ, что самое лучшее не обращать на ея пѣсни вниманія: попоетъ, попоетъ, да и перестанетъ, если некому будетъ слушать ея модныхъ пѣсенъ. А иногда даже и подтрунивалъ, особенно, когда проходилъ день втихомолку безъ пѣсенъ.

— Что же это ты, Параско, скажетъ бывало, сегодня цѣлый день молчишь? Хоть-бы спѣла каккую нибудь иностранную пѣсенку.

— Какую тамъ выдумалъ еще иностранную?

— Ну, хоть какъ та «пастушка полоскалася въ струяхъ».

— Не хочу. Самъ, коли хочешь, пой.

— Хорошо, и я спою.

И онъ медленно раскрывалъ гусли и, тихо аккомпанируя на нихъ, пѣлъ своимъ чарующимъ теноромъ съ самимъ глубокимъ чувствомъ:

«Не ходи, Грицю, на ти вечорныци»...

И когда кончалъ пѣсню, то жена падала въ его объятія и заливалася горчайшими слезами, а онъ тогда говорилъ ей, цѣлуя: «вотъ это настоящая модная пѣсня». Такъ онъ ее мало по малу и совсѣмъ отстранилъ отъ современнаго просвѣщенія, а о богатыхъ и образованныхъ родственницахъ и ихъ модныхъ пѣсняхъ съ тѣхъ поръ и помину не было.

Ласками и насмѣшками онъ довелъ ее до того, что она сама стала смѣяться надъ стрекозиными таліями переяславскихъ панночекъ и по долгомъ размышленіи одѣлась въ національный свой костюмъ, къ величайшей радости своего мужа. И, Боже мой, какъ она хороша была въ родномъ своемъ нарядѣ! Такъ хороша, такъ хороша, что если бы я былъ банкиромъ, по крайней мѣрѣ такимъ, какъ Ротшильдъ, то я иначе не одѣвалъ бы свою баронессу.

Но увы! не всѣмъ намъ судьба судила вкусить въ жизни нашей такихъ великихъ радостей, какими упивался Сокира. И онъ вполнѣ цѣнилъ эту благодать Божію.

Любуясь своей красавицей Параской, онъ не забывалъ и хозяйства. Осмотрѣвши сначала свою дѣдовщину, онъ по долгомъ размышленіи рѣшилъ отдать пахатную землю съ половины сулиминскимъ козакамъ. При хуторѣ крестьянъ не имѣлось. Онъ, правда, и радъ былъ, что ихъ не имѣлось: онъ смотрѣлъ на этотъ классъ нашего народонаселенія истиннымъ филантропомъ. Побережья рѣки Альты оставилъ онъ за собою ради домашней скотины и выкашивалъ тучные луга толокою, въ липовой же рощи и левадѣ, прилегавшей къ самому хутору, рѣшился возобновить отцовскую пасѣку. И это сдѣлалось его любимою мечтою. Да и правду сказать, что можетъ быть невиннѣе изъ всѣхъ промысловъ нашихъ пасѣки? Онъ немедленно написалъ въ Стародубъ, чтобъ къ веснѣ прислали ему пасѣчника,—тогда еще не было Прокоповича, теперь славнаго пчеловода, и слѣдовательно нужда заставляла обращаться къ самоучкамъ пасѣчникамъ.

Учрежденная имъ въ липовой рощѣ пасѣка, съ помошью еленскаго старообрядца, годъ отъ года умножалась и въ продолженіи пяти счастливыхъ лѣтъ умножилась до 5,000 пней. Господь благословилъ его начинаніе, теперь онъ былъ паномъ на всю губу. Пасѣкой своей онъ отстранилъ отъ себя всякое корыстное и необходимое соприкосновеніе съ людьми, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все пошлое и низкое.

Счастливый, стократъ счастливый человѣкъ, умѣвшій отстранить отъ себя все недостойное человѣка и довольствоваться только благомъ, пріобрѣтеннымъ собственнымъ трудомъ! Такой счастливецъ былъ Сокира.

Въ бытность свою въ нѣмецкихъ земляхъ онъ не мимоходомъ замѣчалъ нѣмецкій сельскій быть и теперь принаровилъ его къ своему хутору. Таже нѣмецкая чистота и порядокъ во всемъ. Правда, нашего брата-художника хуторъ Сокиры не поразилъ бы своею наружностью, за то не художника поражалъ порядкомъ.

Изъ всѣхъ славянокъ землячки мои чернобровыя пользуются вполнѣ заслуженной славой опрятныхъ хозяекъ. Но у мадамъ Со-

киры эта статья была доведена до крайней степени. Ей обыкновенно бывало и во снѣ снится, что у нея въ домѣ полъ не вымытъ или въ кухнѣ не смазанъ глиной, такъ чтобы эта дрянь не возмущала ея невиннаго сна, она заставляла Марину каждый Божій день полъ вымыть да еще и выскоблить; и достаточно, кажись, такъ нѣтъ, а еще и кіевскимъ пескомъ посыпать, такимъ пескомъ, какой вы найдете не у всякаго губернатора и въ канцеляріи. Она сама его привозила каждый годъ изъ Кіева, когда ѣздила туда къ 16 августа.

Карлъ Осиповичъ говаривалъ всегда и всякому, что если онъ видѣлъ рай на землѣ, такъ это именно въ домѣ Прасковьи Тарасовны, а больше нигдѣ.

Въ пасѣкѣ отражалась таже чистота и порядокъ, что и въ домѣ. И какъ были кстати тутъ Виргиліевы «Георгики», которыя любилъ прочитывать Сокира, лежа подъ соломеннымъ навѣсомъ. Ни одна душа во всемъ П. не знала, что старый пасѣчникъ (его такъ прозвали за его тихій нравъ и медленную походку) читалъ въ подлинникѣ Виргилія, Гомера и Давида. Примѣрная, удивительная скромность! Я самъ, будучи его хорошимъ пріятелемъ, часто гостилъ у него по нѣсколько дней и, кромѣ лѣтописи Конисскаго, не видалъ даже бердичевскаго календаря въ домѣ. Видѣлъ только дубовый шкафъ въ комнатѣ, и больше ничего. Лѣтопись-же Конисскаго, въ роскошномъ переплетѣ, постоянно лежала на столѣ и всегда заставалъ я ее раскрытою. Никифоръ Ѳедоровичъ нѣсколько разъ прочитывалъ ее, но до самого конца ни разу. Все, всѣ мерзости, всѣ безчеловѣчія польскія, шведскую войну, Биронового брата, который у стародубскихъ матерей отнималъ дѣтей грудныхъ и давалъ имъ щенятъ кормить грудью для своей псарни—и это прочитывалъ, но какъ дойдетъ до голштинскаго полковника Крыжановскаго, плюнетъ, закроетъ книгу и еще разъ плюнетъ.

Разъ какъ-то я пріѣзжаю къ нему съ книжкою «Украинскаго Вѣстника», въ которой были напечатаны Гулакомъ-Артемовскимъ двѣ оды Горація (геніальная пародія!) и, прочитавши оды до Пархома, мы отъ чистаго сердца смѣялись съ Парасковіей Тарасовной, а онъ открылъ дубовый шкафъ, вынулъ оттуда книгу въ собачьемъ переплетѣ и, раскрывая ее, проговорилъ: «а ну, посмотримъ, вѣрно ли оно будетъ съ подлинникомъ». И тутъ-то я только увидѣлъ латиниста, эллиниста и гебраиста и полный шкафъ книгъ, вмѣщаю-

щій въ себѣ словесность всего древняго міра. А онъ, прочитавши вслухъ подлинникъ, закрылъ книгу, поставилъ ее на свое мѣсто и, ходя тихо по комнатѣ, читалъ про себя:

«Пархоме, въ щастьи не брыкай!..»

— Превосходно! И въ точности вѣрно! проговорилъ онъ вслухъ. Я и прежде глубоко уважалъ Никифора Өедоровича за его во всѣхъ отношеніяхъ возвышенный характеръ, а теперь я, благоговѣя, исчезалъ предъ его рыцарскою скромностью.

— Что же это мы всѣ, какъ воды въ ротъ набрали? проговорила Парасковія Тарасовна. Хоть-бы повечерять, пока свѣтло.

— А что жъ, когда вечерять, такъ и вечерять, я и на это готовъ! отвѣчалъ Никифоръ Өедоровичъ.

Ужинъ былъ поданъ на ганкѣ, и къ концу его показалась изъ темнаго П—а полная красавица луна. Мы всѣ трое замолкли и только переглянулись между собою. Картина была такъ хороша, что только въ нѣмомъ благоговѣніи можно было созерцать ее. Меня пригласилъ съ собою Никифоръ Өедоровичъ въ пасѣку ночевать, на что я, разумѣется, и согласился охотно.

Не было другой такой ночи въ моей жизни, да вѣрно и не будетъ. Долго бесѣдовали мы съ нимъ о разныхъ предметахъ и случайно коснулись моей слабой струны, народныхъ нашихъ пѣсень. Ни одинъ професоръ словесности въ мірѣ не прочитывалъ своей лекціи о значеніи, вліяніи и достоинствѣ народныхъ пѣсень такъ, какъ онъ. И съ какой глубокой любовью изучилъ онъ слова и мотивы нашихъ прекрасныхъ задушевныхъ пѣсень!

— Да, говорилъ онъ: послѣ этой трогательной, простой прелести нашихъ пѣсень, что значатъ уродливыя созданія современныхъ намъ романсовъ? Кромѣ безнравственности, ничего болѣе. И чрезвычайно деликатно коснулся пѣсень покойнаго своего учителя музыки, Сковороды. Онъ сказалъ: это былъ Діогенъ нашихъ дней, и еслибъ не сочинялъ онъ своихъ винегретныхъ пѣсень, то было бы лучше. А то, видите ли, нашлись и подражатели: хоть бы и князь Шаховской, или Котляревскій въ своей одѣ въ честь князя Куракина,—сколокъ съ Сковороды. Только та разница, что учитель мой, какъ истинный философъ, никому не льстилъ. Энеида Котляревскаго въ то время еще не была напечатана.

Я, какъ собиратель народныхъ пѣсенъ, много записалъ у него варіантовъ и самыхъ пѣсенъ, нигдѣ мною прежде не слыханныхъ.

Ко всѣмъ его прекраснѣйшимъ качествамъ принадлежитъ его найпрекраснѣйшее качество: онъ былъ въ высшей степени религіозенъ. Любимѣйшимъ его чтеніемъ былъ Новый Завѣтъ. Онъ всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ сознавалъ и глубоко чувствовалъ священныя истины евангельскія. Каждое воскресенье и каждый праздникъ онъ ѣздилъ къ обѣднѣ съ женою въ соборный храмъ Благовѣщенія. Вмѣстѣ съ прекрасной, гармонической архитектурой храма на него дѣйствовало и пѣніе семинаристовъ. Но когда поставили въ храмѣ новый иконостасъ, гармонія архитектуры исчезла, и онъ сталъ ѣздить къ обѣднѣ въ Успенскую церковь, въ ту самую, въ которой въ 1654 году далъ присягу Зиновій Богданъ Хмельницкій со всякаго чина народомъ на вѣрность московскому царю. Но когда возобновляли историческій памятникъ этотъ и изъ шести куполовъ уничтожили пять, экономіи ради, то онъ сталъ ѣздить въ Покрову. Церковь во имя Покрова— неуклюжей и безхарактерной архитектуры, воздвигнута въ знаменіе взятія Азова полковникомъ п—скимъ Мировичемъ, другомъ и соучастникомъ проклинаемаго Ивана Мазепы. Въ этой церкви хранится замѣчательная историческая картина, кисти, можно думать, Матвѣева, если не иностранца какого. Картина раздѣлена на двѣ части: вверху Покровъ пресвятыя Богородицы, а внизу Петръ I съ Екатериной I, а вокругъ ихъ всѣ знаменитые сподвижники его, въ томъ числѣ и Мазепа, и ктиторъ храма во всѣхъ своихъ регаліяхъ.

Прослушавши литургію, Сокира подходилъ къ образу Покрова и долго любовался имъ и разсказывалъ своей любопытной Параскевіи, кто такіе были за люди, подъ кровомъ Божіей Матери изображенные.

Иногда онъ разсказывалъ съ такими подробностями про Даниловича и разрушенный Батуринъ, что Парасковья Тарасовна наивно спрашивала мужа: «за что она его покрываетъ»?

Какъ не переполнена чаша счастія, а всегда найдется мѣсто для капли яду. Для полнаго счастья Сокиры чего бы недоставало? А ему недоставало самого высшаго блаженства въ жизни—дѣтей.

Лѣтъ шесть уже минуло, когда на хуторѣ стараго сотника Сокиры, не взирая на отца протоіерея и прочій чинъ духовный, Никифоръ Ѳедоровичъ вынулъ свою скрипку (потому что гусли не соотвѣтствовали пѣснѣ) и заигралъ, припѣваючи:

Ой хто до кого, а я до Параски...

При чемъ Парасковья Тарасовна плюнула и вышла изъ покоя, а Карлъ Осиповичъ и Кулина Егоровна, не говоря ни слова и также не взирая на чинъ духовный, схватились за руки, да и пошли выплясывать:

O mein lieber Augusten...

И въ тотъ же вечеръ другая пара—кумъ съ кумой, ѣдучи въ городъ отъ Сокиры, пѣли тихонько въ два голоса:

Одна гора высокая,
А другая низька...

А отца протоіерея и братію на ту ночь положили спать въ новой коморѣ, потому что ночь была бурная, такъ что-бъ чего, Боже сохрани, не случилось. Карлъ Осиповичъ и Кулина Егоровна, поплясавши въ свое удовольствіе и сказавши хозяевамъ: «gute Nacht», сѣли въ свою бѣду и поѣхали въ городъ, разговаривая себѣ потихоньку и все по нѣмецки.

То былъ великій и радостный день для бездѣтнаго Никифора Осиповича и Парасковьи Тарасовны: они въ тотъ день окрестили и усыновили двухъ близнецовъ - подкидышей и бучно отпраздновали крестины, такъ бучно, что повивальная бабка долго послѣ того говорила, что родилась, окрестилась и умру—не увижу такихъ хорошихъ крестинъ, какъ были у стараго сотника.

Минуло шесть лѣтъ послѣ такого великаго событія въ домѣ Сокиры, когда передъ вечеромъ сидѣли они, т. е. хозяева, на ганку съ нерушимымъ другомъ своимъ Карломъ Осиповичемъ. Передъ ними на темно - зеленомъ лужку, примыкающемъ къ самой Альтѣ, рѣзвилось двое дѣтей въ красныхъ рубашкахъ, точно два красные мотылька мелькали на темной зелени. Съ крылечка всѣ трое молча любовались ими и казалось, что у всѣхъ трехъ собесѣдниковъ вмѣстѣ съ зрѣніемъ и мысли были устремлены на дѣтей. Послѣ про-

должительнаго созерцанія первая нарушила молчаніе Парасковья Тарасовна.

— Разсудите вы насъ, голубчикъ Карлъ Осиповичъ, что намъ дѣлать? Я говорю, что дѣти еще малыя, а Никифоръ Ѳедоровичъ говоритъ: «это ничего, что малые, а учить надо». Гдѣ же тутъ, скажите таки, Христа ради, правда? Ну еще хоть бы годочекъ подождать, а то думаетъ послѣ Покрова уже и начинать.

— Да, да, давно пора начинать, сказалъ Карлъ Осиповичъ. Я давно думаю объ этомъ.

— Святая Варвара великомученица! Боитесь ли вы Бога, Карлъ Осиповичъ?

— Боюсь, очень боюсь, Парасковья Тарасовна, и скажу вамъ, что когда мнѣ было только пять лѣтъ, то я уже читалъ наизусть кой-что изъ Шиллера. Покойный Коцебу сказалъ разъ, когда я ему прочиталъ его стихи наизусть, что изъ меня будетъ великій поэтъ а на дѣлѣ вышелъ маленькій фармацевтъ. Вотъ что, Парасковья Тарасовна, и великіе люди иногда ошибаются.

— Да это ничего, пускай себѣ ошибаются, только разсудите сами: послѣ Покрова!

— Да, да! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Ну, догадалась же я, у кого защиты просить, подумала Парасковья Тарасовна, но не проговорила, а Карлъ Осиповичъ, нюхая табакъ, приговаривалъ:

— Да, да, надобно учить! Ваша пословица говоритъ, что за ученаго двухъ неученыхъ даютъ, да и то не берутъ.

— Такъ вотъ что: мы васъ, Карлъ Осиповичъ, слушаемъ, какъ самого Бога. Подождите, мои голубчики, хоть до Филиповки; тамъ дастъ Богъ постъ—время такое тихое, имъ, нашимъ рыбочкамъ, все таки легче будетъ.

— До Филиповки, какъ вы думаете, Карлъ Осиповичъ, можно подождать? проговорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ.

— Нельзя. Жизнь коротка, а наука вѣчна, говоритъ великій Гёте.

— Господи, что я надѣлала? подумала Парасковья Тарасовна. Зачѣмъ я ему говорила о дѣтяхъ? Теперь ужъ, я знаю, добра не будетъ. Ну ужъ вы тамъ себѣ какъ хотите, проговорила она въ слухъ, а я вамъ до Филиповки не дамъ дѣтей мучить.

— Хоть колъ на головѣ теши, а она свое, проговорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ: и скажи, откуда ты такой натуры набралась?

— Да отъ васъ же и набралась: вы по моему ничего не хотите сдѣлать, то я и по вашему также не хочу.

Въ это время дѣти подбѣжали къ крыльцу, и Карлъ Осиповичъ, лаская ихъ, спросилъ:

— Ну, что ты, Зося, хочешь грамотѣ учиться?

Зося бойко сказалъ: хочу.

— А ты, Ватя, тоже хочешь учиться грамотѣ?

— Тоже хочу, отвѣчалъ запинаясь Ватя.

— Вотъ видите, Парасковья Тарасовна, а вы останавливаете ихъ стремленія.

— Да ну васъ съ Богомъ, Карлъ Осиповичъ! я уже не останавливаю васъ. Только надо придумать, говорила она, цѣлуя и обнимая дѣтей, какъ это все устроить.

— Это правда, сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ. Вотъ что, Карлъ Осиповичъ. Вы живете въ городѣ и по профессіи своей встрѣчаетесь съ разнаго класса людьми. Не встрѣтится ли вамъ иногда семинаристъ, хоть и не очень ученый, только бы не бойкій, договорите его для нашихъ дѣтей.

— Съ большою радостью буду искать такого человѣка. У меня есть одинъ знакомый семинаристъ, большой охотникъ химическіе опыты дѣлать. Ну, такой не годится, а я у него буду выспрашивать.

— Сдѣлайте милость, Карлъ Осиповичъ. Вотъ мы ихъ и засадимъ за *тму*, *мну*, моихъ голубчиковъ, говорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ, лаская дѣтей.

Объ этихъ дѣтяхъ, какъ о будущихъ герояхъ моего сказанія, я долженъ бы по больше распространиться, но я не знаю, что можно сказать особеннаго о пятилѣтнихъ дѣтяхъ. Дѣти, какъ и вообще дѣти: хорошенькія, полненькія, румяныя, какъ недоспѣлая черешня, и больше ничего. Развѣ только, что они похожи другъ на друга, какъ двѣ черешневыя, едва зарумянившіяся ягоды.

Послѣ взаимныхъ пожеланій спокойной ночи, Карлъ Осиповичъ сѣлъ въ свою «бѣду» и уѣхалъ въ городъ, а Никифоръ Ѳедоровичъ, благословивши на сонъ грядущій дѣтей, пошелъ въ свою пасѣку, а Парасковья Тарасовна, уложивши дѣтей и прочитавши молитвы на сонъ грядущій, зажгла ночникъ и тоже отошла ко сну.

По обыкновенію своему Парасковья Тарасовна къ 16-му августа отправилась въ Кіевъ и, возвратясь изъ Кіева, между прочими игрушками и святыми вещами, какъ-то: шапочками Ивана Многострадальнаго, колечками Варвары Великомученицы и многимъ множествомъ разной величины кипарисовыхъ образковъ, отдѣланныхъ искусно фольгою, и между прочими рѣдкостями показала дѣтямъ никогда прежде непривозимыя для нихъ игрушки. Да съ виду они и не похожи на игрушки, а просто двѣ дощечки, обернутыя кожею. Каково же было ихъ удивленіе, когда они развернули дощечки и тамъ увидѣли зеленые толстые листы бумаги, испещренные красными и черными чернилами. Радости и удивленію ихъ не было конца. Невинныя созданія! не знаете вы, какое зло затаено въ этихъ разноцвѣтныхъ каракуляхъ! Это источникъ вашихъ слезъ, величайшій врагъ вашей дѣтской и сладкой свободы, словомъ это букварь.

Въ ожиданіи 1-го октября Парасковья Тарасовна сама исподоволь стала учить разумѣть таинственныя изображенія и за каждую выученную букву платила имъ сладкимъ кіевскимъ бубличкомъ. И къ не малому ея удивленію, дѣти черезъ нѣсколько дней читали наизусть всю азбуку. Правда, что и наволочка съ бубличками почти опустѣла, что и заставило Парасковью Тарасовну пріостановить преподаваніе. Да при томъ же, думала она, близко и Покровъ, такъ пускай же они, мои голубята, хоть это малое время на волѣ погуляютъ.

Свѣтлый горизонтъ юной свободы моихъ героевъ покрывался тучами. Гроза быстро приближалась и наконецъ какъ разъ на Покровъ, часу въ 9-мъ утромъ, разразилась громомъ Карла Осиповича »бѣды» и явленіемъ самаго Карла Осиповича, а за нимъ—о ужасъ! явленіемъ чего-то длиннаго въ затрапезномъ халатѣ и старой коротокой фризовой шинели (вѣроятно, шитой на выростъ). Это былъ никто другой, какъ самъ свѣточъ, или проще учитель, вырытый Карломъ Осиповичемъ изъ грязныхъ семинарскихъ аудиторій.

Степанъ Мартыновичъ Левицкій—лицо соприкосновенное къ сему повѣствованію, то не мѣшаетъ и о его персонѣ сказать словъ нѣсколько.

Онъ былъ одинъ изъ многихъ сыновей бѣднѣйшаго изъ всѣхъ на свѣтѣ дьяконовъ—отца діакона Мартына Левицкаго, не помню

хорошенько—изъ Глемязова или изъ Иркліева, только помню, что золотоношскаго повѣта.

Странны и непонятны распоряженія судьбы людской. Хоть такое напримѣръ, можно сказать, дикое распоряженіе: Никифору Ѳедоровичу, человѣку достаточному, не послать за всѣ его молитвы ни единаго, что называется, чада, а бѣдно-бѣднѣйшему діакону завалить ими и безъ нихъ тѣсную хату. И какъ на смѣхъ, одно другого глупѣе и уродливѣе. Хоть-бы, напримѣръ, предстоящій теперь предъ лицемъ Никифора Ѳедоровича научитель: безобразно длинная, тощая фигура съ такими же неуклюжими костлявыми руками, лицо опойковаго цвѣта съ огромнѣйшимъ носомъ, выдавшимся впередъ длиннымъ, заостреннымъ подбородкомъ и съ немалыми висячими ушами, и, въ добавокъ, съ распухшей нижней губой, такъ что очертаній рта нельзя было опредѣлить; очертанія глазъ тоже опредѣлить трудно, потому что очи были заплывши отъ сновидѣній. Внутреннія достоинства Степана Мартыновича были въ совершенной гармоніи съ наружными. Такъ, напримѣръ, спросилъ его однажды профессоръ на экзаменѣ: «а ты, Степа, скажи, что помнишь: я и тѣмъ буду доволенъ». И Степа, подумавши не мало, сказалъ: «я помню, какъ былъ пожаръ за Трубежемъ, да еще потомъ у Андрушахъ». «Ну хорошо, Степа; съ тебя и этого достаточно»! Онъ никогда не просился на праздники домой, зная хорошо, что праздники обходятъ ихъ полу-разрушенную хату, а проводилъ праздники въ тѣхъ же холодныхъ грязныхъ классахъ, гдѣ провожалъ и Великую четыредесятницу. Случилось какъ-то, что еще нѣсколько товарищей осталось на праздникъ въ семинаріи; и какъ добрыя дѣти, послали своимъ родителямъ по письменному поздравленію съ праздниками, прося въ заключеніе витіеватаго посланія прислать имъ къ празднику того-сего по мелочи. По примѣру братіи и Степа вздумалъ рукосотворить посланіе своимъ нищимъ родителямъ словеси такими:

«Дражайшіе родители!

При отпускѣ сего листа изъ сѣвернаго города, богоспасаемаго Переяслава, я остаюся вашъ сынъ»... и подумавши прибавилъ: «я поздравляю васъ съ наступающими праздниками и желаю, чтобы вы мнѣ ради Рождества Христова прислали хоть ворочекъ пшена да кусокъ сала, а изъ лакомства хоть шкаповые сапоги и».... Тутъ

онъ опять задумался, а коварный другъ его, Лука Нестеровскій, подкрался, да и и выхватилъ недоконченное письмо, показалъ его своей братіи,—и пошла потѣха. Съ тѣхъ поръ его иначе и не звали, какъ «пожаръ въ шкаповыхъ сапогахъ», а онъ себѣ хоть бы слово кому сказалъ, такъ молчкомъ и отдѣлался.

Пока рекомендовалъ Карлъ Осиповичъ своего protégé Никифору Ѳедоровичу, наймичка Марина внимательно смотрѣла на новое лицо и, разсмотрѣвши его хорошенько, толкнула тихонько Параскевью Тарасовну и шопотомъ спросила, показывая глазами на Степана Мартыновича:

— Чи воно живе?

— Живе, отвѣчала та и вышла изъ покою, а за нею и Марина послѣдовала.

— Вы мою просьбу переборщили, Карлъ Осиповичъ! Я просилъ васъ рекомендовать для дѣтей нашихъ учителя только не бойкаго, а вы привезли какого-то «дида».

— Ничего лучше быть не можетъ для обученія алфавиту малыхъ дѣтей, Никифоръ Ѳедоровичъ,—говорилъ Карлъ Осиповичъ. Для этого нуженъ только говорящій автоматъ, больше ничего. А гдѣ вы найдете, позвольте вамъ сказать, лучше этого экземпляра? Это просто золото для вашихъ малютокъ.

— Быть по вашему. Такъ мы сегодня только уговоримся, а съ завтрашняго дня и начнемъ съ Богомъ.

— А почему же не сегодня? спросилъ Карлъ Осиповичъ.

— Потому,—не во гнѣвъ вамъ будетъ сказано,—что горбатаго только могила исправитъ. Вы, что съ вами ни дѣлай, какъ родились нѣмцемъ, такъ и въ могилу сойдете тѣмъ же нѣмцемъ.

— А вы, небось, пойдете въ могилу туркомъ или французомъ?

— Я дѣло другое. Я, слава Богу, живу дома, а вы, Карлъ Осиповичъ, на чужой сторонѣ, слѣдовательно и не должны забывать, что у насъ сегодня большой праздникъ, а въ нашемъ приходѣ еще и храмовой.

— Такъ вы, значитъ, ѣдете помолиться Богу. Хорошее дѣло, а я привезу вамъ его завтра рано. На счетъ-же платы мы уже съ нимъ условились: карбованецъ въ мѣсяцъ и два гарнца пшена, а по окончаніи азбуки, халатъ хоть какой нибудь да пару сапоговъ. Согласны?

— Съ удовольствіемъ.

И они разстались.

На другой день, т. е. 2-го октября явился Степа одинъ на хуторъ и, прочитавъ обычную молитву, принялся за дѣло. И съ той поры каждый Божій день, какая-бы погода ни стояла, дождь ли, снѣгъ ли, ни на что не смотря, шагалъ нашъ педантъ изъ хутора и на хуторъ, по утру и въ вечеру, не прибавляя и не убавляя шага, какъ заведенная машина. Ученіе букваря, благодаря понятливости дѣтей, быстро двигалось впередъ. и Никифоръ Ѳедоровичъ, къ великому удовольствію своему, на дѣлѣ увидѣлъ справедливость замѣчаній Карла Осиповича и многажды благодарилъ его за машину. И странная вещь! дѣти до того рѣзвыя, что не токмо Парасковья Тарасовна, самъ Никифоръ Ѳедоровичъ не могъ ихъ успокоить, а только являлся учитель во дворъ, они дѣлались такими же безмолвными и недвижимыми, какъ и онъ самъ, и въ продолженіи урока сидѣли какъ заколдованные, не смѣя даже согнать мухи съ носа. А между тѣмъ отъ учителя они въ продолженіи урока слова не слыхали посторонняго, и это-то, я полагаю, и была причина ихъ околдованія.

Къ 1-му декабря, т. е. въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ былъ выученъ букварь до послѣдней буквы, даже и «иже хощетъ спастися». Прослушавши отъ учениковъ своихъ послѣдній урокъ, Степа торжественно всталъ, взялъ ихъ за руки и, подведя къ Никифору Ѳедоровичу, сказалъ:

— Букварь пришелъ къ концу; проэкзаменуйте!

— Безъ всякого экзамена вѣрю. Но что мы будемъ дѣлать дальше, добрѣйшій нашъ Степанъ Мартыновичъ? Не возьметесь ли вы до праздника показать имъ гражданскую грамоту?

— Могу показать; даже можно начать хоть сегодня, только бы азбучка была.

— Нѣтъ, сегодня и завтра пускай они погуляютъ, а начнемъ послѣзавтра.

— Хорошо, сказалъ Степа, взялъ картузъ и поковылялъ въ городъ. На лицѣ его замѣтно было что-то въ родѣ самодовольствія. Придя въ городъ, онъ явился въ аптеку и, увидя Карла Осиповича, сказалъ съ разстановкою: «совершилъ!».

Карлъ Осиповичъ дружески пожалъ его костлявую руку, благодаря за услугу, и попросилъ его остаться обѣдать, забывая, что Степанъ Мартыновичъ никогда ни съ кѣмъ вмѣстѣ не обѣдалъ;

даже въ общей столовой бралъ себѣ обыкновенно галушекъ въ миску и отходилъ въ уголъ.

Простившись съ Карломъ Осиповичемъ, вышелъ онъ на площадь, держа въ рукѣ полученные за труды два карбованца (халатъ, сапоги и прочая онъ прежде получилъ). Ходя по базару, онъ останавливался, смотрѣлъ вокругъ себя и снова продолжалъ шагать по базару. Пройдя чрезъ базаръ, онъ машинально пошагалъ за Трубежъ, осмотрѣлся вокругъ, своротилъ на золотоношскую дорогу и передвигая медленно ноги, скрылся за Богдановой могилой.

Не мало изумилися на хуторѣ, когда въ назначенный день не явился учитель и не могли придумать, чтобы это значило. Въ вечеру пріѣхалъ на хуторъ Карлъ Осиповичъ. Къ нему обратились съ вопросомъ, но и онъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Онъ только удивился такой неаккуратности.

Карлъ Осиповичъ справился въ семинаріи, но тамъ забыли, какъ и зовутъ. Только школьникъ какой-то закричалъ: это, должно быть, «пожаръ въ шкаповыхъ сапогахъ». Вся аудиторія громко засмѣялась. Карлъ Осиповичъ съ тѣмъ, разумѣется, и вышелъ.

Наконецъ 6-го декабря, рано утромъ явился Степанъ Мартыновичъ на хуторъ, прося извиненія за отлучку.

— Гдѣ же вы были? спросилъ его Никифоръ Ѳедоровичъ.

— Носилъ родителямъ въ Глемязовъ деньги.

— Какія деньги?

— А что отъ васъ получилъ. Мои родители васъ благодарили за покровительство.

Никифоръ Ѳедоровичъ съ умиленіемъ посмотрѣлъ на его неуклюжую фигуру. Онъ никогда не позволялъ себѣ никакихъ надъ нимъ шутокъ, но послѣ путешествія его въ Глемязовъ смотрѣлъ на него съ уваженіемъ. Занятія его пошли обыкновеннымъ порядкомъ. Къ праздникамъ дѣти довольно бѣгло читали гражданскую печать и даже выучили наизусть виршу поздравительную (это уже были затѣи). Пришелъ наконецъ и «святъ вечеръ». Хозяева пригласили учителя вмѣстѣ съ ними святую вечерю ѣсть. Тутъ уже онъ не могъ отказаться; а передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, позвалъ его Никифоръ Ѳедоровичъ въ свою комнату, возложилъ на рамена его новый демикитоновый сюртукъ и вручилъ ему три карбованца. У

Степы слезы показались на глазахъ, но онъ вскорѣ оправился и сѣлъ за вечерю.

Ночь передъ Рождествомъ—это дѣтскій праздникъ у всѣхъ христіанскихъ народовъ, но только празднуется разными обрядами: у нѣмцевъ—ёлкой, у великороссіянъ—тоже; у насъ же послѣ торжественнаго ужина, посылаютъ дѣтей съ хлѣбомъ, рыбой и взваромъ къ ближайшимъ родственникамъ; а дѣти, придя въ хату, говорятъ: «святый вечиръ! Прислали батько й мати до васъ, дядьку, й до васъ, дадино, святу вечерю», послѣ чего съ церемоніей сажаютъ ихъ за столъ, уставленный разными постными лакомствами и потчуютъ ихъ, какъ взрослыхъ; потомъ перемѣнятъ имъ хлѣбъ, рыбу и взваръ и церемонно провожаютъ. Дѣти отправляются къ другому дядѣ, и когда родня большая, то возвращаются домой передъ заутреней, разумѣется, съ гостинцами и съ завязанными, въ родѣ пуговицъ, въ рубашку «шагами».

Мнѣ очень нравится этотъ прекрасный обычай. У насъ была родня большая. Бывало, посадятъ насъ въ сани да и возятъ по гостямъ цѣлую ночь.

Я помню трогательный одинъ «святый вечиръ» въ моей жизни. Мы осенью схоронили свою мать, а въ «святый вечиръ» понесли вечерю къ дѣдушкѣ и сказавши: «святый вечиръ! Прислали до васъ, диду, батько и....» всѣ трое зарыдали; намъ нельзя было сказать: «и мати».

Послѣ ужина просили Никифоръ Ѳедоровичъ и Парасковья Тарасовна Степана Мартыновича отвезти съ дѣтьми вечерю къ Карлу Осиповичу. Онъ, разумѣется, не отказался, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ на себѣ новый демикотоновый сюртукъ. Возвратясь благополучно изъ города съ дѣтьми, пригласили его ѣхать вмѣстѣ къ заутрени. Прослушавъ заутреню у Покрова, Степанъ Мартыновичъ къ обѣднѣ пошелъ въ соборъ, гдѣ, разумѣется, были и оставшіеся на праздники семинаристы; а чтобы торжественнѣе блеснуть своимъ сюртукомъ, онъ выпросилъ у пономаря позволеніе снимать со свѣчей во время обѣдни. И въ Степѣ пошевельнулися страстишки!

Когда послѣ праздниковъ явился на хуторъ Степа, его не узнавали: онъ переродился,—началъ говорить, чего прежде за нимъ и не подозрѣвали. Спросили его, какъ онъ во время праздниковъ веселился?—Весело,—говоритъ; у кого бывалъ?—Родителей, гово-

ритъ, посѣтилъ. Онъ опять спутешествовалъ въ Слемязовъ, чтобъ оставить тамъ подаренные къ празднику три карбованца, а вмѣстѣ съ тѣмъ блеснуть своимъ новымъ сюртукомъ.

Мало по малу въ немъ начали (кромѣ букваря) обнаруживаться и другія познанія. Оказалось, что онъ четыре правила ариѳметики знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, только безсознательно; русскую грамматику знаетъ на хуже самаго профессора, только безприменительно, да для хорошаго учителя это и лишнее.

Великое дѣло—поощренія! Одни только геніальныя натуры могутъ собственными силами пробить грубую кожу холоднаго эгоизма людскаго и заставить обратить на себя изумленныя глаза толпы. Для натуры обыкновенной поощреніе, какъ дождь для нажити. Для натуры слабой, уснувшей, какъ Степа, одно простое вниманіе, слово ласковое освѣщаетъ, какъ огонь угасшую лампаду. Демикотоновый сюртукъ и болѣе ласковое обращеніе Никифора Ѳедоровича разбудили слабыя, спавшія силы души въ неоконченной организаціи Степана Мартыновича. Въ немъ оказались не только способности простаго учителя, но онъ оказался еще и латинистъ немалый. Хотя тоже въ родѣ автомата, но довольно внятно читалъ онъ для Никифора Ѳедоровича въ пасѣкѣ, подъ липою лежа, Тита Ливія.

По ходатайству Никифора Ѳедоровича, преосвященный Гедеонъ далъ ему стихарь и мѣсто дьячка при церкви св. Бориса и Глѣба, что противъ хутора. Съ тѣхъ поръ Степанъ Мартыновичъ зажилъ паномъ и до того дошелъ, что кромѣ юфтовыхъ сапоговъ, никакихъ не носилъ; въ домѣ же Никифора Ѳедоровича онъ сдѣлался необходимымъ членомъ, такъ что безъ него въ домѣ какъ-будто чего недоставало. Правда, что въ немъ остроты и бойкости мало прибыло, но выраженіе лица совершенно измѣнилось: оно какъ-будто освѣжилось, успокоилось и сдѣлалось невыразимо добрымъ, такъ что, глядя на его лице, не замѣчаешь дисгармоніи линій, а любуешься только выраженіемъ.—Великое дѣло сдѣлалъ ты своимъ сюртукомъ и трема карбованцами, Никифоръ Ѳедоровичъ! Ты изъ ідіота сдѣлалъ существо, если не высоко мыслящее, то глубоко чувствующее.

Зося и Ватя между тѣмъ учились и росли. А росли они, какъ сказочные богатыря, не по днямъ, а по часамъ, а учились они

тоже богатырски. Но тутъ нужно принять въ соображеніе учителя. Степанъ Мартыновичъ показывалъ имъ не по своему разумѣнію, а какъ напечатано, и самъ себѣ говорилъ иногда: «не я буду виноватъ, не я его печаталъ». На тринадцатомъ году это были взрослые мальчики, которымъ можно было дать, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятнадцать, и такъ мкжду собой похожи другъ на друга, что только одна Парасковья Тарасовна могла различить ихъ. Это сходство не ограничивалось одною наружностью: они походили другъ на друга всѣмъ существомъ своимъ: напримѣръ, Ватя хотѣлъ учиться, и Зося тоже; Зося хотѣлъ гулять, и Ватя тоже. Всѣ, кто посѣщалъ хуторъ сотника Сокиры, не говоря уже о Карлѣ Осиповичѣ, всѣ были въ восторгѣ отъ дѣтей, а о Никифорѣ Өедоровичѣ и Парасковіи Тарасовнѣ и говорить нечего.

Однажды вечеромъ нечаянно пріѣхалъ на хуторъ Карлъ Осиповичъ и засталъ хозяевъ чуть не въ дракѣ.

— Ну, та нехай, нехай, нехай уже буде по твоему, говорилъ скороговоркою Никифоръ Өедоровичъ: выбирай, якого сама знаешъ.

— Нѣтъ, вы выбирайте: я ничего не знаю, я имъ просто чужая.

Въ это время вошелъ въ комнату Карлъ Осиповичъ, и Парасковья Тарасовна обратилась къ нему.

— Вотъ, вотъ пускай хоть они насъ раздѣлятъ.

— Вы до сихъ поръ не дѣлились: чѣмъ же вы вздумали теперь дѣлиться, скажите? проговорилъ Карлъ Осиповичъ, ставя въ уголъ свою палку и шапку.

— А вотъ чѣмъ, Карлъ Осиповичъ. Мы уже порѣшили, говорила Парасковія Тарасовна, чтобы одного нашего сына опредѣлить въ военную службу, а другаго въ штатскую, такъ теперь не раздѣлимъ, кого куда.

— Обоихъ по штатской, но сначала нужно ихъ чему-нибудь научить.

— И я такъ говорю, проговорилъ спокойно Никифоръ Өедоровичъ.

— Господи! Выростутъ, такъ и научатся. Отецъ Лука и теперь не надивуется ихъ познаніямъ. Да теперь же имъ скоро по четырнадцатому году пойдетъ, нужно думать что-нибудь.

— Я думаю сдѣлать изъ нихъ пока хорошихъ семинаристовъ.

— А я офицеровъ.

— Быть по твоему: дѣлай себѣ офицера, а я пока семинариста. Теперь, значитъ, дѣло стало за тѣмъ, кому быть семинаристомъ, кому офицеромъ. Пускай-же рѣшитъ судьба: кинемъ жребій, а вы будьте свидѣтелемъ, Карлъ Осиповичъ.

Кинули жребій и по жребію выпало: Зосиму быть офицеромъ, а Саватію семинаристомъ.

Съ того вечера Парасковья Тарасовна какъ-будто стала предпочитать Зосю Ватѣ, разумѣется, въ мелочахъ. Однако эти мелочи замѣтилъ Степанъ Мартыновичъ и говорилъ однажды въ пасѣкѣ послѣ чтенія Тита Ливія, что это нехорошо, что одной матери дѣти, что должно быть все равно. Онъ говорилъ это про себя, а Никифоръ Өедоровичъ слышалъ про себя и горько улыбнулся.

Черезъ годъ послѣ этого происшествія рѣшено было общимъ совѣтомъ везти Зосю въ Полтаву въ кадетскій корпусъ, а Ватю опредѣлить въ гимназію въ той же Полтавѣ. Сказано—сдѣлано.

Въ одно прекрасное утро, т. е. часу около десятаго изъ хутора выѣхала туго нагруженная бричка, такъ туго, что четверка здоровыхъ лошадей едва ее двигала. За бричкою ѣхала простая телѣга одноконно, нагруженная и покрытая воловьей шкурой по чумацки. Это были запасныя харчи. Впередъ-же на своей бѣдѣ рысцею поѣхалъ въ городъ Карлъ Осиповичъ, чтобы прилично встрѣтить дорогихъ гостей на порогѣ своего дома. Сзади-же транспорта шагалъ, какъ бы конвоируя его, Степанъ Мартыновичъ и говорилъ про себя: «напрасно, напрасно, ей-Богу! лучше бы въ семинарію. И я могъ бы быть полезенъ, а для ихъ пользы я готовъ снова поступить въ семинарію».—Такъ разсуждая, Степанъ Мартыновичъ наткнулся на телѣгу съ харчами и тогда только ясно увидѣлъ, что не одна телѣга, но и бричка тоже остановилась передъ домомъ Карла Осиповича. У стараго холостяка еще разъ закусили, чѣмъ Богъ послалъ у старца въ келіи, а для аппетита Никифоръ Өедоровичъ долженъ былъ испить рюмку водки съ гофманскими каплями. Послѣ закуски простились и начали грузиться въ бричку, причемъ Карлъ Осиповичъ не забылъ Зосѣ и Ватѣ сунуть въ карманъ по коробочкѣ мятныхъ лепешекъ. Транспортъ тронулся и скрылся за угломъ. Карлъ Осиповичъ и Степанъ Мартыновичъ тоже разстались. Карлъ Осиповичъ остался дома, потому что нужно было рецепты отпустить, а Степанъ Мартыновичъ пошелъ на хуторъ, потому что

онъ теперь на хуторѣ полновластный владыка. Но владычество свое, кромѣ ключей отъ коморы, онъ готовъ передать Маринѣ и, какъ во дни оны феодальный дукатъ[1]) какой нибудь, готовъ былъ пѣшкомъ путешествовать не въ Палестину, разумѣется, а только въ Полтаву, того ради, чтобы если нельзя будетъ лично присутствовать при пріемномъ экзаменѣ, то хоть стороною нельзя ли будетъ оказать какое нибудь вліяніе на это дѣло, такъ близко касающееся его благороднаго сердца. Придя на хуторъ, онъ сказалъ Маринѣ: «благодушная Марино! я пойду въ Андруши: преосвященный пріѣхалъ и присылалъ за мною, есть дѣла, такъ ты не отлучайся изъ дому, а если я тамъ заночую, такъ это ничего, ты не безпокойся: все будетъ благополучно», и, не давши времени сдѣлать какое-либо возраженіе благодушной Маринѣ, сказалъ: «прощайте»! и вышелъ за ворота. Проходя черезъ городъ, онъ вспомнилъ, что съ нимъ не было ни копѣйки денегъ; для этого онъ снова воротился на хуторъ, взялъ карбованецъ денегъ и повторилъ наставленія Маринѣ, съ прибавленіемъ, что если онъ и другую ночь заночуетъ въ Андрушахъ, такъ чтобы она не безпокоилась. Сказалъ и ушелъ.

Если Никифоръ Өедоровичъ воображаетъ, что его вѣрный Степа лежитъ теперь подъ липою въ пасѣкѣ и читаетъ вслухъ Тита Ливія, то онъ сильно ошибается. Степанъ Мартыновичъ забылъ все на свѣтѣ, кромѣ вступительнаго экзамена своихъ питомцевъ. Онъ удвоеннымъ шагомъ мѣряетъ пирятинскую дорогу. Въ Яготинѣ онъ подночевалъ и, вставши на зарѣ, къ поздней обѣдни былъ уже въ Пирятинѣ. Пообѣдавши кускомъ хлѣба и таранью и отдохнувши немного подъ церковной оградой, онъ бодро пустился въ путь и слушалъ всенощное бдѣніе въ лубенскомъ монастырѣ передъ ракою св. Аѳанасія патріарха александрійскаго. Переночевавъ въ страннопріимной обители, онъ тутъ выслушалъ отъ какого-то переходящаго богомольца легенду объ успеніи св. Аѳанасія въ сидячемъ положеніи и о томъ, что дочери лютого Іереміи Вишневецкаго—Корибута снился сонъ, что она была въ раю и ее оттуда вывели ангелы, говоря, что если она своимъ коштомъ выстроитъ храмъ Божій въ дебряхъ своихъ близъ города Лубенъ, то поселится уже на вѣки вѣчные въ раю. Она и соорудила храмъ сей. Тутъ

[1]) Вмѣсто зачеркнутаго *князь*.

только разсказчикъ замѣтилъ, что его слушатель давно уже играетъ на волторнѣ, и разсказчикъ не замедлилъ слушателю вторить, взявши октавою ниже, изъ чего и вышелъ преизрядный дуэтъ.

Рано утромъ мой пилигримъ вышелъ за Сулу и пустился черезъ знаменитое урочище N прямо въ Богачку, только воды напился около корчмы, что на Ромодановскомъ шляху. Отдохнувши въ Богачкѣ у страннопріимной старушки Маріи Ивановны, онъ вечеромъ уже отдыхалъ подъ горою у переправы черезъ Псёлъ, что въ мѣстечкѣ Бѣлоцерковкѣ. Тутъ еще на паромѣ какой-то острякъ паромщикъ спросилъ его: «а что, я думаю, въ Іерусалимъ прамуете, страннице? Зашли-бъ до нашей пани Базилевской, та попросили-бъ на ладанъ: вона богобоязненна пани, може ще й нагодуе васъ борщемъ та рыбою изъ Псела». Степанъ Мартыновичъ какъ бы не слыхалъ сарказма паромщика; отдохнувши во время переправы, онъ помолясь Богу, пустился въ путь и въ полночь очутился близь Решетиловки; но что-бы не приняли его за вора, разсудилъ отдохнуть подъ вербою. Купивъ бубличковъ на базарѣ за три шаги и скупавшись въ рѣчкѣ, онъ пустился въ путь, пожевывая бублики, и не отдыхалъ уже до самой Полтавы.

А Никифоръ Ѳедоровичъ, путешествуя, что называется по хозяйски, не въ ущербъ себѣ и конямъ, на другой день оставивши Яготинъ или лучше Грицковську корчму, не доѣзжая Яготина, оставилъ пирятинскую дорогу влѣво и поѣхалъ гетманскимъ шляхомъ черезъ Ковалевку, въ Свѣчкино урочище, чтобы навѣстить при такомъ удобномъ случаѣ своего друга и сына своего благодѣтеля, полковника Свѣчки, Льва Николаевича Свѣчку, или, какъ онъ называлъ себя, огарокъ, потому что свѣчка сгорѣла на кіевскихъ контрактахъ. Объ этихъ знаменитыхъ контрактахъ я слышалъ отъ самаго Льва Николаевича вотъ что: покойному отцу его (думать надо съ великаго переноя) пришла мудрая мысль выкинуть такую штуку, какой не выкидывалъ и знаменитый пьяница К. Радзивилъ. Вотъ онъ, начинивши вализы ассигнаціями, поѣхалъ въ Кіевъ и передъ съѣздомъ на контракты скупилъ въ Кіевѣ все шампанское вино, такъ что, когда начались балы во время контрактовъ, хвать!—ни одной бутылки шампанскаго въ погребахъ.—Гдѣ дѣвалось? спрашиваютъ.—У полковника Свѣчки, говорятъ. Къ Свѣчкѣ; а онъ не продаетъ. «Пыйте такъ», говоритъ, «хоть купайтесь у ёму, а на

продажъ нема». Нашлися люди добрые и такъ выпили. Послѣ этой штуки Свѣчкино городище и прочее добро вокругъ Пирятина начало таять, аки воскъ отъ лица огня Поэтому-то наслѣдникъ его справедливо называлъ себя огаркомъ.

Прогостивши денька два въ Городищѣ, они на третій день двинулись въ путь и къ вечеру благополучно прибыли въ Лубны. Такъ какъ въ Лубнахъ знакомыхъ близкихъ не было, то они, отслуживъ въ монастырѣ молебенъ угоднику Аѳанасію, отправились далѣе. Хотѣлось было Никифору Ѳедоровичу проѣхать на Миргородъ, что-бы поклониться праху славнаго козака-вельможи Трощинскаго, но Параскевья Тарасовна воспротивилась, а онъ не охотникъ былъ переспаривать. Такъ они уже, не заѣзжая никуда, черезъ недѣлю прибыли благополучно въ Полтаву.

А тѣмъ временемъ нашъ дьячекъ-педагогъ обдѣлалъ всѣ критическія дѣла въ пользу своихъ питомцевъ, самъ того не подозрѣвая.

Въ самый день прибытія своего въ Полтаву, онъ отправился въ гимназію; къ кадетскому корпусу онъ боялся и подойти близко, говоря: «все москали, може ще й застрелять». Узнавши отъ швейцара, гдѣ жительствуетъ ихъ главный начальникъ (швейцаръ показалъ ему маленькій домикъ на горѣ противъ собора: тамъ, говоритъ, живетъ нашъ начальникъ), Степанъ Мартыновичъ, сказавъ: «благодарю за наставленіе», отправился къ показанному домику. У воротъ встрѣтилъ его высокій худощавый старичекъ въ бѣломъ полотняномъ халатѣ и въ соломенной простой крестьянской шляпѣ и спросилъ его.

— Кого вы шукаете?

— Я шукаю попечителя.

— На що вамъ ёго?

— А хочу ёго просыть, що якъ буде Саватій Сокира держать экзаменъ въ гимназіи, то что-бъ попечитель не оставилъ его.

— А Саватій Сокира хиба ридня вамъ? спросилъ старичекъ, улыбаясь.

— Не ридня, а только мой ученикъ. Я для того и въ Полтаву пришелъ изъ П—а, чтобы помочь ему сдать экзаменъ.

Такая заботливость о своемъ ученикѣ понравилась автору перелицованной Энеиды, ибо это былъ не кто другой, какъ Иванъ Петровичъ Котляревскій. Любящему все благородное, въ какомъ бы об-

разѣ оно ни являлось, автору знаменитой пародіи сильно понравился мой добрый оригиналъ. Онъ попросилъ къ себѣ въ хату Степана Мартыновича и, что-бъ не показать ему, что онъ самый попечитель и есть, провелъ его въ кухню и посадилъ на лаву, а на другой, въ концѣ стола, самъ сѣлъ и молча любовался профилью Степана Мартыновича. А Степанъ Мартыновичъ читалъ между тѣмъ церковными буквами вырѣзанную на сволокѣ надпись: «домъ сей сооруженъ рабомъ Божіимъ №, року Божого 1710». Иванъ Петровичъ велѣлъ своей старой и единственной прислужницѣ подавать обѣдъ здѣсь же въ кухнѣ. Обѣдъ былъ поданъ. Онъ попросилъ Степана Мартыновича раздѣлить съ нимъ его убогую трапезу, на что тотъ безцеремонно и согласился, тѣмъ болѣе, что послѣ решетиловскихъ бубликовъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

Поѣвъ борщу съ сушеными карасями, Степанъ Мартыновичъ сказалъ: «хорошій борщикъ!»

— Насыпъ, Гапко, ще борщу! сказалъ Иванъ Петровичъ, и Гапка исполнила.

Степанъ Мартыновичъ принялся снова за борщъ и послѣ долгаго молчанія проговорилъ:

— Я думаю еще просить попечителя о другомъ моемъ ученикѣ, тоже Сокирѣ, только Зосимѣ.

— Просите и дастся вамъ, сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Зосимъ Сокира будетъ держать экзаменъ въ кадетскій корпусъ, такъ не поможетъ ли онъ ему бѣдному?

— Я хорошо знаю, что поможетъ.

— Такъ попросите его, будьте ласковы.

— Попрошу, попрошу. Се дило таке, що зробыть можно, а винъ хочь не дуже мудрый, та дуже не лукавый.

Степанъ Мартыновичъ въ это время вывязалъ изъ клѣтчатаго платочка деньги, выбралъ изъ мелочи гривенникъ и сунулъ въ руку Ивану Петровичу, говоря шопотомъ: «здасця на бублычки».

— Ни, спасиби вамъ, не турбуйтесь!—сказалъ попечитель.

Степанъ Мартыновичъ, видя, что гривенника его не хотятъ, завязалъ его снова въ платочекъ, повторилъ еще два раза свою просьбу и, получа въ десятый разъ увѣреніе въ исполненіи ея, взялъ свой посохъ и бриль, простился съ Иваномъ Петровичемъ и Гапкою и вышелъ изъ хаты. Иванъ Петровичъ, провожая его, сказалъ:

— Чи не доведетця ще разъ бути въ нашихъ мистяхъ, то не цурайтеся насъ.

— Добре, спасиби вамъ, сказалъ Степанъ Мартыновичъ и пошелъ черезъ площадь къ дому Лукьяновича, чтобы оттуда лучше посмотрѣть на монастырь да, помолясь Богу, и въ путь. Долго смотрѣлъ онъ на монастырь и его чудныя окрестности; потомъ посмотрѣлъ на солнце и, махнувъ рукою, пошелъ по тропинкѣ въ яръ съ намѣреніемъ побывать въ святой обители; но какъ тропинокъ, ведущихъ къ монастырю, было много, то онъ, спустясь съ горы, призадумался, которую-бы изъ нихъ выбрать самую близкую, и выбралъ, разумѣется, самую дальнюю, но широкую. Своротя вправо на избранный путь, онъ вскорѣ очутился на убитой колесами неширокой дорогѣ, вьющейся по зеленому лугу между старыми вербами и ведущей тоже къ монастырю. Пройдя шаговъ нѣсколько, онъ увидѣлъ сквозь темныя вѣтки осокора тихій, блестящій заливъ Ворсклы. Дорожка, обогнувши заливъ, вилась подъ-гору и терялась въ зелени. Вокругъ него было такъ тихо, такъ тихо, что герой мой начиналъ потрухивать. Вдругъ среди мертвой тишины раздался звучный живой голосъ, и звуки его полные, мягкіе какъ-бы разстилались по широкому заливу. Степанъ Мартыновичъ остановился въ изумленіи, а невидимый человѣкъ не переставалъ пѣть. Степанъ Мартыновичъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, и уже можно было разслушать слова волшебной пѣсни:

Та яромъ, яромъ
За товаромъ,
Манивцями
За вивцями.

Вслушиваясь въ пѣсню, онъ незамѣтно обогнулъ заливъ и, обойдя группу старыхъ вербъ, очутился передъ бѣлою хаткою, полускрытой вербами. На одной изъ вербъ была прибита дощечка, а на дощечкѣ намалевано бѣлой краской пляшка и чарка; подъ тою же вербою лежалъ въ тѣни человѣкъ и продолжалъ пѣть:

Та до порога головами,
Вставай рано за волами!

А около пѣвца стояла осьмиугольная фляга, похожая на русскій штофъ, съ водкою на донышкѣ, а въ травѣ валялись зеленые огурцы. Пѣвецъ кончилъ пѣсню и, приподымаясь, проговорилъ:

— Теперъ. Овраме, випый по трудахъ.

И взявши флягу въ руку, онъ посмотрѣлъ на свѣтъ, много ли еще осталось въ ней духа свѣта и духа разума.

— Эге-ге, лиха година! що-жъ мы будемо робить, Овраме? не повна, анафема! произнесъ онъ и при этомъ кисло посмотрѣлъ на хатку. Лице его мгновенно измѣнилось. Онъ бросилъ штофъ и вскрикнулъ: «пожаръ въ сапогахъ!» Степанъ Мартыновичъ вздрогнулъ при этомъ восклицаніи и всталъ съ «призьбы», гдѣ онъ расположился было отдохнуть.

— Пожаръ въ сапогахъ! Пожаръ въ сапогахъ! повторялъ пѣвецъ, обнимая изумленнаго Степана Мартыновича; потомъ отошелъ отъ него шага на три, посмотрѣлъ на него и сказалъ рѣшительно:

— Никто же иной, какъ онъ. Онъ,—пожаръ въ сапогахъ, и, пожимая его руки, спросилъ:

— Куда жъ тебе оце несе? чи не до владыки часомъ? Якъ що такъ, то я тоби скажу, що ты безъ мене ничого не зробишъ, а купишъ кварту горилки, гору переверну, не тилько владыку.

И дѣйствительно, говорившій былъ похожъ на древняго Горыню: молодой, огромнаго роста, а на широкихъ плечахъ вмѣсто головы сидѣлъ ёжъ; изъ пазухи выглядывалъ тоже чорный полугодовалый поросенокъ.

— Такъ? Кажи!

— Я не до владыки, я такъ соби,—отвѣчалъ смущенный Степанъ Мартыновичъ.

— Дурень, дурень: за кварту смердячои горилки не хоче рукоположиться во дьякона. Ей-Богу, рукоположу: я великою силою орудую у владыки.

— Такъ якъ же я безъ харчи до П—ва дойду?

— Дойду, дойду, дурню! Та я тебе въ одинъ день до пошти домчу.

Степанъ Мартыновичъ началъ развязывать платокъ, а пѣвчій (это былъ дѣйствительно архіерейскій пѣвчій) радостно воскликнулъ:

— Анаѳема! шинкарко, задрипко, горилки! кварту, дви, три... видро! Проклята утроба!

Степанъ Мартыновичъ, смиренно подавая гривенникъ, который возвратилъ ему Иванъ Петровичъ, сказалъ, что деньги всѣ тутъ.

— Тсссъ! Я такъ тилько, щобъ наликать іи анаѳему.

Водка явилась подъ вербою, и пріятели расположились около малёваной пляшки. Пѣвчій выпилъ стаканъ и налилъ моему герою. Тогъ началъ было отказываться, но богатырь-басъ такъ на него посмотрѣлъ, что онъ протянулъ дрожащую руку къ стакану.

— А еще и дякъ! проговорилъ пѣвчій и, принявъ пустой стаканъ отъ Степана Мартыновича, налилъ снова и посекундачилъ, т. е. повторилъ, обтеръ рукавомъ толстыя свои губы и потомъ заревѣлъ:

— Благослови, владыко!...

Степанъ Мартыновичъ изумился чистотѣ и огромности его прекраснаго голоса, а онъ, замѣтя это, взялъ еще ниже:

— Миромъ Господу помолимся!..

— Теперъ можна для гласу...

И онъ выпилъ третій стаканъ и сморщась, молча показалъ пальцемъ на флягу. Степанъ Мартыновичъ не безъ изумленія замѣтилъ, что фляга была почти пуста, и отрицательно помахалъ головой.

— Роби, якъ самъ знаешь, а мы тымъ часомъ.... замѣтилъ на это басъ и, крякнувши, затянулъ:

Ой ишовъ чумакъ зъ Дону...

А когда запѣлъ:

Ой доле, моя доле,
Чомъ ты не такая,
Якъ инша, чужая?

изъ маленькихъ очей Степана Мартыновича покатились крупныя слезы. Пѣвецъ, замѣтя это и чтобы утѣшить растроганнаго слушателя, запѣлъ, прищелкивая пальцемъ:

У недилю рано въ ранци
Ишли наши новобранцы,
А шинкарка на ихъ моргъ:
Иду, братики, на торгъ!

Кончивъ куплетъ, пѣвецъ выпилъ остальную водку, взглянулъ на собесѣдника и выразительно показалъ на шинкъ. Безмолвно взялъ флягу Степанъ Мартыновичъ и пошелъ еще за квартою, а входя въ шинкъ, проговорилъ:

— Пошлетъ же Богъ такой ангельскій гласъ недостойному рабу своему.

И пока шинкарка дѣлала свое дѣло, онъ спросилъ ее:

— Кто сей, съ которымъ возлежу?

— Се басъ изъ монастыря, отвѣтила она.

— Божескій басъ, проговорилъ Степанъ Мартыновичъ.

— Якъ бы не басъ, то-бъ свиней пасъ. Пьяниця непросыпуща, замѣтила шинкарка.

— Оно такъ; но, жено, басы такіи и повинны быть.

— А вы тоже басъ? спросила шинкарка.

— Нѣтъ, я не владѣю ни единымъ гласомъ.

— И добре робите, що не владѣете.

Черезъ полчаса явился опять въ шинокъ съ пустой флягой Степанъ Мартыновичъ, и шинкарка, наполняя ее, сказала про себя: «отъ пьють, такъ пьють»! Возвратясь подъ вербу, онъ поставилъ флягу около баса, а самъ легъ на травѣ вверхъ брюхомъ, подражая вдохновенному басу. Басъ же, не говоря ни слова, налилъ стаканъ водки и вылилъ ее въ свою разверзтую пасть, потомъ пощупалъ траву около половинки огурца и, поднеся пустые пальцы ко рту, пробормоталъ: Да воскреснетъ Богъ! а обратясь къ Степану Мартыновичу, сказалъ почти повелительно:

— Дерзай!.. И Степанъ Мартыновичъ дерзнулъ. Басъ и себѣ дерзнулъ и уже не искалъ закуски, а только щелкалъ языкомъ, говоря про себя:

— Эхъ, якъ бы теперъ отецъ Мееодій! отъ басъ—такъ басъ! А все таки мене не перепье!

Выпилъ пѣвчій еще стаканъ. Фляга опять была пуста. Онъ посмотрѣлъ на Степана Мартыновича и показалъ на шинкъ. Но Степанъ Мартыновичъ побожился, что у него ни полшеляга въ кишени. Тогда басъ бросился на него и, схватя его за руку, вскрикнулъ.

— Брешешъ, душегубець, бродяга! Ты церкву свою покинувъ безъ спросу владыки и блукаешъ теперъ по дебряхъ, та добрыхъ людей грабишъ. Давай кварту, а то тутъ тоби й аминь!

— Поставлю, поставлю, отпусти только душу на покаяніе, говорилъ запинаясь Степанъ Мартыновичъ.

— Басъ, выпуская его изъ рукъ, лаконически сказалъ:

— Иди и неси!

— Степанъ Мартыновичъ схватилъ флягу, бросился въ шинокъ и почти съ плачемъ обратился къ шинкаркѣ.

— Благолѣпная и благодушная жено! (онъ сильно разсчитывалъ на комплиментъ и на на текстъ тоже) изыми мя отъ устъ львовыхъ и избави мя отъ рукъ грѣшника, поборгуй хотя малую полкварты горилки.

— А дзусъ вамъ, пьяницы! сказала локонически шинкарка и затворила дверь.

Вотъ тебѣ и «поборгувала»! Выходитъ, что комплименты не одинаково дѣйствуютъ на прекрасный полъ. Ошеломленный такою выходкою благолѣпной жены, Степанъ Мартыновичъ долго не могъ опомниться и, придя въ себя, долго еще стоялъ и думалъ о томъ, какъ ему теперь спастися отъ руки грѣшничи. Самое лучшее, что онъ придумалъ, упасть къ ногамъ баса и возложить упованіе на его милосердіе. Съ этою мыслію онъ подошелъ къ вербѣ, и о радость неизреченная! басъ раскинулся во всю свою высоту и широту подъ вербою и храпѣлъ такъ, что листья сыпались съ дерева, какъ отъ посвисту славнаго могучаго богатыря Соловья-разбойника.

Видя такой благой конецъ сей драматургіи, герой мой не медля «яхся бѣгу», глаголя: *стопы моя направи по словеси твоему, и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе.*

Пройдя не далеко подъ гору, онъ свернулъ съ дорожки, прилегъ отдохнуть подъ густолиственной липой и вскорѣ захрапѣлъ не хуже всякаго баса.

Благовѣстъ къ вечернѣ разбудилъ моего героя. Проснувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ. Начиная перебирать происшествія цѣлаго дня, начиная со старичка въ бѣломъ халатѣ и брылѣ, онъ постепенно дошелъ до трагической сцены подъ вербою и благополучнаго ея конца. Тогда, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ всталъ и вышелъ на дорожку, а дорожка привела его къ самимъ стѣнамъ монастыря. Вечерня уже началась, уже читалъ чтецъ посреди церкви первую каѳизму, а клиръ пѣлъ: «работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ». Не малое же было его удивленіе, когда онъ въ числѣ клира, именно на правомъ клиросѣ, увидѣлъ своего богатыря баса. Какъ ни въ чемъ не бывало,

ревѣлъ онъ себѣ, спрятавъ небритый подбородокъ въ не туго повязанный галстухъ.

При выходѣ изъ церкви, басъ замѣтилъ своего *protegé* и далъ знакъ рукою, что-бъ онъ послѣдовалъ за нимъ.

— Ну что, если, Боже сохрани, опять туда? Погибъ я, подумалъ онъ и слѣдовалъ за басомъ, какъ агнецъ на закланіе.

Однако же этого не случилось вопреки опасеніямъ его. Они вошли въ огромную трапезу, гдѣ уже братія садилась трапезовать, а пѣвчіе садились за особенный столъ. Басъ указалъ мѣсто своему *protegé*. Въ трапезѣ было почти темно, и когда зажгли свѣточи, то, увидя среди себя моего героя, весь хоръ воскликнулъ: «пожаръ въ сапогахъ»!—Они всѣ знали его еще съ семинаріи.

Послѣ трапезы повели его въ свою общую келію и, узнавши, что онъ завтра намѣренъ принять обратный путь въ П., всѣ единогласно предложили ему мѣсто въ своемъ фургонѣ, объяснивъ ему, что завтра послѣ литургіи владыка отъѣзжаетъ въ Андрушн и что они, его пѣвчіе, туда же ѣдутъ по почтѣ. Тутъ раздумывать было нечего, тѣмъ болѣе, что въ карманѣ у моего бѣднаго героя гуло.

На другой день, часу въ четвертомъ по полудни, фургонъ, начиненный пѣвчими, несся, вздымая пыль, по П—ской дорогѣ и, подъѣхавъ къ корчмѣ близъ хутора Абазы, остановился. Дисканты просили пить, а басы выпить. Герою моему тоже хотѣлось вылѣзть изъ фургона вмѣстѣ съ басами, и о ужасъ!—изъ корчмы въ окно выглядывала, какъ бы вы думали, кто? Сама Парасковья Тарасовна. Онъ повалился на дно фургона и молилъ дискантовъ накрыть его собою. Мальчуганы всѣ разомъ повалились на него и такъ накрыли, что онъ чуть было не задохся. Слава Богу, что басы не долго въ корчмѣ прохлаждались. Басы, учиня порядокъ и тишину въ фургонѣ, велѣли почтарю рушать, а сами громогласно запѣли: «о всепѣтая мати, а вси пивники въ хати»! Къ нимъ присоединили и свои ангельскіе голоса дисканты, и вышла пѣсня хоть куды.

Такъ весело и быстро продолжали они путь свой безъ всякихъ трагическихъ приключеній, кромѣ развѣ того, что въ Яготинѣ, въ трактирѣ басы общими силами поколотили перваго баса, покровителя Степана Мартыновича, за буйные поступки, а, потузивши,

связали ему руки и ноги туго и положили въ фургонъ и въ такомъ плачевномъ положеніи привезли въ П—ъ.

По прибытіи въ П. Степанъ Мартыновичъ поблагодарилъ хоръ за одолженіе и, простившись съ нимъ, зашелъ къ Карлу Осиповичу и попросилъ у него полкарбованца «для необходимаго дѣла». Получа желаемое, зашелъ онъ въ русскую лавку, купилъ зеленую хустку съ красными бортами и пошелъ на хуторъ, размышляя о своемъ странствованіи, исполненномъ такихъ, можно сказать, драматическихъ и поучительныхъ приключеній.

Подойдя къ самимъ воротамъ хутора, онъ не безъ изумленія услышалъ женскій голосъ, поющій:

За три шаги пивника продала,
За копійку дудника наняла,
Заграй мени, дуднику, на дуду,
Нехай свое лишенько забуду.

— Это Марина, это она, подумалъ Степанъ Мартыновичъ и вошелъ на дворъ. Войдя тихонько въ кухню, онъ остолбенѣлъ отъ соблазна и ужаса. Марина, пьяная Марина обнимала и цѣловала почтеннаго сѣдоусаго пасѣчника Корнія. Степанъ Мартыновичъ не могъ выговорить ни слова, только ахнулъ. Марина, отскочивши отъ пасѣчника, схватила его за полы и принялась плясать, припѣвая:

Ой мій чоловикъ
На Волощину втикъ,
А я цидъ продала,
Та музыки наняла.

— Марино, Марино! богомерзкая блудниче, растлѣнная, что ты робишъ? Схаменися!—говорилъ Степанъ Мартыновичъ. Но Марина не схаменулась и продолжала:

Ой заграйте мени,
Музыканты мои,
А я вамъ того дамъ,
Що вы зъ роду не бачили—и, гу!

и запѣла снова:

Упилася я,
Не за ваши я:

Въ мене курка неслася,
Я за яйця впилася.

— Цуръ тоби, отійдя, сатано! вскрикнулъ Степанъ Мартыновичъ и, вырвавши полы изъ рукъ веселой Марины, побѣжалъ въ пасѣку. Найдя ее въ хорошемъ порядкѣ, онъ легъ подъ липою отдохнуть отъ треволненій.

— А можетъ быть они во время моего странствованія, думалъ онъ, уже и законнымъ бракомъ сочетались, а я поносилъ ее блудницею непотребною! и въ раскаяніи своемъ уснулъ и видѣлъ во снѣ бракосочетаніе Марины съ Корніемъ-пасѣчникомъ и что онъ былъ у сего послѣдняго старшимъ бояриномъ.

Солнце уже зашло, когда мой герой проснулся. Придя на хуторъ, онъ нашелъ ворота затворенными, а кухню растворенную и на полу спящую Марину, а пасѣчникъ Корній подъ лавою тоже храпѣлъ. Степанъ Мартыновичъ посмотрѣлъ на нихъ и сострадательно покачалъ головою; выходя же въ сѣни, сказалъ:

— А хустку все таки треба ей отдати: она женщина богобоязненная.

На другой день Степанъ Мартыновичъ отдалъ Маринѣ хустку и просилъ, чтобы она никому ни слова не говорила о его отсутствіи; а она просила его, чтобъ онъ тоже молчалъ о вчерашнемъ ея поведеніи. И они поклялись другъ другу хранить тайну.

По истеченіи пяти съ половиною седмицъ возвратилися, послѣ долгаго отсутствія, благополучно на свой хуторъ и Никифоръ Ѳедоровичъ и Парасковья Тарасовна. Радостно отворялъ имъ ворота Степанъ Мартыновичъ, высаживалъ изъ брички и вводилъ въ покои. Когда суматоха немного утихомирилась, а къ тому времени подъѣхалъ на своей бѣдѣ и Карлъ Осиповичъ, то уже передъ вечеромъ собралися всѣ четверо на ганку, и началось повѣствованіе о столь продолжительномъ странствованіи. Сначала взяла верхъ Парасковья Тарасовна, а потомъ уже Никифоръ Ѳедоровичъ. Парасковья Тарасовна начала такъ:

— Попрощавшись съ вами, Карлъ Осиповичъ, въ середу, а въ четвергъ рано мы были уже въ Яготинѣ. Пока Никифоръ Ѳедоровичъ закусывали, я съ дѣтьми вышла съ брички да и хожу себѣ по базару; только смотрю, на базарѣ стоитъ какой-то круглый будинокъ, и столбы кругомъ, кругомъ. Меня дѣти и спрашиваютъ: маменько, что это такое? Я и говорю: ей-Богу, не знаю, дѣточки.

Надо будетъ спросить кого нибудь.—Смотрю, на наше счастье идетъ какая то молодиця. Я и кричу ей: молодице! а йди, говорю, сюды. Она подошла. Скажи, голубко, что это у васъ тамъ на базарѣ стоитъ? Она и говоритъ: церковь. Церковь, думаю себѣ, чи не дурить вона насъ? Только, смотрю, и крестъ на верху, на круглой крышѣ Господи, думаю себѣ, ужъ я ли церквей въ Кіевѣ не видала, а такой, хоть побожиться, такъ, я думаю, и въ Ерусалимѣ нѣтъ. Изъ Яготина заѣхали мы въ Городище. Прекрасный человѣкъ этотъ Левъ Николаевичъ! А какія у него дѣточки, просто ангелы Божіи, особенно Наташа, особенно когда запоетъ, просто прелесть, да еще и пальчиками прищелкиваетъ. И такъ полюбили моего Зосю, что заплакали, когда прощалися. Были въ монастырѣ въ Лубнахъ, заказывали молебенъ св. Аѳанасію. Точно живой сидитъ, мой голубчикъ. Вотъ церковь, такъ церковь: хоть съ нашимъ Благовѣщеніемъ рядомъ поставить.

— Только не ставь рядомъ нашего новаго иконостаса, перебилъ ее Никифоръ Ѳедоровичъ.

— Ну, да ужъ я тамъ этого не знаю.—Въ Хоролѣ тоже ночевали; только я, признаться, его и не видѣла, какой онъ тамъ тотъ Хороль: проспала всю станцію, проснулась уже въ Вишнякахъ за Хороломъ; тамъ-то мы и ночевали, а не въ самомъ Хоролѣ. Село огромное, только такое убогое, что страхъ посмотрѣть. Помѣщикъ, говорятъ, пьяница непросыпуща, живетъ десь, Богъ его знаетъ, въ Москвѣ, говорили, или въ Петербургѣ, а управитель, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Какъ бо его зовутъ, того помѣщика? Никифоръ Ѳедоровичъ! вы чи не припомните?

— N, сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ,—Оболенскій.

— Да, да N, такъ и есть, N. А церковь какая прекрасная вымурована за селомъ, какъ разъ противъ господскаго дома. Говорятъ, какая-то генеральша Пламенчиха вымуровала надъ гробомъ своего мужа,—праведная душа! Еще въ Бѣлоцерковкѣ тоже ночевали и переправлялись на паромѣ черезъ рѣку. Я, страхъ, боялася: паромъ маленькій, а бричка наша, слава Богу! Бѣлоцерковская пани, говорятъ, страшно богата, а ѣстъ только одну тарань, и то по скоромнымъ днямъ, а съ желѣзнаго сундуха съ червонцами никогда и не встаетъ и спитъ на немъ. Говорятъ, когда загорѣлся у нея магазинъ съ разнымъ домашнимъ добромъ,—говорятъ, полотна одного

«десятки» возовъ на сто было и можно было хоть половину спасти. Что-жъ вы думаете? не велѣла: раскрадутъ, говоритъ; лучше пускай сгоритъ. Тьфу какая скверная!

Въ Решетиловкѣ церквей съ десять, а думаю, будетъ и живутъ все козаки. Передъ самою Полтавою обѣдали въ корчмѣ, и только что легъ отдохнуть Никифоръ Ѳедоровичъ, пріѣзжаютъ архіерейскіе пѣвчіе.

Степанъ Мартыновичъ завертѣлся на стулѣ.

— Входятъ въ корчму, и одинъ какъ заревѣлъ: шинкарко! горилки! я такъ и умерла со страху: отъ роду не слыхала такого страшнаго голоса. А собой высокій, здоровый и на головѣ волосы, какъ щетина, такъ и торчатъ.

А про самую Полтаву я и разсказать не умѣю. Разсказывайте уже вы Никифоръ Ѳедоровичъ.

Тоже явленіе необыкновенное: жена отказывается говорить въ пользу мужа.

— Хорошо, я уже все до конца доскажу, а вы тѣмъ часомъ похлопочите коло вареникивъ: Карлъ Осиповичъ и Степанъ Мартыновичъ, я думаю, не откажутся повечерять съ нами.

Оба слушателя въ знакъ согласія кивнули головами, а Парасковья Тарасовна встала и ушла въ комнаты.

— Да, началъ Никифоръ Ѳедоровичъ, благословеніе Господне не оставило таки нашихъ дѣточекъ. Я, правду сказать, никогда въ Полтавѣ не бывалъ и не имѣю тамъ никого знакомыхъ; только по слуху зналъ, что попечителемъ гимназіи нашъ знаменитый поэтъ Котляревскій. Я, узнавши его квартиру, отправился прямо къ нему. Представьте себѣ, что онъ живетъ въ домикѣ сто разъ хуже нашего, просто хата. А прислуги только и есть, что одна наймичка Ганка, да наймитъ Кирикъ. Самъ онъ меня встрѣтилъ, ввелъ въ хату, посадилъ съ собою рядомъ и началъ меня спрашивать, какое мое до него дѣло. Я ему сказалъ и прошу его помощи. Только онъ усмѣхнулся и спрашиваетъ: какъ ваша фамилія? — Я сказалъ: Сокира.—Сокира, Сокира, повторилъ онъ. У васъ двое дѣтей, Зосимъ и Саватій.

Степанъ Мартыновичъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, Никифоръ Ѳедоровичъ продолжалъ.

Одного вы хотите опредѣлить въ гимназію, а другаго въ кадетскій корпусъ?

— Такъ точно, говорю я, но спросить не посмѣлъ, откуда онъ все это знаетъ.

— Вы, кажется, удивляетесь, говоритъ онъ, что я знаю, какъ вашихъ дѣтей зовутъ.

— Не мало, говорю, удивляюсь.

— Слушайте, говоритъ, я разскажу вамъ исторію.

Степанъ Мартыновичъ задрожалъ отъ страха.

— Однажды я гуляю себѣ около своихъ воротъ, началъ было онъ разсказывать; только въ это время вошелъ высокій лакей и говоритъ, что княгиня Р. проситъ его къ себѣ на чай. Онъ сказалъ, что будетъ, а я, взявши шапку, хотѣлъ проститься и уйти, а онъ и говоритъ мнѣ:

— Не гнѣвайтесь на меня, зайдите завтра по утру, да приведите и козаковъ своихъ.

Степанъ Мартыновичъ вздохнулъ свободнѣе.

— Да что же торопиться? Время терпитъ, говоритъ; а исторія въ трехъ словахъ. Да, гуляю около воротъ, смотрю подходитъ ко мнѣ...

При этомъ словѣ Степанъ Мартыновичъ повалился въ ноги Никифору Ѳедоровичу и возопилъ:

— Пощадите мене, раба недостойнаго, я преступилъ вашу святую заповѣдь: я оставилъ вашъ домъ и бѣжалъ во слѣдъ вашъ въ Полтаву.

Никифоръ Ѳедоровичъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, цѣлуя Степана Мартыновича, поднялъ на ноги, усадилъ на стулъ и, когда тотъ успокоился, онъ разсказалъ всю исторію, какъ ему разсказывалъ самъ попечитель.

— Господи, прости меня окаяннаго! А я, недостойный отрѣшить ремень сапога его, я дерзнулъ, мало того, что сѣсть съ нимъ рядомъ, но даже и трапезу раздѣлить и, паче еще, гривенникъ давалъ ему за протекцію моихъ любимыхъ учениковъ. О! прости, прости мене, Господи! Съ такимъ великимъ мужемъ, съ попечителемъ и рядомъ сидѣть, какъ съ своимъ братомъ! Охъ, ажъ страшно! Завтра же, завтра иду въ Полтаву и упаду ему въ ноги и скажу...

— Не ходите завтра, сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ, а на то лѣто поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, не дождусь, умру до того лѣта, умру безъ покаянія. О! что я надѣлалъ?

— А вы надѣлали то, что черезъ васъ теперь дѣти наши приняты на казенный счетъ: одинъ въ гимназію, другой въ кадетскій корпусъ. Вы такъ полюбились Ивану Петровичу, что онъ мало того, что черезъ васъ опредѣлилъ нашихъ дѣтей, а еще посылаетъ вамъ въ подарокъ свою Энеиду съ собственноручнымъ надписаніемъ. И мнѣ тоже, дай Богъ ему здоровья, тоже подарилъ свою Энеиду и тоже съ собственноручной надписью. Пойдемъ же лучше въ хату: тутъ уже темно, а въ хатѣ я вамъ и книгу вручу и свою покажу.

Не описую вамъ восторга Степана Мартыновича, когда онъ собственными глазами увидѣлъ книгу и прочиталъ: «уваженія достойному С. М. Левицкому на память И. Котляревскій».

— И фамилію мою знаетъ! О, мужъ великій! и рыдая онъ цѣловалъ надпись.

Послѣ ужина Карлъ Осиповичъ уѣхалъ въ городъ, и на хуторѣ всѣ уснули, кромѣ Степана Мартыновича. Онъ, взявши свою книгу, на «човни» переправился черезъ Альту, пришелъ въ свою нетопленную школу и, засвѣтя каганець, принялся читать Энеиду и прочиталъ ее до конца. Солнце уже высоко было, когда взошелъ къ нему въ школу Никифоръ Ѳедоровичъ, а каганець горѣлъ и Степанъ Мартыновичъ сидѣлъ за книгою.

— Добрый день, друже мой! сказалъ онъ, входя въ школу.

Степанъ Мартыновичъ поднялъ голову и тогда только увидѣлъ, что каганець напрасно горитъ.

— Добрый день, добрый день, Никифоръ Ѳедоровичъ! А я все прочитывалъ книгу. Неоцѣненная книга! Когда нибудь въ пасѣкѣ я вамъ ее вслухъ прочту. Чудная книга!

— Именно чудная! Вотъ въ чемъ моя рѣчь: что мы теперь, друже мой, будемъ дѣлать? Вѣдь мы теперь съ вами одинокіе! Учить намъ некого, а мнѣ некого экзаменовать. Что мы будемъ теперь дѣлать?

— Я и самъ не знаю, сказалъ съ разстановкою Степанъ Мартыновичъ.

— Я думаю вотъ что. Возьмите у меня наборъ десять или двадцать пней пчелъ и заведите себѣ пасѣку хоть тутъ около своей школы, да и пасичникуйте, а я тоже буду пасичникувать. А когда

Господь многомилостивый благословитъ ваше начинаніе, тогда возвратите мнѣ мои пчелы: а тимъ часомъ мы будемъ въ гости ходить одинъ къ другому. Согласны?

— Паче всякаго согласія.

— А коли такъ, то примите отъ меня и моей жены сей недостойный подарокъ за ваше безкорыстіе и истинно христіанскую любовь къ нашимъ бѣднымъ дѣтямъ.

И онъ вручилъ ему кусокъ гранатоваго сукна, промолвя:

— А за кравцемъ Беркомъ я послалъ уже въ городъ, сшейте себѣ къ Покрову добрый сюртукъ и прочее.

Степанъ Мартыновичъ держалъ сукно въ рукахъ, смотрѣлъ на него и не могъ выговорить слова.

— На Покровъ какъ разъ будетъ шесть лѣтъ, какъ вы въ первый разъ явилися у меня въ домѣ.

Со слезами благодарности принялъ дорогой подарокъ Степанъ Мартыновичъ, и они вышли изъ школы. На хуторѣ встрѣтилъ ихъ Берко кравецъ съ треугольнымъ аршиномъ въ рукахъ. Снялъ онъ мѣрку съ Степана Мартыновича, при чемъ ему не разъ приходилось становиться на цыпочки, потому что онъ былъ непомѣрно не великъ ростомъ, а Степанъ Мартыновичъ непомѣрно великъ. Снявши мѣрку, онъ тутъ-же принялся кроить. На домъ кравцямъ не безопасно давать цѣликомъ такой дорогой матеріалъ: какъ разъ будешь безъ полы или безъ рукава. Парасковья Тарасовна тоже вышла посмотрѣть, какъ будутъ сюртукъ кроить, и тоже вынесла подарки не дешевые, якобы отъ дѣтей изъ Полтавы и, подавая ихъ Степану Мартыновичу, говорила:

— Вотъ этотъ черный платокъ шелковый для шеи Зося прислалъ вамъ, а это отъ Вати тоже шелковая дорогая матерія на жилетъ вамъ къ Покрову.

Принимая столь неоцѣнимые подарки, Степанъ Мартыновичъ говорилъ, рыдая отъ полноты сердечной:

— Что ти принесу, или что ти воздамъ?

Надо замѣтить, что Степанъ Мартыновичъ говорилъ на трехъ діалектахъ: чисто по русски и когда обстоятельства требовали, а иногда и безъ всякихъ обстоятельствъ, чисто по малорусски; въ положеніяхъ же патетическихъ—церковнымъ языкомъ и почти всегда текстами изъ священнаго писанія.

Пока онъ проливалъ слезы благодарности, Парасковья Тарасовна вынесла изъ комнаты два куска холста, говоря:

— А это будетъ вамъ на рубашки. Это уже отъ меня принять не откажитесь; сошьетъ же вамъ хоть и наша Марина, а мы ей дамо годовалую свинку за работу.

Степанъ Мартыновичъ былъ выше всякаго счастья. Закрывъ лицо руками, онъ безмолвно вышелъ на крыльцо, сѣлъ на ступеньку и рыдалъ, какъ маленькое дитя. Вскорѣ вышелъ и Никифоръ Өедоровичъ и, взявши его за руку, сказалъ:

— Мы вамъ думали сдѣлать доброе, а вы плачете. Не обижайте жъ насъ сирыхъ стариковъ, Степанъ Мартыновичъ!

— Я въ радости постель мою слезами моими омочу.

— Ну, такъ пойдемте въ пасѣку. Лягьте тамъ хоть на моей постели, та й мочить ее, сколько угодно.

Степанъ Мартыновичъ всталъ и молча послѣдовалъ за Никифоромъ Өедоровичемъ. Придя въ пасѣку, Никифоръ Өедоровичъ вынулъ изъ кармана мѣлокъ и отмѣтилъ буквою Л десять ульевъ, говоря: «Боже, благослови ваше начинаніе», и прибавилъ, показывая на ульи:

— Примите въ свою собственность, Степанъ Мартыновичъ!

— Дайте мнѣ хоть духъ перевести. Вы меня умертвите вашими благодѣяніями, проговорилъ Степанъ Мартыновичъ.

Они сѣли подъ липою, и при семъ случаѣ Никифоръ Өедоровичъ прочиталъ изрядную лекцію о пчеловодствѣ, а въ заключеніе сказалъ:

— Трудолюбивѣйшая, Богу и человѣку угоднѣйшая изъ всѣхъ земнородныхъ тварей—это пчела, а заниматься ею и полезно и Богу не противно. Этотъ смиренный трудъ ограждаетъ васъ отъ всякаго нечистаго соприкосновенія съ корыстными людьми, а между тѣмъ ограждаетъ васъ и отъ гнетущей и унижающей человѣка нищеты. По моимъ долгимъ опытамъ и наблюденіямъ я дозналъ, что пчела требуетъ не только искуснаго человѣка, но еще крѣпкаго и праведнаго мужа. Вы же въ себѣ вмѣщаете всѣ сіи добродѣтели, и съ упованіемъ на Бога и святыхъ его угодниковъ Зосима и Савватія будетъ благословенно и преумноженно ваше начинаніе.

Степанъ Мартыновичъ въ благоговѣйномъ молчаніи слушалъ. Никифоръ Өедоровичъ продолжалъ:

— Нынѣшнее лѣто на исходѣ уже, слава Богу, сентябрь на дворѣ, слѣдовательно вамъ теперь нечего и думать пасѣку заводить, а вы уже начните съ будущей весны, а теперь только выберите для пасѣки мѣсто и обсадите его какими-нибудь деревьями, хоть липами, напримѣръ, а я, дасть Богъ, положивши пчелы зимовать въ погребъ, съѣзжу недѣля на двѣ, на три въ Батуринъ. Тамъ, около Батурина гдѣ-то живетъ нашъ великій пасѣчникъ Прокоповичъ. Послушаю его разумныхъ наставленій, потому что я теперь думаю исключительно заняться пасѣкой.

На другой или на третій день послѣ этой разумной бесѣды, по утру рано, ходилъ около своей школы Степанъ Мартыновичъ въ глубокой задумчивости съ «Энеидою» въ рукахъ. Онъ съ нею никогда не разлучался. Послѣ долгой думы онъ отправился на хуторъ и, увидя Никифора Ѳедоровича, также въ созерцаніи гуляющаго и тоже съ «Энеидою» въ рукахъ, послѣ пожеланія добраго дня сказалъ:

— Знаете, что я придумалъ?

— Не знаю, что вы придумали.

— Я придумалъ, по примѣру прочихъ дьячковъ, завести школу, т. е. набрать дѣтей и учить ихъ грамотѣ.

— Благословляю ваше намѣреніе и буду споспѣшествовать оному по мѣрѣ силъ моихъ, сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ и, помолчавши, прибавилъ: а пасѣки все-таки не оставляйте.

— Зачѣмъ же?... Пасѣка пасѣкою, а школа школою.

Получивъ такое лестное одобреніе своему предположенію, Степанъ Мартыновичъ, съ того же дня принялся хлопотать около своей школы: укрылъ ее новыми снопками, позвалъ двухъ молодицъ и велѣлъ вымазать внутри и снаружи бѣлою глиною, а самъ между тѣмъ недалеко отъ школы рылъ все небольшія ямки для деревьевъ безъ симметріи. Сосѣдки, глядя на всѣ его затѣи, не знали, что и думать про своего дьяка, и наконецъ общимъ голосомъ рѣшили, что дьякъ ихъ рѣшительно женится, но когда увидѣли его на Покровъ въ суконномъ гранатовомъ сюртукѣ, тогда въ одно слово сказали: на протопоповнѣ. Каково же было ихъ удивленіе, когда послѣ Покрова ихъ дьякъ пропалъ и пропадалъ недѣли съ три, а когда нашелся, то не одинъ уже, а съ четерьмя мальчиками—такъ лѣтъ отъ семи до десяти. Все это было для сосѣдокъ непроницае-

мою тайною, между тѣмъ какъ дѣло само по себѣ было очень просто. Степанъ Мартыновичъ побывалъ дома въ Глемязовѣ и привезъ съ собою двухъ маленькихъ братьевъ и двухъ племянниковъ—обучать ихъ грамотѣ на собственный коштъ. Фундаментъ школы былъ положенъ. Слава о педагогическомъ великомъ дарованіи Степана Мартыновича (разумѣется, не безъ участія Карла Осиповича) давно уже гремѣла и въ П—ѣ, и въ окрестностяхъ его и окончательно, была упрочена принятіемъ близнятъ Сокиры въ гимназію и въ корпусъ. При такихъ добрыхъ обстоятельствахъ къ Филипповкѣ школа его была полна учениками и въ изобиліи снабжена всѣмъ для существованія необходимымъ, а близъ его лежащій хуторъ (не Сокиры, а другого какого-то полупанка) съ десятью хатами былъ наполненъ маленькими постояльцами разныхъ званій. Дѣятельности Степана Мартыновича раскрылось широкое поле, и онъ былъ совершенно счастливъ.

Вскорѣ послѣ Николы возвратился Никифоръ Ѳедоровичъ изъ Батурина отъ Прокоповича и, къ немалому удивленію своему, увидѣлъ недалеко около школы порядочный кусокъ земли, усаженный фруктовыми деревьями, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ кучи хворосту и кольевъ. То было приношеніе тароватыхъ отцевъ учениковъ его, по большей части Наумовскихъ и Березанскихъ козаковъ.

Наступила зима. Занесло снѣгомъ и хуторъ Никифора Ѳедоровича, и школу Степана Мартыновича, но между заметами снѣгу, между школою и хуторомъ, видны были сначала только формы огромныхъ ступеней Степана Мартыновича, а потомъ образовалась и утоптанная дорожка. Послѣ дневныхъ трудовъ Степана Мартыновичъ каждый вечеръ приходилъ на хуторъ, какъ говорилъ, почить отъ треволненія дневнаго. Приходу его всегда были рады, особенно Парасковья Тарасовна. И дѣйствительно было чему радоваться: въ подлунной не было другого человѣка, который бы съ такимъ, если не вниманіемъ, то по крайней мѣрѣ терпѣніемъ выслушивалъ въ сотый разъ повѣсть, съ одними и тѣми-же варіянтами, о странствованіи Парасковьи Тарасовны въ Полтаву и обратно. Прибавляла она иногда къ своему повѣствованію одинъ эпизодъ почти шепотомъ, иногда и по-громче, если видѣла, что Никифоръ Ѳедоровичъ занятъ чѣмъ-нибудь или просто читалъ лѣтопись Конисскаго. Тогда она почти воодушевлялась, разсказывая о томъ, какъ они, возвращаясь изъ Полтавы, пріѣхали къ Успенію въ Лубны въ самый раз-

валъ ярмарки и въ вечеру ходили въ театръ и видѣли тамъ, какъ представляли козака стихотворца. Тутъ она брала тономъ ниже и продолжала:

— Прелесть! просто прелесть! Настоящій офицеръ той козакъ стихотворецъ, а Маруся—барышня та й годи. Не налюбуюся, бывало; да къ тому еще какъ запоетъ:

Нуте, готовьте пляски, забавы....

ну, барышня, да и только, какъ будто вчера изъ Москвы пріѣхала, а какъ дойдетъ до словъ:

Ему Маруся на встрѣчу бѣжить,

да и пробѣжитъ немножко и ручки протянетъ, какъ будто до офицера... чи то до козака С., я не вытерплю, бывало, просто зарыдаю, такъ чувствительно.

— Что это тамъ такъ чувствительно? спроситъ бывало Никифоръ Ѳедоровичъ, когда разслышитъ.

— Я разсказываю, какъ мы въ Лубнахъ....

— Знаю, знаю. Козака или офицера стихотворца видѣли. Плюньте на эти разсказы, Степанъ Мартыновичъ, да садитесь поближе, я вамъ прочитаю, какъ ходили наши козаки на Ладожскій каналъ, та на Орель линію высыпать; а вы бы лучше сдѣлали, Парасковья Тарасовна, если-бы велѣли намъ чего-нибудь сварить повечерять.

Замѣтить надо, что Никифору Ѳедоровичу страшно не понравился знаменитый козакъ стихотворецъ. Онъ обыкновенно говорилъ, что это чепуха на двухъ языкахъ, и я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Никифора Ѳедоровича. Любопытно бы знать, что-бы онъ сказалъ, если-бы прочиталъ малороссійскую Сафо. Я думаю, что онъ выдумалъ бы какое-нибудь новое слово, потому что слово «чепуха» для нея слишкомъ слабо. Мнѣ кажется, никто такъ внимательно не изучилъ безтолковыхъ произведеній философа Сковороды, какъ кн. Ш. Въ малороссійскихъ произведеніяхъ почтеннѣйшаго князя со всѣми подробностями отразился идіотъ Сковорода, а почтеннѣйшая публика видитъ въ этихъ калѣкахъ настоящихъ малороссіянъ. Бѣдные земляки мои!... Положимъ, публика человѣкъ темный; ей про-

ствительно, но великій грамматикъ нашъ Н. И. Гречъ въ своей «Исторіи русской словесности» находитъ въ нихъ, кромѣ высокихъ эстетическихъ достоинствъ, еще и историческій смыслъ. Онъ безъ всякихъ обиняковъ относитъ существованіе козака Климовскаго ко времени Петра I. Глубокое познаніе нашей исторіи!....

По прочтеніи эпизода изъ лѣтописи Конисскаго друзья повечеряли и разошлись.

Такъ, или почти такъ проходили длинные зимніе вечера. Иногда пріѣзжалъ и Карлъ Осиповичъ нанюхаться табаку изъ своей раковинной табакерки и уѣзжалъ не вечерявши, развѣ только иногда выпьетъ рюмочку «трохимовки» и закуситъ кусочкомъ бубличка, а иногда такъ и совсѣмъ не закуситъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(Продолженіе) [1]).

Кіево-печерская лавра изстари пользовалась особыми правами и преимуществами, измѣнившимися впослѣдствіи, имѣла свое особое управленіе и уставъ, удержавшіеся и доселѣ. Первоначально она называлась *печерскимъ монастыремъ*, и это названіе усвоняется ей во всѣхъ лѣтописяхъ и древнихъ ея документахъ [2]). Соотвѣтственно сему и настоятели ея назывались *игуменами* до начала XIV вѣка, кромѣ Акиндина 1-го († 1168 г.), Поликарпа († 1182 г.) и Василія († 1197 г.), которые называются игуменами и вмѣстѣ архимандритами. Но начиная съ Давида, по порядку 23-го настоятеля лавры, упоминаемаго въ 1377 г., всѣ они титуловались уже архимандритами. Право *ставропигіи*, или независимости отъ мѣстнаго епархіальнаго управленія испрошено печерскимъ монастыремъ у константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1592 году, и если не задолго предъ симъ его архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ формально, гдѣ слѣдуетъ, заявлены были древніе документы, по которымъ будто-бы это право и самое названіе *лавры* и *архимандріи* даны были монастырю гораздо раньше, то самое происхожденіе этихъ документовъ подлежитъ большому сомнѣнію. По объясненію Хребтовича, они получены имъ въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ изъ архива константинополь-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., августовск. кн., стр. 385—409.

[2]) Лаврою называется печерскій монастырь только въ посланіи 1182 г. Кирилла Туровскаго къ кіевскому архимандриту Василію и въ сказаніи Симона Суздальскаго († 1226 г.) о созданіи печерской великой церкви.

ской патріархіи, въ замѣнъ подлинныхъ, которые, бывъ взяты имъ въ Варшаву на сеймъ въ 1590 г., сгорѣли въ пути, во время ночлега его въ г. Васильковѣ, въ тамошнемъ лаврскомъ замкѣ, отъ случившагося тамъ пожара. Въ числѣ полученныхъ этимъ путемъ документовъ значатся: 1) грамота князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, данная имъ печерскому монастырю, по завѣщанію отца его Юрія Долгорукого, въ 1159 году, которою онъ, надѣляя этотъ монастырь значительными угодіями, жалуетъ ему титулъ *лавры, архимандріи* и *ставропигіи*, съ изъятіемъ его изъ вѣдомства кіевскаго митрополита и софійскаго клироса, угрожая клятвою 318 отецъ, иже въ Никеѣ, за нарушеніе сего пожалованія, и 2) грамота константинопольскаго патріарха Максима 1481 г., которою онъ съ своей стороны угрожаетъ анаѳемой митрополиту кіевскому и софійскому клиру, если они будутъ вмѣшиваться въ дѣла печерскаго монастыря и простирать на него свою власть. Но, не говоря о томъ, что въ сохранившейся описи печерскаго монастыря 1554 г., въ которой поименованы всѣ его крѣпостные и другіе документы, названныя грамоты вовсе не упоминаются и значитъ не могли сгорѣть въ 1590 году, первая изъ этихъ грамотъ заключаетъ въ себѣ еще много историческихъ несообразностей. Такъ, князь Андрей Юрьевичъ Долгорукій въ этой грамотѣ называетъ себя правнукомъ не Всеволода, а Изяслава, говоритъ, что отецъ его Юрій, погребенный несомнѣнно у Спаса на Берестовѣ, погребенъ въ великой лаврской церкви у гроба препод. Ѳеодосія, что Кіевъ, которымъ онъ овладѣлъ только въ 1169 году, былъ его столицей въ 1159 году и что грамота эта дана по благословенію патріарха кура Сильвестра, тогда какъ въ 1159 г. патріархомъ константинопольскимъ былъ Лука Хризоверхъ; притомъ печерскому монастырю этою грамотою подчиняются такіе монастыри, которые тогда еще не существовали. Наконецъ нужно принять во вниманіе и то, что Андрей Боголюбскій никогда не былъ великимъ кіевскимъ княземъ и памятенъ Кіеву только разореніемъ его.

Въ 1688 году, съ отчисленіемъ кіевской митрополіи изъ вѣдѣнія константинопольской патріархіи, изъята изъ ея вѣдѣнія и

кіево-печерская лавра и подчинена непосредственному вѣдѣнію московскаго патріарха. Вѣроятно тогда же, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ права ставропигіи, священно-архимандриту кіево-печерской лавры дано первенство предъ всѣми русскими архимандритами и предоставлено имѣть служеніе въ своемъ монастырѣ и ношеніе священныхъ и монашескихъ одеждъ по обычаю древнему, съ тѣмъ однако, чтобы имя кіевскаго митрополита возносилось въ церковномъ пѣніи и на ектеніяхъ при богослуженіи, причемъ царскою и патріаршею грамотами подтверждено лаврѣ право имѣть типографію для печатанія богослужебныхъ и учительныхъ книгъ и право избранія архимандрита старцами и братіею по древнему обычаю, въ присутствіи свѣтскихъ чиновъ. Патріаршею грамотою 1689 года кіево-печерскій архимандритъ уволенъ отъ пріѣзда въ *софійскій соборъ къ молебнамъ* въ господскіе и въ богородичные дни и въ тезоименитства государей, а велѣно ему молебны тѣ пѣть въ лаврѣ. Особенныя преимущества, которыя священно-архимандритъ кіево-печерской лавры имѣлъ въ священнослуженіи, были слѣдующія: къ литургіи онъ выходилъ изъ келлій своихъ *со славою*, въ мантіи и съ патерицею, въ предшествіи священниковъ и діаконовъ; при входѣ въ церковь его встрѣчали со св. крестомъ и кадилами и при пѣніи *Достойно есть* онъ входилъ въ алтарь царскими вратами, въ мантіи и съ патерицей; при облаченіи къ священнослуженію возлагалъ на себя палицу, митру и панагію; во время служенія литургіи осѣнялъ дикиріями и трикиріями, на великомъ выходѣ принималъ св. дары на царскихъ вратахъ, не исходя изъ алтаря, причащалъ священниковъ и прочее дѣйствовалъ по чину архіерейскому. Когда и кѣмъ установленъ этотъ обрядъ служенія архимандритовъ кіево-печерской лавры и кѣмъ утвержденъ, отвѣта на запросъ св. синода въ 1749 году не могли дать. Впрочемъ употребленіе архимандритами сей лавры митры извѣстно гораздо раньше 1688 года, именно изъ постановленій московскаго собора 1674 года, когда митра составляла принадлежность только еще 4-хъ архимандритовъ въ Россіи: кіево-печерскаго, свято-троицкаго Сергіева монастыря, владимірскаго Христо-рождественскаго и новоспасскаго—московскаго. Но

какъ на востокѣ не въ обычаѣ предоставлять архимандритамъ какія либо отличія архіерейскаго служенія, то должно думать, что описанныя выше отличія даны архимандритамъ кіево-печерской лавры не константинопольскими патріархами, а московскими царями и московскими патріархами. Съ подчиненіемъ лавры кіевскому митрополиту въ качествѣ ея священно архимандрита въ 1786 году, всѣ эти привиллегіи потеряли свое значеніе для лавры.

Административная и духовно-судебная власть принадлежитъ въ кіево-печерской лаврѣ *духовному собору*, который состоитъ изъ старшихъ должностныхъ лицъ, называемыхъ *соборными старцами* и избираемыхъ въ числѣ 12-ти, или «колико потребно, изъ братія для совѣтованія и управленія соборнѣ всѣми монастырскими дѣлами», какъ значится въ грамотѣ 1688 года патріарха Іоакима. Членами духовнаго собора состоятъ: 1) *казначей*, который принимаетъ, хранитъ и выдаетъ всѣ лаврскія суммы; 2) *экономъ*, имѣющій въ своемъ вѣдѣніи зданія лавры, ея угодья и все недвижимое имущество, а также вѣдающій всѣ постройки, починки и все лаврское внѣшнее хозяйство; 3) *келарь*, завѣдывающій продовольствіемъ монашествующихъ и ихъ трапезою; 4) *экклесіархъ*, вѣдѣнію котораго подлежатъ лаврскія церкви съ ризницей, утварью и библіотекой, равно порядокъ церковнаго звона и уставъ богослуженія; 5) *типографъ*, завѣдывающій типографіею, книжнымъ магазиномъ и всѣми матеріалами типографскими; 6) *благочинный*, надзирающій за поведеніемъ братіи и благочиніемъ; 7) *начальникъ Ближнихъ пещеръ* и 8) *начальникъ Дальнихъ пещеръ;* сверхъ того, членами духовнаго собора, считаются нѣсколько іеромонаховъ, которые не имѣютъ особыхъ начальственныхъ должностей. Старшее лицо въ духовномъ соборѣ есть *намѣстникъ*, или вице-архимандритъ лавры, заступающій мѣсто священно-архимандрита. Всѣ эти лица въ своихъ должностяхъ утверждаются кіевскимъ митрополитомъ, за исключеніемъ намѣстника, который назначается святѣйшимъ синодомъ. Намѣстники лавры первоначально были въ санѣ іеромонаха, въ послѣдствіи имъ

данъ санъ архимандрита, съ присвоеніемъ лично степени настоятеля второклассннаго монастыря. Духовный соборъ съ консисторіями и прочими присутственными мѣстами сносится «отношеніями» и дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ преосвященнаго кіевскаго митрополита, которому представляетъ на утвержденіе всѣ свои постановленія. До 1688 года соборъ лавры назывался капитулою и имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи, кромѣ лавры, и приходское духовенство церквей, находившихся въ бывшихъ лаврскихъ имѣніяхъ, относясь къ кіевскому митрополиту и другимъ мѣстнымъ преосвященнымъ только о посвященіи лицъ избранныхъ имъ въ св. санъ; но привиллегія эта отмѣнена указомъ св. синода 10 февраля 1769 года.

Въ предшествовавшее основанію кіево-печерскаго монастыря время, съ IV вѣка существовало уже нѣсколько монастырскихъ уставовъ, составленныхъ знаменитѣйшими отцами монашества; таковы: уставъ преподобнаго Пахомія († 348 г.), правила св. Василія Великаго († 379 г.), іерусалимскій уставъ Саввы освященнаго († 532 г.), константинопольскій св. Ѳеодора Студита († 826 г.) и аѳонскій, или уставъ св горы—преподобнаго Аѳанасія († 980). Но въ лицѣ преподобнаго Антонія, отца иночествующихъ печерскаго монастыря, монашество пришло къ намъ безъ устава: преподобный Антоній принадлежалъ къ числу келліотовъ или особножителей и поселился въ пещерѣ, не имѣя намѣренія заводить монастырь; такимъ остался онъ и до конца своей жизни, пребывая въ затворѣ одинъ, безъ сожительствующей братіи. Собравшаяся въ пещерѣ преподобнаго Антонія братія первоначально, при игуменѣ Варлаамѣ, руководствовалась безъ сомнѣнія тѣми правилами и обычаями, которые вынесены были преподобнымъ Антоніемъ изъ Аѳонской горы и переданы имъ словесно Второй игуменъ печерскаго монастыря, преподобный Ѳеодосій, въ виду умножившагося числа братіи, позаботился дать ему письменный уставъ монашескаго житія. У прибывшаго въ Кіевъ изъ Константинополя съ митрополитомъ Георгіемъ греческаго монаха Михаила оказался списокъ *устава*

Студійскаго монастыря [1]), и этотъ-то уставъ преп. Ѳеодосій ввелъ въ своей обители, не безъ совѣта, вѣроятно, и благословенія самаго митрополита, котораго вѣдѣнію подлежали тогда печерскіе иноки. Полученный такимъ путемъ списокъ Студійскаго устава безъ сомнѣнія заключалъ въ себѣ не краткую его запись, сдѣланную первоначально въ самомъ студійскомъ монастырѣ, а полную его редакцію, которую далъ ей константинопольскій патріархъ Алексѣй и въ которой полно изложены были и уставъ богослуженія, и правила монашескаго житія. Руководствуясь этимъ уставомъ, преподобный Ѳеодосій «устави, по выраженію лѣтописца, въ монастыри своемъ, како пѣнья пѣти монастырская и поклонъ какъ держати и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, и на трапезѣ сѣданье, и что ясти въ кіе дни, все со уставленьемъ», а отъ его монастыря, по словамъ того же лѣтописца, «переяша и вси монастыреве уставъ; тѣмъ же и почтенъ есть монастырь печерскій старѣй всѣхъ».

Студійскій уставъ, въ редакціи патріарха Алексѣя, опредѣлялъ весь строй жизни иноковъ и ихъ занятія, начиная съ одежды и пищи.

По правиламъ этого устава, «никто изъ монаховъ не долженъ носить одежды льняной или другой какой нибудь (тонкой), но только изъ шерсти, цвѣтомъ черную или красную, или такъ называемую сѣрую; всѣ одѣянія монаховъ должны быть худы, но чисты и никакъ не должны быть свѣтлыхъ цвѣтовъ или

---

[1]) Студійскій монастырь находился въ Константинополѣ. Основателемъ его былъ *Студій*, патрицій и консулъ, прибывшій изъ Рима въ Константинополь въ царствованіе Льва Великаго (457—474 г.). Здѣсь, на берегу Мраморнаго моря, онъ построилъ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи и, поселивъ при немъ монашествующихъ, положилъ тѣмъ начало монастырю, названному по его имени. Во время иконоборства монастырь этотъ пріобрѣлъ большую извѣстность. Тогдашній игуменъ его, св. Ѳеодоръ, называемый Студитомъ, далъ ему уставъ, въ основу котораго легли правила св. Василія великаго. Болѣе полная запись этого устава сдѣлана константинопольскимъ патріархомъ *Алексѣемъ* (1025—1043 г.), бывшимъ монахомъ студійскаго монастыря. Студійскій уставъ держался у насъ, въ Россіи, до половины XIV вѣка и только съ этого времени началъ уступать іерусалимскому.

имѣть лоскъ, какъ нѣкоторые утѣшаются ярко-красными и лоснящимися одеждами, пагубно смѣшивая съ монашескою скромностію мірское тщеславіе; одежды великихъ схимниковъ должны имѣть иконныя изображенія, а одежды малосхимниковъ должны быть просты; зимою, подъ предлогомъ холода, монахи не должны надѣвать вдвойнѣ никакой одежды, а обычай дѣлать хитоны и мантіи изъ мѣховъ мы воспрещаемъ, ибо таковыя одежды опасны подражателямъ иноческаго житія; болѣе здоровые изъ монаховъ должны имѣть головы вовсе непокрытыми, по древнему отеческому преданію.

Каждый монахъ долженъ имѣть двѣ рубашки и два хитона, изъ которыхъ одинъ суконный, два кукуля, мантію малую для работъ и болѣе длинную для церкви; обувь—короткіе сапоги, большіе сапоги и башмаки; на постелѣ монахъ долженъ имѣть тростниковую рогожу и двѣ сукманицы (сукон. одѣяла).

Съ наступленіемъ времени обѣда, по троекратномъ ударенія въ било, монахи идутъ въ трапезницу въ предшествіи дневнаго служащаго священника и за нимъ игумена; служащій священникъ благословляетъ столы. На игуменскій столъ подается лучшая пища и игуменъ сажаетъ за свой столъ братьевъ по своему усмотрѣнію. По окончаніи обѣда и питіи чаши, трапеза и чтеніе прекращается ударенiемъ ложкой въ назначенное блюдо, собираются укрухи или остатки въ пустыя мисы. Въ заключеніе возглашается имя великое пресвятыя Тройцы, поются псалмы 121 и 83 и творится краткая молитва предъ главными вратами церкви. Дрова въ поварнѣ и хлѣбо-пекарнѣ ежедневно зажигаются отъ огня, износимаго пономаремъ изъ олтаря «отъ святаго свѣта свѣтильника».

Занятія монаховъ состоятъ въ молитвѣ церковной и келейной, чтеніи божественныхъ писаній и монастырскихъ работахъ.

Монахи не должны ходить другъ къ другу въ келью, а желающіе научиться церковнаго ученія учатся послѣ утрени въ трапезницѣ. Каждый монахъ долженъ знать псалтырь наизусть. Въ домовыхъ работахъ монахи должны быть сами себѣ слугами и не смотрѣть на иныхъ руки; въ работахъ

общихъ распредѣляются на три смѣны; работы внѣ монастыря производятся наемными людьми.

Монахи исходятъ изъ монастыря только въ случаѣ «неотложныя потребы» по благословенію игумена, съ предъявленіемъ вратарю его печати Для женщинъ монастырь совершенно невходенъ, кромѣ царицы, которую встрѣчаетъ только игуменъ съ старѣйшими изъ братіи».

Въ краткой записи студійскаго монастыря, сдѣланной въ самомъ монастырѣ, заповѣдывалось въ особой главѣ игумену «не измѣнять ни въ чемъ устава или порядка; не скоплять для себя ничего отдѣльно и до одного сребреника; изъ монастырскаго имущества не употребить на на близкихъ по плоти, ни на родственниковъ, ни на друзей и товарищей, ни при жизни, ни по смерти, ни въ видѣ милостыни, ни посредствомъ оставленія въ наслѣдство; не имѣть рабовъ ни для монастыря, ни для полей; отнюдь не ѣздить, но христоподражательно ходить пѣшкомъ;хранить всячески, что-бы у братства было все общее и нераздѣльное и не было ничего собственнаго, даже до иголки; не вкушать пищи за однимъ столомъ съ женщинами и не водить дружества съ монахиней; не пріобрѣтать одежды изысканной и многоцѣнной; не скоплять золота въ монастырѣ, но избытокъ всякаго плода раздавать нуждающимся; не принимать себѣ на храненіе казны и экономскихъ заботъ, оставляя себѣ одну величайшую заботу о *душахъ*; и наконецъ не сотворить и не учинить ни въ какомъ дѣлѣ, относящемся до душевнаго или до тѣлесного, чего либо по собственному хотѣнію, безъ воли и молитвы господина и отца (затворника), а также безъ совѣта преимуществующихъ знаніемъ и благочестіемъ, смотря по предлежащему предмету.

По смерти игумена братія въ продолженіи 3-хъ дней возносятъ общую теплую молитву, чтобы Господь явилъ достойнаго, и затѣмъ, предъ св. евангеліемъ, избираютъ, его же вѣдятъ; если всѣ единогласно изберутъ одного, то благодареніе Богу, если же сего не случится, то избираютъ трехъ кандидатовъ и идутъ съ мольбой къ патріарху, чтобъ онъ изъ

трехъ выбралъ одного. Избираемый долженъ быть не моложе 33 лѣтъ, изъ постриженниковъ монастыря, а не изъ отъинуды пришедшихъ, чтобъ зналъ и любилъ порядки монастыря и не имѣлъ охоты посягать на нихъ».

Что этотъ, а не иной уставъ введенъ былъ и соблюдался въ кіево-печерскомъ монастырѣ, достаточно можно видѣть изъ «Житія преподобнаго Ѳеодосія», изъ «Патерика печерскаго» и изъ обычаевъ, доселѣ сохраняющихся въ трапезѣ сей обители. Преподобный Ѳеодосій, какъ свидѣтельствуетъ его ученикъ, препод. Несторъ, «многажды хожаше по келіямъ ученикъ своихъ и аще обрящше у кого— ли брашно снѣдно, ли одеждно лише уствныя одежи, или отъ имѣнія что, сія travelemъ, въ пещь меташе, якоже вражію часть сущу и преслушанія грѣхъ». Одеждой его была свита власяна остра на тѣлѣ, извну-же на ней ина свита, и также вельми худа сущи, и туже взволочаше на ся того ради, яко да не явитися власяницы, сущи на немъ». Самъ трудился онъ наравнѣ съ прочими, не пренебрегая ни какимъ трудомъ, перемалывая своими руками рожь, рубя и нося дрова; «еще же, какъ пишетъ Несторъ, и въ пещьницу часто исхожаше и съ пекущими веселяшеся духомъ, тѣсто мѣшаше и хлѣбы пека». А умирая онъ завѣщевалъ своему преемнику, преподобному Стефану: «преданья монастырская и устава не измѣняй, но твори вся по закону, по чину монастырскому».

Долго ли сохранялся строго и неизмѣнно этотъ завѣтъ преподобнаго начальника общежительнаго житія въ печерской обители, нельзя опредѣлить. По нашествіи Батыя онъ еще крѣпко держался въ ней, хотя и раньше сего времени Поликарпу, ея архимандриту (1168—1170 г.), уже пришлось претерпѣть ссылку за сохраненіе одной статьи студійскаго устава, на основаніи которой и по примѣру преподобнаго Ѳеодосія въ печерской обители разрѣшался или отмѣнялся постъ въ среду и пятокъ ради праздниковъ господскихъ и богородичныхъ и памяти нарочитыхъ святыхъ. Не совсѣмъ въ согласіи съ студійскимъ уставомъ печерскій монастырь сталъ владѣть и населенными имѣніями, жертвуемыми ему разными благотворителями. Еще труднѣе было

держаться преданіямъ монастырскимъ и правиламъ строгаго общежительнаго устава въ періодъ литовско-польскій, когда стали появляться въ печерскомъ монастырѣ игумены и архимандриты не изъ его постриженцевъ, а изъ людей пришлыхъ и чуждыхъ его духа и когда назначеніе въ это званіе зависѣло уже не отъ выбора братіи, а отъ королевскаго *подаванья*, пріобрѣтавшагося нерѣдко путемъ подарковъ и подкуповъ при дворѣ. Должность архимандрита печерскаго монастыря, окруженнаго почетомъ и распоряжавшагося богатыми имѣніями, стала предметомъ искательства лицъ изъ дворянскихъ фамилій и повлекла частую смѣну архимандритовъ. У архимандритовъ, вопреки студійскому уставу, явились *статки*, которые они старались умножить на счетъ доходовъ монастырскихъ, чтобы обезпечить себя и своихъ родственниковъ, отлагая всякое попеченіе не только о духовныхъ потребностяхъ братій, но и о строеніи монастырскомъ. Примѣромъ архимандрита увлекались и старцы, соприкасавшіеся къ доходамъ и хозяйству монастыря; вслѣдствіе чего и вслѣдствіе самоуправства кіевскихъ воеводъ, принимавшихъ печерскій монастырь иногда на продолжительное время въ свое вѣдѣніе по смерти архимандритовъ, «общежитіе» процвѣтавшее нѣкогда въ семъ монастырѣ, къ началу XVI вѣка окончательно пало «и отъ тыхъ часовъ, по свидѣтельству современниковъ, тотъ монастырь оскудѣлъ, а церковь Божія къ великой шкодѣ и упадку пришла».

Въ 1522 году 4 іюля архимандритъ печерскій Игнатій съ клирошанами, застолпниками и всею братіею рѣшились обратиться къ королю Сигизмунду I-му съ просьбою утвердить древнее «общежитіе» печерскаго монастыря своею королевскою грамотою. Король удовлетворилъ эту просьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановилъ право братіи монастырской избирать себѣ архимандрита и обращать въ собственность церковную имущество, остающееся послѣ его смерти. «Били намъ чоломъ архимандритъ печерскій Игнатій, крылошане, застолпники и вся братія монастыря печерскаго пречистоѣ Богородицы съ Кіева, говорится въ данной въ отвѣтъ на эту просьбу королевской грамотѣ отъ 4 іюля 1522 года, и по-

вѣдали предъ нами, штожъ за предковъ нашихъ, здавна, въ томъ монастыри печерскомъ община бывала возлѣ обычаю и закону ихъ греческого, для чого-жъ въ той церкви Божіей хвала Божія ширила и множила и предкомъ нашимъ большое богомольє бывало... И они били намъ чоломъ, ижъ быхмо и нынѣ въ томъ монастыри дали имъ общину мѣти водлѣ обычаю и закону ихъ греческого. Ино мы, бачучи на упадокъ того монастыря и хотячи то мѣти, абы тотъ монастырь къ вспоможенію пришелъ, штобы ся хвала Божая въ той церкви Божіей ширила и множила, а намъ бы большое богомолье было, дали есмо архимандриту и всей братіи въ томъ манастыри общину мѣти, и маютъ они въ той ся общинѣ справовати водлѣ обычаю и уставы закону ихъ греческого, а отъ воеводъ кіевскихъ и отъ князей и пановъ земли кіевскоѣ въ томъ имъ переказа жадная быти не маетъ». Въ той же грамотѣ порядокъ избранія архимандрита опредѣленъ такъ: «по смерти архимандритовой старцы печерскіе маютъ вси статки архимандричіе брати въ вспоможенію церковному и тотъ монастырь маютъ сами держати, пока архимандрита къ тому монастырю дадимъ. А какъ у нихъ архимандрита не станетъ, тогда старцы того монастыря и князи и панове земяне земли кіевскоѣ сами-жъ маютъ архимандрита, человѣка годного, обрати и насъ за нимъ жедати, и мы на жеданіе ихъ маемъ тому тою архимандритію дати, кого они обберутъ[1]). Это была первая королевская грамота печерскому монастырю по опустошеніи его татарами въ 1482 году. Но не прошло и 30 лѣтъ послѣ возстановленія общины въ семъ монастырѣ, какъ въ 1551 году «вси старцы монастыря печерскаго жаловались и оповѣдали господарю, королю его милости, ижъ архимандриты ихъ печерскіе тоѣ общины ихъ мѣти не хотятъ и держачи тотъ монастырь, великое знищенье и шкоды ему чинятъ, беручи платы и доходы, дѣтей и кровныхъ своихъ зъ тыхъ запомогаютъ, зачимъ вже тотъ монастырь, за ихъ знищенемъ, наконецъ зъубожалъ и церковь Божая опала»[2]). Въ слѣдствіе этой новой

---

[1]) Акты Зап. Рос. т. II, № 112.

[2]) Акты Зап. Рос., т. III, № 10.

просьбы кіевскій воевода Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій, по волѣ короля, «общину на вѣки вѣчные вчинилъ въ печерскомъ монастырѣ, всю науку, какъ ся маютъ справовати, на томъ мѣстѣ выписалъ и врадниковъ, иконома и палатниковъ установилъ, и имъ у справу въ моцъ яко монастырь и старцовъ, такожъ имѣнья и всихъ подданныхъ монастырскихъ отъ мала до велика подалъ». Всѣ черницы монастыря печерскаго приняли и на вѣки вѣчныя ухвалили правила возстановленнаго иноческаго общежитія. А въ правилахъ этихъ значилось: «архимандритъ и старцы завжды въ одномъ мѣстцы у трапези маютъ ѣсти и пити и при столѣ чтенье чести. Ктому тежъ что ся дотычеть старцовъ, крылошанъ и застолниковъ, они безъ дозволенія архимандричьего и икономова изъ монастыря нигдѣ ходити не маютъ, а который бы изъ нихъ своею волею зъ монастыря безъ ихъ дозволенія ходити мѣлъ, або мѣшкаючи въ монастыри хто въ чимъ колвекъ выступилъ, тогды таковыхъ архимандритъ з братьею, обмовивши, маютъ за то карати водлѣ права ихъ духовного; а естли-бы который не мѣлъ послушенъ быти, таковаго зъ монастыра маютъ выслати. А што ся дотычетъ келій и садовъ ихъ братейскихъ, то все маетъ въ общѣ быти. А который братъ своею волею хотѣлъ бы зъ монастыря прочь пойти, тому кельи своее не продавати, а ни съ палаты за то пѣнязей ему не откладывати; маетъ тая келья обще быти, однакожъ маетъ маетность свою побрати. Архимандриту и крылошанамъ и всей братьи одежа и дрова зъ скарбу церковного маетъ имъ давана быти. А черницы въ кельяхъ своихъ бѣльцовъ и робятъ держати и всякихъ живностей мѣти не маютъ: лечь архимандритъ для послуги своего слугу и хлопца мѣти маетъ». Архимандритъ и старцы въ каждый воскресный и праздничный день обязаны служить „всеночную службу и во всемъ справовати водлѣ правилъ святыхъ отецъ". Доходы за панихиды, молебны и сорокоусты дѣлятся между архимандритомъ и братіею, а доходы за запись въ синодикъ и помяникъ, равно за погребеніе, въ монастырѣ совершаемое, должны идти «на палату», т. е. поступать въ монастырскую кассу. Монастырская печать должна

храниться не у архимандрита, а въ кассѣ церковной, за ключомъ архимандритовымъ и икономовымъ. Управленіе монастырскими имѣніями и распоряженіе палатами, доходами, даньми медовыми и грошовыми должно принадлежать эконому и палатнику съ братьею, «архимандриты жъ въ жадныи справы, ни во что ся вступовати на вѣки вѣчные не маютъ, одножъ имъ церковную справу вѣдати». Впрочемъ экономъ и палатникъ обязаны представлять два раза въ годъ архимандриту и братіи общій отчетъ прихода и расхода монастырскаго, и могли быть смѣнены архимандритомъ съ братіею, въ случаѣ неисправности, и замѣнены болѣе достойными, «абы для того церкви Божіей и всей братіи шкоды не было». Кромѣ того архимандриту и старцамъ вмѣнялось въ обязанность не принимать къ себѣ бѣглыхъ черницовъ „зъ Москвы и Волохъ и межи собою ихъ не переховывати“ [1]).

Не трудно видѣть, что эти правила заключали въ себѣ нѣкоторыя отступленія или послабленія студійскаго устава [2]), но тѣмъ не менѣе въ нихъ много общежитнаго, братскаго, староотеческаго, скрѣплявшаго жизнь иноческую, ограничивавшаго нарушеніе иноческихъ обѣтовъ.

Въ дальнѣйшей исторіи кіево-печерской лавры ясныхъ свидѣтельствъ относительно общежительныхъ порядковъ въ ней не имѣется, тѣмъ не менѣе общежитіе въ ней по правиламъ студійскаго устава, съ большими или меньшими отмѣнами, сохранялось и сохранилось до нынѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Акты Зап. Рос., т. III, № 10.

[2]) Запись этого устава и выписки изъ него въ редакціи патр. Алексія помѣщены во 2-й половинѣ 1-го тома Исторіи русск. церкви Е. Голубинскаго.

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Въ статьѣ о малорусской географической номенклатурѣ (Кіевск. Стар. 1886 г., т. VII и отд. оттиски) я сдѣлалъ общій обзоръ мѣстныхъ собственныхъ именъ въ этнографическихъ предѣлахъ малорусскаго народа, причемъ на ряду съ мѣстными названіями, которыя даны крестьянами, шли мѣстныя же названія, возникшія по произволу землевладѣльцевъ изъ дворянъ, и на ряду съ собственно малорусскими мѣстными названіями шли возникшія на южнорусской почвѣ названія татарскія, румынскія, нѣмецкія [1]). Въ итогѣ получилась довольно пестрая смѣсь собственныхъ именъ разнообразнаго происхожденія, указывающая на весьма разнообразное движеніе южнорусской жизни въ древнее время.

Въ предлагаемой вниманію читателя статьѣ я ограничиваюсь одной стороной предмета, не затронутой мною въ статьѣ о географической номенклатурѣ, именно географическими свѣдѣніями южнорусскаго народа, на сколько они выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ. Не задаваясь широкими цѣлями, я оставляю въ сторонѣ много интересныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ предметомъ, подлежащимъ изслѣдованію, напримѣръ, вопросы о томъ, какими путями южнорусскій народъ пріобрѣталъ географическія свѣдѣнія въ старинное время, что взято изъ школы и письменности, что взято изъ устныхъ разсказовъ бывалыхъ людей, ко-

---

[1]) Кстати, здѣсь укажемъ на одну случайную перестановку словъ въ статьѣ о географич. номенклатурѣ; на стр. 459 сказано: (Покутье) „между Днѣстромъ на западѣ и Карпатами на востокѣ“. *Нужно*: между Днѣстромъ на востокѣ и Карпатами на западѣ.—Н. С.

каковъ и странниковъ-богомольцевъ, какъ вообще великъ былъ запасъ географическихъ свѣдѣній южнорусскаго народа, судя по даннымъ матеріаламъ, письменнымъ и устнымъ. Желательно опредѣлить ту часть географическихъ свѣдѣній, которая составляла нѣкогда достояніе всего народа, безъ различія сословій, и была закрѣплена въ думахъ и пѣсняхъ; при этомъ желательно установить связь основныхъ географическихъ свѣдѣній народа со всѣмъ складомъ его исторіи и быта.

Значительнымъ различіемъ великорусскихъ былинъ и малорусскихъ историческихъ пѣсенъ по времени ихъ возникновенія обусловливается ихъ крупное различіе относительно географической терминологіи. Великорусская былина превосходитъ малорусскія думы по древности. Какъ извѣстно, въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, впервые высказанное въ 1863 г. Л. Н. Майковымъ, что содержаніе былинъ Владимірова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV [1]). Недавно вышедшее, интересное во многихъ отношеніяхъ сочиненіе М. Е. Халанскаго «Великорусскія былины кіевскаго цикла» указываетъ на необходимость нѣсколько ограничить это мнѣніе, расширивъ значеніе московскаго періода русской исторіи въ созданіи и развитіи былевой поэзіи. При всемъ томъ, на основаніи представленныхъ М. Е. Халанскимъ фактовъ и соображеній, нельзя еще согласиться съ авторомъ, что «Москва, собирательница русской земли, явилась и собирательницей русскаго эпоса, и московскимъ пѣтарямъ принадлежитъ уже какъ дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, такъ и централизація его въ кіевскій кругъ» [2]). Уже изъ одного того обстоятельства, что центральная, вполнѣ московская Россія почти совсѣмъ не сохранила былинъ, въ то время, какъ остатки былевой поэзіи сохранились въ Руси нов-

---

[1]) *Л. Майковъ*, О былинахъ влад. цикла, стр. 24—27.

[2]) *М. Халанскій*, Великор. былины кіевск. цикла, стр. 213.

городской и въ Руси суздальской, говорятъ не въ пользу Москвы. Мнѣніе о древнемъ происхожденіи и развитіи русскаго эпоса остается непоколебленнымъ, и, между прочимъ, мнѣніе это подтверждается древнимъ характеромъ былевой географической номенклатуры, неопредѣленной, неточной, расплывчивой, большею частью фантастической. Нѣтъ сомнѣнія, что простой русскій народъ имѣетъ много точныхъ и обстоятельныхъ географическихъ свѣдѣній. Мало-ли куда ни забирался русскій солдатъ, русскій мастеровой, русскій странникъ-богомолецъ. Однако, точныя его свѣдѣнія не попали въ глубоко древнюю былину и вообще не выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ, за исключеніемъ только свѣдѣній о славныхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ Іерусалимѣ и Цареградѣ. Въ былинахъ находятся или мало понятныя географическія названія, требующія объясненія, или даже вполнѣ фантастическія. Къ числу первыхъ относятся Литва и Литавъ хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское, Ляховинское, Ляховецкое, Карела поганая или богатая, Чудь бѣлоглазая, земля Веденецкая съ городомъ Леденцомъ, царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живетъ Сорочина долгополая; орды невѣрныя, немирныя, дальнія, темныя, великія,—Большая, Золотая, населенная татарами, улановыми, Индія богатая, Агаряне. Все это названія извѣстныхъ странъ и народовъ, очевидно, подвергшіяся сильному обобщенію и расшитыя фантастическими узорами. Далѣе идутъ совершенно темныя географическія названія: земля Гленская (англійская ?), улусы загорскія, Могозея, земля и орда Заоданская, царство Алыберское [1]). На ряду съ дѣйствительными рѣками Дунаемъ, Дономъ, Днѣпромъ, Волгой, Камой идутъ фантастическія рѣки Израй, Сафатъ, Пучай, Смородина, Нѣпра, а въ числѣ горъ Сорочинскія, Сіонскія, Палачъ гора, Скатъ гора. Вообще, всѣ географическія названія, даже такія реальныя, какъ Брянскіе лѣса, Кіевъ, Днѣпръ, облечены таинственностью, туманомъ, вполнѣ или отчасти потеряли реальное свое значеніе и стали обозначать вообще темный, дремучій лѣсъ, отдаленный священный или богатый городъ, далекую и глубокую рѣку. Съ литературной точки зрѣнія эта географическая таинственность имѣетъ свою цѣн-

---

[1]) *Л. Майковъ*, О былинахъ, стр. 43—44.

ность: она содѣйствуетъ поэтическому полету фантазіи и даетъ извѣстный разгонъ для мысли.

Можно сказать, съ каждымъ десятилѣтіемъ укрѣпляется убѣжденіе въ существованіи древняго, южно-русскаго до-козацкаго эпоса. П. А. Кулишъ въ пятидесятыхъ годахъ, И. В. Ягичъ въ семидесятыхъ годахъ, высказывали мнѣніе, что богатое развитіе южнорусскаго эпоса въ XVII ст. предполагаетъ существованіе эпоса наклонности къ эпическому творчеству въ болѣе старое время. М. Е. Халанскій замѣчаетъ, что древній южно-русскій эпосъ органически примкнулъ къ новѣйшему, козацкому. Какъ извѣстно, древній южно-русскій эпосъ теперь до нѣкоторой степени возстановляется путемъ научнаго анализа малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ. Наиболѣе крупными научными работами въ этомъ направленіи представляются «Истор. пѣсни малор. народа» В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова и статьи Н. И. Костомарова о малорусской исторической поэзіи въ Вѣстникѣ Европы и въ Русской Мысли. При всемъ томъ, удалось болѣе возбудить вопросовъ и сомнѣній, чѣмъ установить несомнѣнно вѣрные факты до-козацкаго эпоса; относимое къ древнему южно-русскому эпосу крайне незначительно въ количественномъ отношеніи и въ значительной части еще подлежитъ критической провѣркѣ. Какъ-бы то ни было, древній южно-русскій эпосъ ускользаетъ отъ изученія относительно географической терминологіи. Какія географическія свѣдѣнія выразились въ до-козацкомъ эпосѣ и что наслѣдовали въ этомъ отношеніи отъ древняго эпоса малорусскія думы и пѣсни козацкаго періода южнорусской исторіи,—на эти вопросы трудно отвѣтить. Съ значительной долей вѣроятія можно только утверждать, что Дунай, въ значеніи воды и рѣки вообще и въ частности въ значеніи извѣстной рѣки черноморскаго бассейна, и затѣмъ, быть можетъ, Черное море и Днѣпръ входили въ древнѣйшія малорусскія пѣсни и впослѣдствіи вошли въ малорусскія думы и пѣсни XVII ст. и болѣе поздняго времени.

Строго говоря, малорусская народная поэзія начинается съ XVI ст. и замираетъ въ XVIII ст. Первое упоминаніе о малорусскихъ думахъ находится у польскаго историка Сарницкаго начала XVI ст. Древнѣйшей записанной малорусской пѣсней представляется пѣсня въ чешской граматикѣ Благослава конца XVI ст.

Чрезвычайной силы и выразительности малорусская поэзія достигаетъ въ XVII ст., и затѣмъ слѣдуетъ ослабленіе. крупное уже въ XVIII ст., что видно на историческихъ пѣсняхъ о Паліѣ, о службѣ козацкой на такъ называемыхъ «канавахъ» и на «линіи», и для всѣхъ очевидное въ XIX ст. Вообще, малорусская народная поэзія, въ особенности думы, возникла и развилась на виду положительной исторіи, и одной изъ найболѣе характерныхъ ея особенностей представляется историческая точность и правдивость въ описаніи лицъ и событій, также относительно хронологическихъ и географическихъ данныхъ.

Не будетъ ошибкой къ малорусскимъ пѣснямъ приложить тотъ же широкій способъ раздѣленія на пѣсни мужескія и пѣсни женскія, какой авторитетными людьми науки, Я. Гримомъ и Миклошичемъ, приложенъ къ сербской поэзіи. Я. Гримъ усматривалъ даже въ сказкахъ различіе, обусловленное тѣмъ, сложена ли сказка мужчиной или женщиной [1]). Въ такомъ случаѣ въ разрядъ мужескихъ пѣсенъ войдутъ всѣ пѣсни историческія, колядки, многія любовныя и семейно-родственныя пѣсни, въ отдѣлъ пѣсенъ женскихъ значительное большинство любовныхъ пѣсенъ, веснянки, свадебныя пѣсни, всѣ колыбельныя пѣсни. Въ Галицкой Руси въ сочиненіи коломыекъ, шумокъ, чабарашекъ, талалаекъ оба пола принимали одинаково дѣятельное участіе. Мѣстныя собственныя имена встрѣчаются почти исключительно въ мужескихъ пѣсняхъ, преимущественно въ думахъ. Въ женскихъ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается Украина, обыкновенно разсматриваемая къ отношеніи къ милому: милый уѣхалъ на Украину; милый изъ Украины шлетъ письма; милый тоскуетъ въ Украинѣ далекой и т. д. Очевидно, здѣсь обнаружилась разница въ объемѣ географическихъ свѣдѣній мужчины и женщины въ старинное время. Въ положеніи козака, чумака, купца, странника-богомольца мужчина предпринималъ болѣе или менѣе далекія путешествія и болѣе женщины знакомился съ чужими странами и съ своей родиной.

Относительно мѣстныхъ названій въ особенности заслуживаютъ вниманія колядки и историческія пѣсни. Здѣсь иногда встрѣчаются отзывы и характеристики странъ. Въ семейно-родствен-

---

[1]) *Miklosich*, Die serbische Epik, 5.

ныхъ пѣсняхъ встрѣчается почти исключительно Дунай. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ болѣе мѣстныхъ названій, чѣмъ въ пѣсняхъ малорусскихъ, что соотвѣтствуетъ общей краевой или мѣстной окраскѣ галицко-русскихъ пѣсенъ. Много мѣстныхъ названій находимъ въ галицкихъ коломыйкахъ. Напримѣръ:

Ой пиду я до Вербижа, або до Мышина [1].
По надъ село Ивановецьке зацвѣли цвѣточки [2].
Ой на горѣ на Самборѣ камень муку меле [3])

Иногда къ мѣстному названію присоединяется краткая характеристика самой мѣстности:

Ой пиду я до Ланчина, Ланчинъ на долинѣ,
А Ланчиньска челядочка якъ листъ на калинѣ [4]).
На Рангурахъ нема лѣса, лише саме дубье [5]).

Нужно замѣтить, что мѣстныя названія довольно часто попадаются въ искуственныхъ галицко-русскихъ пѣсняхъ, принятыхъ мѣстами народомъ. Подобнаго рода пѣсенъ находится довольно много въ сборникѣ г. Головацкаго. Не трудно замѣтить искуственную краевую или мѣстную окраску въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, возникшихъ въ интеллигенціи и проникшихъ въ массу простаго народа, окраску, выражающуюся въ преувеличеніи значенія края, въ большой долѣ краеваго патріотизма; напримѣръ:

Всюды чудни красавицы,
Пышни, якъ калина;
Але надъ всѣхъ наичуднѣйше
Робитъ Буковина.....
Пріятеля знайдешь всюды;
Серце не загине;
Але пріязнѣйши люде,
Люде въ Буковинѣ [6]).

Если интеллигентный человѣкъ даетъ тенденціозную окраску извѣстной мѣстности въ идеальномъ стремленіи прославить ее или очернить, то простой народъ предлагаетъ въ пѣсняхъ прямо выду-

[1]) Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 249. [2]) Тамъ же, стр. 259. [3]) Тамъ же, стр. 265. [4]) Тамъ же, стр. 266. [5]) Тамъ же, стр. 334. [6]) Тамъ же, стр. 371.

манныя мѣстныя названія, только по требованіямъ исключительно формальнаго свойства, для соблюденія аллитераціи или римоы;— такъ велико въ народномъ бытѣ формальное, внѣшнее значеніе поэзіи. Въ одной пѣснѣ для соблюденія аллитераціи вставлено вымышленное собственное имя Яришъ; въ думѣ про козака Голоту находимъ: «ой, долино—Ялино! скильки я на тобѣ гулявъ» (Ант. и Драг., 1, 171); въ бурлацкой пѣснѣ поется: «одна рычка—Копирочка въ Днипро упала» (Чубин., V, 1013).

Народная поэзія пользуется мѣстными названіями для усиленія даннаго выраженія. Цѣль усиленія мысли достигается въ такомъ случаѣ посредствомъ сравненія двухъ мѣстностей по величинѣ или путемъ приблизительнаго опредѣленія пространства между ними. Такой пріемъ народной мысли въ особенности ясно выразился въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и позднѣе проявился въ найболѣе архаическихъ отдѣлахъ народной поэзіи, думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» находимъ слѣдующія примѣты усиленія мысли посредствомъ мѣстныхъ названій:

1) Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ.

2) Трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ.

3) Дивъ кличеть връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню.

4) Олегъ.... ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ; тоже звонъ (славы) слыша давный великій Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

5) Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступи дѣвою въ землю Трояню, всплескала лебедиными крилы на синѣмъ море, у Дону плещучи.

6) А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по Руской земли.

7) Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

8) Подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъчи, затворивъ Дунаю ворота,... суды ряда до Дуная,... отворяеши Кіеву врата.....

9) Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, Двина болотомъ течеть онымъ грозным Полочаномъ....

10) Всеславъ..... скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ

11) Всеславъ..... изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя...

12) Тому въ Полотьскѣ позвонипа заутренюю рано у святыя Софеи, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

13) Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца.

14) Донець рече: княже Игорю, не мало ти величія... Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя,.... князю Ростиславу затворя Днѣпрь темнѣ березѣ....

15) Дѣвиця поютъ на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кіева.

Въ «Словѣ» находится много другихъ мѣстныхъ названій, не заключающихъ въ себѣ усиленія мысли; въ приведенныхъ же примѣрахъ болѣе или менѣе отчетливо обнаруживается такое усиленіе. Подобнаго рода явленіе находимъ въ думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; напримѣръ, въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами:

Слышенъ теперъ у насъ гетьманъ Хмельницький
Якъ одъ Билои Церкви та до славного Запорожа [1]).

Въ галицкой свадебной пѣснѣ, или ладканьѣ:

Въ Львовѣ вѣнки вили,
Въ Перемышля малёвали [2]).

Въ галицкой веснянкѣ, или гаивкѣ чоботы кіевской работы, куплены во Львовѣ, подкованы въ Краковѣ [3]). Въ коломыйкѣ:

Въ Старогвоздци загремило, въ Малогвоздци тихо,
Ой веземо сорокъ дубовъ панови на лыхо [4]).

Въ галицко-русской рекрутской пѣснѣ:

Ой неволя, мати, неволя, неволя,
Въ Коломыи стрижуть, до Черновець гонятъ [5]).

Въ малорусской пѣснѣ:

Отъ Дударивъ до Чернышивъ дорога розлога;
Туда моя поихала любая розмова [6]).

---

[1]) Ант. и Драг., т. II, стр. 22. [2]) Гол., т. II, стр. 127. [3]) Тамъ-же, стр. 191. [4]) Тамъ-же, стр. 374. [5]) Гол., т. I, стр. 137. [6]) Чуб., т. V, стр. 199.

Въ буковинской пѣснѣ: «надъ мистомъ Станиславомъ хмари се зибрали; надъ мистомъ Снятиномъ три громы загрѣмили, надъ селомъ Берегометевъ дрибненькій дожчикъ упавъ,—молодонькій зажурився» и пр. [1]).

Въ мѣстныхъ названіяхъ украинской словесности обнаруживается стремленіе народной мысли къ ассимиляціи иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ понятныя украинскому народу формы. Такъ, Евпаторія таврической губерніи у крымскихъ татаръ называлась Геслеве; въ думѣ про Ивана Богуславца находимъ Кизлевъ [2]); въ Плачѣ козловская пристань [3]); вблизи днѣпровскаго лимана лежитъ островъ Тендеръ, неоднократно упоминаемый въ думахъ; въ одной пѣснѣ находимъ Тынъ-дерево; Маріуполь называется Марнополемъ.

Черное море.

Близкое знакомство русскаго народа въ древнее время съ Чернымъ моремъ и затѣмъ близкое знакомство малороссіянъ съ Чернымъ моремъ въ XVI—XVII ст. должно было такъ или иначе отразиться въ народной поэзіи. Въ великорусской поэзіи выступаетъ смутный призракъ окіана-моря, находящагося гдѣ-то далеко, за межой матушки святой Руси. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ находится замѣчаніе, что

Посреди моря окіанскаго,
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа римскаго.

Изъ церковно-историческихъ преданій христіанства извѣстно, что св. Климентъ, папа римскій, сосланъ былъ изъ языческаго Рима въ Крымъ и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ, близъ древняго греческаго города Херсонеса; затѣмъ, по восторжествованіи христіанства, утвердилось въ христіанскомъ мірѣ повсюдное вѣрованіе, что ежегодно. въ день памяти св. мученика, море въ Херсонесѣ отступало отъ берега, и во глубинѣ его обнажалась чудесно возникшая церковь, въ которой нетлѣнныя мощи святителя предста-

---

[1]) Ловачевск., стр. 203. [2]) Ант. и Драг., т. I, стр. 241. [3]) Тамъ-же, стр. 94.

влялись благоговѣйному поклоненію христіанъ. Св. просвѣтитель славянъ Кириллъ, по преданію, взялъ изъ глубины морской мощи св. Климента и перенесъ ихъ къ славянамъ. По другому преданію Владиміръ послѣ крещенія своего въ Херсонесѣ перенесъ мощи св. Климента въ Кіевъ [1]). Такимъ образомъ, за океанъ-моремъ великорусскихъ пѣсенъ скрывается иногда Черное море.

Черное море, какъ наиболѣе извѣстное въ до-монгольской Руси, повидимому, считалось моремъ по преимуществу и называлось просто моремъ. По свидѣтельству древней лѣтописи Черное море въ древности слыло по преимуществу Русскимъ моремъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Черное море нѣсколько разъ упоминается подъ словомъ море, безъ прилагательнаго черный.

1) Черныя тучи съ моря идутъ.

2) Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами.

3) Половци идутъ отъ Дона и отъ моря. Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ собственно объ Азовскомъ морѣ, упоминаемомъ въ другомъ мѣстѣ «Слова» подъ названіемъ Лукоморья.

4) Въ морѣ погрузиста.

5) Прысну море полунощи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, нужно думать, подразумѣвается Черное море вмѣстѣ съ Азовскимъ моремъ, что въ особенности ясно видно изъ слѣдующаго мѣста: «Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кіева».

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ Черное море выступаетъ довольно часто подъ названіемъ Синяго моря. Довольно трудно опредѣлить, гдѣ слово синее является эпитетомъ моря вообще, и гдѣ оно нераздѣльно съ словомъ *море* составляетъ одно собственное имя. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» слово *синій* служитъ эпитетомъ моря и рѣки Дона. Сначала въ «Словѣ» о синемъ морѣ упоминается въ совершенно темной фразѣ:... «бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему». Въ довольно ясномъ значеніи Чернаго моря синее море находится въ выраженіи: «Се бо готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю». По видимому, простымъ эпитетомъ моря слово *синее* является въ

[1]) Надеждинъ, въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. VII. Смѣсь, стр. 9.

плачѣ Ярославны: «О вѣтре, вѣтрило!... мали ли ти бяшеть горѣ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синемъ морѣ».

Столь же неопредѣленное положеніе слово *синее* имѣеть въ малорусской народной поэзіи, въ приложеніи къ морю. Несомнѣнно оно обозначаеть Черное море въ слѣдующемъ мѣстѣ галицко-русской колядки:

Ой, коню, коню, продамъ я тебе.—
Ой, пане, пане, погадай собѣ,
Коль я тя вынисъ зъ туркивъ, татаривъ...
Коль насъ нагнали зъ крута берега,
Зъ крута берега на тихій Дунай,
На тихій Дунай, на Сине море... [1])

Синее море встрѣчается въ разныхъ поэтическихъ мотивахъ. Въ колядкѣ Богородица скрываетъ Спасителя въ синемъ морѣ отъ жидовъ [2]); въ свадебной пѣснѣ невѣста тонетъ въ синемъ морѣ; отецъ, мать, братъ, сестра не могуть ее спасти; спасаеть ее милый [3]). Подобнаго рода пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ. Козакъ ищетъ доли за синимъ моремъ [4]); и этотъ мотивъ чаще встрѣчается въ приложеніи къ Дунаю. Въ одной старинной пѣснѣ о разрушеніи бурею турецкаго корабля «дощикъ накрапае, та синего моря доповняе« [5]).

Въ малорусскихъ думахъ XVI и XVII ст. довольно часто упоминается Черное море, съ чертами очевидно личнаго съ нимъ знакомства козаковъ. По показанію испанскаго священника Otavio Sapientia отъ 1622 г. козаки изъ Запорожья, гдѣ въ его время набралось до 30—40,000 человѣкъ, выставляли 200—300 чаекъ и смѣло ѣздили по всему Черному морю; такъ, въ 1616 и 1617 г. они нападали съ успѣхомъ на Синопъ, Кафу и Требизондъ. Въ 1621 г. турецкіе начальники наловили на Черномъ морѣ много козаковъ. Въ 1624 г. козаки сдѣлали нападеніе на самый Босфоръ [6]). Знакомствомъ козаковъ съ черноморскими бурями обусловлено живописное ихъ описаніе въ думахъ. «На Чорному морю быстрая хвиля встала [7]), заноситъ козацкія чайки «въ дунайское гирло», вертитъ ихъ на «лихій хуртовыни» [8]). Потери на Черномъ морѣ

[1]) Голов., т. IV, стр. 44. [2]) Тамъ-же, стр. 113. [3]) Тамъ-же, стр. 229. [4]) Чуб., т. V, стр. 936. [5]) Ант. и Драг., т. I, стр. 99. [6]) Ант. и Драг., Историч. пѣсни малор. нар., т. I, стр. 203. [7]) Тамъ-же, стр. 89. [8]) Тамъ-же, стр. 176.

вызывали отрицательное къ нему отношеніе народной мысли, что выразилось въ началѣ думы о взятіи козаками Варны:

Кляла царядя, вельможна пани,
Черное море проклинала:
«Бодай же, море, не процвитало,
Вичными часы высыхало,
Та що мого сына единачка,
Единачка у себе взяло» [1]).

Вообще Черное море не занимаетъ въ малорусской народной поэзіи выдающагося мѣста. За исключеніемъ историческихъ пѣсенъ, оно встрѣчается рѣдко, упоминается мимоходомъ, безъ фактической характеристики и безъ поэтической обрисовки. Торговцы ничего не могли сообщить о Черномъ морѣ, потому что черноморская торговля находилась въ рукахъ грековъ и малороссіяне только по доставкѣ пшеницы въ Хаджи-Бей и въ Бѣлгородъ, гдѣ ее забирали греки [1]), могли знакомиться съ черноморскимъ берегомъ. Странники-богомольцы, посѣщавшіе Аѳонъ и Палестину, также не могли внести въ народъ достаточныя свѣдѣнія о Черномъ морѣ, потому что предпринимали путешествія большею частью сухимъ путемъ, черезъ Румынію и Болгарію [2]). Остаются одни козаки. Разсказы козаковъ о морскихъ нападеніяхъ на турецкія области, о сопряженныхъ съ такими нападеніями опасностяхъ, о черноморскихъ буряхъ, о богатой добычѣ, выпадавшей на долю козаковъ послѣ благополучнаго набѣга,—все это плѣняло народное воображеніе и въ частности знакомило народныя массы съ Чернымъ моремъ, причемъ знакомство это очевидно было поверхностное и одностороннее.

Дунай.

Съ легкой руки Ѳ. И. Буслаева, сдѣлавшаго небольшую замѣтку о народно-поэтическомъ значеніи Дуная въ южнорусской народной поэзіи [4]), историко-поэтическое значеніе этой великой славянской рѣки нѣсколько разъ подвергалось научному изслѣдованію. Н. И. Костомаровъ посвятилъ Дунаю нѣсколько страницъ въ статьѣ

---

[1]) Антон. и Драг., т. I, стр. 216; Голов., т. I, стр. 3. [2]) *Jaroszewicz*, Obraz Litwy, т. II, стр. 93—94. [3]) *Елисеевъ*, Съ русскими паломниками, стр. 13, 16. [4]) *Буслаевъ*, Историч. очерки рус. нар. слов., т. I, стр. 215.

о народныхъ преданіяхъ древней лѣтописи[1]). И. В. Ягичъ въ I т. «Archiv fur Slav. Philol.» 1876 г. помѣстилъ обширное изслѣдованіе: «Дунавъ—Дунай въ славянской народной поэзіи», причемъ главное мѣсто въ статьѣ отведено малорусской народной поэзіи, заключающей въ себѣ особенно много поэтическихъ обрисовокъ Дуная. Отсылая читателя къ изслѣдованію г. Ягича[2]), я укажу лишь въ общихъ чертахъ содержаніе цѣлаго и затѣмъ остановлюсь на замѣчаніяхъ г. Ягича о малорусскомъ Дунаѣ, причемъ присоединю коегдѣ и новыя фактическія указанія:

«Уже давно, какъ замѣчательное явленіе, выдается то обстоятельство, говоритъ И. В. Ягичъ въ началѣ статьи, что въ славянской народной поэзіи р. Дунай пользуется такими преимуществами передъ другими рѣками, что нерѣдко является нарицательнымъ названіемъ рѣки вообще,... причемъ трудно разграничить примѣры, гдѣ Дунай упоминается въ спеціально-географическомъ смыслѣ, отъ тѣхъ, гдѣ онъ въ широкомъ обобщеніи выступаетъ въ значеніи рѣки вообще» Въ особенности часто Дунай упоминается въ народной поэзіи южно-славянской, паннопо-славянской и малорусской. Чѣмъ далѣе удаляемся мы въ славянскомъ мірѣ въ периферіи отъ дѣйствительнаго Дуная, тѣмъ рѣже встрѣчается упоминаніе объ немъ. Такъ, въ чешскихъ пѣсняхъ онъ рѣже упоминается, чѣмъ въ моравскихъ и словацкихъ, а въ польскихъ еще рѣже, чѣмъ въ чешскихъ. Въ нынѣшней великорусской поэзіи, за исключеніемъ эпоса, Дунай встрѣчается рѣдко, между тѣмъ какъ въ бѣлорусской довольно часто. Въ великорусскомъ эпосѣ древнее воспоминаніе о тихомъ Дунаѣ удержалось. Особенно замѣчательно олицетвореніе Дуная въ образѣ героя того же имени; «я могу съ полнымъ правомъ утверждать, замѣчаетъ г. Ягичъ въ концѣ статьи, что Дунай пріобрѣлъ великое значеніе для славянъ до времени ихъ движенія на югъ и юго-западъ Европы, какъ та граница, которая долго удерживала ихъ отъ вторженія въ обѣтованную страну всѣхъ варварскихъ народовъ среднихъ вѣковъ, именно въ Римскую имперію. Съ этого ли ранняго времени Дунай занимаетъ господствующее мѣсто въ славянской народной поэзіи, трудно сказать съ полною увѣренностію... Если и на дальнемъ сѣверѣ у Онежскаго

[1]) *Костомаровъ*, Историч. Монографіи, т. XIII, стр. 20. [2]) Archiv fur slavische Philologie, 1876 г. т. I.

озера поютъ про тихій Дунай, и на югѣ у Охридскаго озера слышно это имя, то такое замѣчательное совпаденіе предполагаетъ очень древнія времена».

Подобнаго рода мнѣніе о времени проникновенія въ славянскую народную поэзію рѣки Дуная высказывали и другіе изслѣдователи русской старины, напримѣръ, Н. И. Костомаровъ. Въ отношеніи къ южно-русскому народу мнѣніе это нуждается въ значительномъ расширеніи. Выдающееся значеніе Дуная въ южно-русской народной поэзіи не можетъ быть объяснено исключительно или даже преимущественно древнѣйшимъ знакомствомъ славянъ съ этой великой рѣкой. Нужны были, въ добавокъ къ этому древнему знакомству, новыя, часто повторявшіяся связи съ Дунаемъ и придунайскими странами; такія связи были притомъ связи разнообразнаго свойства, болѣе всего военныя, затѣмъ мирныя, политическія, торговыя и промышленныя. Обстоятельное изложеніе историческихъ данныхъ о связяхъ Украины съ придунайскими странами вывело-бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи, и такое изложеніе въ настоящее время представляется излишнимъ, по обилію и общеизвѣстности имѣющихся въ наукѣ по этой части данныхъ. Древнія лѣтописи, греческіе историки, козацкія лѣтописи и думы заключаютъ въ себѣ много указаній на оживленныя политическія и торговыя сношенія Руси-Украины съ Придунайскими странами въ домонгольское и послѣ монгольское время русской исторіи, сношенія, доходившія до того, что въ X вѣкѣ великій князь кіевскій Святославъ хотѣлъ совсѣмъ поселиться на Дунаѣ, а въ XVIII ст. часть малорусскихъ козаковъ дѣйствительно выселилась на Дунай и основала здѣсь извѣстную Задунайскую Сѣчь. Насколько сильно внѣдрился Дунай въ малорусскую жизнь, видно изъ того, что онъ вошелъ въ пѣсни, въ поговорки, даже въ личныя и фамильныя прозванія и черезъ нихъ проникъ въ мѣстныя названія. Въ одномъ запорожскомъ документѣ половины прошлаго столѣтія упоминается Дунаевскій байракъ, въ которомъ давними временами сидѣлъ зимовникомъ козакъ Сидоръ Дунай [1]). По всей вѣроятности, это личное прозваніе возникло по причинѣ пребыванія козака Сидора, его отца или дѣда на Дунаѣ. Въ настоящее время въ купянскомъ уѣздѣ харьков. губ. проживаетъ одинъ крестьянинъ съ уличнымъ прозви-

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. I, стр. 104.

щемъ Дунай, даннымъ ему на томъ основаніи, что онъ ходилъ къ Дунаю на заработки. Можно думать, что малорусскій, точнѣе, общеславянскій Дунай въ значеніи большой рѣки вообще коренится въ доисторической древности, а Дунай въ значеніи опредѣленной рѣки вошелъ и окрѣпъ въ малорусской поэзіи въ историческое, отмѣченное лѣтописями время, болѣе всего въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, во время частыхъ вторженій болѣе или менѣе многочисленныхъ козацкихъ отрядовъ въ Молдавію.

Г. Ягичъ указываетъ на слѣдующіе пѣсенные мотивы съ р. Дунаемъ:

Козакъ «на тыхому Дунаю свого коня напувае». Конь не пьетъ воды, предзнаменуя такимъ образомъ козаку несчастье, или потому не пьетъ, что съ козакомъ случилось несчастье.

За Дунаемъ живетъ козакъ, коситъ здѣсь сѣно, привозитъ сюда свою милую. На Дунаѣ козака настигаетъ смерть.

На Дунаѣ дѣвушка имѣетъ свиданіе съ своимъ возлюбленнымъ. Вообще «судьба малорусской дѣвушки связана съ Дунаемъ, начиная съ момента первой встрѣчи съ милымъ, до той минуты, когда она, испытавъ много горя, рѣшается броситься въ рѣку». Дѣвушка жалуется Дунаю на свою недолю и ищетъ на берегахъ Дуная доли. Она пускаетъ на Дунай свои волосы или вѣнокъ изъ руты, посылаетъ къ роднымъ утку вѣстницей. Наконецъ, она ищетъ въ волнахъ Дуная успокоенія отъ любовной муки. Малорусской народной словесности свойственно, что несчастіе въ любви приводитъ козаковъ (т. е. вообще мужчинъ) къ подобному же шагу и они бросаются въ Дунай.

Мать рѣшается довѣрить своихъ дѣтей Дунаю; мать проситъ рѣку, что-бы она не разбудила своимъ шумомъ дѣтей; и дѣти были воспитаны Дунаемъ.

Народная фантазія пользуется Дунаемъ, какъ арабесками, при возникновеніи и развитіи пѣсни, для придачи пѣснѣ мѣстнаго характера, для сравненія и опредѣленія красоты и смѣха дѣвушки, для метафорическаго выраженія того, что не можетъ случиться или что прошло безвозвратно.

Довольно часто встрѣчается излюбленный Дунай въ свадебныхъ обрядныхъ пѣсняхъ: невѣста тонетъ въ Дунаѣ; отецъ, мать,

братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый, или невѣста бросаетъ свои волосы въ Дунай и посылаетъ ихъ къ отцу.

И. В. Ягичъ отзывается съ большими похвалами объ эстетическомъ достоинствѣ малорусской поэзіи вообще, пѣсенъ съ Дунаемъ въ частности. Обращаясь къ разсмотрѣнію малорусскихъ пѣсенныхъ мотивовъ съ р. Дунаемъ, г. Ягичъ говоритъ: «Я перехожу теперь къ самой задушевной и, если принять поэзію за исторію сердца, къ самой прекрасной и богатѣйшей славянской народной поэзіи, къ поэзіи малорусской». Затѣмъ г. Ягичъ указываетъ на то, что малорусская народная поэзія въ особенности богата поэтическими мотивами. Приводя отрывки изъ малорусскихъ пѣсенъ, г. Ягичъ много разъ отмѣчаетъ ихъ художественное достоинство выраженіями: прекрасная пѣсня, прелестная пѣсня [1]).

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ статьѣ г. Ягича объ отраженіи Дуная въ славянской народной поэзіи пройдено молчаніемъ «Слово о полку Игоревѣ»,—памятникъ въ особенности замѣчательный по тѣсной связи съ позднѣйшей малорусской поэзіей. Обстоятельное сравненіе поэтическихъ мотивовъ «Слова о полку Игоревѣ» съ поэтическими мотивами новой малорусской поэзіи можетъ разъяснить степень устойчивости поэтическихъ мотивовъ. Съ такой точки зрѣнія представляются любопытными упоминанія неизвѣстнаго автора «Слова» о Дунаѣ.

Въ «Словѣ» три раза упоминается Дунай и, повидимому, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ рѣки великой, славной и отдаленной.

1) Коніа поютъ на Дунаи;

2) Ярославнинъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь, рано кычетъ: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ....

3) Солнце свѣтитъ ся на небесѣ: Игорь князь въ роуской земли! Дѣвици поютъ на Дунаи: вьютъ ся голоси чрезъ море до Кыева.

Профессоръ О. Огоновскій относитъ фразу «коніа поютъ на Дунаи» къ предложенію: «но розно ся имъ хоботы пашоутъ» и слѣдующую затѣмъ фразу «Ярославнинъ гласъ» начинаетъ съ красной строки и относитъ ее въ другую главу [2]). Мы въ данномъ

[1]) У Чубинск., т. V, стр. 214, 411, 282, 556, 889, 921—922. [2]) *Огоновскій*, Слово о Полку Игоревѣ, стр. 18.

случаѣ придерживаемся общепринятой интерпункціи (у г. г. Тихонравова, Потебни, Малашева) и связываемъ «копіа поютъ на Дунаи» и «Ярославнинъ гласъ» и пр. «Параллелизмъ между пѣніемъ копій на Дунаѣ, въ идеальной дали, и плачемъ Ярославны, пѣсенный, традиціонный» [1]. Въ обоихъ случаяхъ Дунай означаетъ великую и отдаленную рѣку.

Г. Огоновскій выраженіе Слова «дѣвицы поють на Дунаи» объясняетъ такъ: «дивчата спивають не тильки въ Кыиви, колы Игорь сюда пріхавъ, але и далеко видь Кіева. Въ писняхъ народнихъ називанъ моремъ иногда и Дунай» (125). Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на «Сборникъ Укр. пѣсенъ» Максимовича, стр. 96. Добавимъ, что Дунай называется моремъ преимущественно въ припѣвахъ галицко-русскихъ пѣсенъ:

Плыла дѣвойка доловъ Дунаемъ,
Дунаю, гей, Дунаю, море, Гануся, зоре! [2]).
Плыла Февуня краемъ Дунаемъ,
Дунаю, море, Февуне, зоре! [3]).

По видимому, здѣсь не смѣшивается рѣка и море, а первая гиперболически характеризуется сравненіемъ съ моремъ. Въ народной поэзіи обычны эпитеты Дуная тихій, широкій и глубокій; эпически широкій Дунай съ теченіемъ времени сдѣлался нарицательнымъ именемъ всякаго многоводія. Мнѣ приходилось слышать въ харьковской губерніи, при переѣздѣ черезъ большую лужу воды, возникшую отъ сильнаго разлива рѣки весной или отъ дождя: «Дунай стоить». Въ малорусской пѣснѣ:

Ой за горами вода дунаями,
Ой тамъ козаченько коня напувае [4]).

Конь выпиваетъ воды «пивъ Дунаю» [5]), даже «два Дуная» [6]).

Днѣпръ.

Здается кращого немае
Ничого въ Бога, якъ Днипро,

говоритъ Т. Г. Шевченко [7]). Красота Днѣпра выражается не въ бере-

---

[1]) *Потебня*, Слово о полку Игоревѣ, стр. 135. [2]) Гол., т. II, стр. 80. [3]) Тамъ-же, стр. 161. [4]) Чуб., т. V, стр. 760. [5]) Тамъ-же, стр. 959. [6]) Тамъ-же, стр. 43. [7]) Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 353.

гахъ, большею частью однообразныхъ, песчаныхъ, а въ общемъ его обликѣ, въ ширинѣ и многоводности. Масса воды не помѣщается въ днѣпровскомъ руслѣ, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе мелѣющемъ, и частью уклоняется въ сторону, образуя озера и заливы, мѣстами широко разливается по низменнымъ песчанымъ берегамъ. Хорошъ Днѣпръ и въ бурную погоду, когда его каменистые «пороги межъ очеретами ревуть и стогнуть», и въ тихую погоду, когда «геть-геть соби роскинется, сіяе та горыть» [1]). На берегахъ Днѣпра были розыграны главные акты малорусской исторіи. Въ Черкасахъ и Каневѣ сложилось козачество. На Хортицѣ, Томаковкѣ, Микитиномъ Рогѣ и Чертомлыкѣ развилось и окрѣпло запорожское войско. Въ Приднѣпровьѣ южно-русскій народъ пролилъ потоки крови въ борьбѣ съ татарами и поляками за религіозную и національную самобытность. Было много основаній полюбить Днѣпръ и, повидимому, въ старинное время малороссіянинъ, въ особенности запорожецъ, дорожилъ Днѣпромъ въ высокой степени и, что въ особенности заслуживаетъ вниманія, отлично понималъ стратегическое и торговое значеніе Днѣпра. Говорятъ, запорожцы однажды разсердились на своихъ старшинъ и грозили оставить Сѣчь. Ни силой, ни увѣщаніями нельзя было ихъ остановить. Тогда кошевой Томиленко обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «И вы, паны молодци, оставите Сичь? И вы, братья, покинете Днипръ? А чи-жъ есть другій якій Днипръ? Да вы якъ рыба безъ воды не можете бути безъ Днипра. Де вы найдете нову таку славну рику, щобъ вамъ такъ служила, щобъ васъ такъ кохала! Да вы знаете, хлопци, що нашъ старый Днипро прямый шляхъ и въ татарскій Крымъ, и въ Анатолію, и въ Румилію, и на самый Царьгородъ, котрый въ нечестивыхъ рукахъ. Нихто васъ не сміе и не може удержувать, да сами вы удержитеся и схаменитесь, товарищи мои прелюбезныи! Да куда жъ васъ нечистая несеть? Христосъ зъ вами!» — «Да и правда мы дурни», заговорили запорожцы. Не зминымо Днипрови—батькови». Одинъ голосъ, желая поддержать въ козакахъ прежнюю готовность оставить Сѣчь, закричалъ, что крымскій ханъ обѣщаетъ дать козакамъ льготы и вольности. «Та цуръ ему, собаци! гаспидъ зъ нимъ!»—былъ

[1]) *Шевченко*, Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 68.

ему отвѣтъ. «А Турокъ даетъ цѣлые мѣшки золота!» добавилъ тотъ же голосъ.—«А стонадцать ему чортивъ зъ тобою, паршивою винцею!» гаркнуло сто голосовъ,—«остаемось!» и остались [1]).

Народно-поэтическое значеніе Днѣпра далеко не соотвѣтствуетъ его историческому значенію. Въ пѣсняхъ Днѣпръ упоминается рѣдко. Дѣло въ томъ, что въ народной поэзіи Днѣпръ подавленъ Дунаемъ, что съ особенной яркостью обнаруживается въ великорусскихъ былинахъ; напримѣръ въ былинѣ про Дуная Ивановича: «отъ Дунаюшки протекла Дунай рѣка ко городу ко Кіеву» [2]). Опираясь на эту былевую фразу, профессоръ Огоновскій предполагаетъ, что и въ выраженіи «Дѣвици поють на Дунаи: вьють ся голоси черезъ море до Кыева» въ «Словѣ о полку Игоревѣ» подъ названіемъ Дуная скрывается Днѣпръ [3]). Впрочемъ, болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова», Дунай означаетъ идеальную даль. Замѣна Днѣпра Дунаемъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» представляется тѣмъ болѣе сомнительной, что здѣсь Днѣпръ два раза упоминается, при томъ съ присоединеніемъ похвалы и съ поэтической обрисовкой.

1) Ярославна рано плачеть Поутивлю городу на забороле аркучи: «о Днѣпре Словоутичю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъкоу Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладоу ко мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!».

2) Одному князю Ростиславу затвори Днѣпръ темны березі.

Названіе Днѣпра Словутою, говоритъ А. А. Потебня, и въ великорусскихъ былинахъ другихъ рѣкъ, напримѣръ, Волги, славными, предполагаетъ, что рѣки славились, что имъ пѣлась слава («быстрымъ рѣкамъ слава до моря», Кир. II, III, 106). Городамъ кликалась до поздняго времени слава въ окликахъ часовыхъ: «славенъ городъ N!» [4]). Можно думать, что въ до-монгольской Руси были особыя пѣсни о Днѣпрѣ. Пѣсни эти могли быть распѣваемы при княжескомъ дворѣ придворными поэтами, причемъ одновременно съ рѣкой Днѣпромъ славились князья, воевавшіе съ кочевниками на берегахъ Днѣпра. Изъ народныхъ пѣсенъ о Днѣпрѣ въ

---

[1]) *Надхинъ*, Память о Запорожьѣ, въ „Чтен. въ моск. общ. ист. и древ.", 1886 г., т. II, стр. 125. [2]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. II, стр. 51. [3]) *Огоновскій*, Слово о полку Игор., стр. 125. [4]) *Потебня*, Слово о полку Игор., стр. 140.

«Слово о полку Игоревѣ» вошло нѣсколько мотивовъ, а именно названія Днѣпра «Славутичемъ» и «господиномъ».

Исходя изъ той мысли, что «народная пѣсня представляетъ богатый запасъ остатковъ вѣковаго эпоса, запасъ смѣшанный и разновременный, въ которомъ явленія древнѣйшія и позднѣйшія соединены вмѣстѣ въ одну пеструю группу» [1]), можно сдѣлать попытку отыскать въ новой малорусской поэзіи обломки древнихъ южно-русскихъ пѣсенъ о Днѣпрѣ.

Названіе Днѣпра Славутой встрѣчается въ думѣ про Самуила Кошку и въ думѣ про смерть Ѳедора Безриднаго. Въ первой думѣ козаки «къ Днѣпру Славутѣ низенько укланяли» [2]); во второй думѣ козаки «идутъ Днѣпромъ-Славутою» [3]).

Названіе Днѣпра «господиномъ» встрѣчается также въ малорусскихъ пѣсняхъ [4]).

Темные берега Днѣпра, скрывшіе трупъ утонувшаго князя Ростислава, можетъ быть, являются въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» продуктомъ исключительно личнаго воспоминанія автора «Слова» объ извѣстныхъ ему лѣсистыхъ побережьяхъ Днѣпра, и въ такомъ случаѣ отличаются, какъ характеристика Днѣпра, столь же субъективнымъ характеромъ, какъ въ Кобзарѣ Т. Шевченка характеристика Днѣпра «крутоберегимъ» и «дужимъ» (стр. 207 и др.).

Днѣпръ встрѣчается въ думахъ и бытовыхъ пѣсняхъ. Согласно съ исторической и географической точностью народно-поэтическихъ мотивовъ думъ, Днѣпръ въ думахъ имѣетъ строго опредѣленное значеніе. По Днѣпру спускаются козацкія чайки; по берегу Днѣпра двигаются козацкіе отряды; жиды раскинули вдоль Днѣпра свои «крамнички», съ такими чертами выступаетъ Днѣпръ въ думахъ про Самойла Кишку, Ѳедора Безроднаго и Богдана Хмельницкаго [5]). Въ бытовыхъ пѣсняхъ Днѣпру дается болѣе широкая обрисовка и болѣе идеальная окраска. Въ превосходной пѣснѣ «Ой зацвила калиночька у темному лузи» дивчина спрашиваетъ уѣзжающаго козака: «ой, коли тебе, серденько, ждати»; козакъ отвѣчаетъ:

---

[1]) *Ждановъ*, Русская поэзія въ до-монг. эпоху, стр. 1. [2]) *Антоновичъ* и *Драгом.*, т. I, стр. 217. [3]) Тамъ-же, стр. 251. [4]) Огоновск., стр. 116. [5]) Антонов. и Драгом., Истор. пѣс. малор. нар., т. I, стр. 217, 253; т. II, стр. 17.

Тоди мене, моя мила, ждати-пиджидати,
Якъ стане по Днипру хмара похожати,
Старый Днипръ дощемъ полоскати [1]).

Въ одной пѣснѣ дѣвушка грустить по своемъ миломъ; она бросаетъ къ Днѣпръ кольцо въ надеждѣ, что днѣпровскія воды отнесутъ кольцо къ ея милому и такимъ образомъ напомнятъ ему объ ней. Мотивъ этотъ встрѣчается также съ Дунаемъ [2]).

Въ другой пѣснѣ украинскій парубокъ сѣтуетъ на свою долю, что она блукаетъ гдѣ-то за Днѣпромъ. Этотъ пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ [3]) и потому, можно думать, что Днѣпръ сюда попалъ случайно.

Въ «Трудахъ этн. экспед.» (т. V, стр. 1013) находится, между прочимъ, одна довольно любопытная пѣсня съ Днѣпромъ. Пѣсня новѣйшаго происхожденія, неправильнаго размѣра, представляетъ большую путаницу старыхъ и новыхъ пѣсенныхъ мотивовъ:

Було-жъ насъ три брата
Охъ! та вси не вкупи:
Одинъ въ Самари атаманомъ;
Другій въ Петербурси осауломъ,
А я, молоденькій, на Вкраини
Наповаю коня изъ быстраго Днипра,
Называю Днипра риднымъ братомъ:
Ой ты, Днипро—брате, скажи мени правду,
Охъ скилько у тебе ричокъ упало?
Ой упало у мене ричокъ сорокъ и чотыри;
Одна ричка—копирочка,
Та и та въ Днипро упала....

Такъ какъ далѣе въ пѣснѣ говорится:

Называють мене бурлакою,
Мого товарища розбишакою,
Свого кониченька пропилякою,

то, можно думать, пѣсня сложена какимъ-нибудь бродяжкой гайдамакомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Число 44—эпическое, встрѣчается въ отрывкѣ думы о разрушеніи бурею турецкаго корабля [4]).

---

[1]) Чубинск., т. V, стр. 881. [2]) Тамъ-же, стр. 140, 1025. [3]) Тамъ-же, стр. 214, 234. [4]) Антов. и Драг., т. I, стр. 99.

Упоминаемый изрѣдка въ думахъ Лиманъ означаетъ днѣпровское гирло, что ясно видно изъ слѣдующаго мѣста думы о Самійлѣ Кишкѣ: козаки «на Лиманъ-рѣку испадали, къ Днипру-Славутѣ низенько укланяли»[1]). Запѣвъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ «Ой Лимане, Лимане!», не имѣющій географической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы, можно объяснить такимъ образомъ, что Лиманъ совершенно произвольно вставленъ въ пѣсню, исключительно для рифмы съ слѣдующей затѣмъ строкой: «Ты Сирку Романе».

Днѣстръ.

Въ малорусской народной поэзіи Днѣстръ встрѣчается рѣдко, причемъ смѣшивается съ Днѣпромъ. Такъ, одни варіанты думы про Θедора Безроднаго начинаются со словъ: «Надъ сагою Дипровою», другіе: «Надъ сагою Днистровою»[2]). Въ думахъ про походъ Хмельницкаго на Молдавію вѣтеръ повѣваетъ то «изъ низу Днѣстра», то «изъ низу Днипра»[3]). Галицко-русскія пѣсни, почти совсѣмъ не знающія Днѣпра, изрѣдка говорятъ о Днѣстрѣ, напримѣръ, въ пѣсняхъ на Меланку (новый годъ)[4]). Нужно впрочемъ замѣтить, что въ поэзіи нѣтъ характеристики Днѣстра, и всѣ упоминанія о немъ совершенно безцвѣтны. Народно-пѣсенный Днѣстръ принадлежитъ еще польско-литовскому государству. Въ великорусскихъ былинахъ р. Дунай пошла изъ богатыря Дуная, а р. Настасія изъ его жены Настасіи. «Для меня говоритъ И. В. Ягичъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Настасьѣ рѣкѣ скрывается Днѣстръ. Что мужеское имя Днѣстръ перемѣнено въ женское, столь-же мало удивительно, какъ и то, что мужеское Днѣпръ въ былинахъ обращено въ женское Днѣпра и далѣе Нѣпра»[5]).

За Дунаемъ и отчасти Днѣпромъ и Днѣстромъ другія малорусскія рѣки не нашли мѣста въ народной поэзіи. Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами упоминаются степныя рѣки: «Жиды-рандари на славной Украини вси козацьки рики заорандовали:

Перва на Самари,
Друга на Саксагани,

---

[1]) Ант. и Драг., т. I, стр. 21. [2]) Тамъ-же, стр. 248. [3]) Ант. и Драг., т. II, стр. 100, 103. [4]) У Голов., т. IV, стр. 146. [5]) Archiv f. Slav. Philol. 1876 г., т. I, стр. 80.

Трейтя на Гнилій,
Четверга на Пробойній,
Пьята на ричци Кудесци [1])

Одна ричка—Копрочка,
Друга ричка—Гнилобережка
А третя—Самарька [2]).

Въ думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго упоминается Ташлыкъ [3]); въ думахъ объ угнетеніи Украины жидами, о корсунской битвѣ и о Перебійносѣ упоминается р. Случь, какъ пограничная, отдѣляющая Украину отъ Польши, согласно съ Зборовскимъ договоромъ [4]). Есть пѣсня, начинающаяся словами: «Ой тамъ на Роси проявились чауси». Нерѣдко въ бытовыхъ пѣсняхъ упоминается *Донецъ*, по смыслу, какъ замѣна Дуная, въ означеніи идеальной дали [5]). Подобнаго рода замѣну р. Дуная Дономъ при обозначеніи идеальной дали находимъ въ великорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ хороводной изъ ярославской губерніи: «Коло Дону, коло Дону, коло тихаго Дунаю ходитъ молодецъ гуляетъ [6]), и въ малорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ: «Ой по Дону, по Дону, по тихому Дунаю та плавало суденце» [7])

Какъ извѣстно, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» находится превосходная поэтическая характеристика Донца: «Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявши князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу, стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми не вѣтрѣхъ». Можно думать, что авторъ «Слова», характеризуя Донецъ, руководствовался существовавшими въ его время въ народной поэзіи образами и эпитетами. Можетъ быть, передъ его мысленными очами носилась извѣстная пѣсня, прославляющая рѣку Дунай или Днѣпръ, въ родѣ малорусскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ V т. «Трудовъ Этн. Ст. Экспед.» на стр. 889, стр. 922, и бѣлорусской, вѣроятно, выродившейся изъ малорусской въ Сборн. бѣлор. пѣс. П. В. Шейна, стр. 258. Въ ряду

---

[1]) Ант. и Драг., т. II, стр. 21. [2]) Тамъ-же, стр. 28. [3]) Тамъ-же, стр. 126. [4]) Тамъ-же, стр. 28, 29, 31, 47. [5]) Чубин., т. V, стр. 87. [6]) Труды Яросл. Губ. Стат. Комитета, т. I, стр. 50. [7]) Чубинск., т. V, стр. 952.

пѣсенъ этого мотива лучшей представляется у Чубинскаго (V, 922). Молодая вдова пустила въ тихій Дунай своихъ дѣтей и обратилась къ Дунаю съ просьбой:

Тихій Дунай, не гуди,
Моихъ дитокъ не збуди,
А ты, жовтый писочокъ,
Годуй моихъ диточокъ;
А ты, быстрая вода,
Моихъ дитокъ доглядай;
А ты, густый очеретъ,
Вари дитямъ вечерять,
А вы, луги, не гудить,
Моихъ дитокъ не збудить.

Русь—Украина.

Н. А. Кулишъ высказалъ мнѣніе, что «Русь, Русская земля, русскій народъ первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впослѣдствіи является въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго». Мнѣніе это можетъ быть принято въ приложеніи къ великоруссамъ и малоруссамъ, за исключеніемъ польскаго народа. Ограничиваясь общеизвѣстными фонетическими особенностями языковъ польскаго и русскаго, можно сказать, что уже въ X вѣкѣ между ними было значительное различіе. Русскій и тогда прежде всего значило отличный отъ ляшскаго, чешскаго, болгарскаго [1]). Не касаясь вопроса о томъ, занесено ли названіе Русь съ Балтійскаго побережья, или изстари было туземнымъ, достаточно замѣтить, что уже въ XI столѣтіи названіе это распространилось на Волынь и Галицію, затѣмъ на всю южную Россію и наконецъ на Россію среднюю и сѣверную. Съ теченіемъ времени названіе это вполнѣ укрѣпилось за сѣверо-восточной Русью и было утеряно южной Русью, за исключеніемъ западной ея окраины, Галиціи. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ Русь встрѣчается въ тѣсномъ смыслѣ Галиціи и въ болѣе широкомъ смыслѣ всей Украины. Съ послѣднимъ значеніемъ, по видимому, является Русь въ одной галицкой пѣснѣ:

---

[1]) *Потебня*, Рецензія сборн. пѣс. Головацкаго, стр. 5.

Налетѣли бѣли гуси
Зъ тои далекои Руси [1]).

Въ думѣ про Алексѣя Поповича находится выраженіе: «ставъ ихъ Господь на Русь вызволяты» [2]), причемъ Русью обозначена Украина. Въ думахъ есть намеки, что извѣстное великорусское пѣсенное выраженіе «святая Русь», столь часто встрѣчающееся въ былинахъ, было въ старину свойственно и малорусской исторической поэзіи. Такъ, въ «Плачѣ невольника» поется:

Вызволь, Боже, бидного невольника
На святорускій берегъ,
На край веселый, межъ народъ хрещеный [3]).

«Въ XVII ст., говоритъ Н. И. Костомаровъ, явились названія: Украина, Малороссія, Гетманщина; названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами; ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе южноруссовъ остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому что даже по своему сложному виду какъ-то неусвоительно для обыденной народной рѣчи... Изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобы отличить его отъ великорусскаго, болѣе всего какъ-то привилось названіе «хохла», не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его великоруссы. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища народа за серіозное названіе народа» [4])...

Обращаясь къ народной поэзіи, мы должны сказать, что украинская народная словесность, именно думы и пѣсни, совершенно не знаетъ южноруссовъ, малоруссовъ и хохловъ. Въ сказкахъ встрѣчается изрѣдка хохолъ въ противоположеніи великороссу; но такихъ сказокъ немного и онѣ относятся большею частью къ восточной Малороссіи, гдѣ слово «хохолъ» вошло отчасти въ обыденную народную рѣчь. Историко-географическій терминъ Гетман-

[1]) Голов., т. I, стр. 313. [2]) Антон. и Драг., т. I, стр. 191. [3]) Тамъ-же, стр. 95. [4]) *Костомаровъ*, Историч. монографіи, т. I, стр. 61—62.

щина въ пѣсняхъ встрѣчается очень рѣдко и безъ фактической или поэтической обрисовки.

Народная поэзія знаетъ только Украину. Это названіе встрѣчается часто, встрѣчается въ историческихъ думахъ, въ обрядныхъ пѣсняхъ и въ пѣсняхъ семейно-родственныхъ, иногда съ достаточнымъ количествомъ фактическихъ данныхъ и въ поэтической обрисовкѣ. Нужно при этомъ замѣтить, что Украина въ пѣсняхъ имѣетъ двоякое значеніе. Въ однихъ случаяхъ подъ этимъ названіемъ разумѣется родной край, близкій и дорогой сердцу народнаго пѣвца, въ другихъ случаяхъ—край далекій, чужбина, вызывающая въ душѣ народнаго поэта чувство грусти. Разберемъ подробнѣе оба значенія названія Украины, согласно съ данными народной словесности.

1) *Украина—родина.*

Тиха вода береженьки зносить—
Молодъ козакъ свого пана просить:
Пусти мене звидси до дому на Вкраину,
Пише дивча листы, що мае дитину [1]).

Диточки мои, горе мени зъ вами,
Що не можете зароблати сами!
Ой посажу я дитей у рядову торбину,
Та вынесу дитей на высоку могилу,
Нущу своихъ дитей на всю Украину [2]).

Признаніе Украины родиной вызываетъ проявленія любви къ ней и прославленія, напримѣръ:

Ой Украино мила, краю памятливый!
Тамъ я любивъ дивчину, тамъ я бувъ счастливый;
Живъ соби въ мистечку, кругъ своей родины [3]).

Ой е въ мене на Вкраини риднесенька мати [4]).

Добре було нашимъ батькамъ на Вкраини жити,
Доки не знали наши батьки панщины робити [5]).

[1]) Чуб., т. V, стр. 344. [2]) Тамъ-же, стр. 860. [3]) Тамъ-же, стр. 328. [4]) Тамъ-же, стр. 454. [5]) Чуб., т. V, стр. 1064; Голов., т. I, стр. 20.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Украина называется козацкой страной [1]). Она бываетъ несчастна [2]) и потому «журится» [3]). Неоднократно Украина называется славной [4]). А. К. Толстой въ превосходномъ стихотвореніи «Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ» представилъ Украину страной богатой. Подобнаго рода обрисовка Украины не чужда народной поэзіи. Такъ въ одной галицко-русской пѣснѣ, повидимому, нѣсколько подкрашенной интеллигентнымъ человѣкомъ, находимъ такую характеристику Украины:

На Вкраинѣ всего много, и пашн, и браги,
Лише шо тамъ ляхи стоятъ, козацькіи враги.
На Вкраинѣ всего много, меду и горѣлки,
Красны дѣвки, молодыци, а всѣ чернобривки.
На Вкраинѣ молодыци, то въ червоныхъ ходятъ,
Полотняныхъ не видають, бо ихъ сами роблять [5]).

Доказательствомъ народности основнаго мотива этой пѣсни, прославленія Украины, можетъ служить небольшая старинная пѣсня въ Сборникѣ историч. пѣс. малор. нар. Антоновича и Драгоманова (II, 49): «Та немае лучше, та немае краще, якъ у насъ на Украини, та немае ляха, немае жида, нема и унін».

2) *Украина—чужбина.* При опредѣленіи Украины чужбиной было принято во вниманіе этимологическое значеніе слова Украина.

Якъ поиду на Украину, не скоро буду [6]).

Самъ пиду у свитъ на Вкраину,
Та не будуть мене люде знати [7]).

Дѣвчинонько мило, що будешь робила
Въ Украинѣ далекій [8]).

Эй погнѣвался, та и погнѣвался
Мой милый на мене,

---

[1]) Антон. и Драг., т. II, стр. 24. [2]) Голов., т. I, стр. 15, 16. [3]) Антон. и Драг., т. I, стр. 274, 73; т. II, стр. 4. [4]) Тамъ-же, т. II, стр. 6, 21. [5]) Гол., т. I, стр. 103. [6]) Чуб., т. V, стр. 221. [7]) Тамъ-же, стр. 347. [8]) Гол., т. I, стр. 126.

Осѣдлалъ коня вороненько,
Поѣхалъ преч отъ мене....
Послала бъ я до него
На Украину, на Украину [1]).

Покинь отця, покинь маму и всю родыну,
Ходи зъ нами козаками на Украину [2]).

Якъ же тя буде за нелюба давати,
Дай же ты мени на Вкраину знати....
А я изберу сто кониченьки Литвы,
Та и нароблю я твоій матинци бятвы [3]).

Нужно замѣтить, что Литвой въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ называются иногда поѣзжане жениха; они называются также татарами. Какими бы судьбами Литва ни попала въ пѣсню, очевидно, народный поэтъ имѣлъ темное представленіе объ Украинѣ.

Изъ представленія Украины страной далекой, чужбиной выработалось отрицательное и враждебное къ ней отношеніе народнаго поэта, что обнаруживается, напримѣръ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Не иди, суко, на Вкраину жити,
На Вкраини усе чужи люде [4]).

Колибъ я крыла мала,
Тобъ я тую превражу Вкраину
Кругомъ облитала,
Тобъ я свого миленького
По волахъ пизнала [5]).

Послѣдняя пѣсня принадлежитъ къ числу чумацкихъ, и здѣсь Вкраина обозначаетъ Новороссію.

Въ старинныхъ пѣсняхъ, въ думахъ встѣчаются иногда описательныя выраженія Украины: «города христіанскіе», въ противо-

---

[1]) Голов., т. II, стр. 704. [2]) Гол., т. I, стр. 124. [3]) Тамъ-же, стр. 110. [4]) Чуб., т. V, стр. 455. [5]) Тамъ-же, стр. 1044.

положность земли турецкой, вѣрѣ бусурманской, «міръ крещеный», «міръ царскій», «тихія воды и ясныя зори» [1]).

Изъ украинскихъ городовъ въ народныхъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Кіевъ, Львовъ, Коломыя, Каменецъ-Подольскій, Черкасы, Богуславъ, Черниговъ, Немировъ; только объ одной Коломыи въ галицко-русскихъ пѣсняхъ говорится съ нѣкоторыми фактическими подробностями. Въ коломыйкахъ неоднократно прославляется Коломыя, какъ мѣстность красивая, городъ славный, съ красивымъ и довольнымъ населеніемъ; всѣ же остальные города и даже Кіевъ упоминаются въ пѣсняхъ мимоходомъ, безъ поэтической обрисовки.

Пѣсни, преимущественно старинныя, помнятъ еще про «славное Запорожье» и разныя запорожскія мѣстности, про Муравскій шляхъ и Савуръ могилу, про Базавлукъ, Самарскія поля и Чорный лѣсъ, про «Сичову Покровъ» (церковь), Межигорскаго Спаса и Терехтемировскій монастырь. Фактическая и поэтическая характеристика запорожскихъ урочищъ незначительна и безцвѣтна.

Польша.

Въ старинныхъ пѣсняхъ упоминается «земля польска», Польша, земля кралевская, лядькій край. Относясь враждебно къ полякамъ, какъ этнографической и политической единицѣ, малорусская пѣсня къ Польшѣ относится довольно индеферентно. Послѣднее обстоятельство объясняется существованіемъ въ народной поэзіи архаической точки зрѣнія па территоріальную Польшу, какъ на государство, заключающее въ себѣ Украину, напримѣръ, въ пѣснѣ о тещѣ въ плѣну [2]). Впрочемъ, чаще встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ полное отдѣленіе Украины отъ Польши, напримѣръ: «не попустимо ляхви изъ Польщи» [3]), или:

Ой не чорна хмара надъ Польщею стала,
То жъ то не одна ляшка удовою стала [4]).

Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами говорится, что «въ земли кралевскій добра не було» [5]).

---

[1]) Антон. и Драг., т. I, стр. 90, 91. [2]) Тамъ-же, стр. 290. [3]) Антонов. и Драг., т. II, стр. 41. [4]) Тамъ-же, стр. 37. [5]) Тамъ-же стр. 20.

Изъ польскихъ городовъ въ малорусскихъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Варшава и Краковъ.

Слово Польша въ украинской словесности иногда вовсе не относится къ бывшему польскому государству и имѣетъ совершенно особое географическое значеніе. Такъ, оно употребляется въ приложеніи къ низменной части Галиціи въ отличіе отъ гористаго Покутья или Коломыйскаго округа. Угорскій верховинецъ называетъ Польшей низменную страну надъ р. Тисой, представляющую собою сплошныя поля [1]). Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ встрѣчаются выраженія: «ой нема въ Польшѣ добра, та вѣдай, и не будетъ», или, «не маемо цесарику, що въ Польщѣ сидѣти». Варіанты: «ой нема добра въ горахъ»; «ой не маемо, цесарику, що на Руси сидѣти» указываютъ на весьма ограниченный въ данномъ случаѣ объемъ Польши. Рѣчь очевидно идетъ о галицко-русскихъ ополянахъ, или жителяхъ тарнопольскаго и чортковскаго округовъ.

Туреччина.

Въ чешской грамматикѣ Благослова 1571 г. приведена малорусская пѣсня, и въ ней находимъ сопоставленіе малорусскихъ сосѣдей:

На верси Дунаю три роги ту стоя,
Перша рога Турецка,
Друга рога Татарска,
Трети рога Волоска [2])

Подобнаго рода сопоставленіе сосѣднихъ съ Украиной странъ находимъ въ думѣ о покупкѣ братомъ сестры плѣнницы:

Три братчики та ридносеньки,
Одинъ пишовъ на Волощину,
Другій пишовъ на Вгорщину,
Третій пишовъ на Туреччину [3]).

и въ колядкахъ, напримѣръ:

---

[1]) *Головацкій*, О костюмахъ, стр. 81. [2]) *Потебня*, Малор. нар. пѣсня по списку XVI в., стр. 2. [3]) Антон. и Драг., т. I, стр. 276.

Ты, коню сивый, будь ми счастливый,
На три дорози та у три земли,
Одна дорога та въ Волоськую,
Другая дорога та въ Нѣмецькую,
Третя дорога та въ Турецькую [1]).

Главная особенность Туреччины—бусурманство ея жителей; это «Невірь земля», «вира погана—земля проклята» [2]). Здѣсь война и слезы:

Турецькая земленонька,
Шабельками пощебана,
Слизонькамя пидмочена [3]).

При всемъ томъ, турецкія страны богаты золотомъ и конями.

Ты, земле Турецькая, виро бусурманская,
Ты есь наполнена сребромъ, златомъ,
И дорогими напитками [4])

Изъ Турціи выводятъ коней [5]). Въ галицко-русской свадебной пѣснѣ дается жениху совѣтъ съѣздить къ туркамъ на ярмарку и купить тестю въ даръ воронаго коня съ золотымъ сѣдломъ [6]).

Изъ турецкихъ городовъ чаще всего въ пѣсняхъ упоминается Царьградъ, Царивъ-городъ. Русскіе молодцы дѣлаютъ на него нападенія и заставляютъ горожанъ платить выкупъ. Кіевскій богатырь Михайликъ удаляется въ Царьградъ и переноситъ сюда изъ Кіева Золотыя ворота. Въ думахъ неоднократно упоминаются константинопольскіе базары. Положеніе Цареграда опредѣляется довольно точно: «доливъ Дунаемъ нидъ Царигородъ». Частое упоминаніе о Цареградѣ указываетъ на довольно близкое съ нимъ знакомство малорусскаго народа по разсказамъ бывалыхъ людей, плѣнниковъ и богомольцевъ. Кромѣ Цареграда въ думахъ изрѣдка упоминаются Варна, Трапезунтъ, Азовъ, Тягинь, Килія, Хотинъ, Козловъ, Тендеръ.

Крымъ упоминается въ чумацкихъ пѣсняхъ, обыкновенно въ фразахъ «иты въ Крымъ по силь» и «до Крыму дороженька далекая» [7]).

---

[1]) Голов., т. I, стр. 61. [2]) Антон. и Драг., т. I, стр. 212. [3]) Голов. т. I, стр. 101. [4]) Антон. и Драг., т. I, стр. 94. [5]) Антон., т. I, стр. 6; Голов., т. II, стр. 61. [6]) Голов., т. IV, стр. 224. [7]) Чуб., т. V, стр. 112, 198, 457, 1043, 1053 и др.

Волощина.

Румынія изображается страной ровной:

Вандруй, вандруй, дѣвчинонко въ Волощину зъ нами!
Бо у Волощинѣ все поле ривненьке... [1])

Къ румынамъ галицко-русская пѣсня относится сочувственно, какъ къ добрымъ людямъ:

Бувай здоровъ, Ляцькій краю!
Вжежъ я тебе покидаю.
Ой пиду я въ Волощину,
И тамъ же я не загину:
Въ Волощинѣ добри люде,
И тамъ мени гараздъ буде [2]).

«Въ судьбахъ Угорской и Буковинской Руси, говоритъ А. А. Потебня, важную роль играютъ ея почти постоянно дружественныя связи съ румынами... Связи Руси съ румынами сказываются во многомъ: въ употребленіи церковно-славянскаго языка въ богослуженіи въ Молдавіи и Валахіи до половины XVII в., въ непрерывныхъ сношеніяхъ галицкой церковной іерархіи съ молдавскою до окончательнаго введенія уніи въ Галичинѣ въ XVII в., въ употребленіи русскаго языка въ гражданскихъ актахъ въ Молдавіи; въ многочисленныхъ семейныхъ связяхъ русскихъ пановъ и молдавскихъ господарей, въ обоюдныхъ этнографическихъ вліяніяхъ» [3]).

Въ одной галицко-русской любовной пѣснѣ находится указаніе на расположеніе волоховъ къ колдовству, къ ворожбѣ:

Волошине, Волошине,
Навчи мене ворожити [4])...

Въ объясненіе этого выраженія нужно сказать, что въ средней и восточной Малороссіи, вдали отъ румынъ, слово волохъ перешло на цыганъ. Въ одной пѣснѣ находимъ выраженіе: «цыганочка-волошечка». Пѣсня съ вышеприведенной фразой, хотя записана въ Галиціи, не заключаетъ въ себѣ ничего спеціально га-

---

[1]) Голов., т. I, стр. 326. [2]) Тамъ-же, стр. 240. [3]) Потебня, Рецензія сбор. пѣс. Голов., стр. 8. [4]) Голов., т. III, стр. 364.

лицкаго, и по складу, по языку представляется малорусской пѣсней. Вѣроятно она возникла первоначально въ Малороссіи и потомъ проникла въ Галицію.

Въ одной колядкѣ находится указаніе, что малороссіяне пріобрѣтали воловъ въ Молдавіи, «зъ Волощины иде—волики веде» [1]. Это указаніе подтверждается лексическими данными малорусскаго языка. Многія малорусскія слова, относящіеся къ скотоводству, заимствованы изъ румынскаго языка.

Угорщина.

Согласно съ географическимъ положеніемъ Венгріи, въ малорусской народной поэзіи Венгрія—страна далекая. Въ галицко-русской колядкѣ чудесный пастухъ овецъ, личность миѳическая, трубитъ въ костяную трубу, и звукъ «чути було а въ Угорщину» [2]. Какъ жители далекой малоизвѣстной страны, притомъ неоднократно вторгавшіеся въ галицко-русскую землю, венгры «зрадливіи люде» [3]. Этотъ оттѣнокъ враждебнаго отношенія малорусскаго народа, точнѣе, его галицкой вѣтви, къ венграмъ, съ отчетливостью обнаруживается въ галицко-русской свадебной пѣснѣ:

Поѣхавъ староста
Въ угорскую землю,
Угриночку влюбити,
Угриночку си влюбивъ,
Господь му не присудивъ.
Бо въ угорской землѣ
Куроньки не поють,
И свѣтъ не свитае,
И сонсько не сходить,
И дрибенъ дощъ не иде,
И травонька не росте,
И коникъ ся не пасе [4].

Отрицательныя стороны угорской земли здѣсь преувеличены по противоположности къ непоименованной Руси, гдѣ по мысли

---

[1]) Антон. и Драг., т. I, стр. 6. [2]) Гол., т. IV, стр. 53. [3]) Антонов. и Драг., т. I, стр. 78. [4]) Голов., т. IV, стр. 224.

поэта, и солнце свѣтитъ, и дождь идетъ, и трава ростетъ и, главное, есть хорошія дѣвушки—невѣсты.

Останавливаясь въ настоящемъ изслѣдованіи только на тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ украинской народной словесности, которыя извѣстны были всему народу и получили фактическую обрисовку, я оставилъ въ сторонѣ нѣсколько мѣстныхъ названій, или потому, что они встрѣчаются только въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или по причинѣ отсутствія фактическихъ данныхъ касательно ихъ поэтической обрисовки. Такъ, я оставилъ въ сторонѣ Карпатскія горы, встрѣчающіяся исключительно въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или подъ названіемъ Бескида, или чаще подъ общимъ названіемъ горы, не говорилъ ничего про названіе Московщина, какъ названіе рѣдкое, указывающее только на далекую отъ мѣста сложенія пѣсни Великороссію, ничего не замѣтилъ, наконецъ, о Германіи, въ силу совершенно неопредѣленнаго выраженія одной пѣсни, что «Нимеччина не Ляшина и не земля Волоска» [1]). Очевидно, что малороссіяне знаютъ нѣмецкую землю, какъ отдѣльную, независимую страну и, какъ видно изъ одной пѣсни, страну богатую, потому что «зъ Нимещины иде, грошики несе» [2]).

Изъ разсмотрѣнія мѣстныхъ названій въ украинской народной поэзіи видно, что выступающая въ поэзіи Украина представляется Украиной архаичной, X—XVII ст. Эта старинная Русь-Украина, по даннымъ народной поэзіи, стоитъ въ ближайшей географической связи съ Балканскимъ полуостровомъ. Черное море, Дунай, Волощина, Туреччина и Цареградъ въ особенности привлекали вниманіе южно-русскаго народа въ старинное время и въ народной поэзіи заслонили собой всѣ другія сопредѣльныя съ Украиной страны.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

[1]) Голов., т. II, стр. 341. [2]) Антон. и Драг., т. I, стр. 6.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

III.

Научныя и литературныя занятія А. Я. Стороженка ввели его въ сношенія и болѣе или менѣе близкую связь съ людьми, прославившими на этомъ поприщѣ свое имя. Изъ западно-славянскихъ ученыхъ это были: Шафарикъ, Ганка, Мацѣёвскій, Зубрицкій и Людевитъ Гай, а изъ русскихъ: Бодянскій, Срезневскій и А. В. Терещенко. Кромѣ этихъ лицъ, Стороженко состоялъ въ знакомствѣ съ извѣстными русскими литераторами его времени: Булгаринымъ, Воейковымъ, Гречемъ и Владиславлевымъ. Слѣдомъ его добрыхъ отношеній къ этимъ лицамъ осталась значительная переписка. Къ сожалѣнію въ мое распоряженіе попала только часть ея и, что важнѣе, не сохранились черновыя отъ писемъ Андрея Яковлевича, которыя разъяснили бы многое въ письмахъ отвѣтныхъ.

Интересуясь прошлою судьбою своей народности, Андрей Яковлевичъ любопытствовалъ также близко изучить прошлое и ознакомиться съ настоящимъ и другихъ славянскихъ народностей. Частыя поѣздки его для лѣченія въ Карлсбадъ, съ остановками въ Прагѣ, представили ему удобный случай для знакомства со многими учеными изъ австрійскихъ славянъ; тутъ пришлось ему сблизиться и съ знаменитымъ авторомъ «Славянскихъ древностей» и «Славянскаго народоописанія» Шафарикомъ и не менѣе извѣстнымъ многочисленными своими трудами по чешской исторіи, литературѣ, археологіи и нумизматикѣ, директоромъ пражскаго музея древностей, Ганкою [2]).

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., августовск. кн., стр. 639—692.

[2]) О нихъ см. Ист. славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича. Изд. 2-е, С.-п.б., 1879 г., стр. 941—944, 938—940.

О своемъ знакомствѣ съ Шафарикомъ Андрей Яковлевичъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ О. М. Бодянскому отъ 20-го января 1844 г.: «прошлаго лѣта, можно сказать, по привычкѣ уже, я былъ въ Карлсбадѣ и на возвратномъ пути черезъ Прагу видѣлъ всѣхъ добрыхъ пріятелей моихъ, труженяковъ на славянской нивѣ. Шафарикъ очень ослабѣлъ; чехи не будутъ имѣть подобнаго въ дѣятельности, хотя она и нѣмецкая». Переписка съ Шафарикомъ не сохранилась.

Знакомство Андрея Яковлевича съ Ганкою относится къ 30-мъ годамъ. Послѣ первой же встрѣчи они настолько понравились другъ другу, что не упускали возможности повидаться, для чего Андрей Яковлевичъ въ заграничныхъ своихъ поѣздкахъ каждый разъ заворачивалъ въ Прагу. Памятникомъ одного изъ такихъ свиданій сохранилась неясная записка Ганки къ Андрею Яковлевичу отъ 8 августа 1842 г., которую я помѣщаю здѣсь лишь въ надеждѣ вызвать разъясненіе оной отъ кого-либо близко изучившаго жизнь и дѣятельность Ганки:

«Ваше превосходительство! Я ожидалъ ужъ въ пять часовъ извѣстнаго человѣка и лучше-бъ былъ сдѣлалъ, если-бъ былъ тотчасъ самъ къ «Тремъ липамъ» пошелъ, по крайней мѣрѣ-бъ имѣлъ удовольствіе видѣть еще разъ ваше превосходительство. Чоловѣкъ пришелъ въ половинѣ шестаго и, какъ я послѣ, идучи около «Трехъ липъ», узналъ, онъ васъ уже не засталъ.

Что не сдѣлалось, должно сдѣлать: панъ Феликсъ Бораковскій(?(это теперича исполнить» [1]).

Спустя два года Ганка, пользуясь проѣздомъ черезъ Прагу въ Варшаву б. основателя и директора института глухо-нѣмыхъ въ Москвѣ, а въ то время агента газоваго общества, Антона Осиповича Корси, поручилъ ему передать Андрею Яковлевичу книгу: «Сазаво-Еммауское Евангеліе и начала священнаго языка словянъ» (издана въ Прагѣ въ 1846 г. in 12), а при ней слѣд. письмецо:

«Прилагаемую при семъ книгу прошу покорно принять, какъ послѣдній, сохранившійся на чужбинѣ, остатокъ истребленнаго у насъ православія. Въ предисловіи я объ этомъ обширнѣе говорилъ, но укратили. Желая вамъ быть счастливымъ, здоровымъ и долговѣчнымъ, имѣю

---

[1]) Я привожу письма Ганка съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей.

честь оставаться навсегда вамъ преданнымъ, Вячеславомъ Ганкою. Прага, ³/₁₅ іюля, 1846 г» [1]).

Изъ письма Ганки къ Андрею Яковлевичу отъ ⁴/₁₆ іюля 1847 г. видно, что они обмѣнивались не только книгами, но и мнѣніями по поводу научныхъ своихъ трудовъ.

Извѣщая Андрея Яковлевича о полученіи посланныхъ имъ книгъ, Ганка пишетъ далѣе:

«Г. Мацѣёвскій отдалъ мнѣ копію вашей любопытной статьи [2]), съ которой намѣреньемъ я совершенно соглашаюся, только я бы желалъ, что-бъ она съ VII вѣка обширнѣе исчисляла нынѣ уже онѣмеченныя славянскія племена и ярчѣй опредѣляла ихъ тогдашнія границы. Далѣе, что-бъ было показано, что гдѣ только въ IX и X вѣкѣ православіе свои благодѣтельные лучи бросало, хотя-жъ тамъ впослѣдствіи оно нѣмцами и истреблено было, въ тѣхъ странахъ и языкъ словянскій совсѣмъ исчезъ и остались только слабые слѣды обычаевъ и повѣрій. Я совсѣмъ убѣжденъ, что если-бы блескъ сихъ лучей изъ сосѣдственныхъ Чехъ въ Лузацію не засягалъ, то-бы и тамъ, какъ въ Турингіи, на рѣкѣ Салѣ, на Нижней Лабѣ и т. д. съ нѣмецкимъ вѣроученіемъ не осталось бы словянскаго слова. Эта статья имѣла-бъ гораздо болѣе силы, крѣпости и прочности, ибо историческое воспоминаніе убѣждаетъ. Поляки своимъ усиліемъ распространяться на востокъ и пустить западныя страны нѣмцамъ согрѣшили сами противъ себя и противъ всему словянству. Въ новѣйшихъ временахъ въ сей статьѣ, правда, благоразумнѣе говорить только про Россію и Польшу».

Сношенія А. Я. Стороженка съ Ганкою неожиданно поставили его въ слѣдующемъ году въ положеніе если не весьма трудное, то во всякомъ случаѣ не совсѣмъ удобное, по занимаемому имъ административному посту при намѣстникѣ Царства Польскаго. Пробудившееся тогда въ Европѣ революціонное, демократическое и національное, броженіе коснулось и сосѣдней съ нами австрійской имперіи. Австрійскіе нѣмцы стремились къ соединенію съ нѣмцами германскими, притягивая въ этотъ союзъ и австрійскихъ славянъ. Эти послѣдніе въ свою очередь обнаружили энергическое стремленіе къ противодѣйствію нѣмецкимъ тенденціямъ и къ объединенію славянскихъ народностей. Съ этою цѣлію задуманъ былъ славянскій съѣздъ въ Прагѣ, срокомъ котораго назначалось 31-е мая 1848 г. Знатнѣй-

[1]) Корси не случилось попасть въ Варшаву и онъ переслалъ Андрею Яковлевичу книгу Ганки изъ Дрездена, какъ свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо его отъ 26 іюля т. г.

[2]) Рѣчь идетъ, кажется, о статьѣ Стороженка, напечатанной послѣ его смерти въ Чтеніяхъ моск. общ. ист. древн. за 1871 г.

шія чешскія фамиліи, выдающіеся ученые изъ австрійскихъ славянъ приняли участіе въ устройствѣ этого съѣзда; примкнулъ къ этому кружку и Ганка. Составлено было воззваніе ко всѣмъ славянамъ на четырехъ языкахъ: чешскомъ, польскомъ, сербскомъ и словацкомъ; «на русскомъ языкѣ, по словамъ Ганки, не знали, печатать-ли, и не печатано». Вотъ текстъ этого любопытнаго воззванія:

«Славяне, братья! Кто изъ насъ не посмотритъ со скорбью на наше прошлое и кому неизвѣстно, что то, что мы претерпѣли, случилось единственно вслѣдствіе нашего нерадѣнія и разрозненности? Но послѣ многихъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ одни забыли о другихъ, въ теченіе которыхъ несчастіе столько разъ падало на наши головы, мы пришли наконецъ къ сознанію, что всѣ мы, народы славянскіе, дѣти одной великой матери, что мы братья! Настали важныя времена, которыя освободили народы и сняли съ нихъ бремя, подъ которымъ они такъ тяжко стонали; времена эти сняли и съ насъ бремя и мы теперь можемъ высказать то, что мы давно чувствовали, можемъ разсуждать объ этомъ и можемъ это утверждать. Народы европейскіе вступаютъ въ соглашенія и соединяются. Нѣмцы созвали для своего единенія съѣздъ во Франкфуртѣ, который требуетъ, чтобы австрійское государство уступило съ этою цѣлью столько своей свободы, сколько нужно для цѣлости нѣмецкой (націи) и чтобы государство австрійское со всѣми землями, исключая Угріи, вступило въ составъ нѣмецкаго государства. Таковой шагъ нарушилъ-бы не только цѣлость австрійскаго государства, но и помѣшалъ бы соединенію и самостоятельному существованію славянскихъ народностей и угрожалъ-бы имъ обезнаціоналеніемъ. Наша же обязанность неутомимо оборонять то, что намъ дорого. Пришло время намъ, славянамъ, вступить въ соглашеніе и стремиться къ одной цѣли. Того ради до приведенія въ исполненіе этихъ замысловъ, отвѣчая съ радостью на многочисленные, присланные изъ разныхъ славянскихъ краевъ запросы, дѣлаемъ симъ воззваніе ко всѣмъ славянскимъ народностямъ австрійскаго государства и приглашаемъ всѣхъ лицъ, пользующихся народнымъ довѣріемъ и намъ сочувствующихъ, собраться въ изстари славной чешской Прагѣ на 31-е мая текущаго года, чтобы обсудить вмѣстѣ обо всемъ томъ, что нужно для нашего племени и что должны мы предпринять въ настоящее важное время. Если же и другіе славяне, изъ-за предѣловъ австрійскаго государства, захотѣли бы почтить нашъ съѣздъ своимъ присутствіемъ, то они будутъ приняты, какъ дорогіе гости. Въ Прагѣ, дня 1-го мая 1848 г.».

Воззваніе печатали въ газетахъ, разсылали, куда знали и могли. Не удержался Ганка, что-бы не послать его и своему варшавскому пріятелю и послалъ при письмѣ слѣд. содержанія:

«Прилагаемые при семъ листки прошу покорнѣйше принять милостиво по крайней мѣрѣ въ извѣстность. Мы дождались временъ, которыхъ еще не ожидали. У насъ было бы хорошо все, но проклятые нѣмцы! Жаль, что у васъ нѣтъ нашихъ газетъ, чтобъ узнать, какими беззаконными хитростями они хотятъ насъ въ свои безбожныя мрежи увлечь. Читайте постановленіе франкфуртскихъ пятидесяти самозванцевъ въ отношеніи къ нашей протестаціи. Мы не хотимъ соединенія съ этою большою Германіею. Мы славяне и останемся славянами до послѣдней капли крови. Очень было бы намъ пріятно видѣть въ нашемъ съѣздѣ и нашихъ братій россіянъ. Прощайте и не забывайте насъ. Покорнѣйшій и преданнѣйшій Вячеславъ Ганка. 4-е маія 1848 г.»

Извѣстно, какъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія порядка и строгаго монархизма императоръ Николай на обнаруживавшееся тогда въ Европѣ демократическое движеніе и какъ отразился этотъ взглядъ на внутреннихъ мѣропріятіяхъ и отношеніи нашемъ къ венгерской революціи. Въ числѣ устроителей славянскаго съѣзда были и поляки, но польскія мечты шли дальше намѣченной съѣздомъ цѣли и какъ за границей, такъ и у насъ успѣли обозначиться не безопасными для внутренняго нашего спокойствія затѣями явно революціоннаго характера. Между тѣмъ наблюденіе именно за этого рода движеніемъ въ польскомъ обществѣ входило въ кругъ служебныхъ обязанностей Андрея Яковлевича и потому полученіе имъ приглашенія на славянскій съѣздъ въ Прагѣ ставило его въ положеніе довольно затруднительное. По своему внутреннему настроенію и образу мыслей онъ не могъ не сочувствовать идеѣ славянскаго возрожденія и объединенія; но оно получало такую политическую окраску и осложненія, которыя дѣлали для него неудобнымъ въ его служебномъ постѣ ни принятіе въ немъ участія, ни выраженіе какого либо сочувствія. По видимому сознавалъ все это и Ганка и потому просилъ «принять посылаемое воззваніе по крайней мѣрѣ въ извѣстность». Но и этимъ не ограничился Андрей Яковлевичъ и поспѣшилъ 1-го мая представить воззваніе князю-намѣстнику при слѣд. запискѣ:

«Ваша свѣтлость! Вчерашній день я получилъ по почтѣ изъ Праги отъ стараго пріятеля моего, извѣстнаго ученостью и показывающаго

всегда рѣшительную преданность Россіи, Вячеслава Ганки письмо, съ приложеніемъ четырехъ экземпляровъ прокламаціи на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, коей приглашаются на 31 маія сего года въ Прагу депутаты изъ всѣхъ славянскихъ провинцій австрійской имперіи для совѣщаній о народномъ своемъ единеніи, по примѣру нѣмцевъ, съѣхавшихся уже во Фракфуртѣ, въ числѣ 50 уполномоченыхъ, для пріуготовительныхъ работъ къ общему германскому собранію. Приглашенія эти напечатаны во многихъ публичныхъ заграничныхъ вѣдомостяхъ. Въ числѣ подписавшихся на оной есть много извѣстныхъ лицъ, какъ-то: графы Тунъ, Коловратъ, Деймъ; ученые—Шафарикъ, Палацкій и др. Письмо Ганки имѣю честь при семъ представить вашей свѣтлости».

По обстоятельствамъ времени князь-намѣстникъ счелъ нужнымъ довести обо всемъ до Высочайшаго свѣдѣнія и спустя десять дней секретно далъ знать Стороженку, что Государь Императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго его, князя, доклада по предмету полученнаго Стороженкомъ письма отъ Вячеслава Ганки, Высочайше повелѣть соизволилъ: «оставить это письмо безъ отвѣта», о чемъ и предлагалось Стороженку къ непремѣнному исполненію.

Этимъ и закончились, повидимому, сношенія Андрея Яковлевича съ Ганкой, по крайней мѣрѣ мы объ нихъ ничего болѣе не знаемъ и никакихъ слѣдовъ ихъ не находимъ.

Съ знаменитымъ польскимъ ученымъ Вацлавомъ Александромъ Мацѣёвскимъ, авторомъ громаднаго труда: «Piśmiennictwo polskie od czasow najdawniejszych aż do 1830 roku», Андрей Яковлевичъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Живя въ одномъ городѣ, они постоянно видались другъ съ другомъ, въ продолжительныхъ бесѣдахъ выясняли себѣ разные научные вопросы, дѣлились результатами научныхъ изслѣдованій. Въ бумагахъ Андрея Яковлевича сохранилось нѣсколько собственноручныхъ копій Мацѣевскаго съ историческихъ памятниковъ, матеріаловъ, выписокъ изъ разныхъ историческихъ изслѣдованій, актовъ и черновыхъ его статей. Если который изъ нихъ отлучался изъ Варшавы, то сношенія поддерживались перепиской. Сохранилось три письма Мацѣёвскаго къ Андрею Яковлевичу. Въ первомъ изъ нихъ Мацѣёвскій разсказываетъ о результатахъ своихъ научныхъ поисковъ въ австрійскихъ архивахъ лѣтомъ 1839 г. Письмо отправлено изъ Варшавы къ Андрею Яковлевичу, находившемуся тогда въ Петербургѣ:

«Милостивѣйшій государь, ваше превосходительство, мой многоуважаемый пріятель и благодѣтель. Воротившись на дняхъ въ Варшаву съ

моей научной поѣздки, я былъ весьма опечаленъ, что не засталъ васъ тамъ; но г. Орестъ Евецкій [1]), который проситъ меня передать вамъ и супругѣ вашей свой поклонъ, утѣшилъ меня, что есть надежда на то, что мы вскорѣ увидимъ васъ здѣсь. Моя научная поѣздка по причинѣ болѣзни жены не была столь плодотворна, какъ еслибы я былъ свободенъ. Все-таки она была не безъ пользы. Я узналъ, что въ Рейгернѣ (Райградъ), наиболѣе древнемъ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Моравіи, находящемся недалеко отъ Берна (Берно), сохраняются рукописи VIII—XI вѣковъ, содержащія въ себѣ дѣла духовенства. Онѣ доходятъ до временъ Карла Великаго. Есть писанныя по-латыни, также по-гречески, но писанныя не грекомъ, а иноземцемъ, какъ видно изъ самого начертанія буквъ. Весьма возможно предположеніе, что это рукописи, вышедшія изъ-подъ пера людей, не грековъ по національности, но греческаго обряда, т. е. славянъ, потому что есть извѣстная разница между этимъ начертаніемъ буквъ и тѣмъ, какое было принято греками той эпохи. Я говорю объ этомъ во второмъ изданіи моихъ «Памятниковъ», въ главѣ о распространеніи католичества среди славянъ.

Во вторыхъ, въ архивѣ мальтійскаго ордена въ Прагѣ я нашелъ документы, по которымъ видно, что еще въ XII в. рыцари ордена св. Іоанна Іерусалимскаго (позднѣе мальтійскіе) имѣли свое великое пріорство въ Опатовѣ подъ Сандомиромъ. Отсюда мое предположеніе, которое я высказалъ въ упомянутомъ уже трудѣ моемъ, о столкновеніи крестоносцевъ съ епископствомъ Любарскимъ.

Въ третьихъ, въ селѣ Гольдштейнѣ около Опавы, въ Оломуцкомъ округѣ, въ Моравіи, есть хроника XV в., въ которой есть описаніе нападенія козаковъ на тѣ края. Объ этомъ сообщилъ мнѣ достойный вѣры г. Антоній Бочекъ [2]) и обѣщалъ мнѣ достать ее. Можно думать, что тѣ козаки прибыли въ Моравію съ Корибутомъ [3]), когда онъ ѣхалъ въ

---

[1]) Орестъ Степановичъ Евецкій, чиновникъ въ канцеляріи намѣстника Царства Польскаго, перевелъ первый томъ „Памятниковъ" Мацѣевскаго на русскій языкъ, сотрудничалъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара и вообще былъ извѣстенъ своею литературною дѣятельностію.

[2]) Антоній Бочекъ (1802—1847 г.), родомъ морававъ, съ 1831 г. профессоръ чешскаго языка въ Оломуцѣ, съ 1836 г. исторіографъ Моравіи и позднѣе начальникъ архива моравскихъ „чиновъ". Это былъ трудолюбивый собиратель историческаго матеріала, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по моравской исторіи и издатель богатаго сборника историческихъ документовъ.—Ист. слав. литератуpъ, Пыпина и Спасовича, стр. 968.

[3]) Великій князь литовскій (1394—1430) Витовтъ послалъ изъ личныхъ видовъ въ помощь гусситамъ значительное войско; достигнии своего, онъ отозвалъ армію; но оказалось, что значительная часть этого вспомогательнаго отряда пожелала остаться въ Чехіи и начальникъ ея, князь Сигизмундъ Корибутовичъ, былъ провозглашенъ (1421 г.) королемъ чешскимъ.

Чехію, приглашенный на тронъ гуситами; или же они вторглись во время войнъ Казиміра Ягеллончика, короля польскаго, съ Матфеемъ Корвиномъ, королемъ угорскимъ, въ первой половинѣ XV в. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ въ этомъ письменное доказательство того, что казацкое рыцарство существовало уже въ XIV в. (за Корибута), или въ XV в. Нельзя думать, чтобы оно было только тогда основано, но что оно было уже тогда, когда литовцы завладѣли Русью и въ ихъ рядахъ служили потомъ козаки. Это бросаетъ большой свѣтъ на то, что я говорю о козакахъ въ моихъ «Памятникахъ». Подождемъ и со временемъ многое и многое выяснится въ области прошлаго.

Посѣтилъ я Лузацію и собралъ многое, относящееся къ этой славянской народности. О всемъ этомъ я дамъ отчетъ въ новомъ моемъ сочиненіи, которое приготовляется къ печати, подъ заглавіемъ «Польша и Русь въ XV и XVI вв. въ отношеніи домашняго быта, литературы и религіозной распри» [1]).

Кончаю свое письмо тѣмъ, что прошу нижайше ваше превосходительство отвѣчать мнѣ; я дорожу письмами лица, которое я такъ уважаю и по отношенію къ которому я столь обязанъ. Вашъ другъ и покорный слуга Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій. Варшава, 29 сентября, 1839 г.».

Два другія письма писаны въ 1847 г. изъ Познани, куда Мацѣёвскій поѣхалъ также съ научными цѣлями. Письма эти весьма любопытны, а содержаніе ихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ украинской исторіи:

«Ясновельможный сенаторъ и мой милостивый благодѣтель! Я пересмотрѣлъ немало писемъ Хмельницкаго, писанныхъ по-русски и по-польски, къ королю и къ разнымъ панамъ, хранящихся въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани. Содержаніе этихъ писемъ не очень интересно и потому я не считаю нужнымъ ихъ переписывать. Изъ нихъ видно, что Хмельницкій былъ весьма образованный для своего времени человѣкъ. Я сказалъ переписать только два письма, писанныя по-польски. Во всякомъ случаѣ я буду ожидать особаго письменнаго или устнаго распоряженія вашего превосходительства. Кромѣ того, я обратилъ вниманіе на нѣсколько печатей, привѣшенныхъ къ письмамъ и другимъ рукописямъ. На печатяхъ изображены различныя фигуры. Однѣ печати —гетмановъ войска запорожскаго, привѣшенныя къ письмамъ Хмельницкаго и другихъ гетмановъ (Андрея Могиленка, Тетери, Голубка), на нихъ изображенъ козакъ, а около надпись: «печать войска его милости

---

[1]) Polska aż do piérwszéj połowy XVII wieku, pod względem obyczajów w cztérech częściach opisana. T. I—IV, Ptrbrg i Wàrsz. 1842. in 12.

короля запорожскаго», а иногда «копія печати войска» и т. д.; другія же печати князей Червонной Руси, именно, Александра, князя подольскаго, 1357 г., съ нѣмецкой надписью (привѣшена къ грамотѣ, выданной нѣмецкимъ купцамъ на право свободной торговли) и Владислава Опольскаго, 1370 г., съ латинской надписью. Обѣ печати очень красивы: на первой изображенъ св. Георгій Побѣдоносецъ, на другой—фигура въ русской одеждѣ на вычурно изукрашенномъ тронѣ. Кромѣ этихъ, есть еще много другихъ печатей съ русскими надписями, съ изображеніемъ креста и стрѣлъ, или птицъ. Есть также печати съ русскими надписями молдавскихъ господарей. Нужно еще прибавить, что на печати гетмановъ Тетеря и Могиленка фигура козака одѣта въ роскошный костюмъ и держитъ въ одной рукѣ самопалъ и знамя безъ изображенія какого-либо герба.

Живописецъ желаетъ за рисунокъ каждой печати 30 польскихъ рублей, а за отливку 42 р. Я совѣтовалъ бы, конечно, послѣднее, потому что металлическое изображеніе дольше будетъ сохраняться.

Вашъ другъ и нижайшій слуга, Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій. Познань, 28 апрѣля 1847 г.».

Второе письмо Мацѣёвскаго изъ Познани является по своему содержанію продолженіемъ и дополненіемъ къ только что приведенному:

«Ясновельможный сенаторъ и мой милостивый благодѣтель! Получилъ ваше письмо и исполнилъ всѣ ваши порученія. На письмѣ Голубка (или скорѣе Голуба; письмо во Львовѣ, напишу Зубрицкому, чтобы прислалъ) стоитъ: Olifi Ostapowicz Holub, Hetman wojska jeho korolewskoj M. Zaporozskoho z towaristwom. О Голубкѣ, какъ называли его поляки, или Голубѣ, я нашелъ кое-какія свѣдѣнія, что онъ жилъ за Сигизмунда Августа (кор. 1548—1572) и позже, погибъ въ походѣ подъ Бычину [1]), который былъ предпринятъ Яномъ Замойскимъ противъ Максимиліана, эрцгерцога австрійскаго, избраннаго одной партіей въ короли польскіе. У меня есть стихи на смерть Голубка, написанные поэтомъ современникомъ по-польски, печать же и письмо увеличиваютъ свѣдѣнія объ этомъ малоизвѣстномъ гетманѣ. Одинъ изъ здѣшнихъ любителей старины, собирающій картины, рисунки, письма и печати, обладаетъ большой коллекціей таковыхъ, между прочимъ тамъ есть печати запорожскихъ гетмановъ, литовско-русскихъ князей и знат-

---

[1]) Бычина нынѣ городъ опольскаго уѣзда въ прусской Силезіи. Битва происходила въ 1588 г., 24-го января, при чемъ эрцгерцогъ Максимиліанъ былъ взятъ въ плѣнъ Замойскимъ.

ныхъ русскихъ родовъ (между послѣдними наиболѣе важна печать князей Сангушекъ отъ XV в.). Есть также печати князей польскихъ, между которыми обратили наиболѣе мое вниманіе печати князей куявскихъ и ихъ женъ. Самыя старыя, относящіяся къ началу XIII в., очень красивы, изображаютъ св. Георгія Побѣдоносца, а вверху надпись по славянски: «Іисусъ Христосъ». Такія печати есть въ Курникѣ, въ библіотекѣ гр. Дзялынскаго, недалеко отъ Познани. Поѣхалъ туда и былъ хорошо тамъ принятъ. Тамъ много интереснаго не только для польской, но и для русской исторіи. Есть подлинныя грамоты (съ вытиснутыми золотомъ заголовками, печатями) царя Алексѣя Михайловича и его бояръ къ правительству Рѣчи Посполитой: относительно гетмана Дорошенка (есть его печать 1675 г.), границъ Украины, уступленной Яномъ Казиміромъ Россіи, переговоры о Кіевѣ.

Обращая вниманіе ваше на все вышесказанное, прошу дать мнѣ отвѣтъ—снимать ли копію съ печати Дорошенка? Цѣна печати, рѣзанной на стали, 7 талеровъ. Платить по полученіи всего. Еще скажу, что библіотекарь, который будетъ списывать копіи съ писемъ, читаетъ по-русски, но пишетъ латинскимъ шрифтомъ, съ исключеніемъ *еровъ*. Если вамъ будетъ угодно отвѣчать мнѣ, прошу адресовать во Вроцлавъ [1]), на имя господина профессора Пуркинье [2]), такъ какъ еще не знаю, гдѣ остановлюсь.

Окончивши все въ Познани и Курникѣ, поѣду въ Рогалинъ, въ *частный* архивъ и библіотеку графовъ Рачинскихъ (въ Познани есть *публичная* библіотека, основанная графомъ Эдуардомъ Рачинскимъ), въ которыхъ есть много интереснаго. Тамъ я не останусь долго, снова вернусь во Вроцлавъ. Поручая себя доброй памяти вашего превосходительства, остаюсь вашимъ другомъ и покорнымъ слугою, Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій. Познань. 13 мая 1847 г.».

О дальнѣйшихъ сношеніяхъ Андрея Яковлевича съ Мацѣёвскимъ ничего неизвѣстно.

Съ галицкимъ историкомъ Діонисіемъ Зубрицкимъ [3]) Андрей Яковлевичъ познакомился чрезъ Мацѣёвскаго. Онъ обращался къ

---

[1]) По нѣмецки—Breslau, городъ въ Силезіи на р. Одерѣ.

[2]) Пуркинье, знаменитый физіологъ и чешскій патріотъ, другъ славнаго чешскаго поэта Челяковскаго и лужицкаго патріота Яна-Эрнеста Смолера.

[3]) О жизни Діонисія Зубрицкаго и многочисленныхъ его трудахъ по исторіи и археологіи см. „Encyklopedia powszechna", Оргельбранда. Варшава. 1883 г., статью Собѣщанскаго, а также Ист. слав. литературъ, Пыпина и Спасовича. стр. 434—435.

нему за историческими справками и съ просьбою сообщить копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, хранящихся въ богатыхъ львовскихъ архивахъ, по различнымъ вопросамъ изъ исторіи южной Руси, надъ разъясненіемъ которыхъ онъ трудился въ извѣстный періодъ времени. Зубрицкій всегда удовлетворялъ желанія Андрея Яковлевича и пересылалъ ему копіи съ историческихъ матеріаловъ, съ необходимыми комментаріями, или прямо по почтѣ на его имя, или чрезъ посредство Мацѣёвскаго, съ которымъ Зубрицкій находился въ дружескихъ отношеніяхъ и велъ оживленную переписку. Нужно предполагать, что посылки сопровождались письмами Зубрицкаго къ Андрею Яковлевичу, но въ бумагахъ послѣдняго этихъ писемъ я не нашелъ; нашлось только три письма Зубрицкаго къ Мацѣёвскому, которыя въ свое время переданы были, конечно, послѣднимъ Андрею Яковлевичу, какъ интересовавшія его своимъ содержаніемъ, и завалились въ грудѣ его рукописей. Письма эти не имѣютъ прямаго отношенія къ настоящему очерку, но имѣютъ столь важный историко-литературный интересъ, что я привожу ихъ здѣсь въ приложеніи, подъ № 6. Кромѣ этихъ писемъ, среди бумагъ Андрея Яковлевича нашлось двѣнадцать тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ копіи, сдѣланныя Зубрицкимъ, съ историческихъ документовъ, какъ ему лично принадлежавшихъ, такъ и хранившихся во львовскихъ древнехранилищахъ. Копіи эти снабжены предисловіями и примѣчаніями Зубрицкаго; но все это уже напечатано [1]).

Въ 1840 г. Андрей Яковлевичъ имѣлъ случай познакомиться съ хорватскимъ ученымъ, докторомъ Людевитомъ Гаемъ [2]), первымъ начинателемъ сербо-хорватскаго національнаго движенія 1848 г. и новой «иллирской» литературы. Поводомъ къ этому знакомству послужилъ пріѣздъ Гая въ Россію чрезъ Варшаву въ маѣ 1840 года. Еще съ конца 1834 г. Гай велъ изданіе политической газеты, съ литературнымъ къ ней прибавленіемъ, трудясь надъ выработкою хорватскаго литературнаго языка и проведеніемъ идеи славянскаго

---

[1]) См. въ „Актахъ западной Россіи", т. I, № 20 и 21; т. II, № 201; т. III, №№ 16 (а), 25, 51, и въ „Supplementum od historica Russiae monumenta" (Petropoli 1848), №№ XLI, LI, LII, LV.

[2]) См. о немъ въ Ист. славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, стр. 242—244, 247.

возрожденія. Такая дѣятельность его, возбуждая подозрѣнія и преслѣдованія австрійскихъ властей, представляла сама по себѣ много затрудненій. Каковы были планы и разсчеты, побудившіе Гая предпринять поѣздку въ Россію, въ точности неизвѣстно; но конечно въ основѣ ихъ лежало желаніе найти необходимую въ его дѣятельности нравственную, а быть можетъ и матеріальную поддержку. А. Я. Стороженко, по пріѣздѣ Гая въ Варшаву, принялъ, какъ можно догадываться, близкое въ немъ участіе и послѣ неудачнаго свиданія его съ приближеннымъ къ государю графомъ Бенкендорфомъ, направилъ его для той же цѣли въ Петербургъ, на что, не безъ участія, а быть можетъ и по прямому ходатайству Андрея Яковлевича, выдано было Гаю 100 червонцевъ. Въ сентябрѣ того же года Андрей Яковлевичъ обратился къ князю намѣстнику съ слѣд. запиской:

«Ваша свѣтлость! во время пребыванія здѣсь его величества государя императора въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, прибылъ сюда изъ Австріи профессоръ Гай; а какъ онъ не имѣлъ времени объяснить здѣсь дѣла своего г. генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, то и отправился къ нему въ Петербургъ. На путевые издержки профессору Гаю, вашей свѣтлости благоугодно было разрѣшить, здѣшій банкиръ Іосифъ Эпштейнъ выдалъ 100 червонныхъ.

Нынѣ сей послѣдній, представляя росписку въ выдачѣ 100 червонцевъ, проситъ о возвратѣ ихъ. Варшава. 23 сент. 1840 г.».

По поводу этой записки послѣдовало сношеніе съ Петербургомъ, а за тѣмъ правитель канцеляріи намѣстника, по его распоряженію, 22 октября секретно увѣдомилъ Андрея Яковлевича, что:

«Господинъ генералъ адъютантъ графъ Бенкендорфъ, вмѣсто возвращенія 100 червонцевъ, выданныхъ профессору Людевиту Гаю, отозвался, что хотя сей послѣдній являлся къ нему въ Варшавѣ и потомъ въ С. Петербургѣ, изъявляя преданность свою и соотечественниковъ его, иллирійскихъ славянъ, къ россійскому престолу, каковую предлагалъ поддерживать со своей стороны литературными изданіями, но его сіятельство находилъ невозможнымъ войти въ какія-либо съ нимъ сношенія и потому отклонилъ его требованія».

О времени знакомства Андрея Яковлевича съ Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ [1]) мы узнаемъ изъ предисловія послѣдняго

[1]) О. М. Бодянскій оказалъ громадную услугу русской наукѣ, въ особенности изданіемъ „Чтеній моск. общества ист. и древн.“ О его жизни и

къ изданнымъ имъ въ 1875 г. «Реестрамъ войска запорожскаго», подлинная рукопись которыхъ принадлежала Андрею Яковлевичу. Вотъ какъ разсказываетъ Осипъ Максимовичъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Андреемъ Яковлевичемъ и о томъ, какъ онъ узналъ о принадлежности послѣднему такого важнаго историческаго памятника, какъ «Реестра»:

«Возвращаясь изъ пятилѣтняго путешествія своего по заграничнымъ славянскимъ землямъ лѣтомъ 1842 года, я остановился на мѣсяць въ Варшавѣ, сколько для знакомства съ польскими писателями, столько и для осмотра тамошнихъ архивовъ. Занимаясь преимущественно въ главномъ городскомъ архивѣ, я получилъ приглашеніе посѣтить одного русскаго генерала, любителя русской и славянской исторіи и старины. Это былъ въ то время тайный совѣтникъ и сенаторъ варшавскихъ департаментовъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко, какъ оказалось мой непосредственный землякъ по происхожденію и владѣнію [1]), малороссъ полтавской губерніи, ближній сосѣдъ и извѣстный мнѣ уже до того по имени, какъ писатель о малороссійскихъ разнаго рода достопримѣчательностяхъ и тому подобномъ. Въ домѣ его принятъ былъ я чрезвычайно радушно и тотъ же часъ получилъ приглашеніе посѣщать его, ничѣмъ не стѣсняясь, когда лишь вздумается. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, разговаривая о нашей родинѣ, узналъ я отъ него, что онъ имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи подлинные «Реестра Войска Запорожскаго», составленные при гетьманѣ его, Богданѣ Хмельницкомъ, послѣ знаменитой побѣды, имъ одержанной подъ Зборовымъ (въ нынѣшней Галичинѣ), въ августѣ 1649 года, въ силу договора съ польскимъ королемъ Яномъ Казимиромъ, по которому полагалось имѣть гетьману 40 тысячъ козаковъ, въ реестръ внесенныхъ, не говоря уже объ охочекомонныхъ, и о другихъ правахъ и преимуществахъ, южнорусскому народу признаваемыхъ королемъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Андрей Яковлевичъ тутъ же показалъ мнѣ и самые „Реестра“.... Естественно, я просилъ владѣльца „Реестровъ“ позволить мнѣ познакомиться съ ними поближе, что и получилъ... Послѣ, по выходѣ въ отставку владѣльца сей рукописи, я всякой разъ, видаясь съ нимъ во

научной дѣятельности см. въ „Чтеніяхъ въ историч. общ. Нестора Лѣтописца“, К. 1879 г., стр. 295—301; „Слав. Ежегодникъ“, 1878 г., стр. 343—352; Очерки украинской литературы, Н. Петрова, стр. 183—185 и „Вѣстникъ Европы“, 1877 г., окт., стр. 899—904.

[1]) Андрей Яковлевичъ, какъ извѣстно, былъ родомъ изъ с. Брагинецъ лохвицкаго уѣзда.

время проѣздовъ его черезъ Москву въ Петербургъ и обратно, склонялъ его сообщить свою рукопись мнѣ для напечатанія; но время летѣло, а исполненія не видать было. По смерти же его, 4-го іюля 1858 года, я получилъ просимое уже отъ его старшаго сына».

Весьма вѣроятно, что наши два земляка, одинаково интересовавшіеся исторіей роднаго края, не довольствовались рѣдкими устными бесѣдами; но въ бумагахъ Андрея Яковлевича сохранилась только черновая одного письма Андрея Яковлевича къ Осипу Максимовичу и отвѣтное письмо послѣдняго, помѣченныя 1844 годомъ. Приводимъ здѣсь то и другое.

«Привѣтствую васъ искренно, почтеннѣйшій землякъ, Осипъ Максимовичъ! писалъ Стороженко Бодянскому.—«Москвитянинъ» [1]) доставлялъ мнѣ столько удовольствія, что на текущій годъ состою въ числѣ подписчиковъ на него съ мыслію быть таковымъ и на слѣдующіе затѣмъ годы, доколѣ не изсякнутъ источники дѣльнаго въ трудахъ издателей его.

Въ журналѣ этомъ, противъ котораго въ другихъ періодическихъ изданіяхъ—нашихъ есть столько выходокъ,—*gadaniny*, какъ говорятъ поляки, витаетъ духъ современной пытливости и видно прямое желаніе дѣлиться съ читателями свѣдѣніями полезными безъ всякихъ заднихъ мыслей или продѣлокъ, облекаемыхъ въ формы иностранныхъ фельетоновъ, подобныхъ пускаемымъ дѣтьми бумажнымъ змѣямъ съ трещотками.

Хотѣлъ, было, послать вамъ, любезный землякъ, недавно описанный мною эпизодъ изъ исторіи нашей, но оставилъ это до свиданія, ограничиваясь на этотъ разъ слѣдующею краткою выписью изъ цѣлаго:[2])... Сдѣлайте дружеское одолженіе, напишите мнѣ, какъ вы думаете о прописанномъ.

Только что мнѣ принесли «Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego, przez nieznanego autora» [3]), которые отправляю вамъ, даже

---

[1]) Издателемъ „Москвитянина" съ 1841 по 1856 г. былъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Журналъ этотъ даетъ всѣмъ занимающимся русской исторіей огромное количество матеріаловъ и указаній. „Москвитянинъ", не бывши исключительно органомъ славянофиловъ, печаталъ ихъ статьи, сочувствовалъ имъ по многимъ вопросамъ и разъ, въ 1845 г., перешелъ ненадолго подъ редакцію Кирѣевскаго.

[2]) Въ черновой, которую я имѣлъ подъ руками, выписки не сдѣлано.

[3]) Изд. въ г. Бреславлѣ въ 1842 г. Было переведено и помѣщено въ „Чтеніяхъ" за 1876 г., № 4, подъ заглавіемъ: „Краткая исторія о бунтахъ Хмель-

не заглянувши въ нихъ. Выписываю сегодня же другой экземпляръ для моего прочтенія, а вы скажить, буде ваша ласка, мени—чи правду, чи брехню задавъ ляхъ, выдавець памьятныкивъ.

Прошлаго лѣта, можно сказать, по привычкѣ уже я былъ въ Карлсбадѣ и на возвратномъ пути чрезъ Прагу видѣлъ всѣхъ добрыхъ моихъ пріятелей, тружениковъ на славянской нивѣ. Шафарикъ очень ослабѣлъ; чехи не будутъ имѣть ему подобнаго въ дѣятельности, хотя она и нѣмецкая. Мнѣ кажется, что гораздо болѣе обѣщаютъ непочатые сербы и болгары на поприщѣ возникающей письменности ихъ, нежели вышедшіе, хотя бы и докторами философіи, изъ школъ нѣмецкихъ. Въ Сербіи, какъ мнѣ пишутъ оттуда, на три выходящіе тамъ періодическія изданія число подписчиковъ каждый годъ удвоивается. Слава тебѣ Боже!

Не забувайте-жъ щыро васъ шануючого земляка, та бувайте здоровеньки. А. Стороженко. Варшава, 20 генваря 1844 г.».

Осипъ Максимовичъ отвѣчалъ на письмо слѣдующимъ обширнымъ посланіемъ, начиная съ объясненія причины промедленія въ отвѣтѣ.

«Ваше превосходительство! Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Письмо ваше, отъ 20-го января посланное, Богъ вѣсть съ кѣмъ, получено мною тоже, Богъ вѣсть когда, то есть только двѣ недѣли тому назадъ. Гдѣ, съ кѣмъ и зачѣмъ такъ долго пропадало оно, а равно и кто этотъ, доставившій мнѣ его, остается по сю пору для меня тайною. Какъ бы то ни было, но я счелъ нужнымъ оговориться объ этомъ предъ вами, щобъ вы, бува, не подумали чого, боронь Боже, не гарного о своимъ земляку, котрый такъ щыро кохае та шануе васъ, якъ сынъ батька, ясновельможный пане добродію!

Пріймите мою искреннюю душевную благодарность за память вашу обо мнѣ и тѣ прекрасныя мысли, которыми угодно было вамъ подѣлиться со мною о предметѣ, столь близкомъ каждому изъ сыновъ Руси. Я ничего не могу возразить вамъ тутъ, даже сдѣлать малѣйшую придирку, къ которой однако-же чувствую себя довольно падкимъ въ другихъ обстоятельствахъ. Грѣшный человѣкъ! Вѣрнѣе, отчетливѣе и разительнѣе нельзя было выразить того отношенія, какое находилось между Малой, Червоной и Бѣлой Русью съ одной, и Литвой съ другой стороны. Литовцы были здѣсь только тѣмъ, чѣмъ нѣкогда варяги или русы, или

пицкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми, въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіи 12-ти лѣтъ, начиная съ 1647 г.“ и отдѣльн. оттиски. М. 8°, т. II, стр. 56.

тѣ и другіе вмѣстѣ, или же, какъ хотятъ нѣкоторые, варяго-руссы [1]), для сѣверной и южной Руси. Они дали снова точку опоры, средобѣжную, изъ которой выходили и снова возвращались лучи живительнаго, творческаго свѣта, творящее, вполнѣ впослѣдствіи слившееся съ творимымъ, потерявшееся въ немъ, какъ теряется капля въ морѣ, первичная причина, давшая чему-либо къ чему-либо толчекъ, въ послѣдующемъ отъ того дѣйствія, явленія. Замѣчательно, что въ жизни восточнаго славянства три главныя его племени, велико-мало-бѣлоруссы, имѣли каждое изъ нихъ первоначально свой запорожскій кошъ, столицу-гнѣздо, изъ которой все исходило, около которой образовывалось постепенно государство, грозившее послѣ при лучшихъ обстоятельствахъ покрыть вѣтвями своими сперва родственныя свои главныя вѣтви, объявлявшія на тоже самое подобное притязаніе, а потомъ и чужое сосѣднее и несосѣднее. Новгородъ и Кіевъ, потомъ, съ ослабленіемъ послѣдняго, отрасль его, Червоная Русь въ Галичѣ и Львовѣ, далѣе, съ ослабленіемъ и этой, Бѣлая Русь въ лицѣ литовцевъ и напослѣдокъ, съ ослабленіемъ и этой, Великая Русь въ своей бѣлокаменной Москвѣ. Мало-Русь пыталась, было, послѣ поноснаго соединенія Бѣлой съ Польшей, снова зажить старой Русью Владиміра, но на новый образъ, въ лицѣ козачества; однако Москва взяла свое, перетянула государственные вѣсы на свою сторону и вотъ теперь мало по-малу почти вся Русь составила одно плотное политическое тѣло, его же и врата адовы не одолѣютъ. Но за все это должна благодарить она прежде и больше всего насъ, малоруссовъ, помогшихъ ей добровольнымъ смиреніемъ и самоотверженіемъ отъ соперничества заложить и строить это величественное, исполинское и великолѣпное зданіе, гордость и славу нашу и нашихъ соплеменниковъ, страхъ и удивленіе иноязычниковъ! Она это въ новѣйшее время сознаетъ и потому съ родностью принимается за раскрытіе скрижалей нашей прежней жизни. Такъ, наше историческое московское общество положило издать всѣ, какія только можно будетъ собрать, *малорусскія* лѣтописи и редакцію поручило *мнѣ*. Я приготовилъ нынче къ осени лѣтопись Самійла Величка [2]), бывшаго писаремъ въ канцеля-

[1]) Бодянскій имѣетъ въ виду здѣсь мнѣнія различныхъ ученыхъ по вопросу о призваніи князей и происхожденіи Руси, въ частности профессора русскаго права въ Дерптѣ Густ. Эверса и тамошняго-же проф. Рейца, Каченовскаго и Погодина. См. подробнѣе—Кояловичъ, Ист. Русскаго самосознанія. С.-п.б., 1884 г., стр. 236—249.

[2]) Эту лѣтопись впервые нашелъ Погодинъ и передалъ ее Бодянскому для изданія, но по неизвѣстнымъ причинамъ изданіе это не состоялось и рукопись поступила въ распоряженіе кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, которая и издала ее разновременно въ трехъ томахъ.

ріи Мазепы. Онъ воспользовался вполнѣ лѣтописными записками Самійла Зорки, писаря Богдана Хмельницкаго, и довелъ все до 1720-го года. Изображенія гетмановъ тутъ-же, и скажу вамъ, что они совершенно несходны съ Бантышевскими, но съ перваго взгляда показываютъ, что сняты прямо съ природы. Вѣрно, Величко воспользовался портретами гетмановъ въ генеральномъ нашемъ правленіи, или въ гетманскихъ покояхъ. Кромѣ того приготовилъ я лѣтописи наши: бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго, подъ названіемъ «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ», Шафонскаго, Ригельмана [1]) и еще кое-что. Всѣ онѣ составятъ одинъ огромнѣйшій томъ листовъ въ 150 печатныхъ. Нѣтъ ли еще у вашего превосходительства какой лѣтописи или описанія Украины? Вы обладаете такимъ богатымъ собраніемъ малороссійскихъ письменныхъ памятниковъ, и потому очень можетъ случиться, что между ними найдется какая-либо. Если найдется или нашлась, то не будете ли вы столь благосклонны прислать нашему историческому обществу для списанія. За неприкосновенность и возвращеніе общество отвѣчаетъ. А ежели нѣтъ этого, то, по крайней мѣрѣ, нельзя ли будетъ вашему превосходительству переслать намъ на время тотъ реестръ запорожскому войску при Богданѣ Хмельницкомъ, который представленъ былъ имъ польскому королю, находится теперь у васъ и которымъ я по благосклонности вашей пользовался нѣкоторое время въ бытность свою въ Варшавѣ? Мнѣ бы хотѣлось напечатать этотъ «реестръ» въ «Добавленіи» и тѣмъ сохранить навсегда имена этихъ лыцарей для признательнаго потомства. Этимъ бы мы обязали чрезвычайно потомковъ ихъ какъ въ дворянствѣ, такъ и въ козачествѣ нашемъ. Буде угодно будетъ вамъ сдѣлать для насъ эту милость, то благоволите вручить просимое либо сыну г. Мацѣёвскаго, теперь пребывающему въ кругу родныхъ на вакаціи, либо же другому кому изъ надежныхъ молодыхъ людей, отправляемыхъ вашимъ учебнымъ округомъ ежегодно въ августѣ къ намъ въ университетъ на *учебу-то*. Снявши, какъ можно поспѣшнѣе, списокъ, мы бы тотчасъ-же переслали вамъ обратно по почтѣ или чрезъ вѣрныя руки. Чи мати надію, чи може ни?

Благодарю васъ еще душевно за Pamiętniki!

---

[1]) „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи" Ригельмана и „Краткое описаніе" Симоновскаго помѣщены въ „Чтеніяхъ" за годы 1846—1848, а трудъ Шафонскаго почему-то не былъ изданъ Бодянскимъ, издалъ же его председатель кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, Судіенко, подъ заглавіемъ: „Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе". Кіевъ, 1851 г.

За симъ имѣю честь быть съ моимъ глубочайшимъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ къ вашему превосходительству, милостивый государь! Вашимъ покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою Осипъ Бодянскій. Іюня 17-го дня 1844 г. Москва».

О знакомствѣ Андрея Яковлевича съ извѣстнымъ палеографомъ, академикомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ [1]) мы узнаемъ изъ письма послѣдняго къ старшему сыну Андрея Яковлевича, Владиміру Андреевичу, отъ 31-го марта 1861 г.; я приведу изъ него здѣсь выдержку:

«Вашъ батюшка былъ богатъ разными остатками старины и древности, и я самъ когда-то ими пользовался не только въ Варшавѣ, но и послѣ въ Харьковѣ, куда онъ мнѣ присылалъ ихъ. Не можете ли вы сообщить изъ нихъ что-нибудь любопытное для археологическаго общества? Если да, то очень обяжете. Послать можно и на мое имя и на имя секретаря общества, академика Владиміра Владиміровича Вельяминова-Зернова. Поручаю себя доброй памяти вашей. Измаилъ-Срезневскій».

Съ Александромъ Власьевичемъ Терещенкомъ, авторомъ обширнаго труда «Бытъ русскаго народа» и множества историческихъ статей и замѣтокъ, Андрей Яковлевичъ познакомился во время проѣзда перваго черезъ Варшаву за границу въ февралѣ 1838 г. Терещенко былъ хорошо знакомъ съ игравшимъ въ свое время большую роль публицистомъ, Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ и потому, собравшись ѣхать, взялъ отъ послѣдняго рекомендательное письмо къ Андрею Яковлевичу, съ которымъ Булгаринъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Письмо это слѣдующаго содержанія:

«Любезнѣйшій другъ, Андрей Яковлевичъ! вотъ тебѣ лучшій нашъ археологъ и твой землякъ Терещенко! Ради Бога, будь ему провидѣніемъ въ Варшавѣ! Онъ ѣдетъ собирать по Европѣ матеріалы для исторіи нашей святой Руси. Ты, какъ любитель и знатокъ самъ, его оцѣнишь. Обнимаю тебя и прошу продолжать дружбу къ вѣрному твоему Ѳаддею Булгарину. 18 февр. 1838 г. С. П. Б».

Пріемомъ въ Варшавѣ Терещенко остался очень доволенъ. Изъ Варшавы онъ поѣхалъ въ Краковъ, Львовъ, Дрезденъ,

---

[1]) Объ ученыхъ трудахъ И. Срезневскаго см. Сборникъ отд. рус. яз. и слав. импер. акад. наукъ, т. XXII. С.-П.Б. 1881 г.

Прагу и Берлинъ. Изъ Берлина Терещенко прислалъ Андрею Яковлевичу обширное письмо съ выраженіемъ чувствъ своей благодарности за оказанное имъ радушіе и сообщеніемъ нѣкоторыхъ путевыхъ впечатлѣній и наблюденій. Опуская какъ слащавое изліяніе этихъ чувствъ, свидѣтельствующее развѣ о «дарѣ Андрея Яковлевича привязывать къ себѣ людей», такъ и неинтересныя разглагольствія юнаго путешественника по поводу усмотрѣннаго имъ въ Германіи разсадника наукъ, мы приведемъ изъ его письма только ту часть, которая говоритъ отчасти о связяхъ Андрея Яковлевича съ славянскимъ ученымъ міромъ, отчасти о предметахъ, составлявшихъ для него насущный интересъ.

«Изъ Дрездена,—писалъ между прочимъ Терещенко,—я намѣревался ѣхать на теплыя воды, но докторъ Крейсингъ мнѣ отсовѣтывалъ. Поэтому, осмотрѣвъ достопримѣчательности саксонской столицы, я поѣхалъ въ Прагу. Виноватъ, вашему превосходительству кланяется знаменитый Гульяновъ [1]; онъ спрашивалъ у меня, скоро ли кончите вы «Исторію Малороссіи». Но я ему отвѣчалъ, что масса служебныхъ занятій не дозволяетъ вамъ окончить въ скоромъ времени. Онъ жалѣлъ и я ему сочувствовалъ. Въ Прагѣ я встрѣтилъ рѣдкое радушіе ученыхъ: Ганки, Шафарика и Юнгмана [2]; они открыли мнѣ входъ во многіе архивы и библіотеки. Въ нихъ хранится огромный запасъ для будущихъ историковъ Богеміи и славянскихъ народовъ. Народный музей богатъ источниками для правовѣдѣнія, его исторіи и литературы. Меня изумило, когда я прочелъ въ прибавленіи къ Богемской лѣтописи, что болѣе 50 писателей теперь трудятся для своего языка. Любовь простаго народа ко всему отечественному, развитая посредствомъ чтенія на его природномъ языкѣ, такъ сильна, что самое угнетеніе не можетъ ее подавить.

[1] Это сынъ бывшаго молдавскаго господаря, князя Маврокордато, умершаго въ Москвѣ въ началѣ текущаго столѣтія. Онъ состоялъ долго на службѣ въ иностранной коллегіи и былъ употребляемъ въ различныя заграничныя командировки. Съ 1827 г., будучи причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, отправленъ за границу для филологическихъ и палеографическихъ занятій, опровергалъ систему извѣстнаго французскаго египтолога Шампольона касательно чтенія и изъясненія египетскихъ іероглифовъ. Смерть прекратила дѣятельность его въ то время, когда онъ началъ уже печатать свой трудъ о символахъ Египтянъ и о смыслѣ ихъ священнаго языка. См. о немъ Справочный энциклопедическій словарь, А. Старчевскаго, т. III, С.-П.Б., 1854 г., стр. 450 и Исторія Россійской акад. М. И. Сухомлинова, стр. 469.

[2] Іосифъ Юнгманъ (1773—1847) былъ главнѣйшимъ дѣятелемъ второй эпохи чешскаго національнаго возрожденія (около 1820 г.).

Писатели воскрешаютъ имена и дѣянія своихъ знаменитыхъ мужей въ памяти своихъ соотечественниковъ и оживляютъ ихъ надеждою, что они скоро составятъ одно политическое тѣло съ могущественными русскими, къ коимъ устремлены сердца всѣхъ славянъ. Въ Брюннѣ и Оломуцѣ сохранились нѣкоторыя рукописи, въ Краковѣ очень много, но во Львовѣ—это груда сокровищъ. Нигдѣ я не видѣлъ столько богатыхъ матеріаловъ для исторіи Западной Руси! Я перебиралъ подлинныя грамоты, которыя отъ гніенія прорывались на моихъ рукахъ. У меня сердце облилось кровью, когда я подумалъ, какъ пожираетъ время! Ваше превосходительство, вы сильны и милостивы, доведите до свѣдѣнія его свѣтлости, что русское достояніе гибнетъ въ непріязненныхъ рукахъ и что надобно собрать. Его свѣтлость, ревнитель къ отечественной пользѣ, если только скажетъ одно слово министру народнаго просвѣщенія или доведетъ до свѣдѣнія престола, то августѣйшій монархъ, покровитель наукъ, не допуститъ гибели отечественныхъ хартій».

Этимъ я заканчиваю краткій обзоръ ученыхъ сношеній и знакомствъ А. Я. Стороженка. Въ слѣдующей послѣдней главѣ мнѣ остается сказать о литературныхъ его знакомствахъ и связяхъ и привести сохранившіяся письма къ нему Булгарина, Воейкова и Владиславлева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6.

Три письма Д. Зубрицкаго къ А. В. Мацѣёвскому.

Львовъ, 6-го ноября 1835 г.

1.

Милостивый Государь!

Какъ всегда, такъ и въ этотъ разъ, я съ величайшею радостью получилъ и прочиталъ письмо ваше отъ 26 октября т. г. и въ доказательство того, какъ мнѣ пріятно находиться въ перепискѣ съ самымъ ученымъ человѣкомъ польскаго народа, немедленно отвѣчаю. Въ этомъ случаѣ никто не заподозритъ меня въ лести, потому-что кто-же изъ находящихся въ живыхъ поляковъ можетъ хотя отчасти сравниться съ авторомъ «Исторіи славянскихъ законодательствъ»? Это не повѣсть, не сонетъ, не разсужденіе, явившееся послѣдствіемъ мимолетнаго вдохновенія или наблюденія, но созрѣвшій плодъ долголѣтнихъ трудовъ, многихъ безсонныхъ ночей, изученія тысячъ книгъ и документовъ, однимъ словомъ—результатъ критической работы и здравой осмотрительности. И неужели я могу осмѣлиться поправлять что-нибудь своей слабой рукой на этой вѣковѣчной пирамидѣ, которая, судя

по ея прочности, должна простоять столѣтія? И если я дѣлалъ кое-какія односторонія замѣчанія, то только съ опредѣленной точки зрѣнія и обращая вниманіе исключительно на нашу несчастную Русь. Я далекъ отъ того, чтобы укорять васъ въ односторонности и въ лести народу польскому, ибо я знаю, что вы хотите завоевать себѣ славу у потомковъ, а таковая бываетъ удѣломъ только безпристрастнаго писателя.

Вашихъ «Записокъ» я буду ожидать съ несказаннымъ любопытствомъ; ваши дарованія и трудолюбіе заставляютъ разсчитывать на что-то особенное; въ этомъ мнѣніи поддерживаетъ и то обстоятельство, что мѣстная цензура не рѣшилась выдать вамъ своего разрѣшенія. Дальнѣйшихъ замѣчаній на „Исторію законодательствъ" я еще не набросалъ, такъ какъ, кажется, еще въ іюнѣ я ссудилъ два первые тома одному ученому каплану въ деревню и онъ мнѣ ихъ до сихъ поръ не возвратилъ, а безъ нихъ я не могу въ скоромъ времени приступить къ этой работѣ, потому-что въ нихъ отмѣчены карандашемъ нѣкоторыя мѣста и мнѣ ихъ необходимо еще разъ отъ доски до доски перечитать.

1-го августа отданы мнѣ ключи отъ архива [1]). Я принялъ на себя эти занятія со скуднымъ жалованьемъ 120 фл. въ годъ, но за то уже теперь богато вознагражденъ: кромѣ множества иныхъ свѣдѣній по исторіи Польши, Галиціи и города Львова, которыя я могу оттуда добывать, я нашелъ тамъ два очень важныхъ и любопытныхъ документа. Одинъ изъ нихъ написанъ по-русски и представляетъ подлинную купчую на имѣніе 1351 г. [2]); другой—привилегія Дмитрія, вел. князя владимірского и луцкого, выданная въ 1379 г. городу Львову на нѣмецкомъ языкѣ. Оба документа сильно меня заинтересовали. Здѣшній архивъ заключаетъ во себѣ нѣсколько тысячъ оригиналовъ.

Моя рукопись [3]) не получена еще изъ цензуры; я уже даже забылъ, сколько времени она тамъ валяется - кажется, полтора года. Судите сами, какъ это печально. Цензоръ обѣщалъ мнѣ отдать ее въ этомъ мѣсяцѣ, но не знаю, сдержитъ-ли онъ свое слово. Въ какомъ бѣдственномъ положеніи находился-бы въ этомъ случаѣ человѣкъ, который долженъ былъ-бы существовать только отъ своихъ литературныхъ заработковъ, какъ это случается въ другихъ мѣстахъ? Кажется,

---

[1]) Ключи отъ архива ставропигіальнаго братства во Львовѣ.

[2]) Купчая эта напечатана въ „Актахъ западной Россіи", т. I, С.-П.Б. 1846 г. стр. 20—21.

[3]) Разумѣется „Исторія Червоной Руси".

устроится такъ, что когда я получу рукопись, то отдамъ ее вамъ, не взирая на то, позволятъ-ли ее печатать или нѣтъ, потому-что я сомнѣваюсь, чтобы я даже и теперь рѣшился печатать ее въ прежнемъ видѣ; если-же на основаніи того, что я теперь знаю, или сдѣлать измѣненія въ текстѣ, или написать дальнѣйшія объясненія, то снова прійдется полтора года ожидать рукописи изъ цензуры.

Желаю вамъ терпѣнія и умиленія при чтеніи проповѣдниковъ; было время, когда и я отважился прочитать нѣсколькихъ изъ нихъ; съ нихъ можно собрать кое-какую жатву по части обычаевъ, пороковъ и домашняго быта. Проповѣдники, стремясь къ исправленію жизни, часто выставляли на видъ пороки по крайней мѣрѣ простаго народа своего времени, такъ какъ если они не поблажали слабостямъ великихъ господъ, то постоянно о нихъ молчали. Однако, кромѣ Скарги и Бѣрковского [1]), остальные не внушаютъ большихъ надеждъ.

Что касается русской литературы XVI—XVII вв., то по существу своему она не очень богата; ее составляютъ по большей части сочиненія полемическія и узко-богословскія; больше всего ихъ вышло въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Изъ историческихъ, кромѣ „Синопсиса“ Гизеля [2]), другихъ я не знаю. Къ этому я заохотилъ здѣсь одного старательнаго и образованнаго молодаго каплана, котораго я вамъ представлю, когда вы будете во Львовѣ (надежда на это меня утѣшаетъ).—Былъ тутъ во Львовѣ г. Терещенко изъ Петербурга, котораго ко мнѣ направилъ г. Росцишевскій; такъ какъ онъ имѣетъ честь быть вашимъ пріятелемъ и я прежде читалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» рецензію на его трудъ, то вслѣдствіе этого я познакомился съ нимъ, хотя вообще я сторонюсь отъ странствующихъ литераторовъ; я нашелъ въ немъ молодаго человѣка—любезнаго и образованнаго. Здѣсь ради болѣзни онъ пробылъ почти цѣлый мѣсяцъ и былъ удивленъ, найдя у насъ неожиданно много старыхъ памятниковъ, относящихся къ русской исторіи,—тѣмъ болѣе, что г. министръ просвѣщенія [3]) увѣрялъ его, будто онъ напрасно будетъ ѣздить во Львовъ.

Теперь приступая къ краткому отвѣту на сообщенныя мнѣ замѣчанія вашего пріятеля изъ окрестностей Кіева [4]), я прежде всего

[1]) Скарга и Бирковекій—знаменитые проповѣдники польскіе, первый 1536—1612 г., второй 1566—1636 г.

[2]) О Гизелѣ см. монографію Сумцова въ „Кіев. Старинѣ, 1884 г., т. X, стр. 183—226.

[3]) С. Уваровъ.

[4]) Пріятель этотъ никто иной, какъ А. Я. Стороженко.—Ср. Прил. № 1.

долженъ вообще напомнить, что въ моей «Исторіи Червоной Руси», которая увы! до сихъ поръ въ цензурѣ, я постоянно обращалъ вниманіе на козаковъ и на Русь, при и заднѣпровскую, на столько, на сколько это было согласно съ моимъ планомъ. Чтобы изложить все то, что я тамъ написалъ, нужно было-бы очень распространиться; поэтому здѣсь я замѣчу только слѣдующее: мои доказательства дѣлаютъ правдоподобнымъ, что вооруженное запорожское козачество получило свое начало отсюда, изъ нашей Руси, и изъ года въ годъ по большей части отсюда наполнялось. Это происходило особенно, начиная съ 1442-го года. Козаки, эти нѣкогда вооруженные землевладѣльцы Червонной Руси, постоянно вмѣстѣ съ татарами производили набѣги на польскія поселенія. Кромѣ вооруженныхъ и постоянно воюющихъ козаковъ, было нѣкогда и у насъ, а потомъ только на Волыни, въ Подоліи и Украинѣ, козачество осѣдлое, т. е. вольные, свободные и благородные люди, имѣющіе собственную осѣдлость. Козаки такъ высоко цѣнили свое рыцарское благородство, что каждый польскій шляхтичъ, принятый въ ихъ ряды, долженъ былъ отречься отъ польскаго шляхетства, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, получалъ высшее шляхетство, т. е. русско-козацкое. Только при Янѣ-Казимірѣ послѣ гадячскаго договора 1658 года польское правительство взялось за вѣрную политику, т. е. чтобы уничтожить и обезцѣнить русско-козацкое шляхетство, оно начало отъ собственной щедрости надѣлять козаковъ достоинствомъ шляхетства польскаго, которое получили Юрій Хмельницкій, Выговскій, Сулима, Носачъ и многіе другіе; одни изъ нихъ смѣялись съ этого, а другіе, менѣе предусмотрительные, принимали и тѣмъ самымъ заставляли сомнѣваться въ ихъ вольномъ и благородномъ происхожденіи. *Nil novi sub sole*.

Нужно также имѣть въ виду, что Волынь, Подолія и вел. кн. кіевское, которое охватывало всю теперешнюю Малороссію, только послѣ 1569-го года соединились съ Польшею, а передъ тѣмъ разсматривались, какъ свободное государство, соединенное только съ Литвою; на него, а особенно на вел. кн. кіевское, поляки не имѣли почти никакого вліянія. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что еще задолго до 1506 года существовали надъ Днѣпромъ вооруженные козаки подъ управленіемъ своихъ гетьмановъ, но они вовсе не считали себя, какъ пишетъ вашъ пріятель, передовою стражею польской Речи Посполитой, но смотрѣли на себя, какъ на народъ свободный, никому не подвластный, и съ безпримѣрнымъ мужествомъ и смѣлостью сражались съ басурманами, какъ нѣкогда славянскіе ускоки на берегахъ Адріатическаго моря и какъ теперь черногорцы. Если они когда оказывали

Польшѣ услуги въ борьбѣ противъ враговъ христіанства, то только за деньги, но ея власти надъ собой они не признавали, да это было-бы и страннымъ, такъ какъ ихъ отдѣляли отъ Польши Подолія и Волынь, принадлежавшія Литвѣ.

Послѣ 1569 года, когда вступилъ на престолъ Стефанъ Баторій и засталъ вел. кн. кіевское соединеннымъ съ Польшею, хотя безъ вѣдѣнія и согласія козаковъ, то онъ старался склонить къ себѣ этотъ воинственный народъ, завелъ у нихъ, на сколько это было возможно, свой порядокъ и усиливался сдѣлать ихъ полезными Польшѣ; но къ несчастью гангрена тогда уже сильно укоренилась въ тѣлѣ польскаго государства, жадная шляхта смотрѣла какъ на Червонную Русь и Литву, такъ и на вел. кн. кіевское, какъ на свою добычу, и требовала у королей земли; эти послѣдніе, чтобы привлечь ее къ себѣ или чтобы добиться ея согласія на какое-нибудь полезное государственное предпріятіе, раздавали ей, какъ папы въ Америкѣ, земли, заселенныя свободными людьми, подъ названіемъ старостствъ, державъ и т. д. Шляхтичи, пріѣзжая на мѣста съ толпами слугъ и жидовъ, накладывали на этихъ свободныхъ осѣдлыхъ козаковъ отъ имени короля сначала легкія, а потомъ все болѣе и болѣе обременительныя дани. Одни подчинялись этому, другіе-же—или оружіемъ защищали свою свободу, или бросали осѣдлости и уходили къ запорожскимъ козакамъ. Что и какъ наступило послѣ, извѣстно изъ историковъ Рудавскаго, Гроndскаго, Коховскаго, Писторія и другихъ.

Гродскіе и земскіе суды, о которыхъ упоминаетъ вашъ пріятель, были введены, по моему мнѣнію, въ вел. кн. кіевскомъ или въ Малой Россіи вѣроятнѣе всего при Стефанѣ Баторіи, а, можетъ быть, и позднѣе—при Вазахъ; точно также и магдебургское право въ городахъ; суды были совершенно иными.

Палій, о которомъ упоминаетъ онъ-же, проживалъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви. Хотя онъ считался подданнымъ Речи-Посполитой или вѣрнѣе короля, но мало объ этомъ заботился и бѣлоцерковскій староста Яблоновскій долженъ былъ очень осторожно съ нимъ поступать. Часто случалось, что дани отъ закрѣпощенныхъ уже отчасти русиновъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви получалъ то староста, то Палій; послѣдній и освобождалъ ихъ отъ таковыхъ. Я имѣю нѣкоторыя собственноручныя его письма, писанныя къ тому-же старостѣ въ 1697 и 1698 годахъ.

Теперь на вопросы, поставленные въ сообщенномъ мнѣ письмѣ, я вкратцѣ такъ отвѣчаю:

1-е. Что козаки правой стороны Днѣпра утратили свою свободу и превратились въ крѣпостныхъ, то это легко можно объяснить, остановившись надъ тѣмъ, что было изложено выше, и обративши вниманіе на то, что послѣ каждаго мира съ ними трактатомъ обусловливалось число такъ называемыхъ реестровыхъ; такъ, напримѣръ, въ 1644-мъ г. ихъ должно было быть 40.000, въ 1651-мъ г. послѣ битвы подъ Берестечкомъ только 20.000; вѣроятно, всѣ остальные, не включенные въ это число, должны были переходить въ состояніе крѣпостныхъ. Въ началѣ, какъ я уже говорилъ, старосты и державцы довольствовались небольшой данью или повинностью, но позднѣе съ каждымъ годомъ ихъ увеличивали и отсюда—постоянные бунты и рѣзня. Многіе изъ нихъ уходили за Днѣпръ къ свободнымъ русскимъ козакамъ или на Запорожье.

2-е. Что козаки при монархическомъ правленіи сохранили свои вольности, то это вещь очень понятная. Основной чертой монархическаго правленія является стремленіе сохранить за каждымъ его права и вольности. Это и дѣлало русское правительство—тѣмъ болѣе, что оно считало козаковъ своими и по народности, и по вѣроисповѣданію; впослѣдствіи оно нуждалось въ нихъ и для обороны своего пограничья. Въ Польшѣ-же, гдѣ правящая государствомъ аристократія стремилась къ собственнымъ личнымъ выгодамъ, она находила ихъ въ закрѣпощеніи и присвоеніи собственности непріязненнаго, чужаго по происхожденію и по вѣрѣ народа. Были еще и другія причины, которыя трудно здѣсь всѣ перечислить. Козаки при Хмельницкомъ и позднѣе желали, чтобы польскіе короли правили ими самодержавно и чтобы они подчинены были только имъ, а не такъ называемой Речи-Посполитой; но такой порядокъ былъ страшенъ для польскихъ магнатовъ, потому-что онъ лишилъ-бы ихъ добычи и грозилъ имъ тѣмъ, что король, опираясь на такое многочисленное и опытное войско, будетъ въ состояніи обуздать ихъ своеволіе и уничтожить ихъ такъ называемыя вольности.

3-е. До сихъ поръ еще въ Галиціи цѣлыми селами живутъ свободные люди, называемые боярами, князьями и шляхтой. Отъ своихъ маленькихъ осѣдлостей они или совсѣмъ не отбываютъ никакихъ повинностей, или отбываютъ самыя легкія. Послѣ присоединенія Галиціи къ австрійскому государству многіе изъ нихъ при той легкости, которая существовала тогда на этотъ счетъ, вписались въ шляхетскія метрики, о чемъ я говорю довольно обширно въ моей „Исторіи“. Уменьшается теперь и здѣсь число такихъ поселеній. Лѣтъ 50 тому назадъ ихъ, какъ я помню, было больше. Жители ихъ всѣ русины.

4-е. Бояровъ—армянъ у насъ нѣтъ. Въ Польшѣ они считались мѣщанами и занимались исключительно торговлей. Число ихъ постоянно уменьшается. Многимъ изъ армянскихъ семействъ удалось *fas ne fas* добиться утвержденія въ шляхетствѣ; они купили имѣнія и еще одно-два поколѣнія и они окончательно растворятся въ польской народности.

Тотъ документъ 1351-го года, о которомъ я выше упоминалъ, во всемъ подтвердилъ мои прежнія соображенія и далъ мнѣ болѣе ясное представленіе о древнихъ русскихъ сословіяхъ и ихъ отношеніи между собою.

Что касается документовъ, относящихся до приднѣпровской Руси, то таковые могутъ и тутъ кое-гдѣ найтись, но ихъ особенно нужно искать въ Подоліи, въ Кіевщинѣ и въ Малороссіи, гдѣ они безъ сомнѣнія существуютъ. Тутъ сильно уничтожалось все, что было русскаго, тамъ-же должны быть разбросаны огромные матеріалы; только ихъ слѣдуетъ искать, каждый не большой клочекъ бумаги перечитывать,—и изъ крохъ составится довольно полная исторія тамошнихъ мѣстностей. И у насъ никто не ожидалъ, чтобы можно было что-нибудь найти, а между тѣмъ усиленная восьмилѣтняя мѣстная дѣятельность, сопровождаемая поисками, дала то, что мы уже очень многое имѣемъ и знаемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше узнаемъ, потому-что въ нашей молодежи пробудилась пытливость.

Нацарапавши столько, я кончаю, утѣшаясь надеждой на пріѣздъ вашъ во Львовъ. Какимъ я былъ-бы счастливымъ, если-бы могъ побыть вблизи васъ. Сколько вещей мы могли-бы изслѣдовать, уяснить и исправить! Теперь-же, если исключить нѣсколькихъ молодыхъ людей, которыхъ эти вещи интересуютъ, я одинъ только занимаюсь изслѣдованіями, не имѣя никого, кто могъ-бы исправлять мои наблюденія, давать совѣты и радоваться вмѣстѣ со мною открытію исторической правды.

Припадаю къ ногамъ вашимъ

Д. Зубрицкій.

2.

Львовъ, 25-го марта 1842 г.

Милостивый Государь!

Письмо ваше отъ 1-го марта я получилъ; оно доставило мнѣ большое удовольствіе, какъ и все то, что выходитъ изъ вашихъ рукъ.

Очень хорошо, что вы разбудили г. Лойолу: [1]) пусть дѣло выяснится. Статьи этой въ мартовскомъ № «Библіотеки» [2]) я не читалъ, такъ какъ это періодическое изданіе не получается въ текущемъ году въ книготорговлѣ Милликовскаго; г. Борковскій, насколько мнѣ извѣстно, получилъ пока только январскій №. За прошедшій годъ я получилъ по милости вашей всѣ нумера. На текущій годъ я не подписался, потому что «Библіотека» очень дорога, а получать ее даромъ я не имѣю права, такъ какъ я снабдилъ ее только одной статьей въ прошломъ году [3]). Я очень радъ, что вы, милостивый государь, простили редакцію «Библіотеки», а она еще болѣе должна радоваться, потому что по своимъ статьямъ вы были ея самымъ главнымъ и самымъ почетнымъ сотрудникомъ. За обѣщанную «Ютшенку» [4]) благодарю васъ, но пройдетъ много времени, прежде чѣмъ она получится здѣсь и наша цензура ее пропуститъ или, кто знаетъ, совсѣмъ, можетъ быть, задержитъ.

Изданіе «Monumenta Russiae historica» [5]) совершенно мнѣ неизвѣстно, а между тѣмъ возбудило мое любопытство, особенно указанными вами папскими письмами. Если это васъ не особенно затруднитъ, то я просилъ-бы васъ сообщить мнѣ копіи писемъ Григорія IX отъ 1231 г., 1232 г. и 1234 г. ad Ulrikum и Александра IV отъ 1257 г. съ обозначеніемъ страницъ книги, въ которой онѣ находятся. Онѣ очень пригодились-бы мнѣ для небольшой статьи «О древности латинскаго обряда на Руси», для которой у меня собрано довольно матеріаловъ. Если вы это исполните, то окажете мнѣ, милостивый государь, большую услугу, приславши эти письма ко мнѣ по почтѣ.

Русскія книги, о которыхъ я просилъ, я по большей части уже получилъ; однако, если вы поѣдете въ Петербургъ, чего я отъ души желаю, то въ свое время я осмѣлюсь попросить васъ выслать мнѣ «Гражданское право и судопроизводство» россійской имперіи. Я знаю, что оба эти кодекса находятся въ большемъ «Сводѣ Законовъ» имперіи, но я думаю, что ихъ должны продавать и отдѣльно. Поѣздки въ Петер-

---

[1]) Игнатій Лойола Рихтеръ помѣстилъ въ „Варшавской библіотекѣ“ (1840 г., т. II, стр. 616; т. III, стр. 135, 166) критическую статью на „Pamiętniki“ Мацѣёвскаго.

[2]) Разумѣется журналъ „Варшавская библіотека“.

[3]) Статья, о которой упоминаетъ здѣсь Зубрицкій, это „Ułamki z kroniki miasta Lwowa“, помѣщенная въ „„Библіотекѣ“ за 1841 г., т. III, стр. 393.

[4]) „Jutrzenka“—Денница, изданіе Петра Дубровскаго.

[5]) Historica Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. Turgenevio (Тургеневымъ), T. I, Спб., 1841 г., и Supplementum ad H. R. M. С.-п.б., 1842 г.

бургъ я желаю для васъ по тому, что при этомъ вы получите возможность лично представиться министру просвѣщенія и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Вы ничего мнѣ не пишете о своемъ большемъ трудѣ, надъ которымъ вы работали и на который получили уже *imprimatur:* печатается-ли онъ или нѣтъ? и почему?

Извѣстіе въ «Литературномъ Еженедѣльникѣ», будто я буду сотрудникомъ «Львовянина» г. Зѣлинскаго, ложно и помѣщено безъ моего вѣдома. Въ прошломъ году въ благодарность за то, что онъ забрасываетъ меня своимъ изданіемъ, рисунками котораго мои дѣти пользуются для украшенія ширмъ, я далъ ему два отрывка, а именно: выдержку изъ дневника Погодина за время пребыванія его въ Парижѣ и мою собственную юмористическо-сатирическую статейку, озаглавленную «Важное литературное извѣстіе»; но за то, что онъ осмѣлился помѣстить въ концѣ иниціалы Д. З., которыхъ въ рукописи не было, и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ, я прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Впрочемъ, я охотно удѣлилъ-бы ему нѣсколько мелочей, да и другіе многіе поддерживали-бы его своими статьями, если-бы онъ зарекся писать такъ называемыя имъ повѣсти, которыя при своемъ неопрятномъ и грубомъ слогѣ являются только злыми каррикатурами прежнихъ польскихъ нравовъ и обычаевъ, написанными для ихъ униженія. Между тѣмъ хотя поляки имѣли плохое правительство или, вѣрнѣе, не имѣли никакого правительства и порядка, но за то обычаи у нихъ были благородные, а домашняя жизнь, кромѣ магнатской, отличалась добродѣтельностію и скромностью.

Вы вѣрно, милостивый государь, назвали теперешнее литературное движеніе—газетоманіей. Я не знаю, раздражаетъ-ли кого это сумасбродство такъ, какъ меня: сорвется какой-нибудь писака и безъ основательныхъ свѣдѣній скрипитъ «weit und breit», какъ говорятъ нѣмцы, или о томъ, что давно уже другимъ извѣстно, или о томъ, что вовсе не заслуживаетъ, чтобъ о немъ много распространяться. Противъ такихъ именно писакъ направлено было мое «Важное литературное извѣстіе» въ «Львовянинѣ». Еще сегодня гр. Борковскій привелъ ко мнѣ какого то господина съ великолѣпной бородой, хотя еще очень молодаго, и представилъ его мнѣ, какъ литератора. Я спросилъ его, въ какой области наукъ онъ работаетъ, и онъ съ очевиднымъ самодовольствомъ признался мнѣ, что написалъ уже изслѣдованіе «О польскомъ языкѣ» и что отдастъ его въ журналъ. Какъ мало меня заинтересовалъ новый литераторъ, видно изъ того, что я забылъ даже его имя. «Журналъ института Оссолинскихъ» выходилъ въ прошломъ году и будетъ выходить въ текущемъ. Нужно надѣяться, что это будетъ дѣльное изданіе,

если только г. Клодзинскій останется директоромъ этого института; но слышно, что ему надоѣло служить, да этому легко можно и повѣрить, потому что онъ имѣетъ дѣло съ великими господами.

Исключая труда «о славянской миѳологіи» проф. Гануша [1]), который заслуживаетъ особеннаго вниманія, у насъ не вышло ничего важнаго: появится иногда проповѣдь, иногда пастырское посланіе, а затѣмъ мгла и потемки. Я теперь занятъ дѣлами другаго рода и ничего не пишу, да оно и лишнее. Моя «Хроника Львова» послѣ 10-ти мѣсячнаго отдохновенія вышла наконецъ изъ рукъ обыкновеннаго цензора сильно помаранною. Но такъ какъ она заключаетъ въ себѣ кое-что, имѣющее отношеніе „mit den Staatsrechte", то прежде, чѣмъ выдать ее мнѣ, „Prezidium krajowe" послало ее въ Вѣну въ „Staatsrath". Когда она тамъ отбудетъ свой карантинъ и окажется дозволенною (а можетъ быть и запрещенною), то я предполагаю на перекоръ помаркамъ обыкновеннаго цензора обратиться въ высшую придворную цензурную инстанцію и такимъ образомъ мое царапанье два раза на счетъ казны проѣздится въ столицу Имперіи скорымъ поѣздомъ. И кто знаетъ, не постигнетъ-ли ее такая-же судьба, какая постигла мою „Исторію Галиціи", т. е. что я запру ее въ бюро.

У насъ теперь всѣ заняты новымъ театромъ, который будетъ первый разъ открытъ 28-го текущаго мѣсяца. Онъ и обширнѣе и изящнѣе прежняго. Однако наше общество не довольно директоромъ г. Скарбекомъ, потому-что онъ изгналъ значительную часть прежнихъ польскихъ актеровъ и между ними нѣкоторыхъ способныхъ и даже задумалъ вообще уничтожить польскую сцену.

Желая вамъ добраго здоровья и выносливости при трудахъ, столь полезныхъ и столь почтенныхъ, остаюсь

Вашимъ покорнымъ слугою

Зубрицкій.

P. S. Я хотѣлъ было послать напечатанное по-польски и по-русски объявленіе—такое-же, какъ то- латинское, но для этого нуженъ случай.

3.

Львовъ, 9-го марта 1850 г.

Милостивый Государь!

Письмо ваше доставило мнѣ несказанное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что я убѣдился изъ него въ добромъ состояніи вашего дорогаго здо-

[1]) Извѣстный чешскій ученый.

ровья. Я немедленно занялся исполненіемъ данныхъ мнѣ порученій, но, къ сожалѣнію, безъ успѣха. За перемышльскими букварями 1838 г. я обратился не только къ моимъ знакомымъ въ Перемышлѣ, но даже къ епископу; тѣмъ не менѣе достать ихъ я не могъ. Какъ это изданіе, такъ и нѣсколько подобныхъ перемышльскихъ и львовскихъ 1838 г. (всѣ они были одного и того-же содержанія) распроданы; теперь они замѣнены совершенно другими. Я далъ въ разныя стороны порученія достать мнѣ по крайней мѣрѣ подержанныхъ и если откуда получу, то немедленно отошлю въ Варшаву. Я ломалъ себѣ голову, желая угадать, чѣмъ наши негодные буквари могли прославиться за границею?

Что касается «Библіотеки Института Оссолинскихъ», то въ 1847 г. ея вышло 12 выпусковъ, а въ 1848 г. только 4 выпуска; послѣ того наши ученые, бросивши перья, взялись за оружіе и «Библіотека» прекратилась. Эти-то 12 выпусковъ 1847 г., продажа которыхъ сдана на коммисію книгопродавцу Францу Пиллеру, вы получите съ первой книжной посылкой въ Варшаву черезъ книго-торговлю Сенневальда. Я говорю «съ первой посылкой», потому-что между Львовомъ и Варшавой нѣтъ правильной торговой коммуникаціи и только отъ времени до времени отправляютъ тюки въ Варшаву (когда насобирается клада и представится случай). Я просилъ кустоса г. Шляхтовскаго [1]), что-бы онъ переслалъ вамъ черезъ того-же Пиллера и тѣ 4 выпуска, которые изданы въ 1848 г. и которые не находятся на коммиссіи у Пиллера. Кажется, что Сенневальдъ не требовалъ отсюда изъ Львова этой «Библіотеки», потому-что въ противномъ случаѣ ему давно-бы ее отсюда выслали.

Поэма Липскаго [2]) печатается на счетъ князя Любомірскаго, равно какъ и „Первобытная исторія Польши“ г. Бѣлёвскаго. Можно надѣяться, что это послѣднее сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера нашего славнаго ученаго, будетъ важно по содержанію.

Революціонный вихрь, который до сихъ поръ потрясалъ Европу, достигъ наконецъ и нашей доселѣ тихой и спокойной стороны. Онъ все разрушилъ, овладѣлъ умами и причинилъ намъ неисчисленный

---

[1]) Профессоръ польской литературы во львовскомъ университетѣ и хранитель библіотеки гр. Оссолинскихъ.

[2]) Андрей Липскій, съ 1676 г. подчашій холмскій, служилъ въ военной службѣ во время козацкихъ и шведскихъ войнъ, † въ Краковѣ въ 1689 г. Ему ошибочно приписывали поэму „Wojna Chocińska“ (Львовъ, 1850 г.), дѣйствительнымъ авторомъ которой былъ, какъ доказалъ К. Шайноха, Вацлавъ графъ Потоцкій.

вредъ. Долго—долго еще будутъ намъ памятны послѣдствія этого сумасбродства. Я понесъ много потерь и имѣлъ много хлопотъ. Какъ все это кончится, извѣстно только Богу!

Вамъ я желаю здоровья и силъ, что-бы во славу науки вы окончили начатые труды, и утѣшаюсь надеждой, что, будучи въ Криницѣ, вы посѣтите и львовскія развалины и дадите мнѣ возможность еще разъ на этомъ свѣтѣ обнять и поцѣловать того, кого я высоко уважаю. Но пока это случится, пріймите выраженіе особеннаго почтенія, съ которымъ пишетъ вамъ, милостивый государь, вашъ покорный слуга

Зубрицкій.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1].

Въ исходѣ декабря присталъ ко мнѣ съ прозбою Шидловскій о поѣздкѣ паки въ Петербургъ. Я, разсудя, что въ домѣ мнѣ зимою дѣла мало и взявъ отвагу, пустился въ путь 21-го декабря въ 12-мъ часу по полуночи до Воронежа, а оттоль, по полученіи подорожней, 25-го въ 4 часа по полудни выѣхалъ и пріѣхалъ въ Тулу 26-го въ 5-ть часовъ по полуночи, въ Зарайскъ для полученія денегъ 27-го, въ Москву 29-го, въ Торжокъ 1-го генваря 1791 года, а оттоль въ сторону 12-ть верстъ въ деревню Грузинъ г-на Марка Федоровича Полторацкого и тамо новый годъ проводилъ въ старинного моего пріятеля Михайлы Сергеича Богомолова, который прежде былъ въ Червявки управителемъ. Потомъ въ ночь пустившись съ Грузина, прибылъ въ Петербургъ 5-го генваря въ 8-мъ часовъ по полуночи, и на другой день 6-го января былъ во дворцѣ смотрѣть церемоніи освященія воды. Тутъ получено извѣстіе и о заключеніи мира съ турками чрезъ полковника Маркова, и молебенъ отпѣтъ въ присутствіи царицы съ пушечною палбою. Потомъ полки гвардіи и прочая проходили мимо двора въ парадѣ къ водѣ, которая освящаема была великимъ соборомъ священства съ митрополитомъ въ каналѣ адмиралтейскомъ. А царица и великій князь со всею фамиліею изволила смотрѣть изъ оконъ на всю церемонію освященія и парадъ полковъ, которые, проходя мимо оконъ, уклоняли знамена къ земли.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., майск. кн., стр. 130—145.

Потомъ осмотрясь мало и сыскавъ порядочную квартиру, принялся за дѣло прежнее Безгиной съ Удаловою о айдарскихъ деревняхъ, и, пробывъ въ Петербургѣ два мѣсяца, помощію N. N. и благопріятелей отсрочилъ слушаніемъ дѣло по октябрь мѣсяцъ. 1-го марта отправился домой и, проѣзжая многотруднымъ отъ ухабовъ и полой воды путемъ, пріѣхалъ въ домъ 17-го марта въ 11-мъ часу по полуночи благополучно, заставъ во ономъ и вся благополучныхъ и здоровыхъ.

Будучи-жъ въ Петербургѣ, записалъ въ гвардію сына своего Петра въ преображенскомъ полку каптинармусомъ и съ даннымъ пашпортомъ до возрасту указныхъ лѣтъ; купилъ ложекъ серебряныхъ шесть (а первую поездку куплено шесть), а седмую разливную болшую, две солонки серебренныхъ, чайное ситечко серебреное съ позолотою, образъ Спасителя въ кованной рызѣ маленкой. Здѣлалъ себѣ лисью шубу, теплой сертукъ, пару платья, купилъ скатертей, полотна и салфетокъ много, часы женѣ золотыя (по модному названію стразовые) съ насыпными камушками, и протчая, и протчая.

Проѣздомъ въ Москвѣ купилъ двѣ иконы—Спасителеву и Богоматери, сребромъ обложенные, за 35 р. и въ знакъ моей Богу за поѣздку благодарности, надписавъ оныя, отдалъ въ церковъ, которыя стоятъ нынѣ по обѣ стороны царскихъ вратъ для прикладованія предъ обѣднею священникамъ.

За сію поѣздку, такъ-же какъ и за прошлогоднюю, получилъ благодарность отъ Шидловского. Потомъ, живя въ домѣ и отдыхая отъ трудовъ недѣлю страстную, говѣлъ и въ субботу великую, 3-го апреля, удостоился быть сообщенъ святыми Тайнами. И сей день былъ весма тепелъ, а съ полуночи подъ праздникъ свѣтлой поднялась стужа и снѣгъ силный во весь тотъ свѣтлый и другий день, и пало снѣгу болше, нежели на полъ-аршина, и пролежалъ оной двое сутокъ. После того были вѣтри холодные почти всю весну.

Между-же праздника Свѣтлова Христова Воскресенія и Троицына дня, въ бытность курского директора экономіи Николая Семеновича Паскевича въ Слоновки, злого корене злая отрасль, Григорей Михайловъ сынъ Корецкой, который (будучи и нынѣ въ подушномъ окладѣ) моимъ ходатайствомъ принятъ въ штатную службу по увольненію бывшаго моего благодѣтеля, директора Корнѣева, по-

луча секретарской чинъ, фалшиво написавъ себя изъ старшинскихъ дѣтей, воздвигъ слоновское общество и подалъ прозбу, чтобъ данную отцу моему въ 1769-мъ году по полюбовномъ розводу землю и лѣсъ отнять, почему та дача землемѣромъ измѣрена и послана на разсмотрѣніе курскому намѣстнику Беклешову, но что по тому послѣдуетъ, Богъ вѣсть.

После сего штурма былъ на свадбѣ въ Бирючей, на которой женили племянника моего и воспріемника Ивана Григоріевича Черторійскаго тамошнего священника Благовѣщенской церкви отца Василія на дочери Елисаветѣ. По окончаніи-жъ свадбы, положа въ мысли въ свободное время побывать въ Киевѣ для поклоненія святыхъ угодниковъ Божіихъ мощамъ, и собрались со всѣмъ потребнымъ въ путь. Июня 3-го выѣхалъ изъ дому (имѣвъ зъ собою толко одного попутчика, слоновского жителя Федора Остапенкова) на двухъ повоскахъ зъ женою, сыномъ Петромъ и дочерми Любовію и Екатериною. Путь мой былъ отъ Слоновки чрезъ города Корочу, Бѣлгородъ, Сумы, Недригайловъ, Роменъ и до Киева прибылъ того-жъ іюня 17-го числа въ 12-ть часовъ по полуночи. Въ Киевѣ пробылъ 18, 19, 20, и 21-го числа по полудни во 2-мъ часу выѣхалъ, бывъ въ церквахъ печерской болшой и ея придѣлахъ; близъ обоихъ пещеръ Антониевскихъ и Феодосіевскихъ, и въ пещерахъ и церквѣ удостоился приложиться всѣмъ опочивающимъ мощамъ, въ томъ числѣ и мощамъ почивающымъ прародителя нашего въ пещерахъ Феодосиевскихъ князя Өеодора Острозского. Продолжая путь мой отъ Киева иною дорогою, слѣдовалъ чрезъ селеніи: Борисъ-поле, Рогозовку, городъ Переяславль, гдѣ пѣлъ молебенъ лежащимъ мощамъ архимандрита Макарія и слушалъ литоргію, Танань, Копновку, Семены, Городище, Лазорки и городъ Лубни. Въ Лубнахъ ночевалъ, а на другой день по утру отправился въ монастырь лубенский и тамъ сѣдящымъ мощамъ патріарха Афанасія отпѣвъ молебенъ и выслушавъ обѣдню, отправился въ путь въ 1-мъ часу по полудни чрезъ Тишки, Жданы, Сенчи-городокъ, Камышевку, Рашновку, городъ Гадячъ, Веприкъ, Комыши и въ г. Ахтырку. Въ Ахтырки ночевалъ и по отпѣніи акафиста чудотворной иконѣ Божия матери и выслушаніи литургіи, по полудни въ 1-мъ часу отправился до Каплуновки 20 верстъ. Тамо также воз-

давъ благодарное моленіе и выслушавъ литургію, отъправился до Богодухова 33 версты. Отъ Богодухова до Олшани 28 верстъ.

Тутъ засталъ дядю своего родного, матери моей брата, Ивана Яковлевича Ковалевского въ болѣзни разбитого параличемъ и никого о немъ нерадящого. Отъ Олшани до Харкова 26 верстъ прибылъ въ 8-мъ часу по полудни по причинѣ болѣзни одной лошади, кою въ Харковѣ повся и бросилъ. Въ Харковѣ 3, 4 и 5-е число июля пробылъ, потомъ отправясь домой, прибылъ 7-го июля въ 7-мъ часу по полудни, слава Богу, благополучно. Во весь сей мой путь до возвращенія домой была погода дождливая и холодная, почему и ѣзда была весма медленна и скучна.

Июля 24-го по полудни, въ началѣ 2-го часа, отъ запада нашедшая дождевая туча съ градомъ, Божіимъ изволеніемъ, причинила вреда много: на полѣ моемъ хлѣбъ избило градомъ силнымъ, коего величина была въ голубиное яйцо, а между онымъ, хотя и рѣдко, но былъ въ куриное яйцо. Рѣдко такой видѣнъ былъ въ жизни моей градъ, или, сказать, я таковаго никогда не видѣлъ. Тая-жъ туча и въ тотъ-же часъ въ слободѣ Слоновки громовымъ ударомъ разбила въ десяти саженяхъ отъ дому моего состоящую Николаевскую каменную церковь; 12-ть оконъ со стеклами разбило въ прахъ, иконостасъ опалило огнемъ, изъ златого здѣлало чернымъ, а равно за правымъ крылосомъ и киотъ весь опалило, подъ среднею главою на церквѣ фонарь разбило, а на куполѣ подъ железною крышею, бывшую тесовую кровлю и стропилы сожгло въ прахъ, коего огонь продолжался отъ 2-го по полудни до 4-го по полуночи часа, и поднявшеюся въ началѣ 8-го часа по полудни силною бурею несло на весь мой домъ силной огонь съ угольемъ горящимъ, отъ коего подверженъ былъ мой домъ великой опасности, или отъ сего громоваго удара и огня совершенному разоренію и праху. Но всесилная Владыки десница еще отъ того сохранила, страхъ и трепетъ, воображая таковую участь, долго не давали спать.

О, дивное чудо и долго мною не виданное! Я никогда не вѣрилъ, что-бъ была громовая стрѣла, а нынѣ совершенно узналъ и видѣлъ ея непостижимое дѣйствіе и силу, или въ подобіе оной что ни есть твердое вещество и дѣйствующее, аки стрѣла.

Верхъ иконостаса, стоящее Распятіе разбило тогда-жъ громомъ, и поперечина креста упала на землю, а длина осталась въ

своемъ мѣстѣ горѣ. И когда снята была для починки, то тутъ увидѣлъ я сіе страшное дѣло: отъ нижняго конца креста въ задѣ отъ стѣны во всю длину креста вырвало стрѣлою въ ширину на два перста, а длиною мало не во весь крестъ; и потому-жъ слѣду знакъ стрѣлы на подобіе пули ружейной, которая шла не сверху внизъ, но снизу вверхъ и, выскочивъ, гдѣ дѣвалась, Богъ вѣсть, потому что ни въ иконостасѣ, отколь началась, ни вверху креста въ стѣнѣ знаку никакого не оставила. Я, своеручно скленвая разбитый крестъ, много разсматривалъ оной и удивлялся непостижимости судебъ Божіихъ и силѣ грома, который происходитъ въ облакахъ—отъ чего, Богу единому только извѣстно. Всякъ любопытный можетъ тотъ крестъ разсматривать, стоящей и нынѣ поверхъ иконостаса и весма легко снятъ могущыйся.

После сего ужаснаго приключенія и страха, чрезъ весь августъ мѣсяцъ были прежестокия и вредительныя громы, болшою частію ночми, почему, имѣя бывшей силной страхъ, какъ толко которой ночи начиналась гроза, то уже я и всѣ мои домашніе спать не могли, и какъ въ такое время нечего было болше дѣлать, то толко происходила всегда молитва ко Богу о избавленіи отъ наглой смерти.

Слава тебѣ Боже! вотъ уже наступилъ и 1793-й годъ. Празникъ сей и по немъ другия были студенныя, почему болиъ нечего было дѣлать, а толко происходило гулянья и веселости Генваря-жъ 13-го умре любезный другъ, поручикъ Алексѣй Ильичъ Глатковъ, бывъ у меня предъ празникомъ Рожества Христова и гостилъ доволно. Смерть-же ево была скоропостижная въ домѣ ево, что въ деревнѣ Глатковки.

Тутъ вышла новая эпоха ужасная, и обнародованъ во всей имперіи указъ о высылкѣ чрезъ три недѣли со всѣхъ мѣстъ проклятыхъ извергов-французовъ, которыя, забывъ Бога и своему королю присягу, публично отърубили ему на эшафотѣ голову генваря въ 13-й день. И такъ, сей нещастный Франціи король Людовикъ шестій-на-десять принялъ отъ своихъ подданныхъ поносную смерть; королева-жъ, сынъ и дочь остались еще до времены заключенными въ тюрмѣ. Варъварския души, не бывъ доволными смертью своего государя, тѣло его бросили въ ямѣ въ приготовленную для того негашенную известь (вапно) и, загребши оное,

палили крѣпкою водкою, которое отъ того въ ту-жъ почти минуту и згорѣло. Многия изъ французовъ, имѣя великия въ Россіи торги и домы, гнушаясь своихъ соотчичей такимъ богопротивнымъ поступкомъ, принявъ присягу, остались вѣчно въ подданствѣ россійскомъ, а имѣвшія духъ, наполненной злобы и ярости къ своему государю, чрезъ три недѣли, какъ положено было указомъ, удалились съ свое отечество для принятія предположенной имъ за сіе отъ Бога казни, чрезъ войну, объявленную имъ за такой звѣрской поступокъ отъ всѣхъ имъ сосѣдственныхъ державъ и отъ Россіи.

Приключившаяся мнѣ въ генварѣ мѣсяцѣ болѣзнь продолжалась до десятого апрѣля. Она началась съ лѣвого плеча и разслабивъ силною болью всѣ члены, дѣлала меня временемъ болнымъ жестоко, а временемъ со умѣренностію. Потомъ, остановившись въ ногахъ, мучила жестоко. Заболѣвшій-же подобною моей болѣзнію сосѣдъ мой, корочанской помѣщикъ, Ефимъ Ефимовичъ Плутановъ, марта въ послѣднихъ числахъ умре, оставивъ жену, бывшую за нимъ въ замужествѣ толко годъ и 9 мѣсяцевъ.

Тутъ, когда наступило уже время обучать сына моего Петра, бывшаго на шестомъ году, то для совершенной науки приговорилъ учителя изъ белгородской семинаріи семинариста Сербинова, ценою въ годъ за 50 р. и вся пара платья, и зъ Божіею помощію началъ обучать писменъ россійскихъ со успѣхомъ.

Прошедшая зима была весма студенная, снѣги глубокия и продолжались апреля по 1-е число, а 1-го числа съ полудни здѣлалась вдругъ теплота и дождь зъ силнымъ громомъ, отъ чего глубокия снѣги понесло вдругъ въ рѣки и учинило великое наводненіе, отъ котораго винокуренной мой заводъ простоялъ въ водѣ цѣлую недѣлю безъ дѣйствія.

На сихъ дняхъ совершенно я увѣрилъ жену свою о взнесенной на меня клеветѣ силною клятвою и тѣмъ успокоилъ ея сердце. Оная началась прошедшаго 1792-го года, по приездѣ моемъ съ Киева. Крестьянка моя М., вздумала въ отсудствіе наше изъ дому въ Киевъ говорить всѣмъ, что я съ нею живу блудно. Примѣчательно, что хотѣла симъ славиться, какъ прочія бывшія въ сіе время помѣщичьи дѣвки и женщины молодыя славились и почитали сіе за благомыслящую моду. Жена, узнавъ сіе, жестоко, по горячности своей ко мнѣ любви, опечалялась, но отъ мене сіе скрыла,

а проповѣдница сего дѣла, узнавъ свою ошибку, бѣжала, потомъ поймана и наказана мною жестоко. Но и за симъ жена была въ неимовѣрности, а я, радуясь безъвинно взнесенной клеветѣ, мыслилъ внутренно, что за сіе получу нѣкое воздаяніе, по словамъ Спасителя нашего, который говоритъ: *Блажены есте, егда поносятъ вамъ и рекутъ золъ глаголъ*; но ненавидяй врагъ добра то отъ меня отънялъ. Жена, опечалясь жесточае еще прежняго по наговору насмѣшницъ въ такихъ дѣлахъ женщинъ, неоднократно предо мною плакала и грустила, чѣмъ будучи я жестоко тронутъ, принужденъ былъ лишиться той мзды и открыть во увѣреніе ей всю моего сердца тайну, утверждая крѣпкою клятвою, и симъ посредствомъ остался съ нею въ прежней любвѣ и мирѣ. Всемогущій Богъ и нынѣ да будетъ свидѣтель моей души, что ей, ей не имѣлъ я зъ сею проклятою клеветницею совокупленія плотскаго. Но надобно было нѣкоторымъ посредствомъ врагу поколебать нашу отъ начала брака горячую другъ къ другу любовь и согласіе брачное, которое всегда ему ненавистно.

Окончивъ внутреннее благополучно, о наружномъ могу въ сіе время сказать: посредѣ скорпіевъ живу я; старинные злодѣи Корецкие не преставали и теперича разнія дѣлать клеветы по остротѣ своего языка какъ въ народѣ, такъ и начальствамъ. Но правда праведнаго всегда избавляла, и я не чувствовалъ отъ того никакой обиды, кромѣ огорченія сердечнаго, отъ чего въ одно время, забывъ я смиреніе своего духа, пошедъ въ домъ къ Михайлѣ Корецкому, ругалъ сво доволно со угрозами и тѣмъ мало заградилъ многоглаголапныя и злорѣчныя уста. Но ненавыдящыхъ и обидящыхъ насъ, прости, Господи человѣколюбче! и даждь ихъ душамъ спасеніе, согрѣшаютъ-бо невѣденіемъ, по наущенію врага, а Божіимъ попущеніемъ.

Мая 19-го сего года, во вторникъ, великий князь Александръ Павловичъ обрученъ на баденской принцессѣ, нареченной при крещеніи Елисаветою Алексѣевною, и зъ сего времени, по обнародованію манифеста, стали оную въ церквахъ поминать.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ перестроилъ свой шинокъ, что близъ дому и покрылъ для опасности огня землею. А июля мѣсяца насланнымъ изъ курского намѣсническогo правленія указомъ велѣно быть мнѣ въ земскомъ судѣ на мѣсто бывшаго засѣдателя Иоанна Адин-

цова засѣдателемъ. Но какъ сіе въ противность моего желанія было здѣлано, и исправникъ бывшей нынѣ Черепановъ поведенія дурнаго, то я отказался болѣзнію и быть въ сей должности не похотѣлъ, мысля то: *уклонися отъ зла* и что *зъ безумнымъ развратишися*, почему и остался на домашнемъ покоѣ по прежнему.—Великій князь Александръ Павловичь сочетался законнымъ бракомъ сентября 29г-о дня.

Приключившаяся-же мнѣ генваря въ 4-й день болѣзнь, не оставивъ безъ боли ни единаго члена, едва въ глубокой осени попадала совершенное здоровье. Но не толко я, но жена и всѣ домашныя были оной подвержены, также и многия люди тѣмъ страдали, а причиною замѣчена мною такой бывшей болѣзни простуда.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, оправя заводъ, началъ винокуреніе. Но сначала вино было не выходно, потомъ исправилось. Хлѣбъ-же былъ арженого цѣною четверть 2 р. 40 к. и 2 р. 20 к., гречневаго 2 р., пшеницы 4 р., пшено тожъ однако, хотя и дорого, но было ево доволно; и вину цѣна изрядная, почему винокуреніе мнѣ было съ прибылью, а протчія несли по невыходу вина убытокъ.

Непостоянные французы дерзнули также отрубить голову и королевѣ, покойнаго короля Людовика женѣ. О, превратность жизни человѣческой! что дѣлается и въ нынѣшнее время съ коронованными главами! А намъ бѣднымъ диво-ли что пострадать, если на то будетъ Всевѣдущаго воля и опредѣленіе.

Сего-жъ года присоединено отъ Полши три намѣстничества къ Россіи, яко древнее достояніе, нѣкогда отторженное, со славною пограничною отъ турокъ крѣпостью Каменцемъ Подолскимъ. Простре Россія розги своя до моря и даже до рѣкъ; отрасли, приносящія не малую прибыль и славу; Боже! распространи и еще для умноженія вѣры християнской.—Сей-же осени кончена постройкою наша каменная колоколня, едва чрезъ четыре года получившая свое совершенство по несогласію слоновскихъ неспокойныхъ и нерадящихъ жителей. И такъ благополучно прошелъ 1793-й годъ. Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

1794-й годъ начался мнѣ во всякомъ благополучіи. Зима сначала хотя была и жестока, однако скоро здѣлалась умѣренною съ малыми весьма снѣгамя, отъ чего и пути доброй почти не было. Въ генварѣ мѣсяцѣ женился мой шуринъ Андрей Лаврентьичъ на

племянницѣ сиротѣ михайловского управителя Торина. Мы гуляли свадбу весело и благополучно недѣли двѣ, для чего и я дѣлалъ по силѣ своей свадебнымъ и протчимъ приятелемъ балъ. Къ тому-то я ввечеру, взявъ зъ собою жену и брата Ивана Корецкого зъ женою, пошедъ къ сопернику своему и брату Михайлѣ Корецкому, примирялся съ нимъ и наградилъ ево всѣмъ, въ чемъ состояла ево на меня претензія, и нынѣ живемъ мирно. А сынъ ево Григорій дмется и до сего времени. Пусть погуляетъ: онъ человѣкъ молодой, то научится знать превратность.

Зима продлилась по апрѣль мѣсяцъ, почему и кормъ скоту весма вздорожалъ, а по вскрытіи весны, какъ здѣлалась засуха и продолжалась по июнь мѣсяцъ, то цѣна хлѣбу возвысилась до 4 р. 50 к., а сѣнокось остался безъ употребленія, ибо травы по степямъ нигдѣ не было. А потому во время прошедшихъ вешнихъ и лѣтнихъ ярмонковъ цѣна скоту весьма унизилась и почти сказать остался безъцѣннымъ. Отъ сего люди пришли въ великое уныние и какъ бывало во время сѣнокосное работникамъ цѣна возвышалась до 70 к., то сей годъ въ то время работали день по 15-ти копѣекъ. Жнецамъ хлѣба жать изъ снопа не давали, а косили для корму скоту.

Винокуреніе въ заводѣ остановилъ я маия 4-го, а всего вина выкурилъ въ семь мѣсяцѣ 2,345 р. ведръ. Я во время сѣнокосное и прежде онаго выстроилъ себѣ во дворѣ кухлю о четырехъ покояхъ, а зъ сѣньми шести, которую взялъ за додгъ отъ слоновскаго жителя Ивана Ильченка (онъ-же и Хворостяный прозывается) по цѣнѣ за 128 р., а съ постройкою и земляною кровлею она стоитъ мнѣ до 160 р. Сего-жъ лѣта ощекотурилъ домъ свой по приговору еще въ прошедшемъ годѣ тульскихъ щекотурщиковъ; которой по ценѣ алебастру, извести, гвоздей, драни и протчего и заплатою 130 рублей мастеру, стоитъ мнѣ въ одной щекотурки 304 р. Сіе казалось-бы излишнимъ коштомъ, но предъупреждая дороговизну дровъ, потребныхъ для зимы, нужно было сіе здѣлать, да и лѣта тѣ взближались, что требовали какъ мнѣ, такъ и немощной женѣ моей, а равно и малолѣтнымъ дѣтямъ тепла.—Вино въ сіе время возвысилось цѣною до 2 р., но у меня ево по заставкѣ винокурни осталось толко до 700 ведръ, а до сей дороговизны ведръ до 300. Если-бы воля была Всевышняго дала человѣку знать

будущее, то зберегъ-бы оное до сего времени. Можно было получить прибыль изрядную, но то сокрыто, и такъ власть во всемъ да будетъ Бога нашего; доволно съ меня и сего, что получено.

Изъ стари горкаго корене крывая и кислая съ плодами вѣтвь, дяди моего покойнаго Ефима Лазаревича сынъ, Александръ Лофицкой, будучи двукратно изобличенъ въ кражи лошадей, когда рокъ его еще не пришелъ, то, свободясь изъ тюрмы зъ заплатою денегъ, вздумалъ потревожить деревни Покидовой однодворцовъ, чтобъ противу несходства съ натурою межеваго селу Терновому плана произвесть прозбу и отнимить усилно берегъ зъ сѣнокосомъ, прилежащей къ моей терновской мельницѣ. Я по сему дѣлу старался много, и какъ корочанской уѣздной судъ рѣшилъ дѣло обоюдно, то, по согласію зъ другими, взято на апелляцію; что-жъ по сему послѣдуетъ, Богъ вѣсть.

Въ сіе время общество слоновское, до сего бывшее въ согласіи зъ Григоріемъ Корецкимъ и слушавшее его научценій, вознегодовало на него и въ проездъ нашего губернатора Бурнашева чрезъ Слоновку, хотѣли подать на него прозбу за завладѣніе ихнои земли, но я, не воздая зла за зло, будучи определенъ на то время въ почесть его превосходительству отъ дворянъ, тогда сіе отвратилъ и уговорилъ не просить. Однако послѣ того дѣло шло по земскомъ суду и ему отъ земли отказано. *Въ нюже мѣру мѣрите, отмѣрится и вамъ*, то-жъ и ему возмѣрилось. Но паки опъ, одаря исправника Черепанова, просилъ о той-же земли, почему земской судъ рѣшилъ утвердить за нимъ, и слоновцы взяли апелляцію, прозбу произвели директору, и сему еще не конецъ дѣлу.

Въ септябрѣ дороговизна аржаного хлеба возвисилась до 5 рублей, но я, положа надежду на Бога всемогущаго, оправивъ свой заводъ, началъ курить съ 10-го октября, затирая всякой день по четыре четверти. Но по притчинѣ бывшей во все лѣто по июнь суши, въ прудѣ моемъ упала вода болше трехъ четвертей, почему и жолобы наводные съ водою въ винокуренномъ заводѣ принужденъ я опустить. Въ септябрѣ-жъ ѣздилъ я въ Харковъ для свиданія съ зятемъ и сестрою (ибо зять былъ очень боленъ) и искалъ тамо сыну своему Петру учителя, но не сыскалъ, почему принужденъ самъ учить псалтири и писать.

Въ Полшѣ происходили смятенія и по оплошности одного нашего генерала вырѣзали поляки ночнымъ временемъ нашихъ легко-

конныхъ два полка, а изъ сего загорѣлась совершенная война. Французы такъ-же и здѣсь подкрѣпляли народъ стоять за волность, да и самы противились въ войнѣ всѣмъ державамъ сильно, храбро и отважно; съ Англиею споры отъ Россіи начинались, почему и ввозъ ихъ товаровъ запрещался, а сахаръ возвисился цѣною фунтъ до 90 копѣекъ. Вотъ до чего дожили, но нужды въ томъ не имѣли по притчинѣ ненужнаго обращенія денегъ.

12-го ноября день былъ ясный; по полудни въ 10-мъ часу жена моя, разрѣшившись отъ бремени, принесла мнѣ дочь, именемъ Варвару (сія уже послѣдній плодъ чрева моего, и болше дѣтей мы съ женою не рожали), которую 19-го того-жъ мѣсяца и окрестили. Воспреемникомъ былъ прежней мой кумъ, поручикъ Туфермахеръ, а воспреемница Ивана Ивановича Адинцова жена, Андотья Нефедьевна. Гостей къ обѣду собралось доволно и гуляли благополучно. Тутъ наступила болтировка, и я 2-го декабря съ Богомъ отправился въ Курскъ. Попутчикомъ и въ одной со мною повозкѣ былъ Иванъ Ивановичъ Адинцовъ. Снѣгу не было, а морозы прежестокия, дорога колкая, и ѣзда была весма не спокойная. Мы, доехавъ до князя Соколинского, повозку бросили, а сани взяли, ибо тамъ санная до Курска была дорога. Прибыли мы въ Курскъ 6-го декабря по утру, и до съезда дворянъ исправляли разныя свои нужды. 11-го нововыстроенной каменной дворянской комисіи было освященіе самымъ преосвященнымъ Θеоктистомъ белоградскимъ, совершаемое при собраніи всего дворянства. Потомъ дворяне шли въ церковь Знаменія Богородицы, что въ монастырѣ, и тамо, по совершеніи литургіи, говорилъ проповѣдь самъ преосвященный и приводилъ къ присягѣ все дворянство. 12-го начались выборы дворянскимъ предводителямъ, 13-го дворянства въ земскіе уѣздные суды. Тутъ и я многогрѣшный попалъ на мѣсто въ земской новооскольской судъ 1-го засѣдателя. Мнѣ помощникъ подпоручикъ Софронъ Поповъ, а исправникомъ поручикъ Петръ Волковъ. Въ уѣздные судьи маіоръ Θедосей Раевскій; засѣдатели къ нему поручики: Андрей Биллипской и Александръ Скибинъ, а предводителемъ избранъ статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Григорій Ивановичъ Вяземской. 14-го избранные, послѣ литурсіи, слушавъ рѣчь его преосвященства, имъ-же приведени были къ присяги на должности и 15-го разъѣхались по домамъ. Также и я зъ своимъ по-

путчикомъ прибылъ въ домъ благополучно и засталъ всѣхъ своихъ домашнихъ здоровыхъ.

Но домашняя моя экономія немоществовала: какъ вину продажи ни малѣйшей не было, то бывшіе денежки на покупку дорогою цѣною хлѣба издержаны, а онаго было весма мало, также и дровъ. Болше-жъ сердцу моему нанесло горести то, что по притчинѣ бывшихъ сухаго лѣта и осени въ прудѣ вода, Богъ вѣдаетъ, гдѣ дѣвалась, а къ новому 795-му году такъ упала, что съ нуждою черпаками брали грязь, а не воду для заторовъ. Рыба, вся задохнувшись, умерла и мертвой было доволно по всѣмъ водянимъ жолобамъ, въ трубищахъ, затырномъ казанѣ и кадкахъ, а по спускѣ изъ винокурни воды для собакъ и птицы доброе учрежденіе. Не ложно написаны слова: *собираяй человѣкъ не вѣстъ кому собираетъ*. Я и для домашнего расходу всегда оной сожалѣлъ ловить много, а оная досталась птицамъ небеснымъ. За сею-то горестною печалью бывшей мнѣ 1794-й годъ весь благополучнымъ кончился.

Хлѣбу аржиному при концѣ года была цѣна 4 р., грешневой 1 р. 60 к. и 2 р., пшеница 4 р. 50 к., пшено то-жъ; вина пѣнного ведро 2 р. 20 к., полугарнаго 2 р., дровъ возъ 35 и 40 к. Сей годъ былъ весма сухъ и дождей мало, а тумановъ почти никогда.

16-го декабря умре братъ мой, бывшей до сего соперникъ отцу моему и мнѣ, Михаилъ Осиповичъ Корецкій. Слава Всемогущему Богу, что я съ нимъ примирился и вражду всю бросилъ! Онъ умре въ хуторѣ безъ покаянія, по притчинѣ, что за два дни до смерти былъ безъязыченъ. Осталась жена, семь дѣтей, да и долговъ не мало.

1795-й годъ начался и тутъ-то кончился мой дражайшій и любезный покой. 8-го генваря вступили въ должность, и того-жъ самаго дни, какъ только выходили съ присудствія къ обѣду городничего, то подалъ села Беломѣстного пятисоцкой рапортъ, что тѣло мертвой женщины лежитъ въ Беломѣсенскихъ дачахъ на лугу. Я, оставя послѣ обѣда продолжавшейся балъ, поскакалъ туда немедленно съ лекаремъ, и изъ сего-то самаго времени нарушился о, мой дорогой покой! Описавъ и освидѣтелствовавъ мертвое на другой день тѣло, велѣлъ оное для погребенія отвезти въ Олховатку къ мужу, а самъ началъ слѣдствіе, какимъ случаемъ учинилась

оному смерть. А по изслѣдованіи открылось, что оная женщина, шедъ изъ Слоновки пьяная, замерзла отъ бывшей въ тотъ день сильной стужи съ метелью.

Потомъ, прибывши въ судъ, принялся за дѣла и знакомился съ другими, бывшими въ городѣ у должностей, а равно узнавалъ и начинающихъ и имѣющихъ по суду дѣла, ибо есть справедливые наружно, а внутрѣ хитрость и обманъ. Квартира-жъ моя была въ городѣ у штатского прапорщика весма покойная, гдѣ я нужныя дѣла писалъ и ночью, потому что секретаря въ земскомъ судѣ не было. Тутъ пріѣхалъ въ городъ новой на сей годъ откупщикъ питейныхъ сборовъ Шидловскій, и какъ у насъ съ нимъ прежде была тѣсная дружба, а потомъ по притчинѣ злости Катерины Шидловской, моей кумы, оная разорвалась, то нужда ево и моя принудили оную по прежнему возобновить, и я по корчемнымъ ево дѣламъ дѣлалъ ему помощъ. Потомъ онъ откупъ свой здалъ маіору Федосею Раевскому, титулярному советнику Каловинскому и подпоручику Ефиму Васильеву, моему свояку, да князю Вяземскому, новооскольскому предводителю, которые, вступивъ во оный, принялись за свои дѣла и искорененіе корчемства. Ѣздя-жъ по уѣзду изъ конца въ конецъ по дѣламъ, когда наступило строгое о винокуреніи узаконеніе, общее съ капитанъ-исправникомъ Волковымъ и стряпчимъ Цереградцевымъ описывали и уравнивали заводы. Тутъ многія злобствовали за остановленіе винокурень въ самонужные мѣсяцы; и сіе исполняя съ поспѣшностію, нужно было смотрѣть за текущими дѣлами и въ судѣ, потому что исправникъ мой къ дѣламъ и къ перу былъ не лакомъ, да и товарищъ засѣдатель Софронъ Поповъ того-жъ былъ содержанія; секретаря не было, а правящій секретарскую должность регистраторъ Максимъ Бредихинъ тупаго понятія и незнающъ почти ничего, почему и отправлялъ я самъ почти всѣ должности: самъ черни бумаги, отъмѣчая и подписывая, а строгость какъ была отъ намѣстника силная, то мало было и времени не толко къ покою, но и ко сну. Тутъ наступило принятіе ревизныхъ указовъ, и сіе также возложено было на меня грѣшника, которыя день и ночь не давали покою. Потомъ поступилъ въ опись винокуренный заводъ съ имѣніемъ бывшаго казначея Церегородцова, и тотъ также находящійся въ моемъ смотрѣніи и за моею печатью, а равно и хранящееся при ономъ вино, которое часто нужно было осматривать

и смотрѣть оному утечки. А затѣмъ наступила темная година и часъ моего злополучія, начавшійся 25-го марта, въ который я, усмотря въ Слоновки крестьянина, торгующаго сукнами, по сумнительству, что было у него два пашпорта, заарестовалъ зъ бывшими при немъ сукнами и денгами и представилъ въ судъ. А потомъ изыскавъ, что онъ въ пути товарища своего умертвилъ въ Ливенской округѣ, слѣдствіе произведено. Онъ повинился во всемъ и отосланъ къ сужденію, а денегъ часть и суконъ почерпнули мой исправникъ и засѣдатель щедрою рукою, оставили-жъ и мнѣ часть. Я, взирая на сіе скверноприбытчество унылымъ сердцемъ и опасаясь суда и оставшей части, зарепортовалъ намѣстническому правленію и казалось, что остался правъ. Но нѣтъ. гонящая судьба за неправедное наказала: сукнамъ онымъ, посланнымъ изъ Сумъ въ Царицынъ, сыскался хозяинъ. калужской купецъ Чудинъ, и подалъ намѣстнику прозбу. Велѣно въ уѣздномъ судѣ изслѣдовать, а по слѣдствію болше я и обвиненъ. Вдругъ отрѣшенъ я за сіе и преданъ сужденію уголовной палаты. Увы, лютѣ! Отдавши съ рукъ дѣла и мало побывъ дома, пустился 27 августа изъ дому въ Курскъ и заехавши въ городъ, простился со всѣми. Ночевалъ въ Чернянки и исъ Чернянки поспѣшая, на другой день прибылъ въ Михальполье къ князю Михайлѣ Яковлевичу Друцкому-Соколинскому и, тамъ получа къ члену палаты писмы, приѣхалъ въ Курскъ 30-го числа. Потомъ началъ ходить по дворамъ господъ членовъ уголовной палаты со страхомъ и благоговѣніемъ. Окончивши-же сіе путешествіе, которое не привыкшему было не безътрудно, наконецъ 3-го сентября явился въ палату, обязанъ о несъездѣ изъ города подпискою и сталъ всякой день являться въ палатѣ, пока изготовлены были противу дѣла вопросные пункты, а получа оныя, зъ совѣта благопріятелей, держа при томъ и свои мысли, началъ писать начерно отвѣты; а окончивъ оныя 5-го октября, со страхомъ сердца подалъ палатѣ на разсмотрѣніе.

30-го сентября, бывшей прежде въ Курскѣ намѣстникомъ, а потомъ въ Москвѣ главнокомандующимъ, князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, проѣхалъ чрезъ Курскъ въ армію, находящуюсь въ Полшѣ, которому была встрѣча съ церемоніею и пушечною палбою, а на другой день у намѣстника обѣденный столъ и пушечная также палба. 2-го октября рано онъ исъ Курска и уѣхалъ. А между тѣмъ по получен-

ному изъ сената на именное повелѣніе указу, намѣстникъ нашъ Александръ Андреичъ Беклешовъ собирался въ Петербургъ, куда велѣно было ему съ поспѣшностію явиться, а для чего, увидимъ въ послѣдствіи. Господи, управи путь его щастливо!

Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, а меня палаты уголовной члены отпустили домой уговорить капитанъ-исправника и товарища моего Сафрона, чтобъ заплатить всѣ убытки истца Чудина повѣренному, коихъ онъ требовалъ тысячу четыреста рублей. Исправникъ и товарищъ Поповъ отвѣчали мнѣ почти ничѣмъ, и я съ пустяками возвратился въ Курскъ, 28-го октября, въ ночи, при силной грязи. А явясь у моихъ членовъ, просилъ поскорѣе вытребовать въ Курскъ исправника. Онъ пріѣхалъ не скоро и началъ обѣгать, также какъ и я, всѣхъ со идолопоклонствомъ. Дѣло текло своимъ порядкомъ, а мы убытчились, какъ такихъ дѣлъ порядки велятъ въ нынѣшныя времена. Намѣстникъ между тѣмъ, не доѣхавъ Петербурга, возвратился неудачно и вступая въ дѣла, по прежнему исправника довολно гонялъ, потомъ приказалъ просителя на насъ удоволствовать 1,400 р. Мы пустились занимать денегъ. чтобъ удовлетворить сего изверга и перво были у родственниковъ исправниковыхъ въ Мало-Архангельскѣ, отколь возвратились съ чистыми руками,—тамъ намъ отказали. такъ какъ родственники, на чистую; а распрощавшись прибыли мы въ Курскъ 21-го декабря и на другой день испрося увольненія, 23-го пустились по домамъ для денегъ-же.

Боже Всемогущій! какое горькое житье быть подъ судомъ уголовной палаты: нѣтъ день и ночь покоя отъ приказныхъ оныя, всякого напой и накорми, самъ дорого все покупая, но на то не смотрятъ, хоть шкура долой! Судьи въ амбиціи и безъ доклада не ходи, а чтобъ доложили, дай за труды и малому. Секретарь хотя и знакомъ, но что ни давай, чести мало, или все ничто. Мнѣ кажется, какъ піявицы сосутъ кровь, такъ они человѣка въ нхъ рукахъ сущаго. Но что дѣлать! Богъ, наказуя за грѣхи, велѣлъ страдать за сіе дѣло на семъ свѣтѣ, чтобъ быть чисту на ономъ.

Тамъ горесть, тамъ лютость, тамъ горкія печали и со всего свѣта собранныя печалныя бѣды, а въ домъ какъ толко явишься, то еще горчайшія постигнутъ: жена, дѣти, домъ, долги и протчая предстанутъ предъ глаза. По первомъ, якобы радостномъ свиданіи, первая говоритъ: ты самъ о себѣ не радишъ и не хочешъ свобо-

диться отъ сего дѣла поскорѣй; все промотываешь напрасно и о домѣ и дѣтяхъ не мыслишь и не хочешь меня и ихъ любить. Обыкновенно жены! Дѣти говорятъ: батюшка, то и другое надобно купить для насъ. Домъ поправокъ, починокъ, работъ, заплатъ и всего требуетъ неотступно, долговъ требуютъ. Добрые люди, снисходя и уважая по человѣчеству и бѣдности, позволяютъ переписывать векселя и умѣрнютъ проценты, а другіе, радуясь злополучію, оные возвышаютъ; сихъ не окончивъ, новые потребно занимать. О горе! о лютѣ человѣку бѣдствующему и неимѣющему искреннаго друга, который бы въ злоключеніяхъ подалъ здравой совѣтъ! А прежде бывшіе мнимые пріятели смотрятъ при злоключеніи всегда косо. Сіето и со мною случилось въ справедливости, что бывшіе мои именуемые или именовавшіе себя пріятелми смотрѣли уже теперича на меня гордымъ окомъ и несытимъ сердцемъ, почитая внутренно и говоря позаочно о мнѣ, что я воръ, нечестной и неблагородной человѣкъ, что такое учинилъ дѣло. О горесть, горесть жизни человеческой! Ты, случась со мною, то учинила.

Зъ сими-то благоуханіями, по пріѣздѣ моемъ въ самый день праздника Рожества Христова въ домъ, кончилъ я и 1795-й годъ, коего въ 10-й день прошедшаго генваря начались бѣдствія моя отъ остановленія винокуреннаго завода отъ изсохшей въ прудѣ воды. Сей годъ причинилъ мнѣ убытку по первому моему щету на тысячу двѣсти рублей! О, жизнь, жизнь человѣческая пресуетная! О палата, палата уголовная, или безъ-головная, что человѣка здѣлаетъ при несчастіи безъ головы—не естественно, а умно, то есть: потерявъ въ печали умъ, ходитъ человѣкъ уже какъ будто безъ головы. О, Боже! дай наступающей высокосній 1796-й годъ благополучнымъ къ поправленію прошедшихъ злоключеній, а если когда Твоей святой волѣ угодно, прими духъ мой и пресели въ оный будущій, не имѣющій печали, вѣкъ безконечный, да избавлюся сего суетнаго и много-плачевнаго житія, сокрушающаго мой животъ и сердце ежеминутными скорбями.

Сей годъ былъ сначала весма сухъ, потомъ съ первыхъ чиселъ июня начались сильныя дожди, и хлѣбъ, прежде засохшій, исправился, а равно и трава доволно, которой покосъ былъ уже въ августѣ и сентябрѣ; однако сѣна было изобилно. Цѣна хлѣбу арженому четверть 2 р. 70 к. и 50 к., грешневой 1 р. 50 к., овесъ 1 р.; вино пѣнное 1 р. 80 к., полугарное 1 р. 40 и 30 к. Сего

года взяли и положенный зъ душъ провіантъ, еще въ прошедшемъ годѣ опредѣленный, и свалили оной въ магазины городскіе, а гдѣ оной будетъ и куда поставленъ долженъ быть, увидимъ въ предбудущемъ годѣ, когда будемъ живы. Прости пренещастный мнѣ 1795-й бывшій годъ, я тебя больше не увижу.

Въ семъ годѣ покорена совершенно Польша россійской державѣ, а часть отдана рымскому и прускому державцамъ. Царство, до сего бывшее въ славѣ и имѣвшее Россію въ своихъ рукахъ, само досталось въ руки Россіи. О превратность времени и жизни человѣческой! А король изъ Варшавы выѣхалъ въ Гродно на пенсію, отъ престола въ опеку.

Благослови, Господи, вѣнецъ 1796-го лѣта, по благости Твоей, и даруй намъ изобилие плодовъ земныхъ и времена мирна, здрава и благополучны, да изобилуя даруемими отъ Тебя всещедраго Бога благами, славимъ Тя со Отцемъ и святымъ Духомъ всегда!

1-го генваря былъ я зъ женою въ Коровиной у отца Герасима, тамошнего священника, по дѣламъ, отколь возвратился благополучно. 4-го числа генваря пошолъ силной дождь, согнало весь бывшей доброй санной путь, распустило рѣки, здѣлалась почти истинная весна и было до 17-го числа. Но въ генварѣ какъ весна быть не можетъ, то вскорѣ хватило морозами, а снѣгу не было, почему я въ домѣ пробылъ до 20-го числа. И такъ, исправивъ мало домашнія нужды и занявъ у благопріятелей 200 рублей денегъ, 20-го генваря пустился въ Курскъ, и какъ тогда снѣгу вовсе почти не было, а толко мало по дорогѣ мѣстами лïоду, то санми ѣхать было и не безъ трудности; однако нужда премогающая и законъ велѣли поспѣшать денно-ночною ѣздою, и 23-го въ 9-мъ часу по полудни прибылъ я въ Курскъ благополучно, гдѣ исправникъ Волковъ дожидалъ меня уже 4 дни. А какъ 24-го явился къ предсѣдателю палаты Кумакову, то за просрочку 12-ти дней получилъ выговоръ, после коего сказано, чтобъ претендателя Александрова вскорости удоволствовать, почему мы съ исправникомъ въ тотъ-же день и заплатили сему извергу тысячу четыреста двацать одинъ рубль; и я въ недостающемъ числѣ денегъ за себя и товарища своего Софрона Попова далъ вексель въ 400 р., и такимъ образомъ удовлетворенный проситель уѣхалъ изъ Курска въ Калугу, давъ намъ въ пріемѣ денегъ и во удовлетвореніи росписку, а изъ Ка-

луги по почтѣ прислалъ въ палату и прозбу, что онъ впредь о семъ искать и просить нигдѣ не будетъ, почему и казалось (какъ обнадежены мы были, что по удовлетвореніи истца дѣло будетъ оставлено) остаться намъ свободными. Но кровопійцы палатскіе, содравъ овчинку съ исправника, отпустили его къ должности, а меня до окончанія слѣдствія оставили въ Курскѣ и забирая, и призывая прежнихъ свидѣтелей, давали, при увѣщаніи священника, мнѣ съ ними очныя ставки. Коль горко было сіе видѣть и слышить! Тутъ-то пожелѣлъ я, что сначала, по совѣту другихъ, казавшихся благопріятелми, не показалъ въ отвѣтахъ истинной правды и тѣмъ защитилъ исправника и товарища своего Софрона въ дѣлѣ, а самъ остался во всемъ отвѣчать, гдѣ горесть, печаль и стыдъ не давали серцу и мыслямъ покою, а скука и тоска съедали невидимо здоровье. Толко было и отрады, что ежедневное прибѣжище въ церковъ для молитвы, а отъ рожденія ехиднина, то есть приказныхъ, часто уже и скрывался, ибо оные, всякой день посѣщая, требовали или денегъ, или питья, чѣмъ жестоко понаскучили.

Между тѣмъ привезеннаго зъ собою въ Курскъ сына Петра отдалъ я въ народное главное училище, для обученія арифъ-метики, геометріи и рисовать, того-же училища втораго класса учителю Михайлѣ Ивановичу Лаврову, съ тѣмъ, чтобъ онъ у него паламъ и жилъ, и обучался, зъ заплатою въ годъ ста рублей, полагая въ то число и харчи, кои по договору слѣдовало ему давать.

Тутъ случилось, что проѣздомъ исъ Харкова племенникъ, моей сестры Марфы Осиповны сынъ, Иванъ Ивановичъ, будучи уже маіоръ и кавалеръ, просилъ обо мнѣ штата намѣстникова адъютанта Ильинского, яко ему давно знакомаго, о пособіи мнѣ по моему дѣлу, которой лестно увѣрялъ съ клятвою, что пособить во всемъ истинно; но въ скоромъ времени самъ, по своему коварству и плутовскимъ дѣламъ, коими и намѣстника добрыя дѣла затмѣвалъ, отрѣшенъ отъ мѣста и удаленъ въ деревню свою. Потомъ своякъ мой, Ефимъ Васильевъ, съ Чернянки, имѣя по услугамъ свободный входъ ко вдовѣ генералши Елисаветѣ Петровнѣ Рахмановой, которая съ намѣстникомъ жила весма дружно, просилъ ее, чтобъ о мнѣ просила намѣстника; и она, взявъ о дѣлѣ моемъ записку, подавала ему во время бытности его въ домѣ еѣ, но и тутъ отказано, а толко и сказалъ, что дѣло его само по себѣ оправдаетъ. Нѣтъ милости, нѣтъ пособія ни отколь, а толко вся моя надежда на Всемугущаго

Бога. Не столко сердце мое сокрушало здешнее всепроклятое дѣло, сколко домашныя обстоятелствы: жена и дѣти въ безпрестанной горести и слезахъ, заводъ безъ винокуренія, въ домѣ хозяйство слабое; убытокъ тамо, убытокъ и здѣсь невозвратный, а слава худая, мнѣнія ложныя, рѣчи часто и умышленныя со всѣхъ сторонъ произали стрѣлами сердце ежедневно, отъ чего, а къ тому и бывъ въ одинъ день одѣтъ въ мундиръ, ходилъ въ намѣстниковъ домъ къ извергу коварному Ильинскому, аки на идолопоклонство и, простудя въ ногахъ икры, силно заболѣлъ лихорадкою, а потомъ желтяницею по всему тѣлу, и пролежалъ болше недѣли. А собравъ мало силъ, ходилъ всякой день въ палату, чтобъ не сочли притворно болнымъ. И въ сіе-то время болному даны были очныя ставки съ свидѣтелми на меня, а за прочими и товарищемъ моимъ Софрономъ посланы указы, чтобъ имъ явиться въ палату въ скорости. Но товарищъ мой притворился болнымъ, по притчинѣ наступающей масленицы, почему и принужденъ я жить въ Курскѣ безъ всякого дѣла, и толко что отъ скуки ходилъ по утру въ церковъ, а сполдни смотрѣть кулачного бою и рѣзваго купеческаго катанья, а въ субботу сырную для сына и въ маскарадъ, который данъ былъ намѣстникомъ въ ево казенномъ домѣ доволно изрядно. И такимъ образомъ, плавая въ океянѣ моихъ горкихъ злоключеній, подалъ февраля 12-го дня 1796-го года въ дворянское собраніе прозбу въ доказателствами о моемъ дворянствѣ, чтобъ для потомства получить грамоту. Но и тутъ, по притчинѣ малороссійской моей породы и незнанія депутатами о чинахъ малороссійской службы, доволно было затрудненій и споровъ, о чемъ я писалъ къ Харковъ къ зятю, чтобъ отъ ихъ собранія дворянства здѣлалъ въ такомъ случаѣ помощъ, по притчинѣ жителства тамо болшею частію таковаго рода людей; но лѣность его и медленность никакой помощи мнѣ не учидили.

Пость великой тожъ производство дѣла текло, и товарищъ мой Сафронъ подалъ отвѣты къ моей сторонѣ небезъполезныя, а я толко что упражнялся въ хожденіи въ церковъ, однако и отъ того бывшая почти во весь великой постъ безъпокойная грязь времемемъ удерживала.

На первой недѣли великаго поста четвертокъ, пятокъ и суббота празнованы были повседневнымъ звономъ и молебствіемъ о бракосочетаніи великаго князя Константина Павловича

съ великою княгинею Анною Федоровною, и казались сіи три дня постные какъ будто свѣтлой недѣли по притчинѣ колоколнаго звука.

Весна и теченіе воды со грязью начались съ 17-го матра и продолжали до 11-го апреля. А зимою снѣгу и санной пути не было до 9-го февраля, слѣдователно отъ 9-го февраля по 19-е марта толко была санная дорога и зима. Однако хлѣбу таковая непостоянность непогоды вреда никакова не причинила.

28-го марта съ утра здѣлалась во мнѣ силная грусть и печаль, которую я ни хожденіемъ въ церковъ, ни питьемъ водки, ни разными съ людми и своимъ хозяиномъ разговорами до самой глубокой ночи, пока могъ уснуть, прервать и избавиться отъ оной не могъ. Богъ Всемогущій знаетъ, къ чему сіе приключеніе мнѣ, отъ рожденія въ первый разъ было такое.

Апреля 10-го пошелъ я къ председателю Шуманову просить на свободные страстные и свѣтлые дни уволненія въ домъ, но онъ того отъказалъ мнѣ сурово и не уволнилъ. Я, посовѣтовавъ зъ другими приятелми, уѣхалъ самоволно и прибылъ домой въ понедѣлникъ на страстной недѣли, которую недѣлю говѣлъ, а въ субботу 19-го сообщился святыхъ Таинъ. Свѣтлую недѣлю былъ кой-гдѣ въ гостяхъ и у благопріятеля моего, новооскольского городничего Пузанова. Бывшую прежде вражду за неотдачу мнѣ денегъ съ помѣщикомъ Абалмасовымъ прекратилъ и въ фоминъ понедѣлникъ (28-го) рано, простясь зъ женою и дѣтми, пустился паки въ Курскъ, и приехалъ въ оной 30-го числа ввечеру и явился на другой день въ палату.

Слава Богу! о сей моей самоволной поѣздкѣ нихто и не узналъ, а я, побывавши въ домѣ, видѣлся съ милою женою и любезными дѣтми, чѣмъ не мало порадовалъ въ печалѣхъ свое сердце. По приѣздѣ-же увидѣлъ, что мой неблагопріятель при генералъ-губернаторѣ, Ильинскій, по бывшемъ изгнаніи, паки при своемъ находится мѣстѣ, чѣмъ былъ не весма доволенъ, но власть моего Бога: онъ мой защитникъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. И такъ, перемѣня прежнюю квартиру, поближе сталъ къ палатѣ и живу здѣсь спокойно, ходя всякой день въ очистителную палату, въ которой въ сіе время писалъ отвѣты по моему-жъ дѣлу бывшей стряпчей Антонъ Цареградцовъ.

По окончаніи-жъ нашего слѣдствія получено намѣстнику повелѣніе ѣхать въ Петербургъ. Онъ назначилъ къ поѣзду своему день 26-е мая, почему ежедневно палатѣ напоминалъ записками о рѣшеніи нашего дѣла, хотя въ томъ здѣлать помочъ; но за непріѣздомъ, къ рукоприкладству экстракта рукъ моихъ, исправника и засѣдателя, того здѣлать палата не успѣла, хотя изготовила было уже и опредѣленіе въ чернѣ, а какъ намѣстникъ уѣхалъ, то исправникъ и другіе довѣренности прислали и руки къ экстракту приложили, а я свою удерживалъ, пока могъ увидѣть ихъ воономъ оговорки.

Тутъ постигъ было мнѣ громовый ударъ, но слава укрѣпляющему меня во всякое время Богу, Который всемогуществомъ своимъ нынѣ сердце мое утвердилъ! Оное произошло тако: въ день Вознесенія Господня, которое сей годъ праздновано было 29-го мая, по окончаніи литоргіи въ церкви монастырской, подошедъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, сказалъ, что онъ имѣетъ нужду со мною поговорить о дѣлѣ. Я съ нимъ, удаляясь отъ протчихъ, пошелъ къ своей квартирѣ. Идучи, сказалъ онъ мнѣ за секретъ, что якобы дѣло мое рѣшено и намѣстникомъ предъ отъѣздомъ уже утверждено тако: лиша меня чиновъ, сослать въ ссылку. Кровь во мнѣ охладѣла и потъ по лицу сталъ холодный при сихъ словахъ, и я чрезъ минуту почти не собралъ словъ, что на сіе отвѣчать. а онъ между тѣмъ совѣтовалъ мнѣ спасаться побѣгомъ въ Петербургъ. Но вдругъ аки нѣкая сила меня ободрила, и я, разсудя, что, не окончивъ дѣла законнымъ порядкомъ, рѣшить не можно, сталъ вопреки его словамъ говорить, почему онъ, посидѣвъ мало, почти со стыдомъ ушелъ, а я того-жъ дни, здѣлавъ первую въ палатѣ чрезъ пріятеля выправку, нашолъ, что ему, мнимому моему благопріятелю, и другіе изъ подсудимыхъ давали деньги и просили по ихъ дѣламъ ѣхать въ сенатъ, то онъ хотѣлъ и меня, пристращавши, къ тому-жъ склонить для своей корысти. Здѣсь помыслить надобно: ежелибъ не далъ мнѣ Богъ на тотъ часъ душевной крѣпости, то-бы могъ чрезъ такой внезапной извѣтъ приключиться параличъ или другая какая болѣзнь. Но слава Всемогущему Богу, что сей льстецъ подъ видомъ пріязни не успѣлъ надо мною порадоваться. По пронесшемуся-же такому слуху и многіе уже мнѣ о томъ напоминали, но успѣха не имѣли.

Съ того времени жизнь моя въ Курскѣ также состояла въ скукѣ и печаляхъ, и между симъ пріятель мой, сло-

повскій житель Федоръ Панченковъ, ѣдучи въ коренную ярмонку, привезъ мнѣ сына моего Александра, котораго я для забавы и оставилъ здѣсь. Благо, что онъ къ матери не такъ привязанъ съ первыхъ дней своего рожденія, какъ ко мнѣ. Потомъ, проѣздомъ изъ коренной-же были у меня въ квартирѣ своякъ Ефимъ Васильевичъ и городничей Пузановъ для посѣщенія и послѣдній далъ мнѣ на проживъ здѣсь 25 р.; хотя и самъ не богатъ, но сердцемъ и дѣлами таровать. Проводя-жъ сихъ посѣтителей и бывшаго здѣсь своего исправника Волкова, избѣгая палатскихъ піявицъ, часто посѣщавшихъ меня не штатно, перемѣнилъ квартиру и сталъ подалше на Болшой Московской улицѣ у купца Григорія Полевого, отколь ходя ежедневно въ палату, ожидалъ, что на рукоприкладство мое къ экстракту здѣлаютъ; на окаменѣлые столбы еще по сіе 12-е число іюня не подвинулись здѣлать ничего.

10-го іюля, по полученному изъ Петербурга извѣстію отъ намѣстника Беклешова, празднованъ день рожденія великаго князя Николая Павловича, который родился въ Царскомъ Селѣ 25-го іюня. И сего-жъ 10-го числа, по желанію народа и по повелѣнію курскаго архимандрита Амвросія, носили икону чудотворную Знаменія Божія Матери по всѣмъ въ Курскѣ состоящимъ церквамъ (не смотря на бывшей въ сей день силной съ громомъ дождь) для моленія о бездъведріи, ибо отъ бывшихъ съ 15-го іюня до сего времени ежедневныхъ силныхъ дождей учинился хлѣбу и сѣнокосу вредъ, а рѣка наводнилась подобно веннему времени и низменныя мѣста опустошила. Дивно въ сіе время было усердіе къ моленію какъ священниковъ, такъ монаховъ и народа, ибо къ которой церкви принесена была икона, то по ектеніи читаны были молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, и тогда народъ и священство, не смотря на силную грязь, во всемъ одѣяніи падали на колѣни и молились со усердіемъ, а съ того числа и здѣлалась ясная погода. Сіе-жъ и есть чудо и милость Небесныя Царицы и Помощницы рода христіанского, почему для незабвенной памяти мною здѣсь подписано.

Всемогущій Владыко и Боже! Ты вѣси, како было огорчително и скорбно сердцу моему 15-е число іюля, въ которое празнуется и память прародителя нашего князя Владиміра, когда сей день уголовная палата рѣшила мое проклятое и многоубиточное дѣло о сукнахъ, заключивъ въ опредѣленіи лишить меня всѣхъ чиновъ. Я,

узналъ и скрѣпивъ свое сердце терпѣніемъ, тотъ день молчалъ и напился пьянъ; по дѣламъ вору мука. Когда-жъ оное дѣло отослано съ палаты къ прокурору для разсмотрѣнія, то я, по совѣту пріятелей, какъ ничего о задержаніи меня въ опредѣленіи было не заключено, уѣхалъ 19-го іюля въ домъ, и по выѣздѣ съ Курска, ночуя на рѣкѣ Клюквѣ, отъ приключившейся скоропостижной въ животѣ болѣзни мало не предалъ духу и жизни смерти, но милостію покрывающей меня всемогущей Десницы хотя съ нуждою, однако продолжалъ путь и прибылъ въ домъ 23-го числа ввечеру, чѣмъ домашнихъ своихъ обрадовалъ не мало и болше нечаянностію, о которой они и не мыслили.

Живучи въ грусти о дѣлѣ и получая съ Курска о хожденіи по мытарствамъ дѣла, вздумалъ поѣхать въ городъ Богучаръ, гдѣ не былъ отъ рожденія, и тамо посѣтилъ живущихъ братовъ моихъ, Петра и Павла Михайловичевъ, родного моего дяди дѣтей, и, погостивъ тамо двои сутки, переправясь чрезъ Донъ, пріѣхалъ въ слободу Козинку къ шурину Василью Лаврентьевичу, бывшему тогда тамо управителемъ, гдѣ и жена моя меня ожидала. Проживши-же тамо невступно недѣлю, уѣхалъ домой и въ провожаніи всѣхъ моихъ родственниковъ и пріятелей, преправясь паки чрезъ рѣку Донъ, распрощался съ ними и пріѣхалъ въ домъ 21-го августа и сѣлъ во уединенной жизни, провѣдывая чрезъ писмы о курскомъ проклятомъ дѣлѣ.

Тутъ получилъ съ Курска отъ учителя писмо, что сынъ мой, Петръ, на бывшемъ въ 9-й день августа въ училищахъ екзаменѣ, за отличность получилъ изъ губернаторскихъ рукъ книгу естественную исторію съ похвалною надписью. Сіе повеселило меня и жену, а дѣло съѣдало сердце, какъ ржа желѣзо.

6-го сентября, вдругъ прибѣжавши ко мнѣ священникъ слоновской и мой духовной отецъ, Іосифъ Безпаловъ, сказалъ, что преосвященный бѣлградскій Феоктистъ ѣдитъ къ намъ въ слободу проѣздомъ съ Лутовинова къ Путилиной. Я и священники не успѣли одѣтца, какъ вдарили въ колокола, и онъ прибылъ къ церкви. Встрѣча и бытіе ево въ церкви кончились, и я просилъ ево на водку, потому что былъ уже 12-й часъ пополуночи. Онъ посѣтилъ домъ мой и, выпивъ водки, пошолъ квартировать къ священнику Іосифу Безпалову, гдѣ и обѣдалъ. Съ нимъ были два протопопа и подполковникъ Захаръ Ивановичъ Бакарюковъ. После обѣда я хо-

дилъ къ нему и тамо въ квартирѣ пилъ чай, а на другой день рано уѣхалъ онъ въ Лутовиновку къ Путилиной по той притчинѣ, что Захаръ Бакарюковъ, бывъ женатъ на дочери Путилиной 10-ть лѣтъ и имѣвъ сына, оставилъ ее и женился на дочери Бакламышевой, и съ тою жилъ 11 лѣтъ и имѣлъ дѣтей. Потомъ, получа чинъ артилеріи подполковника и лишась жены второй, вздумалъ приступить къ первой, а для сего митротворця утруждалъ самолично быть преосвященного, который будучи тамо, ихъ примирилъ и, утвердя прежнее ихъ согласіе между ими присягою, 7-го числа сентября къ ночи прибылъ въ Слоновку. Тутъ я, встрѣтя ево на улицѣ, просилъ ночевать въ домъ свой. Онъ со всею свитою ко мнѣ и пожаловалъ, а на другой день, 8-го, въ день праздника Рожества Богородицы, отправлялъ въ церквѣ нашей всенощну и обѣдню, рукоположивъ на оной священника, діакона и двухъ пономарей, а на моего духовного отца Іосифа, по прозбѣ моей, наложилъ набедренникъ съ началствомъ. Сія нечаянность о набедренникѣ, въ которой я просилъ преосвященного, не сказавши никому, кромѣ жены своей, воздвигла въ двухъ товарищахъ его, Іяковѣ и Павлѣ, будучи ученыхъ, не малую зависть, что неученый сталъ отличенъ началствомъ, а они оставлены подъ началомъ. Но власти противиться не могли. После-жъ обѣдни преосвященный, поспѣшая въ путь, напившись чаю въ 10-мъ часу, на водку поѣхалъ къ брату Івану Осиповичу Корецкому, а на обѣдъ къ Василью Ивановичу Туфермахеру въ Беломѣстное и тамо обѣдавъ, ночевалъ въ Михальпольи, а протодіаконъ Козма, его келейникъ и пѣвчій у меня обѣдали и, гуляя, пѣли не малое время; потомъ у священниковъ и мѣщанъ, кто ихъ звалъ, пѣли и гуляли, ибо преосвященный далъ по трудахъ время имъ погулять, и симъ проѣздъ его кончился благополучно. Путь его былъ изъ Белгорода въ Ахтирку и Каплуновку, а отголь въ Харьковъ, съ Харькова на Волчанскъ къ Бакарюкову, а отголь на Троецкое въ Слоновку и Лутовинову, а потомъ чрезъ Слоновку и Михайловку и Корочу въ Белгородъ. Добродѣтели сего владыки неищетны! Кротокъ, незлобивъ, разглаголивъ со всякимъ, любопытенъ, къ священнослуженію вездѣ и во всякое время не лѣнивъ, а паче и малѣйшей всякого прозбы не оставляетъ, о чемъ-бы кто не просилъ. Умножи, Господи, лѣтъ живота его, что онъ не погнушался быть въ моемъ домѣ и

будучи ласкалъ какъ меня, такъ и всѣхъ моихъ домашнихъ, а паче сына Александра, котораго и въ церкви во время служенія литургіи два раза подзывалъ къ себѣ, сидя на амвонѣ и съ нимъ разговаривая шутилъ.

По отбытіи-жъ архипастыря принялся я исправлять свою винокурню, которая два года почти была въ пустѣ, а казаны и кадки были выбраны въ винокурню Панченкова, кои оттоль я перевезши поисправилъ, а равно и винокурню совсѣмъ почти вновъ. Не имѣя же ни пяти рублей въ наличности денегъ, съ великою нуждою исправляя старые должки, исправилъ винокурню и починилъ плотину, какъ должно. Пришло-жъ время винокуренія, но безъ денегъ чѣмъ было начать? И такъ, призвавъ Бога Всемогущаго на помощь, собравъ своего хлѣба четвертей пятнадцать и искупивъ немного дровъ, началъ курить. Богъ благословилъ выходъ вина, и пошла продажа въ цѣнѣ изрядной съ хорошимъ барышемъ. И такъ, слава Богу, курилось, хотя и съ нуждою въ деньгахъ запасныхъ.

Ноября 6-го государыня императрица Екатерина II-я скончалась, а на престолъ взошелъ Павелъ I-й імператоръ, о чемъ полученъ у насъ манифестъ. 24-го-жъ ноября была всенощная въ Слоновки и присяга. Потомъ указомъ намѣстническаго правленія дворянству велѣно собраться въ городъ и тамъ присягать, почему 29-го въ общемъ собраніи и присягалъ я вторично въ городѣ, въ соборной Успенской церквѣ. А приводили къ присягѣ городничей Кузма Пузановъ и протопопъ Александръ Смоленскій. Подписавъ присягу и отобѣдавъ у городничего, пустился ночью домой по прежнему мыкать винокуреніе безъденежное и горе, которое причинили куряне съ уголовною палатою.

Наслаждаясь-же домашнимъ покоемъ, имѣлъ при томъ отъ винокуренія и прибыль изрядную и мыслилъ, что бѣды и огорченія мало меня поставили, какъ вдругъ по взнесеннымъ на меня двумъ безъденежно данымъ мною Волкову векселямъ, послѣдовалъ указъ искъ мнѣ объявить и платежа требовать чрезъ восемь дней срокомъ. Почему, изготовя я подлежащее объясненіе, послалъ въ городъ съ нарочнымъ и чаялъ домъ и протчее имѣніе спасти отъ описи. Но по второму уголовной палаты указу, по притчинѣ последовавшей во всемъ государствѣ строгости імператорской, 26-го генваря 1797-го года пріѣхалъ ко мнѣ въ домъ новооскольского

нижнего земского суда засѣдатель, Иванъ Семеновичъ Износковъ, подъ видомъ якобы требованія о вексельномъ искѣ объясненія, и когда я ему объявилъ, что оное послалъ въ городъ съ нарочнымъ, то онъ, утаевая имѣющійся при немъ указъ, подъ видомъ смиренія, остался у меня пообѣдать. А после обѣда, какъ нужно было мнѣ съѣздить къ винокурнѣ, то и онъ на то согласился, почему, сѣвъ я въ свои сани, одинъ выѣхалъ со двора, а онъ зъ слоновскимъ пятисоцкимъ и солдатомъ на своихъ саняхъ поѣхали, и какъ только выѣхали отъ слободы съ версту, то онъ закричалъ на ямщиковъ, чтобъ гнали своихъ лошадей во всю прить и меня поймать. Таковая странность его поступка хотя меня и удивила, но я то почиталъ шуткою, а какъ ихъ лошади стали съ моею въ бѣгу равняться, то уже я своей злой и не въ силахъ былъ удержать, которая, крикомъ ихъ бывъ испугана, начала бить и, прибѣжавъ къ винокурнѣ, выбила меня зъ саней и повредила мнѣ лѣвую ногу жестоко. Въ такомъ случаѣ чаялъ я себѣ отъ него въ поврежденіи ноги помощи, но вмѣсто того онъ, прибѣжавъ ко мнѣ, велѣлъ меня взять и, положа на солдатскія сани, весть прямо въ городъ, не давъ о томъ знать и моимъ домашнимъ. Таковой нечаянной арестъ устрашилъ меня не мало, потому что притчина онаго была мнѣ неизвѣстна, также жена и домашнія мои приведены симъ въ немалую печаль.

Привезши-же меня въ городъ ввечеру, задержали въ земскомъ судѣ, потомъ отъправили къ городничему Пузанову подъ присмотръ, которой на другой день и хотѣлъ было рано отправлять меня въ Курскъ, но болѣзнь ноги не позволяла мнѣ и съ квартиры выйтить, почему отсылку того дня по прозбѣ моей отсрочили. А жена, узнавъ о мнѣ, приѣхала ко мнѣ въ городъ и прилагала стараніе о излеченіи ноги, а того не зная, что бывшей исправникъ Черепановъ злобенъ давно на меня, не принявъ моего объясненія, послалъ засѣдателей Износкова и Раевского дому моему учинить опись и оцѣнку за искъ векселной по указу. А какъ о семъ меня увѣдомили, то жена и поспѣшила, простясь со мной, отъѣздомъ въ домъ, куда какъ приѣхала, то уже опись и оцѣнка была окончена, въ коей домъ и лѣсъ оцѣнены были весма дешевою цѣною, и все оное препровождено въ намѣстническое правленіе чрезъ почту. Какова была при семъ жены печаль, дѣтямъ страхъ, злобствую-

щимъ смѣхъ и радость, въ людехъ поговоръ, о томъ изъяснить не могу.

Мнѣ-жъ по пробытіи двухъ дней въ городѣ подъ покровительствомъ благопріятеля моего, городничаго Пузанова, болше ожидать было нечего, да какъ онъ помощъ здѣлать былъ не въ силахъ, то и рѣшился уже я ввѣрить себя покровителству Божію, почему и отправили меня за карауломъ въ Старой Осколъ. Къ ночи пріѣхали мы въ Чернянку, и какъ отъ городничего посланному со мною солдату приказано было со мною поступать учтиво, то онъ и былъ въ моемъ послушаніи. Тутъ я по своей волѣ остался ночевать, гдѣ засталъ и князя Михайлу Яковлевича Друцкого-Соколинского. И между тѣмъ съ печали тотъ вечерь гуляньемъ и слезами провожая, отправилъ я домой Якова нарочно провѣдать, въ какомъ положеніи и горести находилась тогда жена моя и что учинили господа засѣдатели. Къ свѣту получилъ увѣдомленіе, что жена перенесла все то великодушно и засѣдатели, здѣлавъ что имъ было предписано, отправились къ своимъ мѣстамъ.

Изъ Чернянки на другой день выѣхалъ я въ 12-мъ часу и пріѣхалъ къ шурину Андрею Лаврентьевичу въ Ивановку къ обѣду, а оттоль на ево лошадяхъ, простясь, отъѣхалъ въ Старый Осколъ, куда прибылъ уже ночью. Тамо отъ городничего князь Степана Антоновича Друцкого-жъ-Соколинского (къ коему отъ брата его князь Михайлы Яковлевича имѣлъ я писмо) принятъ былъ благосклонно. Онъ безъ всякого караула оставилъ меня въ своемъ домѣ ужинать и ночевать, а на другой день по завтрикѣ за карауломъ отправленъ въ Тимъ, куда пріѣхалъ я на другой день, то есть 31-го генваря, и тамъ-же принятъ былъ городничимъ ласково, и пока изготовлено было отправленіе, сидѣлъ у него и пилъ водку и проччее. Оттоль отправясь предъ вечеромъ, ночевали въ селѣ Становомъ-колодезѣ, обѣдалъ въ селѣ Кону, ночевалъ 1-го февраля въ Зоревомъ и въ третьемъ часу по полудни 2-го числа февраля пріѣхалъ въ Курскъ прямо къ полиціи за таковымъ-же карауломъ.

Напыщенный духомъ, новооскольского стряпчего Аринкина родственникъ, курскій городничей Племенниковъ, къ коему былъ я представленъ, не похотѣлъ меня и видѣть, а тотчасъ велѣлъ итить подъ стражу тамъ-же при полиціи въ опредѣленный покой, гдѣ я содержался двѣ недѣли, и во все то время хотя за карауломъ,

но имѣлъ свободу ходить въ церковь, училище и палату. Сіи дни моего содержанія были седмицы мясопустная и сырная, и въ сей то горести застигъ меня и святый великій постъ; и палата указомъ хотя городничему и предписала имѣть меня въ своемъ видѣніи, но онъ по милости своей поступилъ со мною иначе, и 18 числа февраля, въ среду первыя седмицы великого поста, во время литургіи, за карауломъ прапорщика Руданова отъправленъ я въ курской замокъ. Духъ бодрости во мнѣ былъ, и я, укрѣпляющему меня Богу, вступилъ въ сіе мрачное жилище съ неробкимъ сердцемъ. И тутъ нашолъ содержащихся также подъ стражею бывшихъ прежде знакомцовъ: новооскольского бывшаго казначея Федора Федоровича Попова, рылскаго казначея Харина, капитановъ: Агапьева и Макова, и протчихъ дворянъ, человѣкъ болѣе 16-ти, съ коими началъ нести яремъ горькой жизни, привыкая къ неволѣ съ частымъ воздыханіемъ и слезами, нерѣдко приходящими о сожалѣніи жены и любезныхъ дѣтей. Но между тѣмъ подавалъ мнѣ утѣху, въ праздничные дни и когда бывала отъ ученія свобода, сынъ мой Петръ, находящійся тогда въ училищахъ курскихъ.

Въ такой-же горести пребывающая жена моя, по своей горячей ко мнѣ любви, желая знать и самолично видѣть мое пребываніе, о которомъ недоброхотствующіе расказами своими наводили болше страха и клеветы, 27-го февраля пріѣхала ко мнѣ въ Курскъ, и, остановясь близъ замка квартирою, съ позволенія караулного офицера приходила ко мнѣ всякой день въ замокъ, а я съ офицеромъ на квартиру. И все время бытности ея въ Курскѣ провождали отъ свиданія радостью со слезами, поминая печальное мое взятье изъ дому и поступокъ казавшихся быть всегда благопріятелми земского суда членовъ, славную мою отъ дому до Курска за карауломъ ѣзду и въ замкѣ и казармѣ темное и горестное житье, возлагая при томъ всю свою надежду на Всесилного Бога, ибо не имѣлъ никакихъ тогда благопріятелей, какъ писано во псалмѣхъ: *и ближніи мои отъ далече мене сташа.* И такъ, побывъ она въ Курскѣ время со мною почти неразлучно, должна была и чрезъ волю отправиться для економіи и дѣтей въ домъ, куда 3-го марта, простясь со слезами, и отъѣхала.

Провождая-же горестное въ замкѣ житье, старался я всячески себя ободрять, боясь, чтобъ отъ печали не впасть въ болѣзнь, воз-

лагалъ всю мою надежду и упованіе на Всемилостиваго Бога, котораго щедротами и былъ совершенно здоровъ. А между тѣмъ чрезъ усердствующихъ старался по губернскому правленію о вексельномъ дѣлѣ, Волковымъ начатомъ, и успѣлъ, что домъ изъ описи исключенъ, а земля слоновская, по моему желанію, взята до окончанія дѣла въ залогъ и дѣло изъ правленія отослано для рѣшенія въ корочанскій уѣздный судъ.

Между сими-то моими горестными происшествіями, по именному послѣдовавшему указу, уничтожены бывшіе до сего города: Новой-Осколъ, Тимъ, Дмитріевъ, что на Свапѣ Богатой, и Льговъ, равно верхніе земскіе суды, верхнія и нижнія расправы, губернскій магистратъ и совѣстной судъ, и члены изъ палаты убавлены, а равно и другія въ правленіи перемѣны послѣдовали. Не мало-жъ нанесъ страху и горкой сердцу моему и протчимъ моимъ въ содержаніи со мною бывшимъ дворянамъ печали послѣдовавшей імператорской именной указъ, въ февралѣ мѣсяцѣ состоявшейся, чтобъ дворянъ за преступленія, по лишеніи чиновъ и дворянства, наказывать на тѣлѣ кнутомъ. Всѣ тогда-то мы прилѣжнѣйшія начали приносить Богу молитвы и воздыханіи, толкуя всякъ свое дѣло.

Отъ сего-то сердечного трепета, а можетъ быть отъ перемѣны житія и воздуха, 2-го мая заболѣлъ я сильно горячкою, и, видя тяжкую свою болѣзнь, а паче въ такомъ мѣстѣ, прибѣгнулъ къ священному врачевству и 7-го мая исповѣдался и сообщался святыхъ Таинъ; и отъ того числа имѣлъ почти совершенное выздоровленіе, началъ было ходить и ѣсть порядочно. А сія-то моя неосторожность ввергла меня опять въ жестокую болѣзнь, бывшую после великого жару, найпаче въ ногахъ, которыхъ болью страдалъ до половины сентября.

Тутъ-то пронесся отъ недоброхотовъ слухъ, якобы я и протчіе изъ дворянъ посланы въ ссылку. Каково-жъ было, всякъ себѣ вообразить можетъ. Какъ сей громкой слухъ дошелъ до жены моей, она сколко не была въ горестяхъ великодушна, но, пришедъ въ сомнѣніе и печаль, прислала въ Курскъ нарочного съ тѣмъ, чтобъ узнать истину, и буде сіе такъ послѣдовало, то бы взднагнать человѣку, для сего посланному, меня на дороги и послѣднее услышать отъ меня слово. Но я, бывъ на мѣстѣ и еще боленъ, не медля человѣка отпустилъ, чтобъ не продолжить ея горести. Сей-то

слухъ привелъ ко мнѣ въ замокъ и сестру мою Анну Осиповну, которая изъ Бирючьи, подъ видомъ коренной ярмонки, меня посѣтила съ горкими слезами и, побывъ Курскѣ два дни, 1-го іюля уѣхала домой. А жена моя, услыша слухъ о ссылкѣ несправедливой, обрадовалась; когда-жъ узнала о моей болѣзни, то, оставя домъ и дѣтей, 3-го іюля пріѣхала меня видѣть. Но я уже слава Богу, началъ тогда учиться ходить и ѣсть по немногу, приходя въ здоровье, которому подали помощь и радость отъ свиданія зъ женою, и домашнее во всемъ тогда бывшее благополучіе, коимъ всесилная Десница награждала щедро.

Пришедъ въ совершенное здравіе, многихъ имѣлъ посѣтителей изъ прежде бывшихъ знакомцовъ и пріятелей, между коими, хотя и въ разное время, посѣтили меня казенной палаты ассесоры: Курьяновъ и Лисицынъ, бывшія неоднократно въ моемъ домѣ. Но все тое не уменшало горести сердечной, хотя наружно казался я и веселымъ быть. Былъ также проездомъ въ Орелъ племенникъ мой, Иванъ Ивановичь Енохинъ, пожалованный уже маіоромъ и кавалеромъ, и обѣщался ходатайствовать за меня по сенату посредствомъ его знакомыхъ; но слова его были подобны водянымъ пузыркамъ.

Между тѣмъ опредѣленъ къ смотрѣнію замка на мѣсто прапорщика Агибалова прапорщикъ-же Ефимъ Зубковъ и взялъ строгость сильную, чтобъ въ замкѣ не имѣлось пера и чернилъ, также картъ и вина, и до того довелъ, что съ нуждою къ дворянамъ допущались ихъ люди съ харчми, а хотя о семъ и приносили жалобы городничему и губернатору, но тщетно. Потомъ для болшаго караула здѣлана и гаупвахта изъ 14 салдатъ; но я имѣлъ щастіе прійтить въ милость и ползовался всѣмъ безъпрепятственно, хотя и не безъ подарковъ. Таково горко провождая въ замкѣ житье, бывалъ по увол(ь)ненію городничего для надобности и въ городѣ неоднократно. Во истеченіи-жъ года, предъ праздникомъ Рождества Христова, жена по своей ко мнѣ любви не оставила побывать въ замкѣ и, побывъ здѣсь три дни, по притчинѣ зближающагося праздника Рождества Христова, уѣхала домой, а я зъ своими товарищами, проводя празникъ Рожества Христова, дождали и новаго года здоровы.

Сей годъ были въ домѣ моемъ горесть и печаль, да и винокуреніе не прибылно по притчинѣ слабаго отъ жениной немощи смотрѣнія, которая сверхъ всѣхъ горестей была болна; а на ногахъ имѣла великія раны, отчего вышелъ и случай, убытокъ нанесшій, и дѣло, стоящее хлопотъ.

Жена, по притчинѣ имѣющихся на ногахъ многихъ ранъ, сыскивая ко излеченію способъ, по случаю вспросила о томъ цыганку (которая тогда въ Слоновки зимовала), а она, здѣлавшись лекаркою, обѣщалась излечить раны вскорости, въ чемъ и успѣла, а по сему и имѣла довѣренность въ домѣ ходить по всѣмъ комнатамъ не возбранно, и, увидѣвши случай, схватила 50 р. ассигняціею, двѣ серебренныхъ ложки и пару рубахъ и ушла, и хотя жена о томъ схватилась скоро и слѣды ко отысканію были, но какъ въ семъ настоять совершенно было некому, а хозяинъ оную защищалъ по суду съ подарками, то хотя и болше ему того стоило, однако одержалъ верхъ, и цыганка виновною не оказалась.

1798-й годъ начался мнѣ въ томъ-же мѣстѣ и съ тѣми-же горестми, а ктому еще отъ стужи въ каменныхъ, гдѣ я содержался, казармахъ и сырости, также и отъ многолюдства получилъ ломотную прежде въ рукахъ, а потомъ въ ногахъ и во всѣхъ членахъ болѣзнь, которою и страдалъ горко, а хотя по прозбамъ, поданнымъ отъ стороннихъ людей и отъ меня въ палату, и просилъ освобожденія подъ особый присмотръ на квартиру, но то было по недоброхотству присутствующихъ тщетно. Въ сей болѣзни, съ половины генваря начавшаяся умѣренною стужею зима, а къ тому въ прибавку къ казеннымъ покупка мною дровъ, дѣлали болѣзни моей пособіе, но не всегда. Къ тому-жъ умножился во мнѣ и во всѣхъ моихъ товарищахъ страхъ, когда получены дѣла по конфирмаціи: сослать въ ссылку порутчиковъ Маркова и Извекова, кои содержались по смертоубійству. Они, простясь со мною, выведены были въ полицію изъ замка до разсвѣта, а я после ихъ, лежа на постели, плакалъ горко, поминая и свою участь, потому болше, что и лѣта мои были уже за сорокъ шесть лѣтъ, и дѣти въ возрастѣ, поспѣвшія къ замужеству, но безъ отца оставленныя въ печали и недоумѣніи о моей и своей судбѣ.

Между тѣмъ жена моя увѣдомила меня, что бывшій мой первый по жителству въ Слоновки благопріятель, священникъ Іосифъ

Безпаловъ, бывъ долго боленъ разными болѣзнями, 3-го марта умре, о коемъ я весма сожалѣлъ, ибо и домъ въ отсутствіи моемъ по благопріятству онъ защищалъ и по дѣлу цыганскому въ свидѣтелство былъ нуженъ, также и другой свидѣтель, жившій въ селѣ Афонкиномъ, поручикъ Николай Никифоровичъ Абалмасовъ умре, а по сему цыганка выиграла, и дѣло со искомъ пропало. Пропала и у меня покража, стоявшая семидесяти рублей. Богу было угодно и симъ меня наказать за многія и тяжкия грѣхи мои, но я, слава Вседержителю, за всѣмъ симъ еще живъ.

Умножая умножу болѣзни твоя и воздыханія, сказано всемогущимъ Творцомъ прародителямъ нашимъ, отъ коихъ за грѣхъ простерлось сіе и до насъ. Кто изочтетъ страхи ежечастныя отъ разныхъ ежедневныхъ, хотя и ложныхъ, слуховъ по дѣламъ нашимъ? Сколко притѣсненій и мздоимства отъ смотрителя замка! Холодъ, а при немъ и голодъ, между содержимями ссоры и ненависть, уныніе и тяжесть отъ многолюдства въ тѣснотѣ воздуха, весма тягостны человѣку, бывшему прежде на свободѣ и управлявшему независимо, хотя и не болшимъ, но собственнымъ и безъ-спорнымъ имѣніемъ. Но вдругъ лишась дому, жены, дѣтей и всѣхъ свободъ и веселостей, и что въ домѣ было невозбранно, а въ семъ мѣстѣ хоти-бы и имѣть тое можно, но подъ запрещеніемъ, Богу единому о семъ горесть сердечная была извѣстна, и если бы не книги, ко коихъ чтенію былъ я страстный охотникъ, и подлежащія дневныя молитвы свободнымъ и сокращеннымъ дѣлали время, то переносить таковой жизни былъ-бы я не въ состояніи. А болше помогала невидимая сила Божія, въ коей вся моя надежда была, есть и будетъ до скончанія живота моего.

Между-же тѣмъ, читая житіе и чудеса угодника Христова Николая, начиталъ, что когда одинъ мужъ, содержавшись въ темницѣ, въ молитвахъ своихъ всегда просилъ угодника Христова о освобожденіи, то святитель Христовъ, явясь ему во снѣ, сказалъ, что онъ молитву его и прошеніе слышитъ и о томъ уже неоднократно утруждалъ молитвами и ходатайствомъ Создателя своего, коего всемогущая Десница таковую ему свободу отлагаетъ по неизвѣстной судбѣ своей; а потомъ совѣтовалъ ему о семъ просить Сімеона Богопріимца, яко ближайшаго ходатая и молитвенника; и когда тотъ мужъ началъ того праведнаго и святаго призывать въ помощъ, то и получилъ

скоро отъ заключенія своего свободу. Сему подражая и я и желая скорой отъ заключенія своего свободы, сталъ призывать въ молитвахъ своихъ къ помощи и ходатайству святаго и праведнаго Симеона Богопріимца, коему и сочинилъ слѣдующую молитву:

О, святый и праведный отче Симеоне Богопріимче, сподобившейся приняти на руку свою младенца, предвѣчнаго Бога, Господа и Спаса нашего Іисуса Христа!

Простри нынѣ всемощныя молитвы твоя къ Богу и умоли всесилную благость Его, да проститъ мнѣ окаянному и многогрѣшному тяжкія и безъчисленныя грѣхи моя и якоже отпусти тя отъ узъ плотскаго житія сего въ вѣчную жизнь, тако да, ими-же вѣсть судбами, свободитъ мя изъ заключенія сего и даруетъ протчее время жизни моея препроводити въ мирѣ, да всегда прославляю Отца и Сына и святаго Духа, единаго въ Тройцѣ Бога и Твое милостивое предстателство, нынѣ и присно и до скончанія живота моего. Аминь.

Таковую молитву, по совершеніи обычныхъ всегда утро и вечеръ читая, молитвами сего великаго угодника Божія Симеона и святителя Николая, получилъ скорую свободу, какъ въ предъидущихъ листахъ показано будетъ.

Можно-бы было таковой жизни вести порядочной ежедневный и журналъ, но какъ запрещено было тамо никому не имѣть бумаги и чернилъ, то въ горестяхъ провождаемая жизнь и нужнымъ дѣламъ, кои достопамятны быть-бы могли, отняла память навсегда.

Болѣзнь моя болшою частію усилилась къ осени, такъ что уже по ночамъ и спать не могъ, а днемъ малую имѣлъ отъраду, ползуясь разными деревенскими лѣкарствами по наслышкамъ отъ мужиковъ и протчихъ, но полза не имѣлъ. А между тѣмъ по совѣту благопріятеля моего, князя Михаила Яковлевича Соколинского, когда онъ ѣхалъ для откуповъ въ Петербургъ, послалъ къ генералъ-прокурору князю Куракину прозбу о безъвинномъ меня заключеніи. Спустя два мѣсяца после того, какъ былъ я обрадованъ, получа отъ князя исъ Петербурга писмо, что велѣно меня свободить; но то было тщетно, ибо генералъ прокуроръ, когда потребовалъ отъ курского гражданского губернатора Бурнашева о моемъ заключеніи отвѣта, то онъ и палата написали въ отвѣтъ ему ложно, якобы я за то посаженъ подъ стражу, что самоволно отлучился исъ Курска,

чего никогда и не бывало. Я толко было положилъ намѣреніе на ихъ отвѣтъ послать вторичную прозбу, но вдругъ послѣдовавшая перемѣна отъ того удержала. Генералъ прокуроръ и президентъ военной коллегіи, братъ ево, князья Куракины отъ должностей своихъ отрѣшены и велѣно было имъ изъ Петербурга чрезъ 24 часа выѣхать въ свои деревни, а на мѣсто въ генералъ прокуроры определенъ князь Лопухинъ, къ коему уже писать я не осмѣлился, потому что и князь Михайла Яковлевичъ Друцкій-Соколинскій исъ Петербурга выѣхалъ.

По осени жена ко мнѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ, горя любовію, опять пріѣзжала и, поживъ недѣлю, отъправилась со слезами домой, а я въ такой-же горести остался провождать свое страданіе и упражнялся въ молитвахъ и чтеніи какъ духовныхъ, такъ и веселыхъ свѣтскихъ книгъ, а иногда, чтобъ сердцу подать отраду, силно перемогая печаль, имѣлъ съ сотоварищами своими шуточные веселыя розговоры и съ тѣмъ достигъ праздника Рожества Христова и новаго 1799-го года.

При концѣ-жъ прошедшаго года, декабря 9-го, съ половины дня, началась силная въ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ метель и продолжалась 10, 11, 12-е и 13-е числа. Боже мой, что за лютость стужи была! Такая, что и ходить по городу было не можно, и хлѣба въ продажѣ и другихъ съестныхъ припасовъ не было. Людей и птицъ множество позамерзло, многіе лица, руки и ноги ознобили, а снѣгомъ позанесло домы въ иныхъ мѣстахъ вровнѣ съ кровлями. Лѣса, лога, дворы и протчее все понаполнило снѣгомъ и можно сказать, что не метель была и не стужа, а совершенная чума, отъ чего мы въ своихъ предорогихъ казармахъ претерпѣли не мало стужи и нужды, но по счастью была у меня волчья шуба, коя меня не толко тогда, но чрезъ всю зиму сохраняла въ теплотѣ.

1799-й годъ начался приключеніемъ страннымъ и нечаяннымъ. Содержался въ одной съ нами казармѣ прапорщикъ Глатковъ, города Сѣвска изъ мѣщанъ урожденецъ. Онъ на канунѣ новаго года въ ночи, разговаривая съ подпоручикомъ Каменевымъ, бывшимъ тутъ-же въ содержаніи, отъ неосторожности выговорилъ громкое слово на высочайшое лице, о чемъ по утру бывшій тутъ-же въ содержаніи купецъ Недосекинъ, желая себѣ чрезъ то получить свободу, вступилъ въ доносъ. Произведено было строгое тотъ часъ слѣдствіе;

мы допрашиваны подъ присягою, показали истину, доказали, обличили. И по продолженіи онаго чрезъ два мѣсяца дѣла, посланъ онъ, по лишеніи чиновъ, въ Пермское Намѣсничество въ работу, а мы по прежнему остались на своихъ мѣстахъ; но что въ тѣ два мѣсяца понесли души наши страху, опасаясь, чтобъ и намъ за то не пострадать, также отъ лютости зимы и стужи и протчего, Богу единому вѣдомо, коего сила насъ и подерживала ежечастно.

Жена, услышавъ о такомъ страшномъ, надъ нами содѣянномъ дѣлѣ и не знавъ онаго въ точностѣ, хотя и путь была не спокойна, однако прилетѣла ко мнѣ, коей я, пересказавъ произшествіе подробно, укрѣпилъ ея силы и избавилъ отъ печали, симъ нанесенной; а потомъ, когда сіе дѣло рѣшилось совершенно, то увѣдомилъ оную писмомъ и тѣмъ обрадовалъ совершенно. Но къ тому домашнее горе постигло и печали умножило. Крѣпостной мой Яковъ, кой зъ самого младенчества всегда находясь при мнѣ, по своимъ добрымъ поступкамъ имѣлъ отъ меня и жены довѣренность во всѣхъ дѣлахъ (мы ево женили на дѣвкѣ отъ князя, мнѣ подаренной, о коей дѣлахъ писано было прежде), по заключеніи моемъ въ замокъ, нуженъ сталъ вмѣсто меня къ смотрѣнію винокурни и протчихъ домашнихъ. Сему, яко вѣрному слугѣ, повѣрено было продавать вино, покупать хлѣбъ и протчее, а между такою волею и довѣренностью началъ онъ вино пить (чего никогда за нимъ не бывало), потомъ свалялся съ одною женщиною негодною, а потомъ вздумалъ, согласясь съ товарищами, себѣ подобными и тою негодною женщиною, взять тройку лошадей, повозку и часть немалую денегъ и бѣжать на Донъ. Но между пянствомъ товарищи ево на лошадяхъ и повозкѣ уѣхали, а онъ и ево любезная остались, коихъ поймавъ люди привели къ женѣ моей. Но что было дѣлать? Отдать сужденію? Его наказали-бы кнутомъ, да по такой кражѣ и ссылки не миновалъ-бы. И такъ, принужденъ былъ я дѣло оставить, а ево продать положилъ намѣреніе, по чему, высѣкши ево тамо плетми, велѣлъ прислать къ себѣ въ Курскъ, а бывшаго при мнѣ Герасима отправилъ домой.

А между тѣмъ простеръ Всевышній высокую свою мышцу и меня падшаго началъ воздвигать изъ глубины золъ и темнаго заключенія. Марта 13-го числа предъ свѣтомъ видѣлъ я во снѣ ходящаго себя по чистымъ полямъ, а потомъ, вошедши въ преболшую

рожь и сорвавъ оной часть, пошелъ за горы по снежной дороги, и близъ оной изъ стоящаго куста выгналъ зайца. Проснувшись-же, посмотря въ сонникъ, увидѣлъ, что показано мнѣ новое житье. Сему я съ товарищами не вѣря сну, смѣялся доволно. По 14-го рано вдругъ получена къ смотрителю замка записка: отпустить меня въ квартиру Козмы Степановича Пузанова, который тогда съ Петербурга пріѣхалъ въ Курскъ вмѣстѣ съ моимъ свойкомъ Ефимомъ Васильевичемъ; а когда пришелъ къ нимъ на квартиру, то они объявили мнѣ свободу изъ замка по повелѣнію губернатора и городничаго съ тѣмъ, чтобы жить мнѣ на квартирѣ. А на другой день городничей Племенниковъ приказалъ ходить въ полицію и исправлять тамошнія дѣла. Зъ сего времени открылся мнѣ невидимый два года и одинъ мѣсяцъ свѣтъ, и я первое имѣлъ удоволствіе почти всякой день быть въ церквѣ и благодарилъ Бога, что вмѣстѣ съ правовѣрными обрѣтаюсь на славословіи Божіи.

Козма Степановичъ, побывъ со мною въ квартирѣ дни съ три, уѣхалъ въ городъ Суджу городничимъ, а потомъ и свойкъ мой уѣхалъ. После, спустя недѣли двѣ, получилъ я отъ Козмы Степановича письмо, въ коемъ проситъ, чтобъ я Якова ему продалъ. Хотя сіе мнѣ было и нежелателно, но и оставить такого врага въ домѣ по прежнему было трудно. И такъ я за стараніе ево въ Петербургѣ по моему дѣлу уступилъ ему онаго зъ женою за триста рублей, и получа въ самый свѣтлый день праздника Втскресенія Христова, 17-го апрѣля бывшій, чрезъ почталіона 255 р. денегъ, съ Яковомъ своимъ растался и отправилъ ево въ Суджу къ Козьмѣ Степановичу. Горко было и то и другое, но что дѣлать,—судбою предопредѣленнаго миновать не можно.

Лѣто провождалъ я въ Курскѣ, квартируя у присяжнаго Клементьева, гдѣ и жена меня о Тройцынѣ дни посѣтила. Потомъ перешелъ я на другую квартиру къ регистратору Михайлову; и тутъ также жена меня посѣтила, прибывъ 30-го августа, а уѣхала 14-го сентября, я-же остался и по прежнему исправлялъ пискменныя дѣла. Тутъ получилъ увѣдомленіе, что претендатель мой по векселямъ, поручикъ Петръ Никифоровичъ Волковъ умре, оставивъ жену и осмерихъ детей, также новооскольской помѣщикъ Алексѣй Григорьевичъ Шарановъ умре и бывшій въ Слоновки древній отцу моему и мнѣ неблагопріятель, казенный житель Акимъ Поповъ, умре,

а мнѣ горкому слузѣ и после ихъ осталась та-же горкая пѣсенка до времени. Потомъ городничей курской Племенниковъ, по открытіи въ Курскѣ полиціи съ частными приставами и ратманами, видя мою въ дѣлахъ прилѣжность и немедленныя исполненія, опредѣлилъ мнѣ жалованье шестдесятъ рублей (жалованье и подъ арестомъ получалъ) и безденежно близъ полиціи квартиру; также и купечество, имѣющее всегда до полиціи касающіяся дѣла, дарили, почему жить мнѣ уже было недурно и свободно. Я былъ частными любимъ, почему и вхожъ, не такъ какъ арестантъ, но какъ правящій дѣла въ полиціи, во многія хорошія домы, а городничей между полицейскими дѣлами повѣрялъ мнѣ и свои, кои я обработовалъ всегда отъ него съ похвалою. Но какъ-бы то тамъ ни было хорошо, однако желаніе домой никогда не угасало, а бывшія со мною дѣти Петръ и Александръ въ училищѣ, приходя ко мнѣ, подавали серцу нѣкоторую отъраду. А между таковымъ горкимъ и сладкимъ житьемъ наступилъ и 1800-й годъ. Мы чаяли, что по подобію императора Петра 1-го будетъ празнуемо столѣтіе и послѣдуетъ милостивой манифестъ. Но судбѣ не угодно было того учинити, и я, квартируя близъ полиціи у мѣщанина Василія Ивановича Котлярова, человѣка весьма для меня добраго, исправлялъ дѣло также, какъ и прежде. Потомъ полиція отъ Троецкой церкви перенесена въ домъ бывшей банковой конторы на гору, къ Красной базарной площади; то мнѣ, по болѣзни ноги было уже ходить туда, а наипаче на гору, съ великимъ трудомъ и болью. Но чтожъ дѣлать?—Неволя всегда упряма. И симъ лѣтомъ также жена моя въ сей квартирѣ посѣтила, а побывъ мало, въ разсужденіи нужды домашней економіи, поспѣшила домой, а я, оставшись съ дѣтми, мыкалъ горе по прежнему, пока угодно стало Всевышняго волѣ меня, по наказаніи за грѣхи стражею и заключеніемъ, учинить отъ того свободнымъ, и сіе происходило такъ:

Августа 6-го, посредствомъ городничаго, моего благопріятеля, Пузанова, получилъ я исъ Петербурга писмо отъ сенатского повитчика Солодовникова, въ коемъ пишутъ, чтобы я горкой своей участи ожидалъ вскорѣ рѣшенія и безвинному терпѣнію конца худаго или злаго. Тутъ оставался я между страхомъ и надеждою добра и, какъ и всегда, уповалъ на Бога и его святую волю. А сія то на Всемогущество надежда и изліяла великіе своя на меня щедроты, и какъ 17-го августа предъ вечеромъ въ полиціи получена была отъ губернского

прокурора Богданова записка, что онъ будетъ пересматривать въ замкѣ всѣхъ арестантовъ и колодниковъ, то бывшій тогда уже городничимъ Василій Ильичъ Мясоѣдовъ приказалъ мнѣ по утру 18-го числа явиться въ замокъ (Сіе потому, что онъ былъ робокъ, а не таковъ, какъ Племенниковъ). Я вставъ рано, отправился въ замокъ съ болною моею ногою пѣшкомъ, а пришедъ туда, отдыхалъ па постелѣ содержимаго тамо поручика Королева до 12-ти часовъ. Потомъ какъ сказано, что прокуроръ въ тотъ день смотръ свой отложилъ до другого времени, то я и отправился обратно въ полицію. А какъ толко сталъ ко оной подходить, вдругъ, выбѣжавъ изъ оной приказныя служители, начали поздравлять меня съ полученіемъ царской милости и что полученнымъ изъ сената указомъ велѣно меня отъ слѣдствія и стражи учинить свободнымъ. Я, благодаря ихъ за сіи вѣсти, еще не вѣрилъ, а какъ пришолъ въ полицію, тогда городничей лично меня симъ поздравилъ и велѣлъ пойтить и посмотрѣть для вѣрности въ губернскомъ правленіи указъ. Куда я пошедши, когда увидѣлъ своими глазами, то и сталъ совершенно увѣренъ. А на другой день рано, пошедъ въ монастырь, отпѣлъ Божіей Матери акафистъ, потомъ по объявленіи въ правленіи мнѣ указа и получа отъ полиціи билетъ, 25-го числа отправился изъ Курка домой, куда и прибылъ 27 го (въ день преподобнаго отца Пимена, въ тотъ самой день, въ который выехалъ изъ дому къ сужденію въ палату) въ 6-мъ часу по полудни и обрадовавъ пріѣздомъ всѣхъ домашнихъ, обрѣлъ ихъ здоровыхъ и благодаря Всемогущаго Бога за таковое отъ тяжкия бѣди и пропасти освобожденіе, началъ принимател мало по малу за исправленіе упадшей економіи. И первымъ предметомъ, по уборкѣ хлѣба, представилась глазамъ моимъ обетшавшая винокурня. Не имѣя хотя ни 50 р. денегъ, но что нужда есть преизрядный учитель, то во первыхъ продалъ я пару лошадей за 50 р., потомъ, собравъ своего хлѣба четвертей до 30-ти, да купивъ у Тевяшовыхъ 100 четвертей, протчее-жъ покупая въ базарѣ, началъ курить уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Хлѣбъ былъ въ два рубли, вино не выходно и малой оному сходъ и нужной, то и ви-

нокуреніе было непріятно и не выгодно, а болѣзнь ноги еще и болше подавала горесть. И такъ, терпя во всемъ горесть, недостатокъ и болѣзнь, достигъ 1801-го года живъ, забывая свое страданіе, чему пособляло домашнее семейство, разбивающее печали и подающее надежду за Божіимъ благоволеніемъ исправиться, ибо тутъ вся моя надежда полагалась, помощь и сила. Да будетъ убо о всемъ Слава Всевышнему, а намъ благополученъ наступившій годъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва, 1886 г.

Изслѣдованіе съ означеннымъ заглавіемъ появилось въ нынѣшнемъ году въ этнографическомъ отдѣлѣ «Трудовъ» московскаго общества любителей антропологіи, естество-знанія и этнографіи. Отдѣльно издано оно въ самомъ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Хотя, при изданіи сочиненій, предназначенныхъ для спеціальной публики, издатели и авторы имѣютъ полное основаніе не разсчитывать на широкое ихъ распространеніе, но въ настоящемъ случаѣ приходится усиленно пожалѣть о маломъ размѣрѣ изданія, въ виду выдающихся достоинствъ этого труда.

Г. Янчукъ принадлежитъ къ этнографамъ собирателямъ, типъ которыхъ выработанъ современнымъ состояніемъ самой этнографической науки. Обобщенія, бывшія въ ходу въ прежнее время, отошли въ область преданій и укрѣпилось мнѣніе, что чѣмъ меньше избранная для изслѣдованія этнографическая единица, тѣмъ обстоятельнѣе можетъ она быть изслѣдованною и описанною во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ рѣзче можетъ быть оттѣнена ея индивидуальность. Самый уголокъ, выбранный г. Янчукомъ для описанія,—западная русская окраина,—обязывалъ уже его, впрочемъ, къ этому методу. «Изученіе этого края, справедливо говоритъ онъ, возможно не въ общемъ, а лишь по частямъ, потому что общаго здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Изслѣдованію должны подвергаться порознь отдѣльныя, небольшія области, связанныя возможно болѣе общими чертами быта и языка, и только послѣ такого частичнаго и подробнаго изслѣдованія, нашимъ глазамъ представится полная и вѣрная картина этого края, съ его несчастнымъ населеніемъ, которое

волею судебъ обречено на вѣчныя терзанія на перепутьи между различными народностями.

Разсматриваемый трудъ посвященъ быту малороссовъ въ Польшѣ, по лѣвую сторону западнаго Буга. Тамъ малорусское населеніе размѣсталось среди поляковъ, евреевъ и нѣмцевъ, какъ бы островами. Отдѣленныя другъ отъ друга, эти группы, при общихъ племенныхъ чертахъ, выработали отдѣльные говоры и особенности быта. Уроженецъ той мѣстности, г. Янчукъ остановился на небольшомъ округѣ, обнимающемъ пять селъ константиновскаго уѣзда сѣдлецкой губерніи, и началъ описаніе быта тамошняго населенія съ описанія свадебнаго обряда.

Ни одинъ изъ народныхъ обрядовъ не останавливалъ на себѣ въ такой степени вниманіе изслѣдователей, какъ этотъ важнѣйшій бытовой обрядъ. Громадный матеріалъ, собранный по этому предмету въ IV томѣ «Трудовъ» Чубинскаго представляетъ массу данныхъ для характеристики этого обряда *въ цѣломъ племени* (какъ всѣ почти матеріалы Чубинскаго). Разница такихъ частичныхъ работъ, какъ работа г. Янчука, и такихъ общихъ собраній, какъ собраніе Чубинскаго, тутъ то и бросается въ глаза. Частичный изслѣдователь ведетъ свое изученіе шагъ за шагомъ, во всѣхъ подробностяхъ и съ одинаковою обстоятельностью во всѣхъ частяхъ труда. Громадное коллективное собраніе отражаетъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ пріемы и подготовку отдѣльныхъ участниковъ и, представляя въ общемъ несравненно большее богатство, не даетъ все таки такой законченной картины, которая рисуетъ явленіе въ данной мѣстности во всей его полнотѣ и «какъ на ладони». Мы разумѣемъ, конечно, тѣ не частые случаи частичныхъ изслѣдованій, когда изслѣдователь обладаетъ такою любовью къ дѣлу, добросовѣстностью и эрудиціей, какъ г. Янчукъ.

Въ подобномъ умѣломъ и тщательномъ трудѣ каждая мелочь получаетъ свое значеніе, и это точнѣйшее описаніе свадебнаго обряда переноситъ насъ совершенно въ кругъ жизни и міросозерцанія описываемаго уголка. Этотъ пріемъ важенъ и для ученаго, который хотѣлъ бы узнать, что сохраняется и живетъ изъ свадебнаго обряда въ одной какой нибудь мѣстности. Почерпая свѣдѣнія изъ разнородныхъ сборниковъ, ученые изслѣдователи принуждаемы бываютъ по неволѣ къ обобщеніямъ, на что часто сѣтуютъ и сами. Такъ недавно еще въ спеціальномъ изслѣдованіи «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ» (Харьковъ 1881 г.) уважаемый сотрудникъ нашего журнала г. Сумцовъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что «рука изслѣдователя народнаго обрядоваго дѣйствія и поэтическаго творчества никогда не заносила на бу-

магу свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ извѣстной мѣстности во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи».

Эта полнота и точность въ описаніи г. Янчука не оставляютъ желать ничего большаго. Корницкая свадьба въ общемъ удержала общій типъ малорусскаго *весилья*. Самымъ рѣзкимъ ея отличіемъ служитъ весьма сильно примѣшивающійся польскій элементъ. Г. Янчукъ поступилъ вполнѣ основательно, помѣстивъ въ своемъ сборникѣ и всѣ польскія пѣсни, распѣваемыя на корницкой свадьбѣ. Эти пѣсни въ той мѣстности пользуются въ народѣ одинаковыми правами гражданства съ малорусскими, иногда даже предпочитаются имъ. Поэтому читатель встрѣчаетъ ихъ въ описаніи тѣхъ моментовъ свадьбы, когда онѣ поются въ дѣйствительности. Моменты эти разсказаны изслѣдователемъ подробно подъ рубриками, носящими отдѣльныя названія, каковы: 1) выборъ невѣсты и сватанье, 2) сговоръ (згода) и оглашеніе (заповедіо), 3) *зилеты* (сговоръ, заручины), 4) коровай, 5) собиранье весильныхъ людей (свадебной дружины) и 6) *весіеле* (собственно свадьба, отъ субботы до вторника).

Къ 318 приведеннымъ въ описаніи пѣснямъ приложены ноты 35 напѣвовъ, на которые эти пѣсни поются. Самый текстъ пѣсенъ г. Янчукъ записывалъ съ голоса пѣвцовъ, провѣряя размѣръ стиховъ по напѣву.

Всѣ эти подробности показываютъ, какой интересной новинкой является трудъ г. Янчука въ южнорусской этнографіи. Записи изъ малорусскихъ мѣстностей въ Польшѣ до сихъ поръ существовали только въ сборникѣ Чубинскаго. Въ томѣ посвященномъ «Обрядамъ» (т. IV стр. 970) помѣщена напр. свадьба, записанная въ д. Кульчинѣ бѣльскаго уѣзда, той же сѣдлецкой губерніи. Но достаточно бросить взглядъ на 9 страницъ этого описанія и на большой фоліантъ г. Янчука (116 стр. in 4°), чтобъ увидѣть всю разницу между этими двумя трудами.

Тщательное стараніе соблюсти всѣ оттѣнки говора должно возбудить интересъ спеціалистовъ—филологовъ. Всѣ сѣдлецкія разнорѣчія и говоры, какъ указано было и раньше, слѣдуетъ отнести къ такъ называемому подляшскому поднарѣчію полѣшскаго нарѣчія. Г. Янчукъ считаетъ корницкій говоръ отдѣльнымъ отъ изслѣдованныхъ г. Житецкимъ въ его извѣстномъ сочиненіи разнорѣчій копыльскаго, хотыческаго и кленовицкаго. Доказательство тому онъ приводитъ въ отличительныхъ чертахъ произношенія гласныхъ и согласныхъ, въ употребленіи грамматическихъ формъ и т. п. Онъ дѣлаетъ впрочемъ оговорку о той разницѣ, какая существуетъ между пѣсеннымъ языкомъ и разговорнымъ и обѣщаетъ вернуться къ изслѣдованію обыденной разговорной рѣчи впослѣдствіи.

Намъ остается отмѣтить обстоятельность примѣчаній къ каждой изъ записанныхъ пѣсень. Они заключаютъ въ себѣ объясненія пѣсень въ цѣломъ ихъ видѣ и отдѣльныхъ выраженій въ смыслѣ полузабытыхъ остатковъ вѣрованій и воззрѣній до-христіанской эпохи, символики, иносказаній, эпитетовъ, чертъ современныхъ нравовъ и проч., объясненія оборотовъ и формъ изложенія и т. под. Тутъ же указаны варіанты всѣхъ южнорусскихъ сборниковъ и многихъ славянскихъ, преимущественно польскихъ. На сколько эти ссылки исчерпываютъ предметъ, можно видѣть изъ того, что авторомъ цитируется 48 отдѣльныхъ сборниковъ и трудовъ.

В. Г.

Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго, А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть III. Одесса, 1886 г.

Отмѣчая въ библіографическомъ обзорѣ появленіе новымъ изданіемъ 3-й и послѣдней части труда г. Скальковскаго, мы, какъ и прежде, когда говорили о выходѣ 2-й части, не будемъ излагать содержанія книги, столь давно и всѣмъ извѣстной, ни входить въ разборъ оной, но кратко лишь скажемъ, въ какомъ видѣ является эта послѣдняя часть въ новомъ изданіи по сравненію съ ея прежними изданіями. И здѣсь маститый авторъ сдѣлалъ не мало перемѣнъ по сравненію съ изданіями прежняго времени, но характеръ этихъ измѣненій тотъ-же, что и въ первыхъ двухъ частяхъ: вводятся ли новые факты, или дѣлаются сокращенія въ текстѣ, содержаніе книги, точка зрѣнія автора не становится отъ этого иными.

Сдѣлавъ эту общую оговорку, мы отмѣтимъ за симъ тѣ вставки и сокращенія, какія находимъ въ 3-й части новаго изданія.

Въ 1-й главѣ, посвященной компаніи запорожцевъ 1769 г., опущено находившееся на стр. 19-й во 2-мъ изданіи описаніе татарскихъ полчищъ, совершившихъ набѣгъ на южную Россію зимой 1768 года, извлеченное авторомъ изъ «Записокъ» барона де-Тотъ. Въ замѣнъ этого въ слѣдующихъ 2-хъ главахъ сдѣлана весьма значительная вставка, именно введены: журналы, ордеры, письма, граматы и проч., излагающіе обстоятельства, успѣхи и неудачи морскаго похода запорожцевъ чрезъ Черное море въ устья Дуная во время русско-турецкой войны 1770—1773 годовъ. Въ началѣ 4-й главы опущенъ перечень именъ татарскихъ старшинъ, подписавшихъ грамату объ избраніи на ханскій престолъ Селимъ-Гирея, сторонника Россіи. Въ главѣ 6-й опущена пѣсня, вспоминающая о неудачной депутаціи запорожцевъ

въ столицу для предупрежденія разоренія Сѣчи въ 1775 году. Въ 7-й главѣ опущено примѣчаніе о разореніи сѣчевой церкви калмыками, донцами и солдатами, а также другое примѣчаніе объ изображеніи церковныхъ мѣстъ запорожскихъ на планѣ Старой Сѣчи на Капуловкѣ, такъ-же какъ и самый планъ. Оставляемъ безъ вниманія нѣсколько другихъ не важныхъ измѣненій въ примѣчаніяхъ къ тексту книги. Значительныя перемѣны сдѣланы въ приложеніяхъ къ книгѣ: тутъ одни изъ документовъ опущены, другіе введены вновь, вообще же число приложеній сокращено съ 23-хъ до 14. Въ спискѣ кошевыхъ сдѣланы дополненія девяти новыхъ именъ, изъ прежнихъ же вычеркнуто четыре, не считая именъ кошевыхъ до 1655 года; въ именахъ судей одинъ опущенъ, но прибавлено шесть новыхъ. Къ этимъ и другимъ перемѣнамъ авторъ приведенъ, конечно, болѣе тщательнымъ обслѣдованіемъ прежнихъ и пріисканіемъ новыхъ документальныхъ данныхъ; но, къ сожалѣнію, ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ онъ не объясняетъ, почему сдѣланы имъ тѣ или другія сокращенія и измѣненія. Изъ новыхъ приложеній къ третьей части настоящаго изданія отмѣтимъ: извлеченіе изъ сеймоваго постановленія 1635 г. о морскихъ запорожскихъ набѣгахъ на Турцію и постройкѣ „стараго Кодака", грамоту царя Алексѣя Михайловича атаману Ивану Сѣрку и всему войску запорожскому 1673 г., отвѣтъ запорожцевъ Филиппу Орлику 1734 г. и показаніе гайдамаки Герасима Котляра 1757 г. На заглавномъ листѣ 3-й части, вмѣсто бывшаго во 2-мъ изданіи изображенія козацкой могилы съ расположившимся вокругъ нея стадомъ овецъ и выдающеюся фигурой пастуха, помѣщено теперь болѣе цѣнное изображеніе церкви, рады и запорожскихъ куреней 1773 года, а прежній эпиграфъ, выражавшій полное отчаяніе запорожца, замѣненъ новымъ, выражающимъ увѣренность запорожца, что „слава козацка николи не згине".

Да не посѣтуетъ на насъ почтенный авторъ, или читатели за такой краткій отзывъ о трудѣ столь значительной важности. Сдѣланныя нами сравненія нынѣшняго изданія 3-й части Исторіи Новой Сѣчи съ прежнимъ могутъ показаться мелочными; но мы не видѣли другаго способа для того, чтобы дать читателямъ понятіе о разности изданій и избавить ихъ отъ труда дѣлать самимъ сличенія. Что касается вообще самой книги, то повторимъ еще разъ, что и въ новомъ изданіи она также богата документальными данными и выдержками изъ неизданныхъ матеріаловъ, хотя, къ сожалѣнію, авторъ никогда не указываетъ, откуда онъ заимствуетъ тотъ или другой фактъ, ту или другую пѣсню, документъ и проч. Если, какъ мы въ свое время говорили, много данныхъ для бытовой Исторіи Запорожья представлено въ матеріалахъ,

изданныхъ г. Андріевскимъ, то они представляютъ собою лишь нѣкоторое дополненіе къ тому, что заключаетъ въ себѣ книга г. Скальковскаго. Имѣются свѣдѣнія, что огромное количество такого-же матеріала собрано уже для формирующихся архивовъ въ Харьковѣ и Одессѣ; но за г. Скальковскимъ всегда останется честь не только почина, но главнаго, быть можетъ, самаго тяжелаго труда въ раскрытія и послѣдовательномъ документальномъ изложеніи Исторія Сѣчи. Остается желать, чтобы путь имъ начатый и проложенный не заросталъ, а его капитальный трудъ нашелъ-бы достойныхъ продолжателей.

И. Каманинъ.

Списокъ церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава. 1886 г.

Названная книга не принадлежитъ къ числу ни статистическихъ, ни историческихъ трудовъ. Это просто справочная книга для священно- и церковно-служителей холмско-варшавской епархіи и ея управленія. Оцѣнить ея практическое удобство—дѣло тѣхъ, для кого она назначена, для насъ-же важны тѣ фактическія и статистическія данныя, которыя составляютъ содержаніе книги и которыя относительно будущаго представляютъ весьма цѣнный историческій матеріалъ. Понятно, что только этотъ составъ книги даетъ намъ основаніе коснуться ея въ нашемъ библіографическомъ обозрѣніи и только съ этой стороны мы и можемъ ее разсматривать.

Для всякаго русскаго интересно знать, какъ стоитъ въ настоящее время дѣло православія на нашей западной окраинѣ, въ предѣлахъ б. Царства Польскаго, нынѣ привислянскаго края, гдѣ оно поставлено лицемъ къ лицу съ враждебнымъ намъ католичествомъ, подвергается его вліянію и терпитъ отъ него ущербъ, или же ведетъ съ нимъ борьбу,—интересно знать, какъ велико число тамъ православныхъ, какъ распредѣлены они по территоріи края, какъ велико число церквей и духовенства для удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ, каковъ составъ здѣсь пастырей-руководителей, ихъ образовательный цензъ, матеріальное обезпеченіе и т. д. На многіе изъ этихъ вопросовъ, хотя и не на всѣ, даетъ отвѣты названная нами книга. Церкви и причты распредѣлены въ ней по благочинническимъ округамъ, губерніямъ и уѣздамъ, съ поименованіемъ деревень, входящихъ въ составъ сельскихъ приходовъ, количества прихожанъ и церковной земли.

Чтобы понять однако какъ распредѣленіе духовенства и церквей по благочинническимъ округамъ, такъ и распредѣленіе самыхъ окру-

говъ, нужно помнить, что холмско-варшавская епархія образована изъ двухъ самостоятельныхъ епархій: *варшавской*, учрежденной послѣ усмиренія польскаго возстанія 1831 г. и состоявшей изъ незначительнаго (10—15) числа церквей, предназначенныхъ для служащихъ тамъ въ разныхъ пунктахъ и вѣдомствахъ русскихъ, и *холмской*, бывшей до 1875 г. уніатскою и вѣдавшей уніатскія церкви кореннаго русскаго населенія той мѣстности. Церкви первой, увеличившіяся въ своемъ числѣ послѣ 1864 г., съ новымъ и гораздо большимъ приливомъ русскихъ служащихъ, разбросаны были, кромѣ Варшавы, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Царства и по пограничной линіи въ таможенныхъ пунктахъ, церкви второй сгруппированы въ губерніяхъ люблинской, сѣдлецкой и отчасти сувалкской. Послѣ присоединенія уніатовъ къ православію въ 1875 г. обѣ епархіи слиты въ одну, съ отдачею преимущества названію первой, какъ древнѣйшей, существовавшей съ XIII по крайней мѣрѣ вѣка, при чемъ церквамъ и духовенству первой епархіи, для отличія, присвоено было названіе древне-православныхъ, а второй—возсоединенныхъ. При дальнѣйшемъ административномъ устройствѣ соединенныхъ епархій не только эти названія устранены, но самыя церкви, независимо ихъ происхожденія, соединены въ благочинническія округа по территоріальной ихъ близости. Образовалось такимъ образомъ 20 благочинническихъ округовъ и тогда какъ два варшавскіе округа вѣдаютъ церкви разбросанныя въ семи губерніяхъ,—въ грубешовскомъ и томашевскомъ уѣздахъ люблинской, бѣльскомъ и влодавскомъ сѣдлецкой губерніи, учреждено по два благочинническіе округа, такъ какъ русское населеніе живетъ здѣсь почти сплошными массами и число церквей весьма значительно.

Всѣхъ православныхъ въ холмско-варшавской епархіи числится 360,880 душъ обоего пола, всѣхъ церквей 433, въ томъ числѣ приходскихъ 310, приписныхъ и безприходныхъ 113 и кладбищенскихъ 10, каменныхъ 173 и деревянныхъ 260. Такимъ образомъ на каждый изъ 20 благочинническихъ округовъ приходится среднимъ числомъ свыше 21 церкви, а на каждую изъ церквей, если исключить только кладбищенскія, свыше 875 прихожанъ. Цифры эти не особенно высокія, но и не такія, которыя показывали-бы, что православіе раскинулось здѣсь привольно и широко; напротивъ, по исключительному его положенію среди католичества, скорѣе можно желать увеличенія здѣсь числа православныхъ церквей. Есть не мало такихъ пунктовъ, гдѣ число служащихъ русскихъ значительно, но церкви нѣтъ или она находится за нѣсколько десятковъ верстъ; съ другой стороны въ чертѣ б. уніатскаго населенія

есть сельскія церкви, приходы которыхъ заключаютъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ душъ, а число приписныхъ къ нимъ деревень доходитъ до 20 и болѣе, равно есть села и деревни, имѣющія свои церкви, но не имѣющія причтовъ и приписанныя къ другимъ, иногда очень отдаленнымъ церквамъ.

Въ разсматриваемой книгѣ, при исчисленіи церквей и духовенства по благочинническимъ округамъ, въ отдѣльныхъ графахъ обозначаются: названіе церкви, ея мѣстонахожденіе и настоятель, разрядъ церкви (приходская, приписная, безприходная и т. п.), раіонъ прихода и число приписныхъ деревень, общее число прихожанъ и частное въ приходѣ основномъ и приписныхъ, а также количество владѣемой церковью земли, исчисляемой, какъ можно догадываться, по общепринятой въ тамошней мѣстности мѣрѣ на морги. Общее число земли, принадлежащей церквамъ, 27,385 м., и если есть церкви безземельныя, то иныя изъ нихъ имѣютъ до 250 и болѣе морговъ. Въ числѣ бѣлаго духовенства показаны и монашествующіе при архіерейскихъ домахъ и монастырѣ яблочинскомъ, а въ числѣ приходскихъ настоятелей и священники заштатные. Въ заключеніе подведены общіе итоги рубрикъ по губерніямъ и болѣе общіе итоги по всѣмъ рубрикамъ для всей епархіи.

Свѣдѣніями этого рода заполнена одна меньшая треть книги или 85 страницъ изъ общаго числа 330. Отъ стр. 88 до 193 слѣдуетъ алфавитный списокъ священно-служителей, съ указаніемъ церквей, при которыхъ они состоятъ, а отъ 193 до 330 алфавитный указатель городовъ, селъ и деревень, съ указаніемъ благочинническихъ округовъ и приходскихъ церквей, къ которымъ принадлежатъ показанныя мѣстности. Въ первомъ изъ нихъ по отдѣльнымъ графамъ указываются: фамилія, имя и санъ священно-служителя, должность, церковь и благочинническій округъ, степень образованія, время начатія службы (по духовно-учебному вѣдомству, псаломщикомъ, въ санѣ, на послѣднемъ мѣстѣ) и служебныя перемѣны. Тутъ, кромѣ настоятелей церквей, показаны ихъ помощники, находящіеся во всѣхъ губернскихъ городахъ и нѣкоторыхъ большихъ приходахъ, равно священники причисленные и заштатные, а также діаконы и монашествующіе. Въ ряду исчисленныхъ рубрикъ особаго вниманія достойны двѣ: *степень образованія* и *служебныя перемѣны*. Послѣдняя была-бы лишнею послѣ предшествующей ей съ ея подраздѣленіями и совершенно непонятною, если-бы составитель «Списка» не пояснилъ въ примѣчаніи, что проставляемыя въ ней буквы: *М.*, *Им.* и *Г.* указываютъ, принадлежитъ-ли названное лице къ числу

мѣстныхъ уроженцевъ, или вышло изъ Имперія, либо изъ Галиціи. Степень образованія, если-бы она была опредѣлена точно, дала бы намъ возможность судить о томъ, какими интеллектуальными силами располагаетъ наша церковь для укрѣпленія православія въ тамошнемъ краѣ и для борьбы съ воинствующимъ католицизмомъ. Но что могутъ дать отмѣтки: *получилъ образованіе въ Австріи*, или: *кончилъ холмскую духовную семинарію?* Въ Австріи, какъ и у насъ и вездѣ, образованіе имѣетъ различныя степени, а что касается холмской семинаріи, то иною она была до преобразованія ея по общему типу православныхъ семинарій, состоя изъ трехъ спеціальныхъ классовъ, и иною послѣ преобразованія. Не всякому конечно извѣстно, что въ Австріи, частнѣе въ Галиціи, русскіе священники всѣ съ университетскимъ образованіемъ и что въ числѣ находящихся въ холмско-варшавской священниковъ изъ галичанъ есть много такихъ, которые, не имѣя и гимназическаго образованія, въ смутное время кое-какъ прошли чрезъ холмскую семинарію до ея преобразованія, пробывъ въ ней годъ и не свыше двухъ. Эти-то пришельцы переходнаго времени и увеличили собою число галицко-русскихъ священниковъ въ холмско-варшавской епархіи въ такой степени, что тогда какъ уроженцевъ Имперіи здѣсь лишь 77, а мѣстныхъ 80, священниковъ галичанъ 136, не считая нѣсколькихъ діаконовъ изъ нихъ-же. Число священниковъ изъ имперскихъ собственно въ бывшихъ уніатскихъ приходахъ незначительно и на наплывъ ихъ противная сторона указывать не можетъ; что же касается галичанъ, то, кромѣ преобладающаго ихъ числа, знакомому съ тамошними мѣстами, при чтеніи «Списка» нельзя не видѣть, что они въ большинствѣ занимаютъ лучшіе приходы и сгруппировались преимущенно въ грубешовскомъ и томашевскомъ уѣздахъ люблинской губерніи, гдѣ и населеніе болѣе расположено къ православію и земля плодороднѣе. Читатель съ недоумѣніемъ остановится на этихъ фактахъ и спроситъ, откуда и зачѣмъ такое число священниковъ изъ галичанъ; но на это, какъ и на много другихъ вопросовъ, нельзя найти отвѣта въ книгѣ, состоящей изъ названій и цифръ и имѣющей особое практическое назначеніе. Въ ней нѣтъ даже свѣдѣній о жалованьѣ тамошнихъ священниковъ, быть можетъ потому, что основное жалованье вездѣ одинаково, 1200 р. Такое жалованье, при готовыхъ, въ большей части хорошо устроенныхъ помѣщеніяхъ, при большемъ или меньшемъ, иногда же весьма значительномъ количествѣ земли и доходахъ отъ платы за требы, показываетъ, что тамошнее духовенство въ матеріальномъ отношеніи обезпечено гораздо больше всего остальнаго имперскаго.

Что касается другаго алфавитнаго указателя, то онъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ свѣдѣній, кромѣ перестановки извѣстныхъ изъ предъидущаго названій и кажется намъ ничѣмъ не оправдываемою роскошью. Въ замѣнъ его въ «Списокъ» могли-бы быть внесены другія, интересныя и нужныя для мѣстныхъ священно-служителей свѣдѣнія, которыя не трудно было-бы собрать редакціи Холмско-Варшавскаго Вѣстника, напечатавшаго и настоящій «Списокъ» въ видѣ приложенія къ своему изданію.

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГАЙДАМАЦКІЙ БАНДУРИСТЪ.

Запорожская община, какъ извѣстно, до послѣднихъ дней своихъ свято хранила исконные склонности, вкусы и формы жизни, подвергавшіеся разложенію въ Украйнѣ подъ вліяніемъ разнообразныхъ вѣяній, не коснувшихся Запорожья; можно даже сказать, что въ этомъ смыслѣ историческая заслуга его носила болѣе охранительный, нежели творческій характеръ. Въ бытѣ церковно-религіозномъ, въ устройствѣ общественномъ, въ живописи и архитектурѣ, равно въ музыкѣ и въ пѣснѣ трудно уловить какой либо, свойственный запорожцамъ одннмъ типъ, если не считать нѣкоторыхъ оттѣнковъ, наложенныхъ на бытъ ихъ военною профессіей. Иначе и быть не могло, потому что Запорожье никогда не изолировалось отъ Украйны, а постоянно служило ея интересамъ, воплощало ея идеалы, пополнялось ея-же сынами, и контингентъ «товариства» безпрерывно обновлялся, вслѣдствіе того, что члены его вели безсемейную жизнь. Въ частности, въ сферѣ народной пѣсни и музыки Запорожье не оставило по себѣ также ничего крупнаго, хотя старину чтило и блюло и здѣсь. Бандуристы живали въ Запорожьи и пользовались у запорожцевъ большой любовью. «Бандуристы были истинные скальды войска запорожскаго, и почти всякій старшина имѣлъ у себя хлопца торбаниста», говоритъ г. Скальковскій [1]). Съ бандури-

[1]) Исторія Новой Сѣчи. Изд. 2-е, 1846 г., стр. 331. Въ одномъ „дѣлѣ" 1765 года упоминается запорожскій козакъ кисляковскаго куреня Михаилъ *Бандура*. Архивъ юго-западной Россіи, т. III, стр. 745.

стами не разставались запорожцы до послѣднихъ дней своего самостоятельнаго существованія: находилъ онъ кусокъ хлѣба и въ Сѣчи, заглядывалъ и въ уединенный зимовникъ, сопровождалъ запорожцевъ въ походахъ въ Польшу, и даже гайдамачество, послѣдняя стадія вырожденія Запорожья, сохраняло любовь къ бандуристамъ. Извѣстна картина, изображающая гайдамака съ бандурою въ рукахъ [1]); Чубинскому разсказывали въ каневскомъ уѣздѣ о ватажкѣ гайдамацкомъ Грицкѣ *Кобзарѣ* [2]); наконецъ Ухачъ-Охоровичъ упоминаетъ о трехъ профессіональныхъ бандуристахъ, сопровождавшихъ гайдамацкую чату, судившихся и казненныхъ вмѣстѣ съ товарищами въ Коднѣ въ 1770 г. [3]).

Въ нашемъ распоряженіи находится «дѣло» о такомъ гайдамацкомъ бандуристѣ, извлеченное изъ елисаветградскаго архива, хранящагося въ библіотекѣ кіевскаго университета (Связка № 65). Оно состоитъ изъ списка вещей, заграбленныхъ гайдамаками у священника с. Плетеный Ташлыкъ Суперфіановича и изъ двухъ допросовъ казака корсунскаго куреня Данила Бандурки—одного краткаго, сдѣланнаго въ Сѣчи (8 февраля 1761 г.) и другаго подробнаго, снятаго въ крѣпости св. Елисаветы (19 іюня того же года). Въ концѣ допроса, какъ водится, находимъ стереотипную фразу: «прежде же того онъ Бандурка самъ и ни съ кимъ другимъ болѣе ни на какихъ грабительствахъ, воровствахъ и разбояхъ не бывалъ и къ тому товарищей никакихъ не имѣлъ»; но имя его встрѣчается въ допросѣ гайдамака Герасима Котляра [4]), хотя, правда, ни изъ того допроса, ни изъ нашего дѣла не видно активной прикосновенности его къ гайдамацкимъ предпріятіямъ, на оборотъ, онъ является въ дѣлѣ лицемъ профессіональнымъ, состоящимъ на особомъ положеніи, и если получаетъ отъ казаковъ порученія, то исключительно мирнаго характера и наиболѣе легкія: стеречь съѣстные припасы и

---

[1]) Издана въ приложеніи къ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ кн. Мышецкаго. Одесса, 1852 г.

[2]) Нѣсколько народн. истор. преданій, записанныхъ П. П. Чубинскимъ. Зап. юго-зап. отдѣла импер. русск. геогр. общ., т. I, Кіевъ, 1874 г., стр. 293.

[3]) Коденская книга и три бандуриста. „Кіевская Старина“, 1882 г., т. II, стр. 164—165.

[4]) Скальковскій, Нѣсколько дополненій къ ист. гайдамачины. „Кіевская Старина“, т. XIII, стр. 300.

одежду, косить сѣно и смотрѣть за лошадьми, принадлежащими ватажку, причемъ эту послѣднюю службу несетъ онъ совмѣстно съ товарищемъ, какъ видно по прозвищу, тоже человѣкомъ благородной профессіи—Иваномъ Письменнымъ. За выполненіе этого порученія онъ получаетъ пай при дѣлежѣ добычи, въ составъ котораго вошла и бандура, при выступленіи же въ походъ дается ему лошадь. Въ своей автобіографіи онъ упоминаетъ, что спеціально обучался своему искусству цѣлый годъ у богуславскаго бандуриста; но особенно интересно то, что по окончаніи своего ученья началъ онъ свою артистическую карьеру служеніемъ въ качествѣ спеціальнаго барда при кіевскомъ губернаторѣ Леонтьевѣ, конечно, подчинявшемся въ этомъ случаѣ примѣру двора императрицы Елисаветы, которая, какъ извѣстно, содержала, кромѣ итальянской оперы, и бандуриста, и слѣпого пѣвца—малоросса, разумѣется, по вліянію своего любимца Разумовскаго. Конечно, Леонтьевъ никакъ не предполагалъ, гдѣ и какъ придворный его бандуристъ будетъ продолжать и гдѣ окончитъ свою карьеру... Черезъ три года Леонтьевъ умеръ, а Бандурка вскорѣ очутился въ Сѣчи, гдѣ и «находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою», и «получалъ... одежу и деньги за играніе имъ на бандурѣ». Любопытно, что эта перелетная птица, черезъ нѣсколько лѣтъ попавшая въ гайдамацкую чату Котляра, а потомъ въ такую же компанію Лысаго, этотъ народный поэтъ исполненъ набожности, заставившей его, по данному обѣту, вмѣстѣ съ другими сѣчевыми козаками отправиться на богомолье въ Кіевъ, его родину, къ которой тянуло его сердце. Не менѣе того достойно вниманія еще одно обстоятельство: сколько извѣстно, всѣ бандуристы, сдѣлавшіеся извѣстными въ наше время, были слѣпцы; мы охотно признаемъ, что лишеніе зрѣнія—одно изъ условій, благопріятствующихъ развитію въ человѣкѣ музыкальныхъ способностей, но въ постоянномъ совпаденіи личности бандуриста и лирника съ личностью слѣпого въ наше время видимъ и нѣчто иное, именно оскудѣніе въ народѣ вкуса къ старинной эпической пѣснѣ и къ стариннымъ мотивамъ, сопровождающимъ ее; въ настоящее время вниманіе къ ней является лишь вынужденной данью несчастію человѣка, родомъ милостыни калѣкѣ; нашъ Данилъ Бандурка ходитъ и ѣздитъ безъ поводаря, напротивъ— хорошо сторожитъ гайдамацкое добро и внимательно осматриваетъ

доставшійся ему по дѣлежу «польскій *зеленаго* сукна *притертый* кунтушъ».

Въ «дѣлѣ» не сохранилось, къ сожалѣнію, допросовъ гайдамакъ, товарищей Бандурки, но и его собственное показаніе даетъ интересныя черты для характеристики похожденій гайдамацкихъ. Изъ дознанія его видно, что предпріятіе на Богуславль, въ которомъ участвовалъ Бандурка, начато и выполнено безъ вѣдома сѣчеваго и куреннаго начальства, и что чата Лысаго находила сочувствіе и поддержку между обитателями зимовниковъ, да и самому Бандуркѣ присовѣтовали примкнуть къ ней и дали хлѣба на дорогу жившіе зимовникомъ же казаки Кривенькіе; любопытнѣе для насъ пріемъ, оказанный гайдамакамъ жителями слободы Плетеный Ташлыкъ, находившейся за чертой реальныхъ владѣній Запорожья, въ предѣлахъ елисаветградской провинціи. Пріемъ этотъ былъ поразительно радушный: «начальнѣйшіе гайдамаки», прибывъ въ слободу, сдѣлали визитъ тамошнему сотнику и у него «подчиваны были», потомъ, пока другая часть чаты веселилась въ шинкѣ, а остальные стерегли возъ съ запасами, «начальнѣйшихъ» зазвалъ въ гости свойственникъ сотника, жена этого свойственника принялась варить горѣлку, Бандурка игралъ на бандурѣ, а она пѣла... Вѣроятно, дремало въ это время недреманное око коменданта крѣпости св. Елисаветы!

Въ показаніи Бандурки заключается разсказъ о двухъ походахъ на Польшу, при чемъ первый изъ нихъ былъ неудаченъ для гайдамакъ; все, что могъ онъ припомнить о нихъ и что могло быть ему извѣстно, онъ показалъ, повидимому, правдиво, но положительно отрицаетъ возбужденное противъ него и товарищей его обвиненіе въ совершеніи грабежа въ предѣлахъ елисаветградской провинціи: пришелъ только ему на умъ забавный и маловажный, по искреннему его убѣжденію, инцидентъ, какъ они встрѣтили «на елисаветскомъ тракту» неизвѣстнаго человѣка, «везучого горѣлку,» какъ «всѣ обще пили оную» и какъ потомъ забрали у него для закуски два мѣшка сухарей.

Но предоставимъ самому Бандуркѣ разсказать подробно свою интересную исторію. Воспроизводимъ ее по второму изъ указанныхъ допросовъ, т. е. по допросу, сдѣланному въ крѣпости св. Елисаветы: онъ вчетверо больше и много подробнѣе сѣчевого; въ

соотвѣтственныхъ мѣстахъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ будутъ приведены изъ сѣчеваго дознанія всѣ черты, дополняющія вторичный допросъ или противорѣчащія ему.

1761 года іюня 19 дня содержащійся въ крѣпости св. Елисаветы, присланный изъ Сѣчи запорожскій гайдамака допрашиванъ и показалъ нижеслѣдующее.

Зовутъ его Данилъ Бандурка, онъ же и Малый. Родился въ гор. Кіевѣ отъ отца Степана Рыхлѣевскаго и матки Анны, подданства монастыря Михайловскаго Выдубицкаго. Отъ роду ему лѣтъ 23. Въ прошломъ 1748 г., отлучась онъ Данилъ Бандурка отъ родителей своихъ, присталъ въ Кіевѣ къ находящемуся въ польскомъ мѣстечкѣ Богуславлѣ бандуристу Матвѣю Волошину и отъѣхалъ въ Польшу за пашпортомъ кіевскаго губернатора умершаго Леонтьева и въ томъ городѣ Богуславлѣ чрезъ круговой годъ въ упомянутаго бандуриста Волошина обучался на бандуру играть, и пріѣхавши съ Польши въ Кіевъ, находился при вышеписанномъ губернаторѣ кіевскомъ Леонтьевѣ бандуристомъ черезъ три года, а по измертвіи его, отлучась отъ дому его добровольно, прожилъ при маткѣ своей тамъ же въ Кіевѣ съ полгода, а потомъ, взявъ съ маткою своею пашпортъ отъ вице-губернатора Костюрина, перешелъ Днѣпръ чрезъ кременчугскій перевозъ, жилъ при оной матки своей по сей сторонѣ Днѣпра, въ селѣ Ухонкѣ чрезъ одинъ годъ. Будетъ тому годовъ съ семь назадъ, отъ оной матки своей отлучась, онъ Бандурка пошелъ въ Сѣчь Запорожскую по своей волѣ, на пашпортѣ уховскихъ жителей, шедшихъ за купечествомъ въ Сѣчь, Кузьмы Скляра съ товарищи, а пришедши въ Сѣчь Запорожскую, остался въ куренѣ корсунскомъ между козаками, гдѣ находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою [1]). Изъ Сѣчи единожды съ козаками сѣчовыми того-жъ корсунскаго куреня Бенедиктомъ Бохѣнпикомъ съ товарищи ходилъ въ Кіевъ по обѣщанію на поклоненіе. А въ 760 году на веснѣ съ оного куреня корсунского по подговору запорожскихъ козаковъ куреней стеблевского Микиты Лысого, платнеревского Кузьмы, онъ же Кузіомка, незамаевского Василія Клочка, полтавского Шульги, а имени его не знаетъ, кисляковского Михайлы Чор-

---

[1]) Въ сѣчевомъ показаніи: „пошелъ онъ Б—ка *отъ отца* своего на Запорожье, будетъ назадъ тому годовъ съ *пятнадцать*, въ курень корсунскій, за атамана Шерстюка, и бувъ въ куренѣ и въ козаковъ годовъ *до десяти безотлучно*, а потомъ въ Гарду годовъ черезъ *четыре*... проживалъ“. Здѣсь счетъ годовъ болѣе чѣмъ приблизительный: видимо, сѣчевое начальство не приложило старанія въ допросѣ, тогда какъ крѣпостное добыло результаты точнѣе.

ненького, каневского Санки Киселя и Грицка Гривы (кой и чату гайдамацкую собиралъ) и съ прочими запорожскими козаками поѣхали первіе въ зимовникъ, на Ингулѣ находящійся, до козака ирклеевского куреня Василія Пугача, шинкуючого горѣлкою, гдѣ прожили пьянствуючи дней черезъ три, а онъ Данилъ Бандурка чрезъ то время онымъ на бандуру игралъ. за что дали ему Бандуркѣ упомянутые Микита Лысый, Кузіомка и Шульга, по согласію обще всѣхъ, коня, цѣною въ пяти рубляхъ, а гдѣ они того коня достали, онъ Бандурка не знаетъ. А по прошествіи трехъ дней, согласившись всѣ обще пойти въ Польшу къ городу Богуславлю для разбою и грабительства, и выступя пришли къ рѣчкѣ Мертвоводу, гдѣ стояли черезъ недѣлю, и собрався тамо до 50 человѣкъ всѣхъ, отправились по вышеприписанному согласію въ Польшу къ гор. Богуславлю при выбранномъ между собою ватагу стеблевскомъ куренномъ Микитѣ Лысомъ, до которой гайдамацкой чаты и онъ Бандурка присталъ, и давъ ему двое лошадей, оный Микита Лысый приставилъ его Бандурку вести батовую, и въ томъ намѣреніи пришли были до рѣки Выси для переходу на оной россійской границы, но за великимъ тогда весняннымъ наводненіемъ нигдѣ не могли черезъ оную переправитись, а по той причинѣ возвратясь, поѣхали степью прямо въ слободу Плетеный Ташлыкъ для взятія въ тамошнихъ жителей на пропитаніе себѣ хлѣба [1]). А пріѣхавши въ оную слободу Ташлыкъ, начальнѣйшіе гайдамаки пили горѣлку въ тамошняго шинкаря, прозваніемъ Щербины, а имени его не знаетъ, а онъ Бандурка въ бандуру имъ игралъ съ обѣдной поры до вечера, а подъ вечеръ нѣкоторые изъ нихъ отъѣхали къ батовой, оставленной за слободою Ташлыкомъ, а начальнѣйшіе: Кузіомка, Шульга, Лысый, левушковскій Круть да Василь Клочко и онъ Бандурка остались тамъ же въ Ташлыку, и тамошній житель, а имени и прозванія его не знаетъ, запросилъ ихъ по знаемости зъ шинку къ себѣ, въ хату свою жилую, заставилъ былъ жену свою горѣлки сварить, которая какъ начала горѣлку варить, а между тѣмъ онъ Бандурка въ бандуру игралъ, жена же оная спѣвала, то варящаясь горѣлка отъ огня занялась, которую, ухватя, вышеписанный Кузіомка упустилъ объ

---

[1]) По сѣчевому допросу, рѣшеніе итти на Богуславъ принято было въ Гардѣ, въ немъ участвовалъ левушковскій куренной Круть, а Бандурка, кромѣ лошади, получилъ и пистолеты; чата исчислена здѣсь въ 150 чел., причиною же возвращенія отъ р. Выси показанъ несчастный случай съ ихъ товарищемъ Гривой, который, упавъ съ коня, вывихнулъ руку. Отъ Гарда до Мертвовода — верстъ 10, и гайдамаки могли побывать и тамъ, и здѣсь. Слово *батовая*, неоднократно встрѣчающееся въ дѣлѣ, судя по контексту, должно означать возъ съ запасами.

землю на хатномъ порогѣ и отъ пламени горѣлчаного занялась показанного человѣка хата, при чемъ оные гайдамаки зъ оной загорѣвшейся хаты пошли паки въ вышеписанный шинкъ тамошній до Щербины, куда пріѣхавши отъ батовой, стоячей за селомъ, минскаго куреня гайдамака, прозваніемъ Обдула, взялъ ихъ для отъѣзду оттоль къ батовой, съ которымъ прочіе гайдамаки и онъ Бандурка поѣхали за батовою до р. Мертвоводу, гдѣ они бурки и прочія вещи свои въ сохраненіи имѣли; а прописанные Кузіомка, Лысый, Клочко, Шульга и Круть остались въ Ташлыкѣ, которые пріѣхали до батовой, стоявшей у Мертвоводѣ, по прошествіи третьяго дни, объявляли, что черезъ тые дни пьянствовали въ Ташлыкѣ, въ коемъ де пять либо шесть хатъ сгорѣло, и съ собою привезли по саквахъ нѣсколько свиного сала и плашку горѣлки. А отъ р. Мертвоводу съ вышеписанныхъ гайдамакъ Кузіомка, Лысый и Круть съ прочими товарищи отъѣхали въ Гардъ [1]); а прочіе товарищи, яко то Обдулый, Василь Клочко, незамаевского куреня прозваніемъ Залѣтокъ, левушковского куреня Дмитро Таранъ да съ ними и онъ Данилъ Бандурка, зъ данными ему отъ гайдамаки Микиты Лысаго пятью коньми для смотрѣнія, отъѣхали въ Ингулъ до вышепомянутыхъ (?) корсунскихъ куренныхъ Панаса и Петра Кривенькихъ въ зимовникъ, и что онъ Бандурка ходилъ гайдамачить, о томъ всѣмъ имъ подробно объявлялъ, но они Кривенькіи пристань, ему Бандурки, въ себе дали и о томъ командѣ и никому не доносили, почему онъ Бандурка проживалъ въ объявленномъ зимовнику чрезъ все лѣто и укосилъ, завѣдомо отъ нихъ козаковъ Кривенькихъ, для зимовли лошадей, объявленному гайдамакѣ Лысому три стоги сѣна. И оный Лысый единажды прі-

[1]) Сѣчевому начальству не было причинъ утаить важную подробность: „какъ пріѣхали (въ Ташлыкъ), въ тамошняго *сотника* Лысый да Кузіомка *обыдвесь подчиваны были*“. Далѣе дѣло излагается въ сѣчевомъ допросѣ коротко и при томъ такъ, будто Бандурка лично не присутствовалъ при пожарѣ: „онъ Б—ка съ прочими товарищи въ шинку были и пили горѣлку и бѣгали лошадьми отъ шинку *до сотника*, отколь онъ Б—ка заразъ къ батовымъ выѣхалъ, а Лысый и Кузіомка съ прочими въ той слободѣ ночевали. Пріѣхавши-жъ *на другій день* Лысый да Кузіомка къ батовымъ, съ нихъ Лысый говорилъ, что когда Лысого *сотника* тамошняго *свойственный* въ гости зазвалъ и стали варить горѣлку, то жена въ той хати, пьяна будучи, съ недосмотру, когда горѣлка загорѣлась, съ той причины запалила хату, отъ коей и другія хаты погорѣли, а сколько сгорѣло, онъ Б—ка не знаетъ; и за то оного Лысого (атамана) въ батовой били малахаями; отколь и возвратились въ Гардъ“. По сравненію съ сѣчевымъ допросомъ, видимо произведеннымъ и записаннымъ небрежно, крѣпостной невольно закупаетъ въ свою пользу обстоятельнымъ, можно бы сказать—картиннымъ изложеніемъ и по нашему мнѣнію болѣе заслуживаетъ вѣроятія.

ѣздилъ къ нему Бандуркѣ зъ Гарду для перемѣны лошадей и перемѣня оныя, отъѣхалъ отъ него, а онъ Бандурка прожилъ тамо на харчахъ у поминаемаго Лысого до глубокаго осенняго времени. Вышеписанные же Грицько Грива, проживши чрезъ все оное лѣто въ опустѣломъ зимовнику своемъ на р. Ингулѣ, въ недальности зимовника козака мышастовского, прозваніемъ Бѣда, находячомся, въ осени, въ 1756 г. паки собралъ гайдамацкую чату на балкѣ, прозваніемъ Ведмежой, человѣкъ до ста, либо болѣе, между которыми были прежніе гайдамаки Кузіомка, Лысый и прочіе, бывшіе съ нимъ Бандуркою на гайдамаствѣ на веснѣ и прибывшіе, точію по имени и прозванію ихъ не вѣдаетъ, и всѣ оные были Сѣчи Запорожской разныхъ куреней зъ зимовниковъ козаки и уже въ Филиповъ постъ пошли въ Польшу для грабительства и разбою, а онъ Бандурка, купно съ товарищемъ своимъ, минскимъ куреннымъ Иваномъ Письменнымъ, оставался при оставленныхъ лошадяхъ и вещахъ у показанной Ведмежой балки въ надсмотрѣніи. И по отходѣ, оные гайдамаки, пробывъ одну недѣлю либо болѣе, пріѣхали къ нему Бандуркѣ въ прописанную балку Ведмежую и сказывали, что они, чрезъ границу ворвався въ Польшу, гор. Смѣлое разбили и ограбили оной и оттоль возвратясь въ россійскую границу, на степу запорожскомъ, при опустѣломъ зимовнику пашковского куреня козака Кравчины на р. Сугаклѣе, тѣ всѣ грабленные пожитки межъ себе раздѣлили и по прибытіи къ нему, Бандуркѣ, съ оныхъ пожитковъ дали ему польскій зеленого сукна притертый кунтушъ и 2 рубля денегъ да бандуру; а товарищу его, Ивану Письменному тожъ сукна простого кунтушъ и 2 рубля денегъ за смотрѣніе лошадей, а болѣе ничего не дали. И потомъ тѣ гайдамаки, забравъ бывшіе въ смотрѣніи оныхъ Бандурки и Письменного лошади и вещи, разъѣхались врознь на зимовлю, гдѣ кто сѣна для лошадей укосилъ, онъ же Бандурка поѣхалъ до зимовника вышеписанного корсунского куреня козака Панаса Кривенкого, въ которого прожилъ нѣсколько времени зъ вѣдома его Кривенкого, между чѣмъ прислана къ нему Бандуркѣ зъ Сѣчи печатка съ требованіемъ пріѣзду его туда, и онъ Бандурка явился въ куренѣ своемъ, то куренным атаманомъ корсунскимъ Иваномъ Швидкимъ прикованъ былъ въ томъ куренѣ, а потомъ, по снятіи съ него допроса въ сѣчевой войсковой канцеляріи, подъ ударомъ нагаечнымъ, разовъ съ пять либо болѣе, съ прочими гайдамаками отправленъ въ крѣпость св. Елисаветы [1]). И

---

[1]) По сѣчевому дознанію, Б—ка получилъ изъ дувана 2 руб. 50 коп., что впрочемъ не составляетъ большой разницы; арестованъ онъ, по тому дознанію, на хуторѣ копеловскаго куренного Коваля, на Ингулѣ.

какъ онъ Бандурка съ вышеписанными гайдамаками согласовалъ иты гайдамачить, о томъ всемъ вѣдали и ему Бандуркѣ совѣтовали иты гайдамачить, сказуя, что де сподпоможешься, корсунского куреня козаки Панасъ и Петро Кривенькіе, живучіе на Ингулѣ зимовникомъ, и хлѣба на дорогу дали, о коихъ вышеупомянуто, а сѣчовые куренные корсунскіе о томъ ничего не вѣдали. Ему же Бандуркѣ коней двухъ далъ Микита Лысый (какъ выше прописано жъ), тако жъ ружье, порохъ и свинецъ, а прочіе гайдамаки отколь лошади, ружье, порохъ, свинецъ и прочее снабдѣніе гайдамацкое получали, онъ Бандурка не вѣдаетъ. А имѣли они всѣ гайдамаки по двѣ, а Микита Лысый 8 лошадей, такожъ порохъ, свинецъ и прочее гайдамацкое орудіе. Прежде же того онъ Бандурка самъ и ни съ кимъ другимъ болѣе ни на какихъ грабительствахъ, воровствахъ и разбояхъ не бывалъ и къ тому товарищей никакихъ не имѣлъ. А хотяй отъ сѣчовыхъ козаковъ получалъ онъ Бандурка во время прожитія своего въ Сѣчи одежу и деньги за играніе имъ на бандурѣ, но оная ли одежа давана ему воровская, либо несумнительная, онъ Данилъ Бандурка не вѣдаетъ. И будучи на гайдамаствѣ, никого онъ и товарищи его не умертвили и мучителства никакого не учинили; точію идучи первіе гайдамачить на веснѣ, наѣхавши въ степѣ, на тракту елисаветскомъ, неизвѣстенъ онъ Бандурка какого человѣка, везучого горѣлку, всѣ обще пили оную и подъ насиліемъ взяли два мѣхи сухаревъ; особливо же кто ташлыцкого попа Суперфіановича и какое имущество ограбили, съ чьего согласія и поводу, и гдѣ оное ограбленное имущество употреблено, тако жъ изъ слободы Аджамки какіе гайдамаки лошади отогнали и табунчика до смерти закололи, и оной табунъ гдѣ употребленъ и кто вѣдаетъ посторонніе, онъ Бандурка о томъ всемъ ничего не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. Прочихъ же воровъ и разбойникомъ гайдамакъ сѣчовыхъ козаковъ вѣдаетъ онъ Бандурка зимовниками жительствующихъ: Михаила Саврандаетъ онъ Бандурка...

Прочихъ же воровъ и разбойникомъ гайдамакъ сѣчовыхъ козаковъ вѣдаетъ онъ Бандурка зимовниками жительствующихъ: Михаила Савранского куреня конеловского, Ивана Неизжалого куреня иванивского, Череду, а имени его упомнилъ,—куреня корсунского, о коихъ злодѣяніи во всей Сѣчи Запорожской вѣстимо, а съ чьимъ спомоществованіемъ они сами гайдамачатъ, либо отъ себе другихъ снабдевая посылаютъ гайдамачить и гдѣ воровскіе добычные пожитки употребляютъ, о томъ всемъ неизвѣстенъ. Предъ симъ онъ Данилъ Бандурка ни въ какомъ приводѣ ни за какое злодѣяніе не бывалъ и не штрафованъ и оттого никакимъ случаемъ не освобождивался.

Этимъ кончается показаніе. Какія инстанціи потомъ проходило дѣло, какое послѣдовало по нему рѣшеніе, гдѣ и какъ сложилъ голову свою Данилъ Бандурка—неизвѣстно намъ. Въ

р. Черный Ташлыкъ, въ границахъ прежнихъ запорожскихъ степей, впадаетъ съ южной стороны балка Бандурка, а на ней стоитъ деревня того же имени. Ужь не нашъ ли гайдамацкій кобзарь, быть можетъ, сѣвшій своимъ зимовникомъ, оставилъ по себѣ память въ названіяхъ этихъ урочищъ?..

В. Ястребовъ.

ПО ПОВОДУ «ТУРЕЦКИХЪ АНЕКДОТОВЪ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ».

Въ статьѣ съ приведеннымъ заглавіемъ, помѣщенной въ февральской и мартовской книжкахъ «Кіевск. Старины» за нынѣшній годъ, авторъ оной, г. Кузмическій, въ числѣ другихъ анекдотовъ этого рода, приводитъ разсказъ о Наср-Эддинѣ Ходжѣ, шутѣ Тамерлана, какъ онъ, назвавъ себя выходцемъ съ того свѣта, выманиваетъ у одной женщины тысячу аспровъ будтобы для передачи ея сыну, томившемуся въ аду, какъ затѣмъ хитро избавляется отъ преслѣдованія со стороны мужа обманутой женщины, удаляя изъ находившейся на пути мельницы ея хозяина и самъ становясь на его мѣсто, и какъ наконецъ овладѣваетъ лошадью своего преслѣдователя и совсѣмъ убѣгаетъ отъ него. Г. Кузьмичевскій находитъ отголоски этого анекдота лишь въ друхъ украинскихъ разсказахъ о евреяхъ, подобнымъ же образомъ обманутыхъ; но, сравнивая въ подробностяхъ турецкій и украинскіе разсказы, приходитъ къ заключенію, что въ послѣднихъ перепутаны и плохо переданы частности и мотивы перваго, «что (по его замѣчанію) уже одно говоритъ въ пользу относительной оригинальности турецкаго разсказа».

По поводу этого послѣдняго разсказа и сдѣланнаго г. Кузьмичевскимъ относительно его заключенія, намъ припомнился другой украинскій анекдотъ, который почти ничѣмъ не разнится отъ предполагаемаго турецкаго оригинала. Это анекдотъ о «*Поварѣ съ того свѣта*». Онъ давно записанъ извѣстнымъ этнографомъ Ал. Шишацкимъ-Илличемъ въ с. Свидовцѣ, козелецкаго уѣзда, черниг. губ., но помѣщенъ въ такомъ малодоступномъ изданіи (въ 24 № Черниговск. Губ. Вѣдомостей за 1853 годъ), что ускользнулъ отъ вниманія даже такого записного знатока народныхъ разсказовъ, какимъ безспорно дол-

жень быть признанъ г. Кузьмическій, судя по упомянутой его статьѣ. Анекдотъ интересенъ самъ по себѣ, а въ рукахъ опытнаго изслѣдователя народной словесности можетъ послужить для новыхъ соображеній и заключеній. Мы поэтому считаемъ не лишнимъ передать оный въ извлеченіи изъ многословнаго малорусскаго текста, записаннаго Иличемъ-Шишацкимъ.

«Жилъ когда-то въ нашей сторонѣ нѣмецъ. Онъ торговалъ по селахъ, разбогатѣлъ и женился. Скоро-ли, не скоро родилась у нихъ дочь. Она выростала, а отецъ и мать собирали для нея приданое. Но только вдругъ дочь ихъ умерла. Погоревали они объ ней, да потомъ и забыли. И нѣтъ, чтобы когда нибудь они отслужили панихиду по ней, или что либо другое сдѣлали для спасенія души ея. «За чѣмъ, говорятъ, даромъ деньги тратить? Богъ дастъ, можетъ быть, и еще дѣтей, да деньги и безъ того пригодятся». И все копили и копили деньги нѣмецъ съ нѣмкою.

Но вотъ стали сниться женѣ того нѣмца страшные сны. Видитъ она, какъ дочь ее мучатъ во адѣ, обмокнутъ ее въ смолу и зажгутъ, и горитъ она, какъ свѣчка предъ очами матери. Мать вздрогнетъ и проснется. Но не успѣетъ она вздремнуть, какъ опять дочь стоитъ около нея оборваная, общипаная, и горько плачетъ и вздыхаетъ, сердечная... И такъ каждую ночь!

Измучилась нѣмка.

Разъ какъ-то нѣмца не было дома, ѣздилъ куда-то съ товарами, а жена оставалась дома одна. Смотритъ она въ окно и видитъ, кто-то все ходитъ и ходитъ подъ окнами: кожухъ на немъ шерстью вверхъ, на головѣ мохнатая шапка, у пояса кухонный черпакъ, лице и руки черные-пречерные.

— Что ты за человѣкъ? спрашиваетъ нѣмка незнакомца, опомнясь отъ страха.

— Я, говоритъ, поваръ съ того свѣту.

— Что же ты тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ угли для пекла собираю.

Перепугалась нѣмка, а дальше вспомнила о дочери и спрашиваетъ повара:

— А не знаешь ли ты, дочь моя тамъ?

— А какая изъ себя твоя дочь? Бѣленькая, худенькая, съ горбатенькимъ носикомъ?

— Она, она!.. Такъ гдѣ же тамъ она?

— Какъ гдѣ? Извѣстно, въ пеклѣ.

— А что же тамъ съ нею?

— Извѣстно что! Жить нечѣмъ! Все сама, знай, дѣлаетъ, и смолу возитъ, и дрова таскаетъ, да еще и бьютъ ее жестоко, когда обезсилѣетъ и справиться не можетъ.

— А нельзя ли было бы ей тамъ кого нибудь за себя нанять? спросила нѣмка.

— Какъ нельзя! говоритъ поваръ.—Конечно можно, только деньги нужны. Припоминаю, и просила таки дочь твоя, чтобъ ты сколько нибудь переслала ей чрезъ меня.

Тутъ нѣмка схватила шкатулку съ деньгами и сунула повару въ руки, а онъ поклонился и пошелъ.

Скоро за тѣмъ вернулся нѣмецъ и первымъ дѣломъ къ шкатулкѣ, чтобы положить туда привезенныя деньги. Глядь, а шкатулки нѣтъ. Онъ къ женѣ, та и разсказала ему, какъ было дѣло.

Смекнулъ нѣмецъ, въ чемъ штука, да на коня и въ догонку, едва успѣлъ спросить жену, въ которую сторону поѣхалъ тотъ, кого она приняла за повара.

Выѣхалъ нѣмецъ за село, видитъ, кто-то далеко впереди идетъ, чуть-чуть замѣтно. Онъ по коню, и вотъ-вотъ догонитъ. Оглянулся поваръ, видитъ, что за нимъ погоня, а тутъ мельница подъ носомъ, онъ туда бѣгомъ и кричитъ мельнику: «бѣги, спасайся, идутъ въ рекруты брать, я вотъ за тебя тутъ постою». Мельникъ въ страхѣ бросился изъ мельницы, а поваръ тулубъ съ себя, вымазалъ себѣ мукою голову и руки, сталъ у коша и выбираетъ муку въ мѣшокъ.

Подъѣзжаетъ нѣмецъ, слѣзаетъ съ лошади и идетъ въ мельницу.

— Скажи, хозяинъ добрый, спрашиваетъ онъ мнимаго мельника гдѣ тотъ человѣкъ, что незадолго предъ симъ вбѣжалъ сюда?

— Какой? Съ шкатулкою подъ мышкою?

— Ну, да, да.

— Такъ вотъ же онъ идетъ по дорогѣ. Бѣгите за нимъ,—онъ немножко хромъ, вы и такъ его догоните, а я тутъ подержу вашу лошадь.

Нѣмецъ пустился опрометью впередъ, а мнимый мельникъ на коня и въ другую сторону.

Догналъ нѣмецъ того, кого считалъ обманщикомъ, и присталъ къ нему.

— А куда дѣвалъ ты, вражій сынъ, шкатулку?

— Какую шкатулку? спрашиваетъ тотъ.

— Да ту, что моя жена дала тебѣ.

Мельникъ только руками развелъ. Кое-какъ раскусили они, что были оба обмануты, а того, кто обманулъ, и слѣдъ простылъ.

Пришлелся нѣмецъ пѣшкомъ домой, а жена вышла на встрѣчу и спрашиваетъ его:

— А гдѣ твоя лошадь?

— Да что-жъ! Догналъ я того повара, да подумалъ: чѣмъ нанимать нашей дочери коня на томъ свѣтѣ, такъ лучше своего ей отсюда послать, да и отдалъ коня повару, а деньги ей на что нибудь другое пригодятся.

Выслушала это жена нѣмца и замолчала.

Кто сличитъ приведенный разсказъ съ турецкимъ анекдотомъ о Насръ-Эддинѣ Ходжѣ («Кіевск. Стар.», мартъ, 1886 г., стр. 446—447), тотъ будетъ не мало удивленъ поразительнымъ сходствомъ обоихъ разсказовъ даже въ мелкихъ подробностяхъ. И Ходжа, какъ и нашъ «поваръ», спасаясь отъ преслѣдованія, убѣгаетъ въ мельницу и говоритъ мельнику: «видишь ты этого человѣка, который бѣжитъ? Это судебный приставъ идетъ тебя арестовать». Въ украинскомъ разсказѣ «судебный приставъ» замѣненъ болѣе реальнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, страхомъ рекрутчины. Только въ одной подробности разнятся оба разсказа: по турецкому тексту, мельникъ, переодѣвшись въ платье Ходжи, не убѣгаетъ прочь, какъ нашъ, а прячется на дерево, самъ же Ходжа, помогая преслѣдователю достать его тамъ, берется подержать его лошадь и платье, пока тотъ взберется на дерево и, пользуясь этимъ, убѣгаетъ на лошади обманутаго, вмѣстѣ съ его платьемъ. Такой финалъ въ турецкомъ анекдотѣ еще болѣе правдоподобенъ, чѣмъ въ украинскомъ его варіантѣ. Какое заключеніе можно вывести изъ столь близкаго сходства обоихъ анекдотовъ, объ этомъ предоставляемъ судить людямъ, болѣе насъ въ томъ свѣдущимъ.

О. L.

КЪ ИСТОРІИ СКЕЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ.

На сѣверо-восточной окраинѣ зѣньковскаго уѣзда, полтавской губерніи, между мѣстечками Груныю и Куземиномъ, по правому гористому берегу Ворсклы, тянется широкая полоса лѣса, окаймляемаго съ юга полями, а къ юго-востоку, по переходѣ на низменный лѣвый берегъ рѣки, граничащаго со степью, раскинувшеюся между Ворсклою и Мерломъ. Лѣсъ этотъ, еще недавно дремучій, теперь сталъ исподоволь рѣдѣть; но тѣмъ не менѣе мѣстность, имъ покрытая, продолжаетъ сохранять характеръ дикой заповѣдной пущи, безъ правильно устроенныхъ проѣздныхъ дорогъ. Въ этой-то пущѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ цѣпь холмистыхъ возвышеній праваго берега Ворсклы, дѣлая изгибъ, круто поворачиваетъ отъ сѣвера къ югу, надъ скалистымъ спускомъ къ рѣкѣ, стоялъ древній Скельскій монастырь, названный такъ отъ скалъ, или скель, на которыхъ былъ расположенъ. Теперь о немъ напоминаютъ только деревянная капличка да заглохлый вишенникъ, а въ свое время онъ могъ считаться однимъ изъ крупныхъ по землевладѣнію. Лѣса, среди которыхъ онъ ютился и которыми владѣлъ на правѣ собственности, тянулись тысячами десятинъ вверхъ и внизъ по теченію Ворсклы. Подъ монастырскою горой были водяныя мельницы, винницы, шинокъ въ хуторѣ Скелькѣ, а кругомъ лѣсъ. За рѣкой, на окраинѣ луга, подъ дубнякомъ на пескахъ былъ «осаженъ» иноками большой поселокъ Слободка, поля и степи монастырскія врѣзывались въ дачи слободы Котельвы и ахтырскаго полка. Въ храмовой праздникъ, въ день Преображенія Господня, близъ монастыря собиралась многолюдная ярмарка. До сихъ поръ окрестные старожилы помнятъ раскинутый по монастырской горѣ роскошный *монашескій садъ*, въ которомъ, между многими рѣдкими породами фруктовыхъ деревъ, росли громадные волошскіе орѣхи и разводился виноградъ.

Точныхъ свѣдѣній о времени основанія этого монастыря нѣтъ. Составитель «Описанія черниговскаго намѣстничества» Шафонскій, на основаніи устныхъ сказаній его монаховъ, говоритъ, что скельскій монастырь былъ основанъ иноками, выходцами изъ заграничнаго, т. е. лежавшаго въ чертѣ польскихъ владѣній, корсунскаго

монастыря, на мѣстѣ бывшихъ пасѣкъ зѣньковскаго полковника Шимана. И дѣйствительно въ сохранившейся суппликѣ скельскихъ монаховъ къ гетману Скоропадскому, отъ 20 декабря 1720 г., они называютъ полковника Шимана своимъ фундаторомъ, говоря, что имѣютъ отъ Шимана «легацію на млинокъ, на *садъ не оподаль отъ Ворсклы, отъ Лупищъ идучой*, и на всю сагу, отъ устья ажъ до московской границѣ». Но слово фундаторъ чаще понималось въ смыслѣ «надавцы», надѣляющаго, и монастырь могъ существовать раньше полученія имъ земельныхъ угодій отъ полковника Шимана. Въ своемъ существованіи монастырь этотъ не заявилъ себя ничѣмъ, кромѣ развѣ, какъ сами иноки заявляли, молитвъ «на всякъ день за монаршее достоинство, за ясневелможность гетманскую и за все православное воинство». Обширныя его земельныя владѣнія, по недостатку правильнаго хозяйства и сбыта, не давали достаточнаго дохода. «Живучи вдали отъ благочестивыхъ людей, въ пустынѣ, жаднихъ офѣръ до церкви божественной такъ отъ ладану, яко и отъ свѣчокъ не имѣемъ», писали скельскіе монахи въ упомянутой уже суппликѣ и просили гетмана дать имъ, вмѣсто «офѣри ладанной и свѣчной», льготу «горѣлочную», чтобы «волно было имъ безъ всякаго датку и турбацѣй давати горѣлку». Еще «передъ руиною шведскою имѣли мы свою даншицу, аще бы и теперь спомоглися построити нуждняго ради братіи честной, всеомиренно молимъ волнихъ насъ сотворити отъ показанщины».

Въ другой суппликѣ отъ 9 марта того-же года игуменъ скельскій съ братіею представлялъ на разрѣшеніе гетмана вопросъ гораздо большей важности. Дѣло въ томъ, что около этого времени началось переустройство слободскихъ полковъ и отграниченіе ихъ земель отъ земель гетманщины. Владѣнія скельскаго монастыря лежали по обоимъ берегамъ Ворсклы и лежавшія на лѣвомъ берегу смежны были съ землями м. Котельвы и вмѣстѣ съ ними должны были отойти въ вѣдѣніе ахтырскаго полка и нести всѣ повинности, отъ него назначаемыя, тогда какъ самъ монастырь лежалъ въ предѣлахъ гетманщины и состоялъ всегда «подъ рейментомъ гетманскимъ». Монахи просили у гетмана «слушной детерминаціи, куди бы имъ зъ грунтами, за Ворскломъ рѣкою будучими, належнимъ быти». Монахамъ невыгодны были новые порядки слободскихъ полковъ. Въ ихъ поселокъ «Слободку, за Ворскломъ будучую, отъ бре-

гадяра Ѳеодора Іосифовича зъ Котелви поставлено г. Грекова маіора полку гранадерскаго порцій 3, а рацій 13». Вскорѣ послѣ сего тотъ же бригадиръ, не смотря на произведенное предъ тѣмъ разграниченіе между полками гадяцкимъ, полтавскимъ и ахтырскимъ и признаніе земельныхъ правъ скельскаго монастыря нарочито назначенными комиссарами, «устроенные монастыремъ копцы уничтожилъ и велѣлъ новые покопать, выгоны ихъ отнялъ, и садъ, и землю не поодаль отъ Ворсклы, и саги не малую часть завладѣлъ, и часть власного монастырского байраку, купленного у жителей лувиских». Игуменъ и братія скельскаго монастыря, «станцій драгунскихъ що-денно сподѣваючися, боячися же, жеби знову отъ Ахтирки жовнѣровъ не поставлено въ ихъ Слободцѣ», и въ виду того, что и «землю отъ нихъ отняли, и ихъ такъ стѣснили, что не можно черезъ копци и статчини выпустити», суппликою отъ 20 октября 1720 г. умоляли гетмана не оставить ихъ въ «такой долегливости и такъ о Слободцѣ, яко и о тихъ грунтахъ, гдѣ копци покопано, якъ пишетъ въ Шимановомъ писаніи, ажъ до московской границѣ, и въ прочіихъ грунтахъ, за Ворскломъ будучихъ, утвердити и подкрѣпити; и копци самоволне паномъ брегадиромъ на ихъ землѣ покопанніи, заславши якую особу, позабивати и загладити».

Дѣло тянулось, не лады иноковъ съ ахтырскими властями усиливались. Съ цѣлію ускоренія рѣшенія своей просьбы, монахи скельскіе не разъ прибѣгали къ заступничеству полковника гадяцкаго Михаила Милорадовича, разбиравшаго ихъ претензіи на мѣстѣ, прося его ходатайства предъ гетманомъ. Письмо ихъ отъ 8 декаб. 1720 г., какъ нельзя лучше, выясняетъ все положеніе дѣла и мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ.

«Декабря 4, писала братія, по отданіи писанія нашего вельможности вашей, драгуны, отшедши отъ монастиря нашего, которіи поставовлени були зъ Котельвы въ Слободцѣ нашей, казали себѣ дать ѣсти людямъ и, пообѣдавши въ Слободцѣ, отъѣхали съ тѣмъ виговоромъ: «теперича не даете провіанту и фуражу на нашу седьмую роту полку Санктпетербургскаго,—зождавше, дасте втрое или вчетверо», и зъ тимъ отъѣхали. И до сего времени, слава Богу, нѣчого не чувати ни зъ Котельвы, ни зъ Ахтырки; Богъ вѣсть, що далѣ будетъ. Въ Котельвѣ, въ нашомъ дворѣ, стоитъ порутчикъ седьмой роты, и туди велитъ дрова возити; но еще за нашимъ вѣдомомъ не вожено ничего; развѣ той человѣкъ, которій живетъ у дворѣ, не вѣмы чи не огрѣваетъ? Сами тамъ

не буваемъ и певне повѣсти не можемъ. За Слободкою теди и за протчіими кгрунтами убогой обители нашой, которіи суть освидѣтельствовани вельможностями вашими, в ихъ же милостямъ всѣхъ кгрунтовихъ справъ списки до рукъ подани, въ троип (слѣдъ) посилаючи за вельможностію вашею честного брата нашего іеромонаха, економа святыя обители нашея, всесмиренно молимъ: ясневельможному его панской милости, пану гетману, яко всѣхъ насъ особливѣйшому патронови, предложити, и самого вельможности вашой, яко своего пана и господаря истого, просимъ. за нами убогими предстательствовати, аже бисмо не були больши отъ ахтырского полку турбовани: яко сами, вельможность ваша, разсмотрѣли, же наши грунта, которихъ списки подалисмо вельможностямъ вашимъ, хочай за Ворскломъ, но однакожъ по разграниченію господами Косоговымъ и Дауномъ въ малороссійской границѣ зостают (хоча Котельва и поддалася подъ Ахтырку). чого ради паки и паки просимъ вашой панской милости распорядити насъ, указомъ его ясневельможной милости, въ якомъ расположеніи ми, убозіи, на границы зостаючи, имѣемъ жити; понеже когда всецѣлого окончанія тому дѣлу во скорѣ не учинится, безъ турбаціи отъ ахтирского полку жити не надѣемся, понеже котельвяне старшіе себѣ границу кладутъ по Ворскло и съ тимъ всѣмъ до Ахтырки належати хотять, а ми, надъ Ворскломъ седячи, и прочіи городи по надъ Ворскломъ, жеби за Ворскломъ которіи издавна имѣлисмо и теперь имѣемъ, и люде имѣють, жеби не владѣли кгрунтами, того желають (безъ чего всѣмъ трудно жити), чого ради паки просимъ вельможности вашой, пана нашого, тому дѣлу конецъ учинити, да безъ всякой турбаціи за царское величество и за рейментара своего и за вашу панскую милость со всѣмъ православнымъ воинствомъ помолимся Богу, яко и есьми».

Было ли со стороны гетмана Скоропадскаго и подвѣдомой ему старшины обращено должное вниманіе на критическое положеніе скельскихъ монаховъ,—не извѣстно; но что такое положеніе, въ силу сложившихся тогда общихъ условій, не могло быть улучшено, это несомнѣнно. Дѣло въ томъ, что еще до нашествія Карла XII въ Слободской Украйнѣ великороссійская и малороссійская старшина энергично была занята пріобрѣтеніемъ земель; послѣ шведской войны, всколебавшей мирное теченіе сельско-хозяйственнаго быта въ краѣ, поводы къ спорамъ изъ-за землевладѣнія увеличились, и скельскій монастырь все больше и больше долженъ былъ втягиваться въ круговоротъ мѣстныхъ аграрныхъ споровъ и тяжбъ. Захваты были тогда самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а сосѣдомъ

скельской обители былъ прославившійся по этой части знаменитый полковникъ И. И. Перекрестовъ. Право винокуренія и продажи водки оставалось однако за монастыремъ и составляло значительную часть его доходовъ. Отъ 4-го генваря 1770 года игуменъ Самсонъ со братіею, отправляя въ даръ кіевскому митрополиту Арсенію куфу горѣлки, писали слѣд. любопытное посланіе:

«Хотя ваше преосвященство благихъ нашихъ не требуете, но снисхожденію своему доволни толики тѣмъ, что мы не лишаемся: но мы, видя, какъ наши нивы все въвѣряемое имъ съ процентами намъ возвращають, нуждѣ нашей и въ запасъ служатъ, и то единственно причитая архипастирскому вашего преосвященства многоцѣнному благословенію, не можемъ при семъ случая то поне отчасти не исполнить, что было во вся проопущенно чрезъ многіе годи: посилаемъ на домъ вашего преосвященства куфу горѣлки, нѣкоторую часть того, чимъ самы изъбыточествуемъ, и нижайше просимъ малое нашее милостиво принять и нашу обитель и въ предь благословить».

Владѣнія скельскаго монастыря на лѣвомъ берегу Ворсклы, съ легкой руки бригадира Осипова, сокращались годъ за годомъ и когда въ 1786 году монастырь на скельской горѣ былъ закрытъ, то на послѣдовавшее спустя два года предложеніе харьковскаго намѣстническаго правленія измѣрить припадлежавшія въ ахтырскомъ уѣздѣ этому монастырю земли, ахтырскій нижній земскій судъ далъ категорическій отвѣтъ, что таковыхъ *земель*, «по достовѣрному сему суду свѣдѣнію, въ здѣшнемъ уѣздѣ, принадлежащихъ деревнѣ Скелькѣ и слободѣ Зарѣчной (Слободка), *не имѣется*»[1]. Лѣса монастыря, на правомъ берегу Ворскла, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, при закрытіи его, взяты были въ казну. Куда дѣвались зданія монастыря, неизвѣстно. Церковная утварь, богослужебныя книги и облаченія разошлись по окрестнымъ приходамъ. Истекшимъ лѣтомъ въ михайловской церкви села Будъ, куземинской волости, благодаря вниманію ея настоятеля, о. Петра Цареградскаго, мнѣ удалось видѣть нѣкоторыя изъ нихъ. Привожу ихъ опись.

1. *Чаша серебрянная* съ надписями: «Року 1740 мѣсяца мая сооружена сея чаша святои обители Преображенія Господня пустино-скелскои за всечестного отца игумена Лѣсаневича».

---

[1]) Протоколъ ахтырск. нижн. зем. суда 1788 г., февраля 18, № 2.

2. *Крестъ* (1742 г.) съ изящною рѣзьбой внутри на кипарисѣ, изображающей Спасителя и Богоматерь во славѣ и многія событія изъ Новаго Завѣта.

3. *Требникъ м. Петра Могилы.*

4. *Цвѣтная тріодь*, на заглавномъ листѣ коей, между прочимъ, напечатано: «Въ двадцатое лѣто богоугоднаго государствованія и преславнаго царства правленія... Петра I... во тринадцатое благополучнаго возраста благороднѣйшаго государя наслѣдника Алексія Петровича..., трудолюбнѣ престолъ митрополіи кіевской, галицкой и всея Малыя Россіи правящу ясне въ Богу преосвященному архіепископу митрополитѣ киръ Варлааму Ясинскому..., за благополучного въ Малой Россіи владѣнія его царского пресвѣтлаго величества обояхъ сторонъ Днѣпра и славного чина св. апостола Андрея кавалера, ясневольможного, его милости, пана Іоанна Стефановича Мазепы».

5. *Фелонь* изъ свѣтло-малиноваго бархата, обшитая серебряною каймой и цвѣтами. На верху ея, въ серебряныхъ одеждахъ, съ художественно вышитыми чернымъ шелкомъ на атласѣ ликами, Спаситель, по лѣвую Его руку—Богоматерь, апостолы Петръ, Симонъ, Маркъ, Андрей, по правую—Іоаннъ Креститель, Павелъ, Лука, Іоаннъ Богословъ, Іуда Алфеевъ; поперекъ съ обѣихъ сторонъ—Варѳоломей, Іаковъ. Подкладка на ризѣ изъ сине-зеленой и пестрой крашенины. Теперь эта риза употребляется при погребеніи покойниковъ.

6. *Два подрзника* (срачицы), одинъ весь льняный, другой съ льнянымъ станомъ и посконнымъ подоломъ. На первомъ цвѣты вышиты шерстью, на послѣднемъ—серебромъ и шелками, цвѣты точно живые.

Долго спустя по упраздненіи скельскаго монастыря, между окольными жителями ходили разсказы объ отшельникахъ, скитавшихся по приворсклянскимъ лѣсамъ. Эти разсказы, между прочимъ, послужили мотивомъ для извѣстной повѣсти А. П. Кузьмича «Монастырская пора». До сихъ поръ по дорогѣ изъ Котельвы на Пархомовку, въ оврагѣ близъ хутора Чернетчины стоитъ капличка, чтимая въ народѣ. Внутри ея крестъ съ распятіемъ, а по обѣ стороны его вырѣзанныя на деревѣ фигуры Пресвятой Дѣвы и Іоанна Богослова. Въ народѣ толкуютъ, что эту капличку соорудилъ ка-

кой-то отшельникъ и что еще лѣтъ 30, 40 тому назадъ чумакамъ и пастухамъ часто случалось видѣть въ ней старыхъ колѣнопреклоненныхъ иноковъ.

А. Твердохлѣбовъ.

РАСКОЛЬНИЧЬИ СЛОБОДЫ ВЪ ЧЕРНИГОВЩИНѢ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII В.

Въ 1714 г. Петръ Великій именнымъ указомъ на имя кіевскаго губернатора, князя Дмитрія Голицына, повелѣлъ ловить «чрезъ нарочныхъ коммиссаровъ» бѣглыхъ «всякаго чина людей великороссійскаго народа», скрывавшихся по городамъ и селамъ гетманщины и слободской Украины, и выдавать ихъ начальству великороссійскихъ городовъ.

Назначенные Голицынымъ коммиссары открыли, между прочимъ, что на земляхъ гетмана Скоропадскаго и другихъ украинскихъ пановъ, а также во владѣніяхъ кіево-печерскаго и черниговскаго монастырей, въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ, разселялось шестнадцать слободъ раскольниковъ, всего триста семьдесятъ семь дворовъ; ѣхать однако въ тѣ слободы для выселенія они не рѣшились, опасаясь, дабы раскольники не разбѣжались за границу. По докладѣ о семъ чрезъ Голицына въ томъ же 1715 г. императору, послѣдній повелѣлъ не настаивать на возвращеніи раскольниковъ на прежнее мѣстожительство, а положить лишь на нихъ подать. Голицынъ, ордерами отъ 27-го февраля и 29-го сентября того же года, распорядился сдѣлать перепись раскольникамъ и оцѣнку ихъ имуществу, положить ихъ въ окладъ, исчисленный въ общей суммѣ тысячи пятисотъ девятнадцати рублей въ годъ. Раскольникамъ было объявлено за тѣмъ, что они могутъ жить на отведенныхъ имъ малорусскими землевладѣльцами земляхъ, но подъ условіемъ исправной уплаты наложенной на нихъ подати.

Менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ, а именно въ 1722 г., главный виновникъ разселенія раскольниковъ въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ, гетманъ Скоропадскій выступилъ съ просьбою къ Петру Великому о выселеніи раскольниковъ изъ Украйны, въ виду того, что они дѣлаютъ обиды мѣстнымъ обывателямъ «отнятіемъ грунтовъ, прельщеніемъ благочестивыхъ въ зловѣ-

ріе свое». Императоръ передалъ его просьбу на рѣшеніе сената; но что постановлено сенатомъ, неизвѣстно. Нужно думать, что его рѣшеніе было не въ пользу ходатайства гетмана, такъ какъ раскольники и послѣ того остались въ своихъ слободахъ. Спустя шесть лѣтъ гетманъ Даніилъ Апостолъ повторилъ ходатайство своего предмѣстника, заявляя, что раскольники «ерессей своихъ сѣютъ плевелы и прельщаютъ народъ малороссійскій, гдѣ между сущимъ православнымъ суевѣрія предъ тѣмъ не бывало, и сверхъ того малороссійскимъ околичнымъ обывателямъ чинятъ многіе обиды и утѣсненія отнятіемъ насылно и завладѣніемъ грунтовъ и протчимъ». Но верховный тайный совѣтъ, по обсужденіи этого дѣла, «по важнымъ резонамъ» призналъ невозможнымъ высылать раскольниковъ, поселившихся въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ и платящихъ окладъ, а постановилъ для наблюденія и суда надъ ними назначить при гетманѣ особое довѣренное лицо, при увеличеніи ихъ въ числѣ соотвѣтственно увеличить и сумму оклада, въ случаѣ же совращенія ими кого либо въ свою ересь претить имъ смертною казнью и самихъ ихъ по возможности отъ той ереси отводить.

Иначе взглянуло на положеніе раскольниковъ среди малороссіянъ правительство Анны Іоанновны. Указомъ отъ 4-го сентября 1735 г. повелѣно было всѣхъ раскольниковъ «мірского чина», вышедшихъ въ Украину «изъ-за польской границы» и даже получившихъ уже земли, разослать по ихъ прежнимъ мѣстожительствамъ подъ конвоемъ и, осѣливши ихъ тамъ, наблюдать, чтобы они не распространяли раскола, и побуждать и ихъ самихъ облегченіемъ податей къ переходу въ лоно истинной церкви; въ случаѣ же, если бы кто не хотѣлъ указать своей родины, то такого высылать въ Петербургъ для поселенія въ Ингерманландіи по разнымъ деревнямъ по нѣскольку человѣкъ.

Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ 1736 г. наступило измѣненіе въ положеніи раскольниковъ: ихъ оставили на мѣстахъ, сдѣлавши имъ лишь новую перепись и обложивши вновь податью въ количествѣ тысячи восьмисотъ тридцати девяти рублей семидесяти шести копѣекъ. Изъ этой суммы до 1750 г. тысяча пятсотъ девятнадцать рублей въ годъ, т. е. сумма прежняго оклада, отсылалась въ кіевогубернскую канцелярію на вклады разнымъ монастырямъ и на содержаніе ректора кіевской академіи, а остальные триста двадцать

рублей семдесятъ шесть копѣекъ были передаваемы на расходы въ министерскую канцелярію въ Глуховѣ.

Съ 1741 г. положеніе раскольниковъ измѣнилось къ худшему: малороссійскіе паны перестали хлопотать объ ихъ выселеніи, но за то пожелали привести ихъ къ крѣпостной зависимости. Первый примѣръ въ этомъ подала кіево-печерская лавра; архимандритъ ея Тимоѳей Щербацкій съ братіею подали челобитную въ генеральную канцелярію, что такъ какъ раскольничьи слободы, Ардона, Свяцкая и при урочищѣ Тимошинѣ перевозѣ, поселены на земляхъ жалованныхъ лаврѣ и оставшихся и впредь въ ея владѣніи и такъ какъ изъ универсаловъ архимандрита Миславскаго къ нимъ видно, что они признавали надъ собою власть лавры и пользовались ея судомъ, то чтобы впредь они находились въ полной зависимости отъ лавры, а послѣдняя беретъ на себя уплату положенныхъ на нихъ податей въ кіево-губернскую канцелярію. Правительство удовлетворило просьбу лавры: указомъ сената отъ 21 мая 1741 г. повелѣно было признавать власть лавры надъ раскольниками, поселившимися на лаврскихъ земляхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы лавра заботилась о присоединеніи ихъ къ истинной церкви, не позволяла принимать въ слободы бѣглыхъ великороссовъ и малороссовъ, не дозволяла, подъ страхомъ смертной казни, привращать православныхъ къ расколу и, наконецъ, запрещала способствовать чьему бы то ни было переходу за границу.

Что однако предоставлено было лаврѣ, того долго не давали другимъ. Самъ гетманъ Разумовскій неоднократно обращался сначала въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ сенатъ съ просьбами или выслать раскольниковъ изъ Украйны, или поставить ихъ въ крѣпостную зависимость отъ владѣльцевъ земель, на которыхъ они поселились, а пока что—подчинить ихъ вѣдомству малороссійскихъ судовъ. Первая просьба была отчасти удовлетворена,—на нѣкоторыхъ земляхъ раскольники были закрѣпощены, въ отвѣтъ же на вторую велѣно: «раскольничьи малороссійскимъ владѣльцамъ обидныя, спорныя и смертоубійственныя дѣла по челобитью на нихъ, производя, какъ по указамъ надлежитъ, разсматривать и рѣшать въ кіево-губернской канцеляріи, съ малороссійской же стороны къ тому депутата опредѣлять».

ДВА СЛОВА О ЦЫГАНАХЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНЫ.

Цыгане давніе наши гости. Масса сказокъ, анекдотовъ, пословицъ и поговорокъ свидѣтельствуютъ о давно установившейся жизненной связи ихъ съ малорусскимъ народомъ. И нигдѣ, кажется, не жилось цыганамъ такъ привольно, какъ у насъ. Старинные общественные порядки наши вполнѣ благопріятствовали ихъ привычкѣ къ кочевой жизни; малороссійская простота и довѣрчивость открывали широкое поле ворожбѣ и хитрости цыганокъ и цыганъ. Сошлись они въ нѣкоторыхъ даже привычкахъ и вкусахъ съ малороссіянами и одинаково возлюбили сало паче манны небесной. И администрація малороссійская признавала ихъ пребываніе, заботилась даже то объ урегулированіи ихъ собственнаго положенія, то объ огражденіи отъ нихъ интересовъ общества и народа, не безъ намѣренія, быть можетъ, пріучить цыганъ къ осѣдлости. Вотъ два такія распоряженія начала 2-й половины прошлаго столѣтія.

14 іюня 1757 г. гетманъ графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій ордеромъ на имя цыганскаго атамана Ивана Ющенка приказалъ, дабы «жилельствующіе въ Малой Россіи цыгане были ему, Ющенку, по касающимся между ими расправамъ послушными, въ стороннихъ же какихъ жалобахъ вѣдомымъ имъ быть въ малороссійскихъ судахъ, гдѣ кому заспособно». Атаману запрещалось дѣлать цыганамъ какія либо обиды и приказывалось воздерживать ихъ отъ всякихъ «непристойностей»; украинскимъ же панамъ полковникамъ со старшиною и сотникамъ запрещалось мѣшать распоряженіямъ Ющенка.

30 сентября 1765 г. малороссійская коллегія отмѣнила ордеръ Разумовскаго и подчинила цыганъ полковой администраціи, вѣдавшей каждая въ своемъ полку, кромѣ военнаго, и весь гражданскій порядокъ. Было объявлено всѣмъ находившимся въ Украйнѣ цыганамъ, чтобъ «они, пребывая на одномъ мѣстѣ, гдѣ кому способно, питались своимъ правильнымъ рукодѣліемъ и безъ письменныхъ свидѣтельствъ нигдѣ не шатались и были бы въ вѣдомствѣ полковыхъ канцелярій и сотенныхъ правленій, а гдѣ кто за владѣльцомъ жить пожелаетъ, тѣмъ у оныхъ быть такъ, какъ протчіе волніе».

Въ случаѣ надобности куда-либо отлучиться, цыгане должны были брать паспорты отъ полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, а жившіе на земляхъ—владѣльческихъ отъ ихъ владѣльцевъ. Паспорты выдавались лишь на одно лице, переѣзжать же цѣлымъ семействомъ цыганамъ не дозволялось. Цыганскій атаманъ Мынецко, равно и другіе, были при этомъ отрѣшены отъ должностей.

ЦѢЛЕБНЫЯ ВОДЫ ВЪ КОНСТАНТИНОГРАДѢ.

Въ началѣ текущаго столѣтія много шуму надѣлало на югѣ Полтавщины открытіе въ константиноградскомъ повѣтѣ у рѣчки Орели, около Дези, на земляхъ помѣщицы Ковалевской, минеральной воды, врачевавшей застарѣлые недуги. Кромѣ устныхъ объ этомъ преданій и разсказовъ сохранилось и письменное офиціальное свидѣтельство. Это рапортъ константиноградскаго повѣтоваго маршала, Максима Балясного, полтавскому губернатору въ отвѣтъ на требованіе послѣдняго собрать и доставить ему свѣдѣнія о дѣйствіи новооткрытыхъ цѣлебныхъ водъ. Вотъ что писалъ Балясный губернатору отъ 10 мая 1805 г.:

«Многіе изъ господъ дворянъ, поводомъ продолжительныхъ и почти неизлѣчимыхъ припадковъ своихъ болѣзненныхъ, рѣшившись, не ожидая мая мѣсяца, марта съ 15-го числа начали вновь открытую воду употреблять—одни пить, а другіе, имѣвшіе по тѣлу раны, также пить и примачивать, и въ самое короткое время безъ изъятія всѣ получили облегченіе. Будучи я въ городѣ Константиноградѣ, наслышавшись отъ дворянъ о таковомъ чрезвычайномъ дѣйствіи оной воды, рѣшился тѣхъ константиноградскаго повѣта дворянъ, которые употребляли ту воду и получили выздоровленіе, лично видѣть, изъ которыхъ объявили мнѣ слѣдующіе: надворный совѣтникъ Маховъ, имѣющій отъ роду 60 лѣтъ, что онъ страдалъ 15 лѣтъ грудными припадками, приключившимися отъ простуды, и наконецъ мокроты въ немъ скопились такъ, что уже мѣсяцъ изъ комнаты своей въ переднюю не могъ выходить, но сколько ни пользовался разными лѣкарствами, никакъ облегченія получить не могъ; не спалъ онъ иначе, какъ въ креслахъ, лечь же не могъ ниже на одинъ часъ, и, будучи въ отчаяніи, по слуху о вышесказанной минеральной водѣ, рѣшился оной воды отыскавши пить по стакану въ день, а потомъ

по двѣ и болѣе бутылки въ день; продолжая оную одну недѣлю, началъ выходить съ комнаты въ переднюю и чрезъ двѣ недѣли былъ въ церквѣ, чрезъ мѣсяцъ выходилъ и получилъ совершенное выздоровленіе, какъ и многимъ извѣстно то; изъ сосѣдъ дворянъ пріезжали его видѣть, знавши что сей человѣкъ, бывъ почти при дверяхъ гроба, здѣлался здоровъ, свѣжъ и бодръ. Такъ же онъ господинъ Шаховъ приказалъ оную воду употреблять своему кресть янину, страдавшему нѣсколько лѣтъ застарѣлыми скорбутными ранами на ногахъ, который только одною водою примачивалъ и получилъ въ четыре недѣли совершенное исцѣленіе. Что узнавши господа помѣщики, какъ-то: маіоръ Иванъ Алимовъ, у котораго я такъ-же былъ и онъ мнѣ разсказалъ, что онъ имѣлъ 10 лѣтъ неизлѣчимую болѣзнь, полученные припадки, но когда сталъ пить ту воду, черезъ недѣлю почувствовалъ облегченіе, а чрезъ 15 дней почти никакихъ уже припадковъ не чувствовалъ, кромѣ одной слабости. Губернскій секретарь Янковскій, будучи одержимъ параличемъ, не владѣлъ одною рукою и одною ногою; дочь его, 12-ти лѣтъ, имѣла 8 мѣсяцевъ лихорадку, пила сію воду недѣлю и теперь совершенно отъ оной освободилась; сынъ сего-же Янковскаго, 10 лѣтъ, имѣвшій опухлый животъ, страдалъ болѣе года и какъ начали его пользовать оною водою, давая по одной рюмкѣ въ день, то въ двѣ недѣли опухоль разошлась и вышло множество глистовъ, который мальчикъ теперь совершенно здоровъ.—О семъ немаловажномъ происшествіи по приказу вашему превосходительству донося, доложить увѣрительно честь имѣю, что кромѣ вышеписанныхъ чиновниковъ и другіе многіе люди, пользуясь оною водою отъ разныхъ припадковъ, коихъ по обширности здесь не можно изъяснить, получили совершенное исцѣленіе».

Что сталось съ открытымъ тогда и такъ цѣлительнымъ источникомъ, былъ-ли сдѣланъ его водамъ химическій анализъ, почему и съ какого времени онъ заброшенъ—неизвѣстно. Не предпочитали-ли наши дѣды, по примѣру своихъ предковъ, лѣчиться по наставленію ходившихъ еще тогда во множествѣ рукописныхъ лѣчебниковъ, пуская кровь «зашкурную» или «жилную», а то и просто «ганнусковою» и иною горѣлкою и лишь въ важныхъ случаяхъ прибѣгая къ водѣ іорданской и херувимскому ладану?

ПОИМКА ГАРКУШИ ВЪ РОМНѢ.

И лѣвобережная Украйна имѣла, притомъ нѣсколько раньше, своего Кармелюка, «разбойника» на оффиціальномъ языкѣ, по представленію-жъ народа «печальника» о его нуждахъ. Это былъ извѣстный всѣмъ Семенъ Гаркуша. Тотъ же девизъ у него, что и у Кармелюка: брать у богатаго, а бѣдному отдать, мстить за всякое насиліе и несправедливость. Панство трепетало одного его имени, поспольство льнуло къ нему и сохраняло благодарную память о его благодѣяніяхъ. Народныя преданія о Гаркушѣ частью записаны и даже облечены въ литературную форму, какъ напр. въ исторической повѣсти извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка: «Братья близнецы». Въ статьѣ К. Кошовика «Семенъ Гаркуша», помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» за 1883 г., въ первый разъ представлены точныя о немъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ «дѣла», хранящагося въ кіевской археографической коммиссіи, объемистое же «дѣло» о томъ же Гаркушѣ, хранящееся въ Румянцевскомъ архивѣ въ Москвѣ, еще ждетъ своего изслѣдователя. Много записанныхъ разсказовъ разбросаны въ печати; въ народѣ сохраняются преданія и не записанныя. Въ д. Мармизовкѣ, лохвицкаго уѣзда, еще недавно живъ былъ старикъ-крестьянинъ, разсказывавшій, какъ пріѣзжалъ Гаркуша въ гости къ тогдашнему владѣльцу этой деревни князю Орбеліани. Гость являлся «у червоному жупани», хозяинъ радостно привѣтствовалъ его, садились они обыкновенно въ саду подъ дубомъ и задавали изрядную выпивку.— Пора бы свести и разработать все извѣстное о Гаркушѣ для вѣрной оцѣнки какъ его личности, такъ и создавшей его эпохи; а пока вотъ еще маленькая добавка къ извѣстному объ немъ. Это свѣдѣніе о послѣднемъ его арестѣ въ г. Ромнѣ.

Въ упомянутой выше статьѣ «Семенъ Гаркуша» говорится кратко, что онъ пойманъ здѣсь «по допосу одного калачника». У насъ въ рукахъ подлинное донесеніе лица поймавшаго Гаркушу. То былъ роменскій мѣщанинъ Максимъ Бородань, не «калачникъ», но только мужъ одной изъ славныхъ нѣкогда роменскихъ «перепечаекъ» или «бубличницъ». Вотъ что онъ передаетъ объ обстоятельствахъ поимки Гаркуши въ донощеніи роменскому городскому ма-

гистрату, написанномъ съ его словъ магистратскимъ копіистомъ Кондратомъ Щербиною.

«Сего февраля 17 числа, въ день субботній, какъ до литургіи перезвонили, жена моя Евдокия зъ дому моего, на предмѣстію отъ рѣки на Підваркахъ зовемихъ при городку имѣючогось, несла для продажи въ базаръ хлѣбъ булки и какъ наближилась къ брамѣ пригородской, зовемой Сорочиной, то нѣякиесь несвѣдомие два человѣка, стоя при оной брамѣ, купили ониxъ булокъ на 11 денегъ и, виняпши исъ капшука съ онихъ несвѣдомихъ двохъ человѣкъ еденъ среброного рубля денегъ, требовалъ въ ее на оной здачи мѣдныхъ денегъ; но какъ еще въ той жени моей ничего изъ денегъ, поелику она ишла въ базаръ исъ булками для продажи, не было и отъ дому моего недалекое разстояніе было, то она возвратилася въ домъ для издачи на рубля медныхъ денегъ, съ которою въ слѣдъ и тѣ люде пришли въ хату мою, въ якой и я находился. Жена моя, заразъ сыскавши медние денги, отъщитала, а я между тѣмъ, усмотря, что съ нихъ еденъ, сидящій въ хатѣ къ подолу дверей хатьнихъ, отъвернувшися глазами къ дверамъ, закривая лице свое, ежечасто утирая, будто оной и носъ ему утирать надобно, показался мнѣ сумнителенъ по сему, что поздри его нѣбы сорватие, когда съпросилъ, что они за люде и отъколь, то объявили, будто они жительствомъ изъ-за Хорола и били де у Сумахъ, а заихали де къ Ромну для доправи денегъ ста рублей на засульскому жителю пушкарю Якову Гаркушѣ и идуть де въ базаръ куповать харчей и рибы. И пошли съ избы моей въ городъ, а за ними въ слѣдъ и жена моя ишла съ булками, которую я возвративши противу окна хаты моей, говорилъ, что то люде опасьніе и конечно разбойникъ Гаркуша, о которомъ публикации о поимкѣ по строгости чинены. И я самъ скорѣе пошелъ въ слѣдъ за ними скоропостижно, дабы следмы ихъ словить и, воздогнавши ихъ, не доходя преднаписанной брамы Сорочиной, и какъ къ нимъ наблизился, то съ нихъ одинъ, что поздры сумнителние, приостановившись спрашивалъ, куда я иду, и затѣмъ отъвернувсь въ бокъ по правую сторону, утирался платкомъ, а другой пошолъ въ базаръ къ каменной церквѣ и удалился въ шинокъ удовы Панасихы. Я, увидѣвши въ томъ разѣ пятидесятника Ѳедора Юрченка, сказалъ ему о тѣхъ людяхъ, что они сумнительние и примету пошедшаго въ шинокъ объявлялъ и чтобъ онъ пятидесятникъ скоро пошолъ въ тотъ шинокъ и задержалъ его, а самъ стоя, дабы другого оставшагось подля брамы не упустить. И какъ тотъ пятидесятникъ выйшолъ зъ шинку и сказалъ, что де такого человѣка нету, то я, немедленно призвавши его, возвратился скорѣе къ другому, оставшомусь подлѣ упоминаемой

брамы въ пригородку, которого на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ, уже не было, а пошолъ съ нижней дороги въ гору, увидя же мене и другого со мною, пятидесятника Ѳедора Юрченка, возвратился паки къ низу дорогою, къ валу лежачою, зачемъ я сказалъ Юрченку въ слѣдъ за нимъ тою-жь дорогою итить, а самъ пониже оной же дороги другою тоже дорогою пошелъ. И такъ онъ верхнею, а я нижнею дорогою идучи, привели его къ брамѣ, до которой не доходя, я приостановился немного, а какъ оной человѣкъ прошолъ чрезъ браму и не пошолъ дорогою, лежачою къ греблѣ, где и караульня находится, но повыше шинку у города Ященкового дорожкою, то съ того я, опасаясь, дабы онъ отъ насъ не убежалъ, наближаясь къ нему, кричалъ на пятидесятника Юрченка, чтобъ бралъ, почему Юрченко и ухватилъ за кожухъ подъ плечемъ лѣвимъ. Тотъ же человѣкъ ударилъ его Юрченка по вязяхъ такъ жестоко, что онъ впалъ навколѣшки, я же въ томъ разѣ хватилъ его изъ-задѣ руками и съпереди перехвати, держалъ его крѣпко, а Юрченко, тоже схватя, пособлялъ, и кричали оба: «караулъ, разбойникъ Гаркуша»! На который крикъ перве прибѣжалъ отъ шинковой его будки купець роменской Степанъ Симоненко, а послѣ того и караулный атаманъ Гриненко и другие люде збѣглись, которымъ оного разбойника я поручилъ я для отводу въ городничество, а самъ, со прописаннымъ Степаномъ Симоненкомъ, пошолъ другою дорожкою по-надъ провальемъ искать другого, товарища его, но не спостигли. Сей-же пойманный разбойникъ собравшимся уже многолюдствомъ и мною представленъ въ городническое роменское правленіе, въ которомъ городничествѣ тогда находился прапорщикъ Аньсіоновъ, которой для объявленія о томъ господину городничому роменскому, секундъ-маіору Сегунову, въ домъ его пошолъ и подробно обо всемъ томъ обявилъ, и потомъ за обыскомъ другихъ товарищей его, по приказанію г-на городничого, ездилъ въ село Засулье, но уже на квартирѣ той, гдѣ оние разбойники стояли, не вилилъ».

Донесеніе Бородая заканчивается просьбою его къ магистрату донести о произведенной имъ поимкѣ разбойника Гаркуши тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору, графу Румянцеву и въ черниговское намѣстническое правленіе. При этомъ Бородай заявлялъ, что съ такимъ же донесеніемъ и просьбою онъ обращался къ городничему Сегунову, но что городничій, «вычитавъ нѣсколько, передралъ его доношеніе», а его самаго велѣлъ взять подъ караулъ, подъ которымъ онъ и пробылъ болѣе двухъ часовъ.

Донесеніе подано 10, а поимка совершена 17 февраля 1784 г. Чѣмъ вызвано это письменное доношеніе отъ человѣка неграмотнаго, послѣ того, какъ онъ лично представилъ пойманнаго имъ разбойника и объяснилъ обстоятельства дѣла? Очевидно, Бородань добивался награды. Но почему нибудь да посадилъ же его подъ арестъ городничій и самое его доношеніе «передралъ». Добился ли Бородань награды себѣ, не знаемъ, да врядъ ли и была она объявлена за поимку Гаркуши, иначе Бородань прямо ссылался бы на это и требовалъ, какъ должнаго.

ДВѢ САХАРНО-ЗАВОДСКІЯ ПѢСНИ.

Предлагаемыя двѣ пѣсни рисуютъ намъ тяжелое положеніе парней и дѣвушекъ, попавшихъ въ работы на сахарныхъ заводахъ. Насколько извѣстно, пѣсни въ этомъ родѣ никѣмъ не были печатаемы, за исключеніемъ Чубинскаго (I т. Запис. ю. з. о. г. общ.). Первая изъ этихъ пѣсенъ представляетъ варіантъ помѣщенныхъ у Чубинскаго, вторую встрѣчаемъ впервые.

1.

Ой пиду я у садъ, у садочокъ,
Нарву, пазбираю ягидочокъ.
И не рвала, й не збирала,
Въ саду соловейка все питала.

«Соловейку, ты мій сирокрылый,
Скажи жъ мени, де мій милый?»

«Ой, твій милый по сахарнямъ ходить,
По заводамъ що дня тяжко робить.
Ой, винъ робить, работае,
А хозяинъ прыйде, та ще ёго й лае».

Ой прыихавъ хазяинъ та до свого дому,
Наробили ёму хлопци великого лому!
Пишла пара по всему заводу,
А худая слава по всему народу;
Пишла пара та по всіхъ куточкахъ,
А худая слава та и по дивочкахъ.

(Запис. въ Кагарлыкѣ, кіевск. у., на сахарномъ заводѣ).

II.

Ой горе, горе намъ буде—
Вже говорять про насъ люде!
Нехай же говорять, не переговорять,
Моеи натуры та й не переспорять.
Бо моя натура никому не потура,
Бо мое серденько що дня веселеньке.
А котра дивчина хоче славоньки зажити,
Хай йде сюды у заводъ служити.
А въ тому заводи ще гирше неволи—
Ой выйду я за ворота, не выплачу доли!
— Ой не плачь, дивчино, не журись бидою,
Диждемо недили, звинчаюсь съ тобою.
— Бодай тебе, дурню, отцуралася родина!
Отцурався батько, отцуралась мати
Ще й тая дружина, що хотивъ ты брати.

(Запис. въ Лебединскомъ сахарн. заводѣ чигиринск. уѣзда, кіевск. губ.)

Сообщ. **М. Васильевъ.**

троихъ подписаннымъ о Батуринѣ, но оного не подалъ. А ужинали оба мы у графа Гендрикова, пріехавшого отъ офіцеровъ конной гвардіи.

24. Куріеръ изъ Глухова, салдатъ Калугинъ пріехалъ съ писмами въ сенатъ и къ намъ о строеніи крѣпостей и о бытія казакамъ въ поготовости до походу.

25. Государиня изволила быть въ церквѣ святого Сергія на Литейной и, оттуда возвратившись, удостоила какъ прочихъ, такъ и насъ къ ручкѣ. Мы обѣдали и весь день пробавили у графа Івана Сумоновича Гендрикова, потомъ были у барона порутчика и ужинали у графа-жъ.

26. Былъ у насъ рано изъ Малой Россіи пріехавшый Антонъ Милорадовичъ, полковника гадяцкого Гаврила Милорадовича синъ. А обѣдалъ у насъ-же синъ Стефана Милорадовича, Петръ, изъ Украиня недавно пріехавшій, дворцовый каморъ лакей.

27. Послѣ полдня ездилъ я съ графомъ Іваномъ Сумоновичемъ Гендриковымъ до генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова и у него купно съ женою его Наталіею Богдановною нѣсколко часовъ седѣли, потомъ ужинали у того-жъ графа, где была и сестра его Марѳа Сумоновна Софонова.

28. Рано подано прошеніе государинѣ о Батуринѣ и къ ручки ея величества допущены купно съ офіцерами конной гвардіи, которіи отправляются къ Москвѣ съ командою того-жъ конного полку 250 человѣкъ. Въ вечеру былъ у мене Романовичъ и отошолъ съ похвалками.

29. Рано тотъ-же Романовичъ присилалъ сина своего ко мнѣ по копію челобитной, передъ симъ отъ него мнѣ врученную. Потомъ были мы въ дворцѣ и заходили до Ѳедора Івановича Коченевского, а вечеромъ проседѣли у стряпчого Шеремегевого, Ѳедора Дементіева Звѣрева.

30. Отъ конной гвардіи команда отправленная въ Москву воспріяла туда маршъ. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ были у князя Николая Алексіевича Шаховского въ свѣтлицахъ конной гвардіи и съ нимъ розговоръ имѣли о Волуйцѣ. Безъ насъ Романовичъ приходилъ и обявилъ Янушкевичу, что денегъ 200 рублей у войта нѣжинского онъ взялъ и имѣетъ противъ мене нѣкоторые производить дѣла. За матерію до соболевой шапки дано 20 к., за гребенецъ деревяный 6 к., за дзвонокъ малый 9 к.

Октоврій.

1. Послѣ обѣда изволила государыня отъехать въ Царское Село. Присиланный изъ Глухова салдатъ Гаврило Калугинъ отъехалъ обратно.

2. Послѣ полдни ездили всѣ трое къ Василію Івановичу Венюкову, а безъ насъ пріездилъ на нашу квартеру графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ съ графинею.

3. Оный-же Венюковъ съ женою былъ у насъ, а ночью ездили всѣ трое къ г. Гендрикону и у него ужинали.

4. За перешитье шапки соболіой дано 20 к. За матерію свистунъ, которая изъ авкціона по-поламъ съ Гудовичемъ взята, за нашу половину заплатилъ 17 р. 34 к.

5. Архіереи синодалные крутицкій и владимерскій, да санктпітербурскій, такожъ архимандриты новоспаскій и воскресенскій и мы съ ними обѣдали у графа Гендрикова, а вечеромъ и у насъ былъ графъ съ графинею, которой подарена отъ мене книжка «Істинная Політика», за якую, также за книжку «О блаженствахъ» далъ Янджулу 1 р. Пріехалъ Раковичъ.

6. Рано былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого и говорилъ о дѣлѣ и лаи (ругательствѣ) Соколовского. У него-жъ былъ архіерей нижегородскій Веніяминъ Григоровичъ.

7. Мы двое съ Гудовичемъ были увесь день, и обѣдали, и ужинали, у г. Гендрикова. Въ вечеру изволила государиня возвратиться изъ Царского Села. Оный архіерей нижегородскій отъехалъ на свой престолъ изъ С.П.Бурха.

8. Рано были въ дворцѣ, а передъ нашимъ туда приходомъ подалъ Соколовскій графу Алексію Григоріевичу Розумовскому свое якоесь прошеніе. Вечеромъ знову я и Гудовичъ были передъ графомъ Розумовскимъ въ дворцѣ.

9. Званный я отъ кума Якова Тимофіева ради именинъ его, обѣдалъ у него, а наши обѣдали у Косогова, маіора гвардіи преображенского полку. Розышлось на разные дробязки 24 к.

10. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у графа Петра Івановича Шувалова, где первой о Батуринѣ, потомъ и о моемъ дѣлѣ съ Соколовскимъ о защищеніи отъ поношеній просилъ. А въ вечеру были въ дворцѣ у Григорія Михайловича Любисткова.

11. Рано былъ у Івана Івановича Дивова и далъ ему меморіалецъ стороны дѣла Соколовского, тако-жъ съ приговору конецъ, а въ сенатѣ ему-жъ подалъ челобитную о поношеніи моемъ, по проискамъ войта нѣжинского Тарнавіота, чрезъ Соколовского и Романовича чинячомься. Потомъ были въ дворцѣ и тутъ при насъ подали графу Розумовскому Лукомскій и Троцкій свои прошенія. Покроенъ изъ матеріи свистуна шлафрокъ, до которого куплено шапку за 14 к. Бумазеи 8 аршинъ по 25 к. и того за 2 р. Баволни клееной листовъ 5 за 50 к.

12. Обѣдалъ я у господина секретаря Новоторжцова, которій мене къ себѣ нарочно звалъ для помѣркованя съ Романовичемъ, но онъ къ нему не бывалъ, ему-жъ данъ отъ мене и краткій екстрактъ претенсій Романовичевыхъ. Потомъ былъ я у Горчакова и у Софонова, поруччика гвардіи семеновского полку. Въ полкъ преображенскій сержантомъ Мойсѣя Березинского пожаловано, а Василь Марковичъ изъ того полку виключенъ изъ офіцеровъ.

13. Писалъ писмо къ Скоропадскому, чтобъ онъ въ Глуховѣ заплатилъ Семену Карпикѣ сто рублей, которые я здесь взялъ у кофішенка дворцового Александра Іуліановича Савлукова. А до жены писалъ-же, чтобъ тѣ-же денги отослала Скоропадскому, и тые обѣ писми отданы Савлукову. Вечеромъ всѣ трое были и ужинали у графа Гендрикова, а обѣдали у него-жъ маіори гвардіи Косоговъ и князь Меншиковъ съ протчими.

14. Виданъ изъ сенату указъ дуплікатъ о селѣ Чаусахъ по челобитію моему, еще въ 1745 г. поданному, которого указу за печатанье дано 30 к., да писцю Ивану Андріеву 1 р. Надъ вечери былъ у насъ сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій, обявляя о себѣ, что имѣетъ въскорѣ отправитись въ Малую Россію. Потомъ у насъ-же были Горчаковъ и Шепшинъ, да іеромонахъ Іовъ Чарнуцкій, бывшій въ Килю.

15. Посолъ цесарскій, ради тезоименитства своего государя, трактовалъ въ своей квартерѣ россійскихъ міністровъ и другихъ господъ знатныхъ. Вечеромъ былъ у мене Өедоръ Звѣревъ, которому отъеждячому къ Москвѣ врученъ отъ мене меморіалецъ, чтобъ приказалъ здѣлать коляску городовую или полкаретокъ крѣпкій за умѣренную цену, да отобралъ-бы изъ дому Толстыхъ 4 боченки разныхъ водокъ и 11 вѣдръ простого вина и коровай сала

украинского, о чемъ ему-жъ и писмо отъ Александра Толстого, да и прежнего писма копія вручены.

16. Обѣдали у графа Гендрикова съ маіоромъ конной гвардіи Григоріемъ Івановичемъ Корфомъ и протчими и тамъ-же весь день пробавили; а у насъ обѣдали Політика и студентъ изъ Киля пріехавшый. Состоялся указъ именный о походѣ къ Москвѣ.

17. Государиня и ихъ высочества изволили отъехать до Пітергофа. Нѣжинскій войтъ Тарнавіотъ и управитель Звѣревъ отъехали.

18 Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до канцеляриста Тимофея Закревецкого, до которого и пакетъ отъ префекта кіевского Варлаама Лащевского посланъ. Да до жены писалъ-же о заплатѣ ста рублей, здесь у Савлукова позиченныхъ, такожъ до отца Іоанна брата писалъ-же, и оные всѣ писма отпущены чрезъ сотника козелецкого Стефана Барановского, сего числа отъехавшого. За копіи челобитныхъ, отъ полковника Семена Васильева Неплюева и отъ бунчукового товарища Василія Григорьева Харевича на Івана Андріевича Гамалію поданныхъ, данъ 1 р.[341])

19. Ковдра и шлафрокъ изъ матеріи жолтой пошиты, которыхъ за роботу дано 60 к.

20. Рано посѣщали болного віце-адмирала Головина, а по полдни былъ у г. Лизогуба полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а у мене поруччикъ и лейбъ-компаніи гранадеръ Михайло Івановичъ Коченевскій и сказовалъ мнѣ о пашквиляхъ Романовичевыхъ.

21. Куплены 3 простые сани, дано за оные 1 р. Писаны писма до швагра Івана Гамаліи съ включеніемъ копіи челобитной Харевичевой, да до Өедора Звірева съ копіею челобитной-же Неплюевой, и оные отосланы въ домъ графа Шереметева для отсилки по почтѣ въ Москву.

22. Обѣдали у насъ Василій Івановичъ Венюковъ съ женою своею Татіяною Лизогубовною, а вечеромъ былъ графъ Гендриковъ съ капитаномъ Соловіовымъ.

23. Ради тезоименитства Якова Евфимовича Лизогуба, г. обозного генералного, обѣдали у насъ графъ Гендриковъ, капитаны Дру-

---

[341]) Бунчуковый товарищъ Василій Харевичъ жаловался на Ивана Гамалѣю, владѣльца с. Семеновки, конотопскаго уѣзда, за разореніе хутора, находившагося недалеко отъ Семеновки.

кортъ и Соловіовъ, подпоруччикъ Аполлонъ Васильевичъ Лодижинскій съ женою, ротмистръ кирасирского его імператорского высочества полку князь (*пропускъ*), да поруччикъ Баронъ и секретарь Новоторжцовъ, и студентъ изъ Киля прибывшій Рихарди. А вечеромъ была графиня съ полковницею Авксентіевою и уже позно отъехали.

24. Vacat. 25. Изволила государиня прибыть изъ Царского Села по полдни въ 6-мъ часу. Былъ я одинъ перво у Новоторжцова и вручилъ ему писма о грунтахъ, купленныхъ въ Лотокахъ, потомъ у генерала рекетмейстера Дивова и просилъ о своемъ дѣлѣ и Янушкевичевомъ.—Сынъ духовнику родилъся Яковъ.

26. Были рано въ дворцѣ, а вечеромъ у графа Гендрикова, где видѣлись изъ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ и тамъ-же ужинали.

27. Послѣ полдня ездили въ адмиралитейство и тамъ смотрѣли новостроячихъся о 66 пушекъ двохъ кораблей.—Вчора дочь графу Шереметеву родилась. Вчора настали великіе морози.

28. Рано ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, а потомъ онъ и я были у секретаря Гаврила Савича Ермолаева, ради тезоименитства жены его Параскевіи, на обѣдѣ и проседѣли до позна.

29. Званныя на Васильевскій островъ къ подпоруччику Лодижинскому, обѣдали у него ради тезоименитства жены его Анастасіи Борисовны, а ужинали у графа Гендрикова, съ Івінскимъ и протчими.

30. Въ новопостроенныхъ хоромахъ Василія Івановича Венюкова для новосельля обѣдали мы у него съ протчими, въ томъ числѣ съ морскими оффіцерами, капитаномъ командиромъ Артеміемъ Іллічомъ Толбугинымъ и другими. А въ вечеру у насъ были полковникъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій, да Горчаковъ и Шеншинъ. Сего числа изволила государиня проехать церемоніално, въ ассистенціи 15-тя каретъ дворцовыхъ цугами и нѣсколко конной гвардіи конвою, на Смолный дворъ и тамъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, да синодалныхъ архіереевъ и многихъ придворныхъ и другихъ господъ, заложеніе церкви Воскресенія Господня и дѣвичого монастыря, строитись имѣючого, учинено.

31. За пошитье шлафрока и ковдри изъ матеріи, въ аукціонѣ купленной, дано портному 60 к. Свадба была дочери князя Бориса Василіевича Голицына, морской артилеріи оберъ цейгмейстера, съ

Петромъ Алексіевичемъ Апраксиномъ, гвардіи семеновского полку сержантомъ. Изъ сего числа противъ слѣдуючого ночью мостъ на Невѣ рѣкѣ на Василевскій островъ сломалъ люде, по Невѣ пливучій.

Ноябрь.

1. Получили писма зъ Глухова: одно о резиденціи, другое о требованіи провіантскою канцелляріею корму на конскіе заводы, и Гудовичъ, будучи по полдни въ дворцѣ, послѣдное объявилъ графу Розумовскому, да онъ-же былъ и у Николая Юрьевича Трубецкого за тимъ-же.

2. Рано Гудовичъ былъ у г. Шувалова и доносилъ о томъ-же требованіи корму на конскіе заводы, да о дѣлѣ сторони скупель. А всѣ трое были въ дворцѣ: перво у духовника, потомъ у полковника слѣпого Любисткова. Самъ-же Гудовичъ знову былъ и въ вечеру во дворцѣ и получилъ отъ г. Розумовского декларацію о отправѣ передъ отъездомъ двора государева. У мене былъ Вынклеръ и данъ ему реестръ, по нѣмецку писанный, о долгахъ Килскихъ.

3. Ночью противъ сего числа Нева стала. Рано мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского, а по полдни у князя Сергія Дмитріевича Кантеміра.

4. Ночью випалъ не малый снѣгъ и стали на саняхъ ездить. Я и Гудовичъ обѣдали у г. Гендрикова, а вечеромъ были съ Гудовичемъ у габінетского секретаря Якова Исаевича Бахирева.

5. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики съ переводомъ реестра о долгахъ, синомъ моимъ тамъ не уплаченныхъ, что виражениые въ немъ деньги отданы здесь регистратору Вынклеру, и оное для пересылки по почтѣ тому-жъ Вынклеру вручено. Двѣ писми получилъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Вроцлавя, одно до отца ихъ, другое до мене писанные. Вечеромъ былъ у Ѳеодора Івановича Коченевского и тамъ застали и Соколовского и вручили меморіалъ для подачи духовнику о дѣлахъ общихъ, въ докладѣ изъ сената поданныхъ.

6. Писано писмо до Ѳеодора Ширая съ отсилкою писма, къ зятю его Шидловскому присиланного, и что-бъ съ поруччикомъ морскимъ Алексіемъ Івановичемъ Скуратовымъ справясь, постарался сыскать писма, чрезъ десятника за подмайстерья отъ адмиралтей-

ства посланного, отправленные августа 1-го. Да писана въ Глуховъ до Скоропадского інстанція за Василемъ Роцаковскимъ. Заплачены 2 р. 40 к. за камордункъ и отданы капитану Соловіову; за тинктуру пекторалную въ аптекѣ дано 16 к.

7. Писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ, полученные при своемъ писмѣ, вручилъ Івану Раковичу, которій вчора съ нами простилъся и имѣетъ отъеждать отселя въ Украину. Полковникъ Божичъ и Антонъ Милорадовичъ у насъ обѣдали.

8. Званы къ имениннику Михайлу Івановичу Новоторжцову обѣдать и у него съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ и женою его, да и протчіе, въ томъ числѣ и Романовичъ и Брежинскій, обѣдали. А оттуда пріехавши до дому, застали полковника стародубовского Максимовича (зъ которымъ и переговоры были), да Михайла Івановича Коченевского, которій далъ и пашквілѣ Романовичевы, тако-жъ писаря судового чернѣговского Ярошевича и Өедоровича.

9. Рано я зъ Гудовичемъ у Өедора Івановича Коченевского былъ и отъ него-жъ и о декляраціи по дѣламъ общимъ слышали. Обѣдалъ у насъ гвардіи семеновского полку поруччикъ Евтихій Івановичъ Софоновъ, а вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

10. Рано всѣ трое были въ дворцѣ и преосвященному псковскому отданы копіи грамотъ Петра великого, за собственною рукою писанныхъ. Государиня у духовника обѣдъ кушать изволила. Вечеромъ былъ у Вінклера и отдалъ ему денги, должные синомъ моимъ въ Килѣ, а именно: 12 червоныхъ, да 49 р. 64 к., что учинитъ 76 р. 64 к. Потомъ былъ у племѣнниковъ графскихъ и сидѣлъ у учителя ихъ Носка.

11. По учиненному щоту о дробныхъ расходахъ, Грицкомъ держанныхъ, явилось 1 р. 16. к. Commodata pecunia 300 р. Comiti Hendrikow á colonello Koczenewski. Писанъ до полковника нѣжинского отозвъ подъ симъ числомъ и съ цедулою.

12. Звалъ насъ обѣдать къ себѣ помянутій поруччикъ Софоновъ на Василевскій островъ и тамъ принималъ съ женою своею, изъ дому Ушаковыхъ, весма благосклонно.

13. Обѣдали всѣ трое у маіора гвардія г. Косогова. Сего числа графъ Лестокъ арестованъ.—За пять замковъ нѣмецкихъ висящыхъ дано 80 к.

14. За копію челобитной. отъ Романовича въ сенатъ 7-го ноября въ 9 пунктахъ поданной, 60 к.—Вечеромъ были у насъ переводчикъ іностранной коллегіи Іванъ Андріевичъ Даниленскій. да пѣвчій дворцовый Семенъ Тихоновъ изъ красного Колядина съ женами и Петръ Григоріевъ Вѣтынскій, родомъ зъ слободскихъ полковъ.

15. Государиня изволила отъехать въ Царское Село и для того мы изъ квартери никуда не ездили, токмо Гудовичъ вечеромъ былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого.

16. Обѣдали у графа Гендрикова всѣ трое, потомъ и онъ съ компаніею былъ у насъ надъ вечери. Гудовичъ-же съ капитаномъ Соловіовымъ ездилъ до Өедора Івановича Коченевского и въ другіе мѣста. За оправу «Хронологіи о князяхъ великихъ и царехъ россійскихъ» и проч. 30 к.

17. По службѣ ездилъ до монастыря Невского и тамъ былъ у преосвященного Іларіона Григоровича, крутицкого архіерея, а вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у секретаря Гаврила Ермоляева и долго у него просидѣли.

18. Ради тезоименитства преосвященного володимерского Платона Петрункевича званы отъ него на обѣдъ, и я съ Гудовичемъ обѣдали у него купно съ архіереемъ крутицкимъ, да съ архимандритами новоспаскимъ и воскресенскимъ и съ монахами невскими. Писано письмо до Скоропадского и тутъ-же включено письмо, подъ 11-мъ числомъ писанное.

19. Государыня изволила изъ Царского села ночью прибыть въ С. П. Бурхъ.

20. Были всѣ трое въ дворцѣ и у ручки государини. Послѣ обѣда занемогъ я на колотье въ правомъ боку.

21. Приехалъ изъ Глухова тамошнего гварнізонного полку поруччикъ, Владимеръ Васильевъ Алфимовъ, чрезъ которого межъ протчими было письмо и до дѣтей Скоропадского, которое отослано къ постъ-директору Ашу для отправы. Весь день лежалъ я боленъ, а въ вечеру были у мене Шенпинъ, Ладижинскій Аполлонъ и молодій Делатуръ. Наши-же оба были у графа Гендрикова и тамъ ужинали.

22. Рано посѣщалъ мене графъ Гендриковъ, а Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Въ вечеру-жъ долго сидѣлъ у мене капитанъ Леонтій Аврамовичъ Друкортъ.

23. Подано доношеніе въ сенатъ отъ всѣхъ о томъ, что генералъ Бісмаркъ требуетъ и беретъ на себе и штатъ свой раціоны и порціоны, чрезъ Гудовича, которій съ графомъ Гендриковымъ у Ѳедора Івановича Кочепевского и обѣдалъ. Писмо изъ Киля отъ Івана Політики получено, что не всѣ праведно показали синомъ моимъ будто неуплаченные долги.

24. Наши рано отъехали по господамъ для поздравленія празденствомъ нинѣшней іменинницы, ея высочества государыни великой княгини Екатерины Алексіевны. А у мене былъ и посидѣлъ со мною доволно подпоруччикъ Аполлонъ Ладижинскій. Г. Лизогубъ и Гудовичъ обѣдали у графа Румянцова.

25. Послѣ болѣзни и я віехалъ зъ квартери, всѣ-же трое ездили съ поздравленіемъ до канцлера, віце-канцлера, до графа Гендрикова и до барона Черкасова. Потомъ были въ дворцѣ на служби и на казаньѣ, которое говорилъ преосвященный володимерскій Платонъ Петрункевичъ. По службѣ были допущены между протчими къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова. Въ вечеру знову были въ дворцѣ и смотрѣли на церемонію лейбкомпаніи, которія перво были допущены къ ручкѣ государыни, потомъ отведены въ болшую сало, куда въ 10-мъ часу и государиня съ офѣцерами той-же лейбкомпаніи, а за нею и іхъ императорскіе высочества и всѣ господа и дамы пошли; и тамъ-же въ болшой салѣ за приуготовленными столами съ оною лейбкомпаніею государиня ужинать изволяла. А при ужинѣ изъ многихъ пушекъ изъ крѣпостей и изъ адмиралитейства палено, на Невѣ-же, на театрѣ, тако-жъ при кадетскомъ корпусѣ и въ крѣпости и по всемъ городѣ до 1-го часа по полуночи зажжены были иллюминаціи. А отъ академіи здешней прежде ужина поднесена печатная ода, профессоромъ Ломоносовымъ сочиненная, за которую пожалованъ онъ 2,000 рублей.

26. Рано Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ, а всѣ трое въ вечеру были у Ігната Кириловича Полтавцова, где пріездили и ординанси государини отъ лейбкомпаніи, Станіславскій и Холодовскій съ другими дворцовыми.

27. Рано былъ у мене секретарь Гаврило Ермолаевъ, благодаря за инстанцію нашу о немъ къ синодальнымъ членамъ приношенную. Мы всѣ трое были первей въ дворцѣ, потомъ я и Гудо-

вичъ обѣдали у преосвященного псковского Сумона Тодорского купно съ новымъ архимандритомъ кіево-печерскимъ Іосифомъ Вранскимъ и намѣстникомъ свінскимъ Лукою, а г. Лизогубъ у Івана Івановича Косогова, гвардіи маіора. Ночью пріехалъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій, отъ лейбкомпаніи государини ординансъ, ездившій передъ симъ въ Украину.

28. Писаны писма въ домъ до жены и до сина съ отсилкою писма студента Рихарди, да до Івана Гамаліи, и оные включены въ пакетъ, купно съ писмами подъ 11-мъ и 18-мъ числами писанными, подписанный до Скоропадского, и отпущенъ тотъ пакетъ чрезъ Івана Бѣлоровского, отъехавшого по почтѣ въ Глуховъ. Вечеромъ были у секретаря Гаврила Ермолаева и до полночи просидѣли.

29. Послѣ обѣда отвозилъ Гудовичъ формуляръ квітовъ, якіе должны давать купцамъ фактори по заплатѣ індукты или евекти, до секретаря Новоторжцова, а въ вечеру онъ-жъ былъ въ дворцѣ. Передъ обѣдомъ приходили къ нему-жъ протопопъ миргородскій Горковскій и Романовичъ.

30. Рано ездили поздравлять кавалеровъ святаго Андрея, а именно: графа Румянцова, князя Николая Юревича Трубецкого и канцлера графа Бестужева-Рюмина. Потомъ были въ дворцѣ на обѣдни и на казанью, которое говорилъ архимандритъ воскресенскій Амвросій Калинскій, а обѣдъ изволила кушать государыня съ одними кавалерами помянутого ордина. Вечеромъ была по всему городу иллюминація. А мы въ вечеру-жъ были у Василія Івановича Венюкова, где пріездилъ къ нему-жъ капитанъ командоръ Дмитрій Константиновъ Толбугинъ.

Декабрь.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, и г. Лизогубъ говорилъ графу Розумовскому о дѣлахъ нашихъ и объ отездѣ. Гудовичъ въ вечеру былъ у г. Гендрикова и у Ѳедора Івановича Коченевского.

2. Были у мене отецъ префектъ кіевскій Варлаамъ Лащевскій и товарищъ его отецъ Гедеонъ Сломінскій, а поручикъ 1-го московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ обѣдали у насъ.

3. Vacat. 4. Рано ездили во дворецъ, и едучи переговоръ былъ не безъ досадъ съ г. Лизогубомъ. Зъ дворца заехали до графа

Гендрикова и у него, ради тезоименитства дѣтей его сина Івана и дочери Варвари, обѣдали, а послѣ обѣда были у него-жъ маіоръ гвардіи Косоговъ и камергеръ Жеребцовъ, потомъ-же и Пассекъ.

5. Вечеромъ одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ.

6. Ради тезоименитства моего обѣдали у мене кавалери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ и маіоръ гвардіи Косоговъ съ адютантомъ Корсаковымъ, Василій Івановичъ Венюковъ съ женою, Аполлонъ Ладижинскій съ женою-жъ, капитанъ и поручникъ Друкорты, поручникъ Бутурлинъ, маіоръ Шеншинъ и другіе, персонъ до 15-ти, и пробавили у насъ до позна.

7. Изъ денегъ харчевыхъ, виданныхъ изъ штатсъ-конторы за месяци октоврій и ноеврій дву сотъ рублей, раздѣлили на три части и взяли по 60 р. каждый, въ томъ числѣ и я толикое-жъ число, а остальные отданы Бѣлоровскому на харчевый росходъ.

8. Писаны писма въ Глуховъ: 1-е въ отвѣтъ, 2-е за Бѣлоровскимъ, и при первомъ въ пакетъ включены писма отъ архимандрита печерского до намѣстника, отъ переводчика синодалного до отца его, отъ кадета Трощинского до Скоропадского, да отъ Грицка до отца его и до Іосифа.

9. Писаны писма: 1-е до Скоропадского съ посилкою писма отъ Өедора Івановича Коченевского до ігумена монастыря рихловского, 2-е до швагра Івана Гамаліи. и обѣ включены въ одинъ пакетецъ. Были въ государевой оружейной палатѣ, а потомъ обѣдалъ я съ Гудовичемъ у полковника Коченевского, да сего-жъ числа явились присланные изъ Глухова канцеляристи для переписованья указовъ, кои во время пожару въ Глуховѣ погорѣли.

10. Поручникъ глуховского гварнізону Алфимовъ отправилъся, и чрезъ него вышеозначенные писма отпущены, да писмо въ Киль къ Івану Політикѣ писано и вручено для отправы Винклеру. Графу Івану Симоновичу Гендрикову учинена чрезъ графа Розумовского декларація ехать ему передомъ къ Москвѣ, а оттуда уже будетъ его отправа въ Украину, о чемъ съ извѣстіемъ были въ вечеру у насъ капитанъ Соловіовъ и поручникъ Бутурлинъ. Somnum de uxore et filijs. По рощоту зъ Грицкомъ явилось на розницу въ расходѣ 71 к.

11. Третего дня возвратившихся изъ Цесаріи канцлерского сина графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина и жену его Евдокію Динисовну видѣли въ дворцѣ и тамъ-же слышали, что

именнымъ указомъ определено команду имѣть въ С. П. Бурхѣ, и въ сенатской канторѣ засѣдать князю Борису Григоріевичу Юсупову камер-геру и коммерцъ-коллегіи президенту, оберъ-комендаанту здешнему князю Ѳедору Васильевичу Мещерскому и генералу маіору Хитрову, которій передъ симъ определенъ въ засѣданіе въ адмиралитейскую коллегію.

12. Писано писмо до молодыхъ Скоропадскихъ въ Вроцлавъ, что-бъ оны къ отцу писали чрезъ почту и присилали свои писма въ С. П. Бурхъ на имя здешнего постъ-директора Аша въковертѣ. Тамъ же включено писмо и отъ отца Лащевского до купца вроцлавского Корна. Самъ я ездилъ къ совѣтнику и кавалеру Пехлину и у него принятъ; потомъ сидѣлъ долго у дѣтей графа Розумовского, племѣнниковъ и у Поска.

13. Объявлено намъ, что указъ именный сказанъ въ сенатѣ о выдачѣ денегъ намъ на подъемъ къ Москвѣ три тисячи рублей, зъ чимъ былъ у г. Лизогуба секретарь Новоторжцовъ, а мы съ Гудовичемъ обѣдали у графа Гендрикова. Всѣ же трое были рано въ дворцѣ я тамъ видѣли свобожденного изъ подъ караулу камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова, а вечеромъ были у Василія Івановича Демядова съ поздравленіемъ его о пожалованіи его-жъ дѣйствительнымъ штатскимъ совѣтникомъ. Г. Лизогубъ самъ ездилъ до князя Николая Юрьевича Трубецкого, а Гудовичъ и вечеромъ былъ въ дворцѣ, которій обоимъ имъ о томъ-же объявилъ.

14. Пожалованъ Божичъ полковникомъ въ Чернѣговъ, а полковнику гадяцкому Петру Галецкому 150 дворовъ въ вѣчное владѣніе. Мы тако-жде получили декляраціо, что-бъ ехать намъ въ Москву и тамъ явитись государынѣ.

15. Рано съ г. Лизогубомъ былъ я и отклонились віце-канцлеру графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову. Ихъ высочества, великій князь и великая княгиня, віехали изъ С. П. Бурха къ Москвѣ 11-го часа предъ полуднемъ. А ея імператорское величество съ своимъ придворнымъ статомъ віехать туда-же изволила въ 1-мъ часу по полуночи, при пушечной палбѣ, изъ крѣпости и изъ адмиралитейства производившейся.

16. Якову Тимофіевичу канцеляристу сенатскому отданы 20 овчинокъ чорныхъ. Вечеромъ будучи у графа Гендрикова, тамъ-же и съ Паскомъ видѣлись. Сего числа рано случилъся пароксізмъ

параліжный г. Лизогубу, но оный перервали простими лѣкарствами.

17. Изъ денегъ, пожалованныхъ намъ депутатамъ, 3-хъ тысячъ рублей, кои сего числа привезены изъ рентереи, взялъ я на свой жеребій тисячу рублей и зъ оныхъ позичилъ г. Гендрикову 200 р., капитану Соловіову 25 р., Козлиницѣ 10 р., Бѣлоровскому 20 р., въ складку на канцеляристъ положилъ за г. Лизогуба 10 р., за себя 10 р., Коноваленку позичилъ 10 р.

18. Рано пущали кровь г. Лизогубу, ради пароксизму, ему предъ симъ случившогося. Я и Гудовичъ обѣдали и ужинали у графа Гендрикова

19. У вице-адмирала г. Головина мы всѣ трое обѣдали, а потомъ съ княземъ Меншиковымъ и Косоговымъ, маіорами преображенского полку, прощались.

20 Г. Лизогубъ со мною былъ въ Невскомъ монастырѣ и тамъ у архіерея с. п. бурского обѣдали, а въ вечеру онъ-же повторе уже тяжко на паралѣжъ захоровалъ.

21. По совѣту и информаціи доктора Синопеуса пущали г. Лизогубу кровь зъ другой руки, здоровой, ибо лѣвую руку и ногу ему паралѣжъ заразилъ. Сего числа графъ Гендриковъ съ графинею и шваграми своими двома отъехалъ на подставныхъ лошадихъ къ Москвѣ.

22. Рано съ Гудовичемъ были у Новоторжцова, которому и 3 овчинки черные даны, да у г. Головина. А въ нашей квартерѣ безъ насъ были дѣйствителный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Демидовъ и секретарь Новоторжцовъ. По полдни, пришедъ въ великую слабость, г. Лизогубъ исповѣдавалъся и причащалъся при присутствіи г. Головина и нашемъ. А въ вечеру мы были у Деммидова, потомъ и у Савлукова.

23. Г. Демидовъ отъехалъ къ Москвѣ, а у насъ былъ рано Новоторжцовъ. Сего-жъ числа г. Лизогубу стало быть легше въ его болѣзни.

24. Графъ Александръ Івановичъ Румянцовъ съ графинею своею отъехалъ изъ С.П.Бурха ночью къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова послѣ набоженства обѣдали мы съ Гудовичемъ у маіора, въ адмиралитейской коллегіи при коммиссаріатѣ присутствующого, Василія Івановича Войникова, которій и компасъ мнѣ подарилъ. Оттуда заездили къ доктору Синопеусу, которій и рецептъ на мои дефекты написалъ.

26. Отправленъ нашъ багажъ къ Москвѣ, подъ который нанятымъ подводчикамъ для заплаты вручено полковнику Янушкевичу 18 р. Рано были у князя Юсупова.

27. Ужинали у г. Головина и съ нимъ и съ женою его простились.

28. Рано были у Новоторжцова и у г. Войникова и простились. А послѣ полудня простясь съ г. Лизогубомъ и съ протчими, отъехали изъ С.П.Бурха въ 8-мъ часу. Дано Янджулу для росплатки на прогоны 13 р. 80 к.—Прибывъ въ деревню Саблино въ третемъ часу по полночи, тутъ отдихали, а оттоль поехали въ 6-мъ часу.

29. Въ 11-мъ часу прибыли въ деревню Болотово; оттоль віехали въ 4-мъ часу по полудни и прибыли въ село Чудово въ 8-мъ часу, где наехали баталіонъ преображенского полку, при которомъ за маіора былъ капитанъ князь Іванъ Івановичъ Давидовъ. Оттуду віехали по полночи въ 4-мъ часу.

30. Приехали въ 8-мъ часу о 39 версть въ деревню Любци Сергія Татищева. Оттоль поехали въ 12-мъ часу, а прибыли въ Великій Новгородъ въ 4-мъ часу по полудни. Оттуду прибыли въ 4-мъ—по полуночи въ Бронницю.

31. По полуночи 7-го часа віехавъ изъ Збронници, прибыли въ 10-мъ до Зайцева. Оттуду віехали въ исходѣ 12-го часа и прибыли до Крестцовъ 4-го часа по полудни, а въ томъ-же часу оттоль віехавъ, приехали въ Яжолбицу въ 9-мъ часу по полудни-жъ.

1749-й ГОДЪ, СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Будучи въ пути изъ Санкт-Пітербурха къ Москвѣ, отдихали въ Яложбици и потомъ, въ 7-мъ часу віехавъ, прибыли въ 9-мъ по полночи въ Валдай, где и обѣдни и молебна слушали. А по обѣдѣ въ 12-мъ часу оттоль отъехали и, перемѣня подводы въ Зимногорскомъ Яму, поехали до Хотѣлова, куда прибыли въ 9-мъ часу. Оттуду поехали

2. по полуночи въ 5-мъ часу и, на дорозѣ объехавши свой обозъ, прибыли до Вышнего-Волочка въ 8-мъ часу; оттоль до Видро-

пуска въ 11-мъ часу. Изъ Видропуска, віехавъ въ 4-мъ по полудни, прибыли въ Торжокъ въ 7-мъ, а оттуда до Мѣдного въ 9-мъ часу віехавъ, пріехали въ 12-мъ.

3. Зъ Мѣдного віехали по полуночи въ 6-мъ, а прибыли до Твери въ 9-мъ часу. Тутъ преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тверскій, присылалъ по насъ карету, и у него мы купно съ преосвященнымъ Платономъ Петрункевичемъ, епископомъ володимерскимъ, обѣдали и уже въ 5-мъ часу по полудни віехавъ изъ Твери, прибыли въ 9-мъ до Городни.

4. По полуночи въ 4-мъ часу изъ Городни віехавъ, прибыли въ 7-мъ до Завидова. Оттуду поехали въ 8-мъ, а прибыли въ 10-мъ до Клину. Зъ Клину віехали въ 11-мъ, а прибыли по полудни въ 4-мъ въ село Чашники, помѣщика Собакина, где и ночовали.

5. По полуночи въ 4-мъ часу зъ Чашниковъ віехавши, прибыли 8-го часа въ Москву и тутъ стали квартерою въ домѣ фабриканта Бороніна, не далече Сухаревой башты. Ужинали у графа Сергія Гендрикова.

6. По службѣ Божой были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали-жъ у графа Гендрикова, потомъ у тестя его Сергія Івановича Бутурлина, а вечеромъ у генерала маіора Івана Івановича Головина были. Обозъ нашъ въ Москву прибылъ о полдни.

7. Требовали квартери отъ полиціи. По обѣдѣ съ графомъ Гендриковымъ были у Алексія Даниловича Шеншина, потомъ у швагра его Михайла Борисовича Неронова и у Аполлона Василіевича Ладижинского.

8. Рано были въ дворцѣ и тамъ съ сунодалными и съ московскими архіереями видѣлись. Потомъ заходили къ духовнику и къ Ѳедору Івановичу Коченевскому. Обѣдалъ у мене Галецкій, полковникъ гадицкій, а Гудовичъ съ графомъ у Михайла Неронова, которого старшій братъ Александръ ландмиліцкихъ полковъ маіоръ посѣщалъ мене и купно съ Гудовичемъ до Лва Василіевича Ладижинского отъехали.

9. Извощиковъ приговорили для отвозу въ домы нѣкоторыхъ покупокъ на пару лошадей по 4 р. 50 к., да изъ Калуги подъ печи на пару по 3 р. и сверхъ того подрядчику тѣхъ подводъ отъ

обохъ насъ зъ Гудовичемъ поступлено і р. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню, называемую Прусы.

10. Писали къ С.П.Бурхъ до г. Лизогуба о своемъ въ Москву прибытіи и о протчемъ. Были рано у графовъ Румянцова и Шувалова, а вечеромъ у Ѳедора Звѣрева.

11. Обѣдали у графа Гендрикова съ тестемъ его, которій намъ своихъ жеребцовъ двохъ преизрядныхъ показывалъ.

12. Государыня изволила ездить до генерала Стефана Ѳедоровича Апраксина и у него кушать. Мы рано были у князя Николая Юрьевича Трубецкого, потомъ въ рядахъ. Капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловіовъ перешолъ къ намъ на квартеру.

13. Серебренику Якиму Ѳедорову Волкову далъ своего серебра фунтъ и 3¾ золотника. Да ему-жъ велѣлъ дѣлать 12 стакановъ, чайникъ и молочникъ сребряный. Обѣдалъ у насъ Шеншинъ.

14. Сребряный и золотій часъ куповалъ Гудовичъ у лавочника Матвѣя Смирного, въ завязочномъ круживомъ ряду сидячого.

15. Были въ дворцѣ и съ протчими допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова.

16. Отпущенъ обыходъ нашъ съ покупками чрезъ Грицка, которому для заплати подводчикамъ и на покупку печей въ Калузѣ дано 50 р., да чрезъ него-жъ писаны писма до жены, до швагра Ѳедора Корецкого и до Скоропадского о покупкахъ справленныхъ для него. Гизону отъ Носка присланные 100 р. отданы. Я перешолъ въ другую избу на той-же квартерѣ.

17. Обѣдали мы съ Ігнатомъ Кириловимъ Полтавцовымъ у Шеншина, которій сказовалъ, что велѣлъ съ бѣлою кожею шоры для насъ дѣлать.—Въ вечеру одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ, которому графъ Розумовскій обявилъ, что вскорѣ отправленъ будетъ графъ Гендриковъ и при немъ мы. Того-жъ вечера былъ графъ Гендриковъ съ своею графинею въ нашей квартерѣ.

18. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей съ супругою своею Ксеніею Гарасимовною прибылъ въ Москву и сталъ на графскомъ бархатномъ дворѣ. По обѣдѣ, имѣвшемся у графа Гендрикова, генералъ-маіоръ и гвардіи преображенского полку прімер-маіоръ, Іванъ Івановичъ Косоговъ былъ у насъ и опочивалъ, да и сотникъ лохвицкій Кирило Івановичъ Коченевскій у насъ-же былъ.

19. У полковника Кочубея мы были и обѣдали. Отправлены писма до жены, да до Скоропадского съ указомъ сенатскимъ, дуплікатомъ, о селѣ Чаусахъ (которій дуплікатъ писанъ октоврія 13-го 1748-го году подъ № 545), чрезъ каптенармуса глуховского гварнізону Шевеліова.

20. Рано были въ дворцѣ и купно съ Кочубеемъ у ручки государыни. Отдано прошеніе, въ дѣлѣ моемъ къ государынѣ писанное, Івану Барановскому для содержанія. Писалъ въ Глуховъ о дачи 3-хъ компанѣйцевъ служителю Өедора Івановича Коченевского. Вечеромъ былу у сержанта лейбъ-компаніи, Матвѣя Михайловича Івінского.

21. Принесена ассигнація изъ штатсъ-канторіи на 50 р. за прошедшого декабря половину. Жестоко были вечеромъ угорѣли въ квартерѣ.

22. И отъ того угару былъ боленъ и никуда не віездилъ, толко Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ и у Кочубея обѣдалъ.

23. Изъ московской рентереи 50 р. денегъ харчевыхъ за прошедшій декабрь, послѣдную половину, принесены.

24. Сего числа въ С. П. Бурхѣ обозный генералный Яковъ Евфимовичъ Лизогубъ въ 2 часу по полуночи преставилъся [242]). Обѣдали мы у Кочубея ради тезоименитства жены его, а вечеромъ были у секретаря Новоторжцова. Принятъ служитель Сидоръ Івановъ Гудокъ, родомъ зъ Конотопу.

25. Полковникъ гадяцкій Галецкій и сотникъ лохвицкій Коченевскій отъехали изъ Москви до Малороссіи. Г. Кочубей пріездилъ къ намъ на квартеру, токмо мы не были, а были съ г. Гендриковымъ у Івінского.

26. Рано были въ дворцѣ государевѣ у графа, потомъ у канцлера съ Кочубеемъ, да у гр. Кирила Григоріевича и у князя Алексія Дмитріевича Голицина.

27. Рано былъ у насъ Кочубей. Agrotavit summè sua Majestas. Вечеромъ были у Василія Івановича Демидова. Писали къ нашимъ въ С. П. Бурхъ по извѣстію намъ отъ Михайла Өедоровича, стороны г. Лизогуба учиненному.

---

242) О болѣзни и смерти генеральнаго обознаго Якова Лизогуба см. „Кіевскую Старину“ 1882 г., кн. 1, стр. 118—119.

28. Отправлены писма по почтѣ въ С. П. Бурхъ, въ томъ числѣ и отъ мене до віце-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина, до маіора въ адмиралитействѣ присутствующого Василія Івановича Войникова, да до учителя Носка съ обявленіемъ, что деньги 100 р. Гизону отданы.

29. Въ сей день мясопустный были рано въ дворцѣ и у ручки государя великого князя и великія княгини. Обѣдали у г. Кочубея. Пріехалъ изъ Глухова канцеляристъ Димитрій Лебедевъ зъ звѣриною, до двора государева присланною.

30. И сего числа обѣдали у Кочубея.

31. Въ дворцѣ видѣлись съ преосвященнымъ новгородскимъ Стефаномъ Каліновскимъ. Потомъ обѣдали у преосвященного Платона володимерского, где надъ вечери приходилъ и архіерей грузинскій и архимандритъ знаменскій, грузинецъ-же. Вечеромъ явились у насъ Іванъ Пуховичъ и перекрестъ Афанасъ Познанцовъ зъ Глухова съ писмами. Канцеляристу Григорію Андріеву Сорокину за 2 копіи для Івана Гамаліи данъ 1 р.

Февраль.

1. Обѣдали мы у духовника, а послѣ обѣда былъ у насъ Іванъ Барановскій, камердинеръ графскій, съ извѣстіемъ, что государыня изволила подписать свою конфірмацію на докладъ сенатскій о нуждахъ малороссійскихъ, о чемъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, будучимъ намъ у него, обявилъ. Князь Александръ Андріевичъ Черкаскій, бывшій передъ симъ его высочества государя великого князя гофъ-маршаломъ, преставилъся.

2. Нарочно званныи отъ преосвященного новгородского обѣдали у него съ архимандритами: новоспаскимъ Гавріиломъ и петровскимъ Пахоміемъ.

3. Росплатка учинена зъ серебрникомъ за 12 кубковъ, за 6 сосудовъ церковныхъ, за чайникъ и молочникъ; всего ему заплачено 89 р. 50 к. У него-жъ взяты вѣски мѣдные.

4. Были рано въ дворцѣ и перво Розумовскому графу кланялись и благодарили за его патронство; потомъ отъ его-жъ представлены были самой государынѣ для отданія благодаренія за явленную высокомонаршескую милость, что и учинено отъ насъ въ

церкви комнатной. Обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, а оттуда возвратясь, отправили куріера, сенатской роты салдата, съ указомъ изъ сената по конфірмаціи ея імператорского величества учиненной и съ писмами отъ насъ до старшины генералной, где и мои писма до Скоропадского о екзакторахъ, до Івана Гамаліи съ копіями и до жены, съ включеннымъ и отъ Гудовича къ его женѣ писмомъ, отпущены.

5. Рано обослалъ насъ Алексій Даниловичъ Шепшинъ пивомъ и полпивомъ. Мимоездомъ изъ дворца вступили до Григорія Михайловича Любисткова и у него въ сей сиропустный день обѣдали. По полдни изволила государыня проеждж ат ся первой разъ послѣ болѣзни.

6. Вечеромъ были у графа Гендрикова, где застали капитана гвардіи преображенского полку, Александра Михайловича Михелсона. Мѣщанинъ чернѣговскій Іосифъ Козляница преставилъся въ Москвѣ.

7. Графъ Гендриковъ отъехалъ до своей деревнѣ Прусъ. Гудовичъ послѣ обѣда ездилъ къ г. Кочубею. Козляница погребенъ въ монастырѣ знаменскомъ.

8. Ездили въ дворецъ для поздравленія духовника и его сина Захарія, да Ѳедора Івановича Коченевского, яко нинѣшныхъ именинниковъ. Полковникъ чернѣговскій Божичъ простилъся съ нами, отъеждж ая на Украину. У насъ-же былъ отставный маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. Виданы изъ московской рентереи по ассигнаціи статсъ-канторы за прошедшій генварь мѣсяцъ 100 р., изъ которихъ взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные 40 содержатся для харчевого росходу.

9. Vacat. 10. Свѣтскіе господа сеждж ались въ дворецъ для поздравленія государю великому князю рожденіемъ. Мы были на службѣ въ Велико-Петровскомъ монастырѣ и тамъ видѣлись первей съ архимандритомъ тамошнымъ Пахоміемъ, потомъ и съ преосвященнымъ архіепископомъ псковскимъ Сумономъ Тодорскимъ. Іванъ Бѣлоровскій, зъ Глухова прибывшій, явилъся у насъ.

11. Исповѣдивалъся у священника церкви святого Панкратія, отца Александра Григоріевича, и тамъ-же святыхъ Таинъ сообщалъся. Полковникъ де-Латуръ простилъся съ нами, да канцеляристъ Димитрій Лебедь отъехалъ до Глухова, чрезъ которого писма писали:

1-е до всѣхъ членовъ генералной канцеляріи о принятіи у двора звѣрины; 2-е до генералной старшины о куплѣ вина волоского для генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова. Въ вечеру былъ въ квартерѣ нашей г. полковникъ нѣжинскій Кочубей съ г. полковницею и Петръ Івановичъ Розумовскій.

12. Были по обѣдни въ дворцѣ и графу Розумовскому являлись, а обѣдали у г. Кочубея, где обѣдалъ же и адютантъ генерала Бѣсмарка, Карлъ фонъ-Штофель. Сотникъ Стефанъ Лукомскій прибылъ изъ С.П.Бурха, и прибывшіе изъ Глухова съ запасомъ покойного г. Лизогуба у насъ явились.

13. Судья гадяцкій Іванъ Родзянка прибылъ зъ вишневкою, до двора государева, присланною съ нимъ отъ бунчучного генералного Оболонского. Лукомскій рано былъ у насъ и чинилъ реляцію о смерти и погребеніи покойного г. Лизогуба. Послѣ полдня былъ я у совѣтника, въ рекетмейстерскихъ дѣлъ присутствующого, Івана Алексіевича Казаринова и ему о своемъ дѣлѣ говорилъ и записку далъ.

14. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись зъ архимандритомъ печерскимъ; потомъ видѣли государыню на переходѣ, ишовшую посѣщать нѣкоторую Милгунову болную; а послѣ были у графа Розумовского и просили о докладѣ, чтобъ окончаны наши и осталные дѣла общіе, при чемъ былъ тутъ-же и Лукомскій. Тамъ же въ дворцѣ видѣлся я съ судьею гадяцкимъ Родзянкою. Послѣ полдни въ 4-мъ часу былъ салдатъ изъ сената съ повѣсткою, чтобы мнѣ и Янушкевичу явиться въ сенатъ для слушанія дѣла съ Соколовскимъ завтра въ 7-мъ часовъ. Потомъ ездилъ я до князя Алексія Дмитріевича Голицыня и у него доволно посидѣлъ, а оттоль возвратившись, засталъ въ нашей квартерѣ Михайла Борисовича Неронова и Аполлона Лодижинского. Въ 8-мъ часу отъехалъ въ сенатъ и тамъ первѣе былъ въ рекетмейстерской канторѣ, потомъ, какъ прибыли три сенатори: генералъ Бутурлинъ, да князь Щербатовъ и Одоевскій, да князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, то начали наше дѣло съ Соколовскимъ слушать, и по вислушаніи моей и Янушкевичевой челобитныхъ апеляціонныхъ, я отошолъ зъ сената, а при Янушкевичу и Соколовскому стали подлинного дѣла слушать.—Дочь князю Алексію Дмитріевичу Голицыну родилась. Прибыли изъ С.П.Бурха Дмитрій Мироновичъ, Кирило Бѣло-

ровскій съ обозомъ и служителми покойного обозного генералного Лизогуба. Вечеромъ были у г. Кочубея, которого просилъ доложить графу о моемъ прошеніи, стороны жалованной грамоты на деревни. При насъ у него-жъ была графиня, сожителница графа Петра Семеновича Солтикова и съ нею дочь покойного графа Чернишова, Катерина Григоріевна.

16. Были въ дворцѣ и первей у графа Розумовского, потомъ у Өедора Івановича Кочеиевского, купно съ полковницею Кочубеевою, обѣдали, а г. Кочубей самъ у архіерея переяславского, званный отъ него, обѣдалъ. Вечеромъ былъ я у Григорія Политики.

17. Рано былъ я перво у сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, потомъ у сенатора-жъ Александра Борисовича Бутурлина, а обидва мы слушали преждеосвященной обѣдни въ дворцѣ и были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ обоихъ. Вечеромъ были у поручика гвардіи отставного, Александра Тихоновича Лукина. Пріехалъ сотникъ полтавского полку Семенъ Куликъ и привезъ къ намъ писма.

18. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ Флора и Лавра, были у графа Александра Івановича Румянцова, которій удержалъ насъ у себя и обѣдать, где обѣдали съ нимъ и съ графинею, да съ двома генералами, однымъ лейтнантомъ (*пробѣлъ*), другимъ маіоромъ, что въ Чернѣговѣ былъ полковникомъ, Владимеромъ Василіевичемъ Ізмайловими. Вечеромъ былъ у насъ маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. За лѣкарство sal anglicanum дано 16 к.

19. Слушали обѣдни въ дворцѣ, въ церкви теплой публічной, где и государыня быть изволила, потомъ къ ручки всѣхъ въ дворцѣ бывшыхъ жаловала, где и я допущенъ былъ какъ къ ея величества ручки, такъ и къ іхъ імператорскихъ высочествъ. Потомъ были у графа Розумовского, а обѣдали у графа Гендрикова, купно съ Софоновымъ камеръ-юнкеромъ, съ Богданомъ Пассекомъ и съ протчими. Надъ вечери были у Кочубея, которій въ вечеру ездилъ съ своею супругою государынѣ откланюватся. Пѣвчій дворцовый Маркъ Полторацкій, приехавшый въ сихъ днихъ съ Украины, подалъ мнѣ писмо отъ генералного асаула Якубовича.

20. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, отъежджающую въ Покровское. Обѣдали у Кочубея, куда пріѣжжалъ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ. Надъ вечери ездилъ я одинъ до князя Алексія

Дмитріевича Голицина и у него болѣе часа сидѣлъ и поздравлялъ его-жъ новорожденною дочерью. Полковникъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій прислалъ два подсвѣшники для отсилки въ Глуховъ, а оттоль въ сумскій успенскій монастырь, о чемъ отъ мене писано до Скоропадского, съ сообщеніемъ и писма къ ігумену тамошнему Іиполиту съ братіею. Куплены для Скоропадского 31 лимонъ солонихъ за 1 р. 61 к., да двѣ билорибици за 1 р. 56 к.

21. Рано были въ дворцѣ и видѣли государыню. Обѣдали въ своей квартерѣ и съ нами Ілія Лизогубъ, сего числа прибывшій въ Москву. Послѣ обѣда ездили до Кочубея и у него просидѣли до 10-го часа и ужинали. А оттоль какъ прибыли, то застали въ квартерѣ нашей пріехавшую жену капитана Соловіова съ свойственными своими. У насъ-же былъ дворцовый муншенкъ Алексій Петровичъ Соболевъ съ капитаномъ и управителемъ дворца государева, что въ селѣ Покровскомъ, Андреемъ Якимовичемъ Ратмановымъ.

22. Изъ-рана будучи въ дворцѣ, полковникъ Кочубей докладывалъ о дѣлѣ моемъ графу Розумовскому и какой получилъ отвѣтъ о томъ мнѣ объявилъ. Я былъ въ сенатѣ за дѣломъ съ Соколовскимъ, токмо опого не слушано. Обѣдали у Кочубея съ полковницею, а онъ у графа Румянцова. Надъ вечери былъ въ нашей квартерѣ отецъ духовникъ Ѳедоръ Дублискій, зъ которымъ, по его требованію, ездили къ генералу маіору Івану Івановичу Головину, где и съ Іліею Лизогубомъ, ставшымъ у него квартерою, видѣлись.

23. Капитану Елисею Григорьевичу Пасинкову, глуховского гварнѣзону, позичены 20 р. денегъ и у негожъ взятъ облѣгъ за подписомъ его и свидѣтеля Носенка. За оправу Саваріева лексикона дано 75 к. Обѣдали въ дворцѣ у духовника, купно съ полковникомъ нѣжинскимъ Кочубеемъ и его женою. А вечеромъ были у насъ графъ Гендриковъ, да капитанъ Соловіовъ съ женою своею, Катериною Андреевною Дуніновою и два Чоглокови, Максимъ Совѣтовичъ и *(пробѣлъ)*.

24. Куплено пестреди за 35 к., сундучокъ и замочекъ за 15 коп. Обѣдала у насъ полковница нѣжинская Ксенія Гарасимовна Кочубеева, а по полдни въ 5-мъ часу мужъ еи, Семенъ Василіевичъ Кочубей, съ нею, а при нихъ и Петръ Івановичъ Розумовскій

и Антонъ Өедоровичъ Демешко [243]) отъехали. Кочубей вчора и сего числа обнадеживалъ мене отъ графа Розумовского о дѣлѣ моемъ, о которомъ и меморіалъ врученъ отъ мене камердинеру графскому Івану Стефановичу Барановскому. Государиня изволила кушать въ Покровскомъ, где и архимандритъ кіево-печерскій у ея величества кушалъ-же.

25. Надъ вечери ездили въ Покровское до капитана и тамошнего управителя, Андрѣя Якимовича Ратманова, и у него до позна проснідѣли; а какъ оттоль пріехали, то приходилъ къ Гудовичу сынъ Романовичовъ.

26. Обѣдни позной слушали въ дворцѣ, въ новой церкви, въ которой древняя, еще за царя Өедора Івановича шитая работа, т. е. иконостасъ поставленъ. Потомъ обѣдали у Өедора Івановича Кочелевского съ Ігнатомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ, съ Яковомъ Алексіевичемъ Щубскимъ, подполковникомъ, и оберъ-мунштенкомъ Евфимомъ Юрьевичемъ Бахтіевымъ. А какъ оттоль пріехали, то былъ у насъ Григорій Михайловичъ Любистковъ съ женою и сыномъ своимъ. Потомъ были мы у Сидора Перфильевича Денисьева, подполковника или надворного совѣтника. Вручено писмо и подсвѣшники Дмитрію Івановичу Мировичу, писанное 20-го числа сего мѣсяца до Скоропадского о отсилки тихъ подсвѣшниковъ въ сумскій монастырь, и онъ-же, Мировичъ, простился съ нами, отъеждчая въ Малороссію.

27. Изъ-рану принималъ лѣкарство sale anglicanum. Въ вечеру наказанъ Іванъ Кухтикъ за пянство. Мировичъ отъехалъ въ Украину.

28. Рано посиланъ Посенко до капитана Соловіова упомянутся о денги 50 р., мнѣ по-поламъ съ Гудовичемъ должные. Зъ дворца заездили до Любисткова. По полдни поданъ меморіалъ графу Розумовскому о осталныхъ общенародныхъ 6 дѣлахъ, а именно: о

---

243) Родной племянникъ Натальи Демьяновны Разумовской, сынъ Федора Демьяновича, носившаго, по имени отца, прозваніе Демешка. Дѣти другаго брата Натальи Демьяновны, Герасима, носили прозваніе Стрѣшенцовъ.—См. также Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 21.—Обѣднѣвшіе Демешки и теперь еще живутъ въ глуховскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

гетманѣ, о виводѣ грузинъ [244]), о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о деревняхъ, до артилеріи генералной надлежащыхъ и о расколщикахъ, и о томъ всемъ доволный съ графомъ розговоръ имѣли. Послѣ чего государиня изволила ночью ездить до графа Александра Ивановича Румянцова для посѣщенія его въ болѣзни.

Мартъ.

1. Прибыли изъ Глухова два куріери: одинъ—сенатскій, посиланный зъ милостивымъ о уволненіи отъ станціи полковъ на три года и о протчемъ указомъ, другій—салдатъ глуховскій Калугинъ, чрезъ которихъ получены благодарственное челобите до ея императорского величества и репортъ въ сенатъ, да и писмо до графа Розумовского. Обѣдали мы у графа Гендрикова, которій рано былъ въ дворцѣ и имѣлъ о своемъ отправленіи въ Глуховъ розговоръ съ графомъ Розумовскимъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова, где застали сенатской конторы прокурора Андрея Григорьевича Щербинина, да прокурора-жъ Петра Михайловича Николева и Петра Петровича Верделевского и съ ними до позна просидѣли.

2. Рано были въ дворцѣ и вручили графу Розумовскому какъ до ея величества писанное изъ Глухова челобитье благодарственное, такъ и ему надлежащое писмо отъ старшины генералной. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за мѣсяцъ февраль, изъ которыхъ взяли себѣ по 40 р., а осталось на росходъ харчевый 20 р. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Алексій Яковлевичъ Шубинъ, графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, брегадиръ князь Өедоръ Івановичъ Голицинъ, Сергій Івановичъ Бутурлинъ и нѣсколко офіцеровъ съ ними.

3. Писалъ писмо до Александра Петровича Толстого о отдачи водки 10 вѣдръ и простого вина 2-хъ вѣдръ и 5 штофовъ, и оное писмо отослано чрезъ Івана. Обѣдали мы у Өедора Івановича Коченевского, а надъ вечери ездили на фабріку, гдѣ дѣлается ценинная посуда, то есть, столовые сервѣзы и протчая, съ Михайломъ

---

[244]) Рѣчь идетъ о грузинахъ, которымъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны розданы были въ Малороссіи населенныя мѣстности, преимущественно въ полтавскомъ и прилуцкомъ полкахъ.

Борисовичемъ Нероновымъ и Аполлономъ Василіевичемъ Лодижинскимъ.

4. Писаны писма: одно до полковника нѣжинского Кочубея съ отсилкою пакета и 4-хъ писемъ къ нему надлежащыхъ; другое до бунчукового товарища Стефана Міклашевского въ отвѣтъ на его двѣ писми; третое до маіора Василія Івановича Войникова въ С.П.-Бурхъ, отвѣтное на его-жъ писмо, где приложено писмо зъ Глухова до кофишенка Савлукова и цедула о покупкѣ 4-хъ кось для кошенія хлѣба озимого и ярового съ надлежащимъ приборомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где при насъ благодарствовалъ государинѣ полковникъ Яковъ Андріевичъ Мордвиновъ за пожалованіе его брегадиромъ.

Обѣдать ездили мы съ графомъ Гендриковымъ въ подмосковный домъ, називаючійся «Черемошки», князя Өедора Івановича Голицина брегадира, за донскимъ монастыремъ въ 4 версти отстоящого. А оттоль заездили въ домъ того-жъ князя каменный, на Знаменкѣ имѣючійся. Потомъ были у подпоручика Аполлона Василіевича Лодижинского.

5. Рано въ дворцѣ многіе офіцеры конной гвардіи, въ томъ числѣ и одинъ ротмистръ Іоганъ Ресле, пожалованный брегадиромъ, благодарствовали своему подполковнику, графу Алексѣю Григорьевичу Розумовскому, за повышеніе въ рангахъ. Тамъ-же розговоръ я имѣлъ съ Александромъ Петровичемъ Толстымъ о недоданной мнѣ водки и простомъ винѣ. Обѣдали мы у прокурора сенатской канторы Андрея Григоріевича Щербинина зъ Ігнатомъ Кириловичомъ Полтавцовымъ, съ Петромъ Михайловичемъ Николевымъ, прокуроромъ крикскомісаріатскимъ, да тамъ-же былъ одинъ архимандритъ рускій. Вечеромъ у насъ былъ гвардіи поручикъ отставный Александръ Тихоновичъ Лукинъ. Отослано писмо до гранадера лейбъ-компаніи Козмы Ивановича Войникова, писанное къ брату его маіору Василію Ивановичу Войникову, для отправленія въ С. П.-Бурхъ. Государевъ прежде бывшій кокмейстеръ Богданъ Григоріевичъ Халяблинъ умеръ въ Москвѣ.

6. Рано были въ домѣ покойного графа Александра Івановича Румянцова для отданія послѣднего цѣлованія, которій сего-жъ теченія 4-го числа въ 7-мъ часу по полуночи преставилъся. Да и у графини его Маріи Андріевны были-же, чиня ей въ нынѣшней

печали консоляцію. Потомъ были въ дворцѣ, где видѣлись съ адютантомъ конной гвардіи Лукяномъ Яковлевымъ, недавно прибывшымъ съ Полщи изъ Варшавы. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ подарилъ мнѣ атлясъ неболшій, въ 40 картинахъ состоящій, которій данъ въ оправу, а отъ роботи давать перепліотчику 60 к. Графъ Евфимъ Івановичъ Владиславичъ Рагузинскій нечаянно послѣ полдня въ 5-мъ часу зараженъ апоплексіею, умеръ въ 8-мъ часу, а пожитки его всѣ попечатаны. Іванъ Жоравко съ женою своею пріѣхалъ въ Москву [245]).

7. Рано были въ Кремлѣ, а потомъ ездили до Александра Борисовича Бутурлина съ поздравленіемъ его новопожалованнымъ сего марта 4-го числа, послѣ умершого того-жъ числа графа Румянцова, чиномъ подполковничества гвардіи преображенского полку. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где и у ручки были іхъ імператорскихъ высочествъ. Обѣдали въ квартерѣ, а съ нами Аполлонъ Лодижинскій, Іванъ Соловіовъ съ женою своею и съ сестрою Анастасіею Андрѣевною. Въ вечеру былъ у мене одного секретарь Новоторжцовъ, а Гудовичъ ездилъ въ дворецъ, и тамъ онъ видѣлъся съ Жоравкомъ и его женою.

8. Рано былъ въ сенатѣ и явилъся передъ сенаторей, которіи стали слушать знову дѣло Соколовского съ Янушкевичемъ, а мнѣ велѣли отойти, и я оттуду отъехалъ въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. А по обѣдни кланялъся въ церквѣ государинѣ архіерей костромскій и галицкій Сулвестръ Кулябка. Потомъ допущены были многіе, въ томъ числѣ и мы, къ ручки великого князя и великой княгини. Оттоль поехавъ, обѣдали у поруччика гвардіи Александра Тихоновича Лукина, где обѣдали-же графъ Гендриковъ, да брегадиръ Афанасій Романовичъ Давидовъ и капитанъ Соловіовъ; а послѣ туда-жъ прибыли Матвей Михайловичъ Івінскій и Аполлонъ Лодижинскій. Князь Алексій Дмитріевичъ Голицинъ прислалъ мнѣ чрезъ протопопа мглинского пять картинъ о римской святого Петра церквѣ, что въ Ватиканѣ.

9. Выносъ и погребеніе было въ монастырѣ златоустовскомъ графа Александра Івановича Румянцова, при чемъ и отъ гвардіи

---

245) Иванъ Тимофеевичъ Жоравко былъ женатъ на родной племянницѣ Разумовскихъ, чѣмъ и объясняются оказанныя императрицею милости его женѣ, о которыхъ далѣе говоритъ дневникъ.

командированные салдати трикратнымъ залпомъ палили. Я и Гудовичъ обѣдали у маіора Алексія Даниловича Меншина, где обѣдали же и шваґри его Александръ и Василій Борисовичи Нероновы, а при томъ онъ, Меншинъ, показовалъ намъ и приговоръ объ немъ въ сунодѣ состоявшійся. Вечеромъ были на бархатномъ дворѣ графскомъ и видѣлись съ Евдокіею Гарасимовною, женою Жоравковою и у ней сидѣли, а тамъ-же видѣли и канцеляриста, съ ними приехавшого, Ѳедора Квітніцкого.

10. Обѣдали у графа Гендрикова, где съ тестемъ его и розговоръ былъ о умершемъ князѣ Менщиковѣ, будто онъ былъ чійсь крестянинъ по отцу и дѣду своему. Вечеромъ были у мунщенка Івана Андріяновича Вожжинского, гдѣ видѣлъся съ нами и Гарасимъ Кириловичъ Дѣбратовскій. У насъ-же былъ по обѣдѣ канцеляристъ Квітніцкій, которому и цедула дана отъ мене о дѣтяхъ Журавкиныхъ померлихъ, якую писала ко мнѣ мать его Журавкина изъ С. П. Бурха.

11. Купленъ поднось срѣбный, за которій дано 29 р. 20 к., а въ немъ вѣсу фунтъ одинъ и 81 золотникъ. Погребенъ въ монастырѣ греческомъ г. Евфимъ Рагузинскій. Обѣдали мы въ дворцѣ у отца духовника, где прежде и обѣдни слушали и въ ручки іхъ імператорскихъ высочествъ были.

12. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, изволила государиня отъехать обѣдати до новопожалованного подполковника преображенского полку Александра Борисовича Бутурлина, а мы обѣдали у Жоравки. А вечеромъ были у Александра Петровича Сумарокова, генералъ-адютанта графского.

13. Рано были въ дворцѣ и государынѣ кланялись, а послѣ обѣда приносилъ къ намъ перлы двоихъ сортовъ иноземецъ, слуга Аполлоновъ. Потомъ знову ездили въ дворецъ съ графомъ Гендриковымъ (у которого застали брата его графа Андрея Михайловича Евфимовского и капитана гвардіи Михелсона съ женою) и у него ужинали.

14. Послѣ обѣда у графа Гендрикова видѣлись зъ маіоромъ гвардіи, генераломъ-маіоромъ и кавалеромъ Іваномъ Афанасіевичемъ Шиповымъ. Потомъ въ вечеру были въ дворцѣ и тамъ видѣли прибывшого зъ Украины Зеленского, жіючого въ гадяцкомъ полку;

тамъ-же приходилъ и полковникъ стародубскій Максимовичъ съ духовникомъ.

15. Рано ездили перво въ дворецъ, а оттоль я одинъ въ сенатъ, но дѣла нашего, зъ прошлые среди начатого, не слушали за розборомъ недорослей и отставныхъ. По обѣдѣ была у мене іноземка, которую намѣренъ уговорить до дѣтей для обученія. По полдни были мы у генерала маіора и гвардіи ізмайловского полку маіора Івана Афанасіевича Шипова, а одинъ Гудовичъ вечеромъ ездилъ до дворца и, тамъ будучи у графа Розумовского, слышалъ декларацію о скорой отправѣ. Писано писмо въ Глуховъ до Скоропадского о покупки для мене бочки волоского красного вина и притомъ о посилки одного пакета, подписанного на имя полковника нѣжинского Кочубея, другое писмо до Стефана Міклашевского.

16. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ отъехавшого туда куріера Калугина. Вечеромъ были въ дворцѣ и поздравляли графа завтрешнимъ тезоименитствомъ, которій частовалъ между протчими и насъ венгерскимъ виномъ. Потомъ вскорѣ изволила государыня отъехать въ Покровское съ нѣсколко придворного штату. Канцеляристъ войсковый, Прокопъ Чарнуцкій, прибылъ съ звѣриною.

17. Рано простилься съ нами канцеляристъ, которій пріездилъ съ Бакуринскою. Послѣ обѣда былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Писано писмо до жены о сину Василю и о приуготовленіи въ глуховскомъ и городискомъ дворахъ пива и меду въ лiодовняхъ. Трактаментъ былъ въ Покровскомъ.

18. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, были допущены къ ручки государыни и ихъ высочествъ, а обѣдали у графа Гендрикова. Надъ вечери ездили на Арбацкую улицу до генерала лейтенанта провіантъ-мейстера, Івана Алексіевича Горчакова. Сего-жъ числа рано поздравляли именинника графа Кирила Григоріевича Розумовского.

19. Въ дворцѣ по обѣдни звалъ насъ архіепископъ московскій и сѣвскій, преосвященный Платонъ Маліновскій, къ себѣ обѣдать въ Чудовъ монастырь, где мы въ полатахъ его, съ племѣнниками его-жъ, сотникомъ полковымъ гадяцкимъ (*пробылъ*), да бунчучнымъ товарищемъ Алексіемъ Маліновскими, обѣдали, а самъ его преосвященство, будучи восприемникомъ нѣкоторого татарчука, вѣру нашу восприявшого, у генерала фелтмаршала князя Івана Юревича Трубецкого

обѣдалъ, потомъ насъ еще въ своихъ полатахъ заставши, долго поудержалъ, куда також де пріехалъ и архіерей воронежскій Феофилактъ.

20. Писано отъ мене писмо до капитана Соловіова, что-бъ онъ графу Івану Симоновичу объ отдачи 500 р. напамятовалъ и отъ себе прислалъ-бы 50 р. Коляска для езды двумѣстная намъ зъ конми булано-пѣгими изъ двора графа Гендрикова прислана.

21. На службѣ преждеосвященной были въ патріяршей церквѣ, а потомъ ходили въ палату, где миро варятъ. При картцѣ отосланы чрезъ Кохановскаго къ Івану Стефановичу Барановскому 3 ате статы генералитетсткіе, одинъ унѣверсалъ гетмана Апостола на село Чаусы, да копія писма отъ матушки писанного. Послѣ полдня явился у насъ войтъ переяславскій, недавно въ Москву пріехавшый.

22. Писали въ Глуховъ до генералной старшины, въ генералной канцелляріи присутствующихъ, о дачѣ пашпорта на 8 подводъ ямскихъ ігумену ріхловскому съ братіею, когда будетъ ехати къ Москвѣ.

23. По́ благости Божіей удостоился причастится святыхъ Таинъ въ церквѣ святого мученика Пагкратія и исповѣдывался тоей-же церкви предъ священникомъ Александромъ Григоріевичемъ. Вечеромъ прибылъ графъ Гендриковъ изъ своей деревнѣ Прусъ, тамъ говѣвшый, а мы ездили въ дворецъ, но видѣть графа не получили.

24. Графъ Гендриковъ прислалъ мнѣ и Гудовичу 200 р. должныхъ, изъ которыхъ по сту мы взяли, а еще-жъ двѣстѣ нашыхъ денегъ на немъ остались. За покойного Коалявици отдалъ мнѣ должные денги десять рублей преосвященный архіепископъ московскій Маліновскій, которые отъ мене позичены Івану Янушкевичу, абшитованному писару. Служителю Сидору на его нужды дано 50 к.

25. Отпущенно простого вина Сорокину четиры штофи. Былъ пожаръ не далече насъ. Слушали обѣдни въ дворцѣ и тамъ, при поздравленіи многихъ господъ нынѣшнымъ Благовѣщенія Господня праздникомъ, были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ.

26. Въ сей день Свѣтлаго изъ мертвыхъ Воскресенія Христова утрени въ теплой церкви слушали, где и у руки ея імператорского величества и іхъ імператорскихъ высочествъ были, а

обѣдни въ болшой дворцовой деревяной церкви слушали-жъ. А послѣ обѣдни ея величество изволила въ другіе покои новые перейти съ нѣкоторыми придворного штату. Въ сей день прежестокій былъ морозъ, и мы, отобѣдавъ у капитана Соловіова, имѣли у себя гостей графа Івана Симоновича Гендрикова, сержанта лейбъ-компаніи Сурина и другихъ; потомъ съ ними-жъ знову были у капитана Соловіова.

27. Рано были съ поздравленіемъ у князя Алексія Дмитріевича Голицина, у князя Івана Андріевича Щербатова, у графа Кирила Григоріевича Розумовского, у князя Івана Василіевича Одоевского, у віце-канцлеровой графини Анны Карловны Воронцовой; потомъ въ дворцѣ у графа Алексія Григоріевича Розумовского, у полковника Өедора Івановича Коченевского и подполковника Якова Алексіевича Шубского, да и у духовниковой, а по полдни, вечеромъ уже, у маіора гвардіи и генералъ-маіора и кавалера Івана Афанасіевича Шипова. Ночью былъ пожаръ.

28. Рано зъ поздравленіемъ были-же у Василія Івановича Демидова, у генералъ-лейтнанта и сенатора Івана Івановича Бехметева, где и полковника Тютчева, бывшого передъ симъ въ Глуховѣ, застали,—у генерала и гвардіи полку преображенского подполковника Александра Борисовича Бутурлина, где и секретаря Козловского изъ Глухова пріехавшого видѣли, потомъ были-же и у барона Івана Антоновича Черкасова и у князя Александра Борисовича Куракина. А у насъ были съ поздравленіемъ войтъ переяславскій съ своими 2 урядниками и принесъ барилце вина волоского, да сотникъ полтавского полку Куликъ и канцеляристъ Даниlевскій съ товарищемъ, которіи у насъ-же и обѣдали. Въ вечеру были у преосвященного новгородского Стефана Каліновскооо, где и съ архимандритомъ новоспаскимъ Гавріиломъ Кременецкимъ видѣлись.

29. Рано обослали виномъ генерала-лейтнанта Петра Михайловича Шипова, а потомъ были мы у великого канцлера Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, у кавалера Николая Андріевича Корфа и у полковника слѣпого Григорія Михайловича Любисткова, а по полдни у камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова и у генерала маіора и генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова. —За направку вѣдра мѣдного, да побѣлиньe оного и чайника старого

дано 65 к. Прошлыхъ числъ на разный росходъ пошло 14 коп. Рано изволила государиня ездить на набоженство въ Кремль и тамъ обѣдать и ужинать.

30. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ, а оттуду заехавъ къ Журавцѣ, у него обѣдали и до вечерень просидѣли. Вечеромъ были у насъ сотникъ Брежинскій и поручикъ гвардіи Лукинъ. Ночью пожаръ былъ въ разныхъ мѣстахъ.

31. Рано былъ пожаръ подлѣ Сухаревой Башни. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ и при насъ изволила государиня отъехать въ Покровское. Обослатъ насъ Тройцы-Сергіева монастыря келарь отецъ Феофанъ Чарнуцкій, чрезъ племѣнника своего, канцеляристу войскового, Прокопа Чарнуцкого хлѣбомъ, медомъ, пивомъ, мясомъ и рибою. Надъ вечери были у насъ секретарь Новоторжцовъ и дядя его Михайло Стефановичъ Павловъ съ женами, и Новоторжцовъ же объявилъ намъ, что вчорась ему учинена повѣстка, чтобъ онъ собиралься со всѣми дѣлами малороссійскими къ переноски въ коллегію іностранную.

Априль.

1. Рано посѣтилъ насъ помянутій отецъ келарь Тройцы-Сергіева монастыря. Потомъ ездили мы до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, до графини Румянцовой Маріи Андріевны съ поздравленіемъ воскресенского праздника и тезоименитствомъ ея. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова, а послѣ были перво у преосвященного Тодорского, архіепископа псковского, также у предреченного отца келаря на троецкомъ подворьѣ въ Кремлѣ и у переводчика Політики.

2. Рано были въ дворцѣ и по обѣдни жалованы съ протчими къ ручкамъ іхъ імператорскихъ высочествъ. Послѣ полдня ездили къ господину Лукину, у которого до 10-го часу сидѣли, и въ 10 часу пожаръ былъ сдѣлался въ домѣ Михайла Андріевича Бѣлоровского,—людскіе избы погорѣли.

3. Писаны писма одно въ С.П.-Бурхъ къ Войнякову швагру въ отвѣтъ на его писмо; другое до обозного полкового полтавского Андрея Руновского въ покупки для мене-жъ 3 паръ потебеніокъ, одного ленчика кримского, 2-хъ сафяновъ жолтыхъ и 3-хъ червоныхъ, и то все отослалъ-бы онъ въ Глуховъ, а за прибитіемъ

моимъ надлежащіе за ту покупку денги отданы будутъ. Былъ я одинъ у Любисткова съ Іліею Лизогубомъ, которій послѣ съ нами и обѣдалъ, а послѣ полудня я же былъ у Фукса и взялъ у него фузію, за 29 р. передъ симъ сторгованную.

4. Писмо въ Глуховъ для отсилки къ Руновскому вручено канцеляристу Даниленскому. Обѣдали у графа Гендрикова, а по обѣдѣ отослалъ 4 р. денегъ къ полковници Іуліанѣ Филиповнѣ Авксентіевой, которая уговорила дѣвокъ майстерицъ здѣлать 4 пари срѣбрныхъ и 4 пари золотыхъ петель до кунтушовъ.

5. Принесены денги кормовые изъ рентереи за мѣсяцъ мартъ 100 р., изъ которыхъ по 30 р. я и Гудовичъ взяли на свои нужды, а 40 р. осталось харчевыхъ, изъ коихъ на росходъ даны 10 руб. Янжулу.

6. Были рано въ дворцѣ и обѣдали у Өедора Івановича Коченевского, да въ вечеру вчора сидѣли у генерала-маіора и гвардіи-маіора Івана Афанасіевича Шипова. Пріездилъ къ намъ по полдни секретарь Новоторжцовъ осматривать дворъ, чтобъ ему оный купить. Рано видѣли Козловского у гр. Гендрикова.

7. Рано были въ дворцѣ зъ графомъ Гендриковымъ и при насъ Александръ Тихоновичъ Лукинъ подалъ графу А. Г. Розумовскому о своей нуждѣ прошеніе. Тому-жъ Лукину позичилъ я книгу «Саваріевъ лексиконъ» для прочтенія. Послѣ полдня были у генерала лейтнанта и кавалера Родіона Михайловича Кошелева.

8. Рано прислалъ звать насъ къ себѣ на чай Ів. Ів. Шиповъ и у него-жъ мы обѣдали, а послѣ полдня были у Лукина и у него ужинали, купно съ совѣтникомъ судного приказу, Өедоромъ Александровичемъ Нащокинымъ.

9. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ каменной Сверчковой, что на Покровской въ Бѣломъ городѣ улицѣ, ездили въ дворецъ и оттуду заездили до Жоравки. Онъ-же къ намъ пріездилъ и обѣдалъ у насъ съ Квітніцкимъ, да съ сержантомъ преображенского полку гвардіи Березинскимъ. Отослано писмо отъ г. Кочубея и посилка до графинѣ Параскевіи Юревни Солтиковой, домъ ихъ на Дмитровцѣ.

10. Обѣдали у графа Гендрикова. Розишлось на розницю 63 к.

11. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, пріехавшую отъ невѣстки канцлеровой Евдокіи Динисовни, которая болна не по-

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина" выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1885 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго, Панченникова въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.